

MOSCOW STATE UNIVERSITY
INSTITUTE OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

*Proceedings of the Conference
in memory of Alexander Gouber (1902-1971)*

Issue I

**SOUTHEAST ASIA:
historical memory,
ethnocultural identity
and political reality**

Moscow
Kluch-S
2009

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
Институт стран Азии и Африки

Губеровские чтения

Выпуск 1

**ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ:
историческая память,
этнокультурная идентичность
и политическая реальность**

Сборник статей

Москва
Ключ-С
2009

УДК [908+32/33+39+7.0+811+94](5-014)(06)
ББК 26/89(58)+63.3(58) +65.9(58)+66(58)+65.9(58)
Ю15

Утверждено к печати Ученым советом
ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова

Ответственный редактор
Н. Н. Бектимирова

Координатор проекта
И. Н. Липилина

Редакционная коллегия
А. Е. Кириченко А., К. Ю. Леонов, И. Н. Липилина, П. Ю. Цветов

Ю15 **Юго-Восточная Азия: историческая память, этнокультурная идентичность и политическая реальность** : сб. статей / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ин-т стран Азии и Африки ; [отв. ред. Н. Н. Бектимирова ; ред. кол.: А. Е. Кравченко и др.]. — М. : Ключ-С, 2009. — 364 с. — (Губеровские чтения ; вып.1).
ISBN 978-5-931-36-097-3

Сборник посвящен широкому кругу проблем исторического и культурно-политического развития стран ЮВА. В нем рассматриваются вопросы становления государств в прото-ЮВА, анализ китайских источников по ЮВА в древности, уточняются факты истории Вьетнама в XI-XII вв. Сборник содержит статьи, анализирующие различные аспекты политической ситуации в Малайзии, Таиланде, Индонезии, Вьетнаме и Камбодже на современном этапе, а также влияние традиционных факторов на ход социально-политического и культурного развития этих стран.

УДК [908+32/33+39+7.0+811+94](5-014)(06)
ББК 26/89(58)+63.3(58) +65.9(58)+66(58)+65.9(58)

Публикуемые материалы не обязательно отражают
точку зрения редколлегии сборника.

ISBN 978-5-931-36-097-3

© Ин-т стран Азии и Африки, 2009
© Оформление. ИД «Ключ-С», 2009

Содержание

Вступление	7
<i>Ремарчук В.В.</i> «Он заставлял думать...» (Памяти Александра Андреевича Губера)	8
<i>Деоник Д.В.</i> Царство Мо — первое государство Восточной и Юго-Восточной Азии	17
<i>Ульянов М.Ю.</i> К вопросу о первых упоминаниях стран Юго-Восточной Азии в китайских источниках: сведения о «стране Хуанчжи» в контексте политической и идеологической борьбы начала I в. н.э.	45
<i>Кулланда С.В.</i> Надпись Wanua Tengah III и проблема исторической традиции Нусантары	73
<i>Курохтина Е.В.</i> Китайско-вьетнамский вооруженный конфликт 1059-1060 гг. в освещении вьетнамских и китайских исторических источников	77
<i>Федорин А.Л.</i> Еще раз о проблеме династий Первые и Вторые Поздние Ли (1010–1225)	83
<i>Гожева Н.А.</i> О религиозно-мифологических, ритуальных и эстетических особенностях иконографии Будды в тхераваде на примере культового искусства Лаоса и Таиланда	100
<i>Цветов П.Ю.</i> Датировка основания городов во Вьетнаме как историографическая проблема	119
<i>Филимонова Т.Н.</i> «Новое учение о цивилизации» как памятник вьетнамской общественной мысли начала XX века	123
<i>Соколов А.А.</i> Советская военная миссия во Вьетнаме (26 октября 1946 — 13 января 1947)	137
<i>Сюннерберг М.А.</i> Социально-экономические реформы в Республике Вьетнам в 1955 — 1963 гг. (в рамках программы «государственного строительства» Нго Динь Зьема)	159

<i>Кутовая Е.А.</i> Россия — АСЕАН: сотрудничество и перспективы	177
<i>Малетин Н.П.</i> АСЕАН — Япония в индокитайском ракурсе	187
<i>Мосяков Д.В.</i> Юго-Восточная Азия: мифология единства как фактор складывания цивилизационной общности	202
<i>Рогожина Н.Г.</i> Роль экологического фактора в модернизации стран ЮВА	208
<i>Мазырин В.М.</i> Эволюционная модель общественной трансформации в СРВ	220
<i>Мурашева Г.Ф.</i> Вьетнам в интеграционном пространстве АСЕАН	240
<i>Новакова О.В.</i> Вьетнам: поиск культурной идентичности в новых политических реалиях	258
<i>Бектимирова Н.Н.</i> Традиционные формы легитимации власти в политической жизни современной Камбоджи	276
<i>Дольникова В.А., Липилина И.Н.</i> Кризис власти в Таиланде: политические и социальные особенности	291
<i>Фомичева Е.А.</i> Демократия по-тайски. Эволюция политической системы Таиланда в XX в.	315
<i>Другов А.Ю.</i> Политическая культура и политические реформы в современной Индонезии	330
<i>Цыганов В.А.</i> Малайзия на перепутье	348
Наши авторы	359

Вместо предисловия

В предлагаемый вниманию читателей сборник вошли статьи участников состоявшейся в феврале 2009 г. в Институте стран Азии и Африки МГУ конференции на тему: «Юго-Восточная Азия: историческая память, этнокультурная идентичность и политическая реальность». В конференции, организованной в рамках традиционных «Губеровских чтений», приняли участие ученики выдающегося отечественного востоковеда академика А.А. Губера или ученики его учеников, работающие в различных учебных и научно-исследовательских учреждениях Российской Федерации.

Выбор темы конференции и сборника не случаен. Во-первых, он определяется широтой научных интересов самого А.А. Губера и его последователей. Труды академика А.А. Губера и разработанные им методики широко используются при изучении сложных процессов исторического развития и современных социально-политических реалий стран Юго-Восточной Азии. Во-вторых, он обусловлен тем, что вопросы исторической памяти и этнокультурной идентичности, остро стоявшие перед странами ЮВА в постколониальный период в ходе модернизационных процессов, становятся особенно актуальными в эпоху глобализации, когда происходит универсализация экономической деятельности и многократно возрастают темпы и масштабы культурных взаимодействий, что создает реальную угрозу размывания национальной самобытности.

Понятие «исторической памяти» предстает в статьях авторов сборника как явление многоплановое. Оно подразумевает не только «реконструкцию» исторического прошлого народов ЮВА, отраженную в летописных сводах, хрониках и других исторических источниках, но и всю совокупность традиционных ценностей, влияющих на современную жизнь стран региона. В большинстве статей так или иначе ставится вопрос о том, в какой степени в настоящее время в странах ЮВА востребована культурно-историческая традиция, опирающаяся на мощный фундамент религии, обычаев, норм поведения, системы культурных ценностей. Анализ ситуации в большинстве стран ЮВА доказывает, что традиция представляет собой действенный фактор происходящих там социально-политических и культурных процессов, что преемственность и перемены, самобытность и универсализм относятся к числу противоборствующих, но неразрывно связанных друг с другом принципов развития стран региона. Учет всех этих обстоятельств позволяет более объективно оценить ход исторического развития народов ЮВА и современную ситуацию в регионе.

Статьи в сборнике группируются по хронологическому принципу.

Ответственный редактор

**«Он заставлял думать...»
(Памяти Александра Андреевича Губера)
(1902–1971)**

Но быть живым, живым и только.
Живым и только. До конца!

Б. Пастернак

1. «Он был в нашей жизни»

Два года назад мы отмечали 105 лет со дня рождения академика Александра Андреевича Губера (1902–1971), выдающегося ученого и видного общественного деятеля, заведующего кафедрой истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИСАА МГУ, директора Института востоковедения АН СССР, почетного доктора Кембриджского университета, председателя Национального комитета историков СССР и президента Международного комитета исторических наук. Я держу в руках сборник, посвященный этому выдающемуся отечественному востоковеду, любовно составленный его благодарными учениками (М., 2004). Выбираю из этих теплых, восторженных воспоминаний по одной фразе из каждого, и получается такой текст:

«В аудиторию влетал немножко взвинченный, темпераментный, подвижный, немного сутулый молодой человек... Радостно от того, что он был в нашей жизни... Говорят, что человек жив, откуда жива о нем память. Значит, жить ему вечно... Первый историк планеты своего времени... Прекрасная иллюстрация романтика по оствальдовской классификации... Счастье быть свидетелем и соучастником его жизни... Мы жили одаренные чудесной губернской улыбкой... А я ведь еще довоенный ученик его по МИФЛИ... Он все расспрашивал, где и как мы воевали, чем заниматься собираемся и что нас увлекает... Он учил нас быть добрыми друг к другу... Хорошо, что в ИСАА есть “Губеровская стипендия”... А еще его имя носит черноморский сухогруз... А мы его 70-летие готовили... Сейчас у нас грызутся “демократы” с “патриотами”, хотя те и другие — в кавычках. А он был тем и другим одновременно, но без кавычек — взаправду... Еще академик Конрад заметил, что Александр Андреевич — джентльмен и как ученый, и как человек... Губер всегда был очень современен. Но он был и человеком на все времена, потому что в сиюминутном умел увидеть вечное... Его жизнь свидетельствует, что в России всегда все

держалось не на законности и порядке, а на подвижничестве, профессионализме и нравственной энергии энтузиастов, на отклике, который побуждает других к собственной самореализации...

Он учил нас мыслить критически. Настоящий ученый, в первую очередь, измеряется умением юмористически взглянуть на самого себя... Щедрость души Губера выражалась в его смехе. Он остался для меня самым радостным человеком из всех, встреченных в жизни... Для нас встреча с Губером — свет на всю жизнь!»

Этот дружный хор учеников-современников, людей самых разных темпераментов, жизненного опыта и убеждений — красноречивая оценка интеллектуального и духовного уровня академика Губера-человека.

Открывается выше цитируемый юбилейный сборник устными «Воспоминаниями» самого Александра Андреевича, начитанными им на магнитофонную ленту во время вынужденного послеинфарктного постельного режима в 1970 г. (Пройдет совсем немного времени, и, пересев из домашнего кресла в кабину автомобиля, он скончается от сердечного приступа за рулем по пути из дома — в ИСАА на заседание кафедры.)

В этих губеровских мемуарах практически ни одного слова о себе. «Забыв» о себе лично (из скромности, и в надежде, что уж об этом-то скажут когда-нибудь его молодые современники, друзья)... он много повествует «о привычках милой старины», обо всех, кого уже давно нет... И более всего — о незначимых: о родителях, о дедушках и бабушках, дядьях и тетках, о родных, двоюродных и троюродных... О которых уже никто не вспомнит, потому что никто ничего о них не знает. Его задача уберечь их от неизвестности — от «второй смерти» — бросить им спасательный круг... Экономя время и усилия, опуская, казалось бы, выгодные для своего «имиджа» периоды, Губер торопливо набрасывает живописную картину давно ушедшей эпохи, которой он был восторженным свидетелем и молодым участником (о более поздних годах он рассказать — увы! — уже не успеет. А еще есть такое, о чем говорить не будет сил: расстреляли в 37-ом брата Бориса, в 1946 г. утонул единственный сын). Опуская целые периоды, рассказчик предлагает читателю самому разобраться, давая по ходу повествования беглые сноски-примечания. Нас интересует одно такое место в мемуарах (стр. 35), имеющее, возможно, самое непосредственное отношение к его «профессиональной судьбе»:

«Как я уже говорил, — рассказывает Губер, — у дедушки было много братьев и сестер... Среди них был и умерший сравнительно молодым, довольно известный в то время поэт, маленькая звездочка пушкинской плеяды, Эдуард Губер. Его биография достаточно хорошо известна, и мне нет смысла о нем здесь рассказывать». Увы! Эта беглая отсылка к «достаточно известной биографии» в наше время мало что проясняет и требует хотя бы краткого комментария.

2. О чем умолчал академик

Начнем несколько издалека. Жил в Австрии (Священной Римской империи) в последней трети XVIII века Игнаций Фесслер (1756-1839) — мистик и либеральный философ, католик. 17-ти лет вступил в Орден капуцинов в венском монастыре, из которого вскоре был изгнан. В 1784 г. император Иосиф II назначил его профессором на кафедре восточных языков и ветхозаветной герменевтики в Лембергском университете (Львовский национальный университет. Основан в 1661 г.). Здесь он вступает в масонскую ложу. Затем бежит в Бреславль (Вроцлав). В 1791 г. переходит в протестантство и женится. В 1796 г. переезжает в Берлин. И в 1809 г. получает приглашение на должность профессора восточных языков в Александро-Невскую Духовную академию в Санкт-Петербурге.

В должности члена комиссии по составлению законов в 1811 г. Фесслер командировается в г. Вольск Саратовской губернии. В 1817 г. отправляется в Сарепту (ныне в черте г. Волгограда). С 1820 г. он — председатель лютеранской консистории (церковно-административный орган) в г. Саратове. Здесь Фесслер познакомился с заседателем консистории и пастором местного лютеранского храма *Иваном Губером*. Это был один из младших отпрысков остзейского дворянского рода Губеров (сохранилась жалованная грамота XVIII в.), избравший духовное поприще и прихотью судьбы занесенный в Поволжье.

У Ивана Губера было трое сыновей: Федор, Эдуард и Юлий. Итак, только включив в поле зрения фигуру Игнация Фесслера, мы, наконец, узнаем о волжском периоде Губеровского семейства. Дед нашего академика Юлий Иванович Губер родился на берегах муттер-Волги.

О жизни немецких поселенцев по берегам великих русских рек, на казахстанских просторах и в городах Средней Азии хорошо известно. Веками сохраняя культурные основы своего отечества и традиционный семейный быт, они активно участвовали в политической и экономической жизни российского общества и вносили весомый вклад в общую культуру многонационального государства.

Верность русских немцев своей новой родине была испытана веками, революциями и войнами. Пожалуй, лишь сейчас, в наше «смутное» время, потянулась цепочка «реэмигрантов» назад, на свою прародину. Но и этот «исход» навстречу, казалось бы, определенному благополучию, не лишен своеобразного трагизма. Приведу такой курьезный случай во время моей недавней поездки по нашему «постсоветскому пространству». Сидит на берегу Великой реки старый человек. «Что грустишь, дедушка?» — спрашиваю его. Оказалось, русский немец из ближайшего поселка. Большинство родственников уехали в Германию. Звали и его: «Приезжай, хоть на побывку, может, понравится». Долго собирался Клаус... Приехал аккурат к Рождеству, прямо к столу. Принимали радушно. Подавали пече-

ного карпа, пили привезенное гостем самодельное вино, пели русские песни и все вспоминали: «Жив ли тот? А та жива ли?» и уже плакали: «А что та рябина за поворотом, цела ли?» ... Наконец, вспомнили, что гость с дороги: помыться, отдохнуть. Взял Клаус полотенце — и в ванную. Крутанул кран, набралось воды по щиколотку, и вдруг — хлоп! А это автоматическое отключение: мол, экономия... Вот через этот экономический кран он и вернулся назад, на берега Большой воды, где родился, жил, где похоронены его отец и мать...

Но обратимся к нашим героям. Со временем семья лютеранского пастора Ивана Губера вернулась в Москву. Сын Юлий (дед будущего академика) получил юридическое образование в Московском университете, женился и обосновался в Тверской губернии. Его брат — вышеупомянутая «звездочка пушкинской плеяды» Эдуард Губер — в 1830 г. уехал в Петербург, где в 1834 г. окончил Институт путей сообщения. Огромное влияние на молодого человека в петербургский период жизни оказал А.С. Пушкин, убедивший его вернуться (после первой неудачной попытки) к переводу гетевского «Фауста» на русский язык. Кроме того, он изучает немецкую философию под руководством возвратившегося с берегов Волги уже знакомого нам Игнатия Фесслера. Одновременно по заказу Академии наук работает над переводом с немецкого языка капитальной Тибетской грамматики и Тибетского словаря. Не исключена возможность, что именно эти занятия «поэта-путейца» пробудили через полвека интерес к ориенталистике в душе его двоюродного внука и повлияли на решение юноши поступить на учебу в **Лазаревский институт восточных языков (МИВ)**, которым в то время руководил блестящий востоковед, выпускник математического факультета Московского университета Андрей Евгеньевич Снесарев. Таким образом, Александр Губер включился в идущую еще с XVIII века научную филиацию обрусевших немцев-востоковедов: академиков Кера, Миллера, Фишера, Палласа, Аделунга, Френа, Ольденбурга... Строго говоря, это «обрусение» на деле означало смешение самых разных народов, населяющих империю. Сам Губер вспоминал, что когда-то в юности «с помощью бабушки и карандаша» ему удалось установить, что в формировании их родни участвовали русские, украинцы, немцы, поляки, молдаване, греки, турки...

Окончив в 1925 г. Московский институт востоковедения, Александр Губер поступил на работу в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), где преподавал десять лет. С 1935 г. он профессор кафедры колониальных и зависимых стран, а с 1937 по 1956 гг. — заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока на истфаке МГУ. В 1954—1956 гг. возглавлял Институт востоковедения АН СССР. С 1956 г. вплоть до своей кончины 16 июня 1971 г. руководил кафедрой истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии Института восточных языков при МГУ.

Удивительно, что «волжский» период губеровского семейства не только полностью выпадает из повествования самого Александра Андреевича, но и никак не комментируется в известной монографии Елизаветы Ивановны Гневушевой, его верной ученицы и внимательного биографа, хотя в источниках XIX века сохраняются интересные сведения о деятельности пастора Ивана Губера во время холеры в Саратове в 1834 г.

3. Губеровский архив в МГУ (документы, гипотеза, курьёзы)

Собственно губеровский фонд сравнительно невелик по объему: около 16-ти папок. Рабочие конспекты источников, выписки из книг, наброски неоконченных глав, рукописные варианты статей, стенограммы докладов, черновики выступлений... Материалы Общества советско-индонезийской дружбы, которое он возглавлял... По-моему, для Губера эти Вьетнам, Филиппины и (особенно!) Индонезия, с их древними культурами, историческими судьбами и бытовыми проблемами, эти народы, с которыми ему доводилось общаться, эти мужчины и женщины, старики и дети, которые протягивали к нему руки, — вся эта Юго-Восточная Азия была не просто объект академического научного изучения, а предмет настоящей любви... Но автографы на сотнях пожелтевших листов продолжают излучать энергию мысли серьезного ученого. Старинные конверты, открытки, поздравительные адреса хранят тепло его рук. С миниатюрного фото на документе глядят пытливые, потрясающе живые глаза...

Некоторые документы губеровского фонда помечены рукой Елизаветы Ивановны Гневушевой (они нашли свое отражение и в ее вышеупомянутой монографии, посвященной Учителю). Среди них мы находим, например, воспоминания (1961 г.) индолога Владимира Васильевича Балабушевича о Губере-студенте — его товарище по Московскому институту востоковедения далеких 20-х годов, еще в Армянском переулке... Или рассказы о Губере его старших коллег — индологов в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ): Софьи Моисеевны Мельман (её биография довольно романтична: в молодости — политработник Красной армии, в 45 лет — кандидат экономических наук, на 71 году — доктор) и Алексея Михайловича Дьякова, по своему первому образованию — выпускника медицинского факультета 2-го МГУ.

И, наконец, в самой последней папке фонда — письмо ректора МГУ академика И.Г. Петровского в адрес Московского Городского Совета, уведомляющее о кончине ученого с мировым именем А.А. Губера, с просьбой выделить участок на Новодевичьем кладбище... Прохладной грустью веет от этого документа...

Но приведем *текстуально* фрагменты «переключки» действующих лиц («очевидцев Губера»), а также судьбоносных событий (мировые

войны) — из других любопытных документов (подготавливаемых мною для сдачи в архив Московского университета). Первый текст принадлежит профессору исторического факультета МГУ Анатолию Георгиевичу Бокшанину (отцу китаиста Алексея Бокшанина, выпускника ИВЯ при МГУ 1958 г.) — давнему товарищу Губера ещё в пору далекого отрочества:

«А.А.Губер кончал 7-ю мужскую казенную гимназию. Когда я учился в 1-м классе, А.А. учился в 5-м. Гимназия находилась на пл. Пушкина, тогда она называлась Страстной, вернее, в переулке, выходящем на площадь (*Путиковский переулок, д.№3. По иронии судьбы — после революции это здание будет занято аудиториями вышеупомянутого Коммунистического университета (КУТВ), где будет преподавать Губер —Р.В.*). Этот дом был построен генералом Римским-Корсаковым в 1813 г. В семье росли барышни, там часто давались вечера, балы. Этот дом часто посещала дворянская молодёжь... Передняя часть дома, парадная лестница, кабинет, сени была взята за образец Грибоедовым, когда он описывал дом Фамусова...

Гимназия всегда славилась очень хорошим педагогическим персоналом. В 1912 г. директором был Гордеев, филолог. В числе преподавателей был Евг. Евгеньевич Якушкин, внук декабриста. Латинский язык преподавал Радциг, впоследствии он стал профессором Моск. Университета, заведовал кафедрой. Раковский — физик. Боголепов Мих. Александрович преподавал географию, впоследствии стал профессором. Шиншин преподавал историю, был исключительно квалифицированный педагог.

Со стороны дирекции и педагогов отношение к нам было самое мягкое, ряд предметов, их преподавание доставляли удовольствие. Педагоги прививали любовь к науке, гуманитарным знаниям... От нас не требовали посещения церкви, справок о причастии. Мы смотрели на гимназию как на родной дом...

Гимназия трогательно отмечала погибших в войне 1914 г. Ими были и студенты, и преподаватели. Из преподавателей запомнил Протопопова, который ушел на фронт добровольцем...»

Автор второго текста — Евгения Ивановна Попова, выпускница истфака МГУ 1940 г.:

«Я была аспиранткой Александра Андреевича во время войны. Аспирантам он предоставлял большую свободу действий в выборе темы, в подборе материала, литературы. Он выслушивал мои отчеты, критически усмехаясь, но ничего не говорил. Когда мною уже было много сделано, он давал консультацию, которая и давала нужное направление... По-видимому, он хотел, чтобы аспирант почувствовал вкус исследовательской работы. Он заставлял думать.

Несмотря на мягкость, я бы сказала, пластичность характера, он был человек неожиданных и быстрых решений. Это в какой-то степени сказалось и на моей судьбе. Я так подробно разработала первую главу диссертации, что она у меня разрослась до размеров самой диссертации. Для меня было ясно, что я не успею в срок её закончить, уже не было времени для остальных глав. А.А. взял мою главу, разделил её на три главы, назначив защиту через месяц. Так я в срок закончила аспирантуру.

А.А. был очень аккуратен. Он не любил, когда ему приносили грязные помятые листы и карточки. Он делал замечания мягко, но так, что аспирант немедленно исправлялся, и второй раз замечания уже делать было не нужно.

Во время войны были организованы дежурства в Университете, мы дежурили на истфаке (Герцена, 5), у нас были бригады. Моя была под балкой на крыше. Губер дежурил наряду со всеми. Случалось нам обнаруживать и обезвреживать зажигательные бомбы. Я помню, по молодости и неумению ещё осознать опасность, я сложила три зажигательные бомбы в подол юбки и так спустилась вниз...

Однажды утром, возвращаясь с дежурства, увидела на Герцена массу битого стекла с кровью, рядом лежал мужчина с оторванной головой, в клетчатых брюках: где-то рядом упала фугасная бомба.

После защиты диссертации, в 1944 г. я работала в Пединституте, в Архангельске. Север — моя родина. Когда А.А. захотел побывать на Соловецких островах, то я ему оказала в этом содействие. Его приезд сюда вместе с супругой Лидией Сергеевной был уже после войны. Его там всюду торжественно встречали: он был вторым академиком, побывавшим на Соловках (первым был Ломоносов).» *(В скобках заметим, что здесь мемуарист допускает неточность. Например, ещё летом 1772 г. на Соловках работала научная экспедиция под руководством академика И.И.Лепехина (в ее составе был и студент Николай Озерцовский — будущий академик), там же в 1928–31 гг. отбывал срок заключения Д.С.Лихачев — тоже будущий академик ...).*

В процессе осмысления содержания гневушевской монографии об академике Губере в контексте губернского архива, устного предания, чудом сохранившихся немногочисленных письменных источников, складывается впечатление, что начатый Александром Андреевичем «лингфонный эксперимент» представляет собой широко задуманную, но силою обстоятельств (кончина автора) прерванную в самом начале, «сагу». Ведь увлекшись воспоминаниями о «делах давно минувших дней», А.А. так и не успел проронить ни слова даже о своих гимназических годах в Москве. А уходящее корнями в волжские берега генеалогическое дворянское древо семьи немецкого колониста так и не про шумело зеленой кроной с магнитной ленты на фоне двух «немецких» мировых войн и пролетарской революции.

В связи с вышесказанным напрашивается гипотеза о том, что, возможно, «поволжский» период семейства Губеров в далеком XVIII веке даже в «перестроечное» время оставался «неудобным» для упоминания в печати. По крайней мере, так считали многие из ветеранов, переживших ужас репрессий 30-х годов.

В заключение — обещанные в подзаголовке «курёзы».

Курёз №1. В наши сегодняшние будни, в период начала капитального ремонта Университетского дома на Моховой и всеобщего «исхода» кафедральных «имуществ» из правого флигеля в левый и обратно, появлялись на свет неожиданные книги и рукописные материалы из растревоженных библиотечных фондов. Зная мой интерес к подобного вида документам, мой хороший знакомый, нынешний заведующий кафедрой китайской филологии Марк Юрьевич Ульянов, принёс мне случайно обнаруженный им в губерновском фонде любопытный экземпляр: толстая в 96 листов «общая тетрадь», буквально «от корки

до корки» набитая всевозможными конспектами книг и статей по колониальной политике европейцев в Юго-Восточной Азии. Причем, написанные идеальным почерком на русском, немецком, голландском, индонезийском(!) языках тексты сопровождались аккуратнейшим образом исполненными таблицами, графиками, схемами.

Через некоторое время мне самому стали попадаться похожие тетради. Анонимный энциклопедист проявлял удивительную широту интересов, разбирая статьи и монографии по истории, экономике, политике небезразличного нам региона. По мере чтения конспектов я удостоверился, что его интересовало не столько современное состояние проблем, сколько *история* освоения Востока. И все равно, разброс был фантастический и ничем не объяснимый. Только однажды, набредя на его конспект книги о ужасных *эпидемиях проказы* в Ост-Индии в XVII-XVIII вв. (“Die Lepra in Ost-Indien während des 17 und 18 Jahrhunderts” von J.M.H. van Dorssen, Ober-Stabarzt in der Niederl.-Ost-Indischen Armee. Aus dem Hollndischen übersetzt von Dr. F.C.W. Jhlow, Oberarzt in der Niederl.-Ost-Indischen Armee. Mit zwei Karten und einer Tabelle. Berlin 1903”), я вдруг почувствовал его настоящий интерес. И действительно, к медицинской тематике наш аноним оказался неравнодушен. А вскоре — счастливая случайность, вознаградившая долгие поиски: между страниц одной из тетрадей был найден набросок (либо копия) письма следующего содержания:

«г. Москва, К-64, Кузнецкий мост 18. Книжный магазин №64 “Иностранная книга”.

Заведующему отделом “Книга-почтой”.

Прошу Вас выслать для меня наложенным платежом следующие книги и словари:

(далее идет перечисление: учебники французского и португальского языков, французско-русский и португальско-русский словари, а также: Тесёлкин А.С. и Павленко А.П. “Индонезийско-русский учебный словарь”, 1964 г.)»

И наконец, приписка, увенчавшая затянувшиеся розыски таинственного востоковеда-любителя:

«Прошу Вас указанные книги и словари выслать мне по адресу: Марийская АССР, ст. Суслонгер Горьковской ж.д., Больница. Глав. Врачу Победоносцеву Р.А.

28/IX-64 г. Буду Вам очень благодарен /подпись/»

С помощью «Интернета» мне не трудно было установить, что главврачу Суслонгерской больницы Звениговского р-на Победоносцеву Р.А. (инициалы, к сожалению, расшифровать пока не удалось) было присвоено почетное звание «Заслуженный врач республики Марий Эл» и что впоследствии его именем была названа улица в поселке городского типа Суслонгер. Приведенные сведения, а также то, что собранный «волжанином» Р.А. Победоносцевым материал по истории стран Ну-

сантары оказался в архиве Губера, — все это дает основание полагать, что замечательного провинциального врача-подвижника уже нет в живых.

Курьез №2. Недавно я составил и отнес в архив МГУ коротенькую записку, где изложил рассказанный мне на днях 87-летним археологом Николаем Яковлевичем Мерпертом любопытный анекдот об А.А. Губере:

«При подходе к одному из портов Великобритании, навстречу кораблю, где находился Александр Андреевич, вышел эсминец, давший приветственный залп в честь Губера, который, оказывается, состоял в отдаленном родстве с королевской фамилией. Затем прибывший корабль был торжественно препровожден к причалу».

(Этот анекдот Н. Я. Мерперту сообщил в свою очередь профессор А. В. Арциховский, якобы ссылавшийся на свидетельство самого А.А.).

Когда я поделился «столь невероятной историей» со старым другом Губера Юрием Алексеевичем Герном, тот лишь руками развел: чего только не придумают! Но тут же призадумался и пообещал порасспрашивать об этом «случае» у старожилов...

В заключение напомним, что тема губернской биографии еще далеко не исчерпана и по-прежнему будет привлекать внимание историков-востоковедов.

ЛИТЕРАТУРА

Академик А.А. Губер: историк и личность. К столетию со дня рождения. Воспоминания, речи, статьи. — М.: Муравей, 2004.

Архив МГУ, ф. 9.

Архив МГУ, ф. 264.

Гневушева Е.И. Академик Александр Андреевич Губер. — М.: Изд-во «Наука», 1987.

Губер Иван. Дневник: описание эпидемии холеры 1830 года в Саратовской губернии (Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1893г., т. IV, вып. 2).

Губер Э.И. Собр. сочинений (со статьей о нем Тихменева). СПб. 1860.

Царство Мо — первое государство Восточной и Юго-Восточной Азии¹

В последнее десятилетие в научный обиход вошли сведения еще об одном очаге древней государственности Старого Света — в 3 тыс. до н.э. в Восточной Азии к югу от оз. Тайху возникло государственное образование протовьетов Моцзяошань (по названию памятника, далее — царство Мо), которое просуществовало до начала 2 тыс. до н.э.²

Расцвет этого царства связан с археологической культурой историко-культурной Зоны Нижняя Янцзы³ — со средним периодом культуры Лянчжу (2700—2400 гг. до н.э.) и, видимо, определенной частью позднего периода (2300—1700)⁴.

Это открытие не только позволяет значительно расширить наши представления не только о древнейшей истории Восточной Азии, но и о древневосточной государственности в целом. Царство Мо, площадь которого около 34 кв. км, сравнимо с малыми государствами Месопотамии или номами Древнего Египта 4—3 тыс. до н.э., Западной Индии — с середины 3 тыс. до н.э.

Сравнивая их, можно заметить, что различия в истории первых государств Восточной и Западной Азии были обусловлены особенностями исторической ситуации и заключались в том, что в Восточной Азии в низовьях Длинной реки (р. Янцзы) этническая структура была значительно более однородной, т.е. отсутствовали иноэтнические государства и другие сопоставимые по мощи политии. Соответственно, государства, расположенные там, не могли быть завоеваны или подчинены.

Отличаются и возможности изучения их истории. Поскольку предки вьетов не писали на долговечных материалах (в отличие, например, от шумеров и жителей долины Инда, писавших на глине, которую затем обжигали), то «текстовые» представления об их знаниях и достижениях не сохранились. Возможность изучения истории народов Восточной Азии, кроме *хуася* (предков *хань*, государствообразующего этноса КНР), сравнительно невелика из-за отсутствия или скудости письменных источников, поэтому представления о ранней государственности предков других народов, в том числе австралонезских (*вьет*, *хмонг* и др.), начали формироваться лишь в последнее время в результате значительного роста археологической изученности Региона⁵.

Археологический материал позволяет обрисовать облик Мо как государственного образования, причем не единственного, а одного из нескольких существовавших в Зоне Нижняя Янцзы, и, вероятнее все-

го, не самого развитого. Но поскольку оно на сегодняшний день обследовано и раскопано в наибольшей степени, то у нас есть возможность описать облик такого государства.

Это сложноорганизованное общество долины большой реки, возникшее в густонаселенных районах. Границы сельскохозяйственной территории определены горами. На небольшой территории около 34 кв. км располагалась столица, храмовые центры с погребениями знати, пять городов поменьше и около 30 деревень. Экономика и социальная структура были основаны на интенсивном земледелии (поливное рисоводство, дававшее очень высокие урожаи) и крепкой рисоводческой общине.

Судя по погребениям, общество было разделено на иерархически организованные социальные группы. Четко выделялись представители светской и религиозной знати, накопившие немалые богатства. Социальная иерархия нашла отражение и в иерархии антропоморфных божеств. У носителей высшей власти имелись характерные высокохудожественные атрибуты и символы из нефрита (жезлы-цун, стержни, ритуальные топоры, диски, навершия парадных гребней и др.).

Все строительные конструкции сооружений на поселенческих памятниках в районе Мо очень сложные, порой — большие и дорогостоящие. Стены глинобитные, многослойные, в одном случае для них даже использовали обожженный кирпич (хотя это могли быть и просто обгорелые куски глины или даже какие-то элементы конструкций). Более того, здесь были обнаружены образцы своей, пока еще не дешифрованной письменности⁶ — самой ранней на территории Восточной Азии и третьей после шумерской и древнеегипетской, возможно, синхронной письменности долины Инда и древнесемитской. Грамотность здесь была распространена сравнительно широко.

Подобные политии (прото- и раннегосударственные центры власти) существовали и за пределами бассейна оз. Тайху. Так, уровня социального развития, сопоставимого с царством Мо, видимо, достигли тогда области на севере Шаньдуна.

В данной статье будет подробно описано географическое расположение царства Мо в контексте всей историко-культурной Зоны, а также описаны его основные памятники — столица и несколько сакральных центров, а о сложнейших верованиях и высокой элитарной культуре, а также о высокоразвитых технологиях будет рассказано кратко.

Историко-культурная Зона Нижняя Янцзы (низовья Длинной реки): краткое описание

Историко-культурная Зона Нижняя Янцзы расположена на территории юга пров. Цзянсу (бассейн оз. Тайху) и севера пров. Чжэцзян. В нее мы также включаем область средне-нижней Янцзы, которая лежит в пров. Аньхой и на севере пров. Цзянси (бассейн оз. Поянху, р. Ганьцзян, южных

притоков р. Хуайхэ). Основное население — аустроазиаты *юэ*, жившие и живущие вдоль морского побережья далеко на юг⁷. Основа хозяйства: долинное орошаемое рисоводство, распространившееся на севере до долины р. Хуайхэ, а на юге занимавшее всю Юго-Восточную Азию. К западу лежит Зона Средняя Янцзы (русло Длинной реки, бассейн оз. Дунтинху, северная часть долины р. Сянцзян, равнина Лянху и р. Ханьшуй), заселенная предками народа *мяо* (самоназвание — *хмонг*), принадлежащих к отдельной языковой семье, возможно, восходящей к общему австрическому или аустроазиатскому праязыку⁸. На западе *хмонги* граничат с народом *ба* Сычуаньской котловины, по-видимому, тибето-бирманским. На юге — с пара-тайцами, принадлежащими к еще одной языковой семье.

В историко-культурной Зоне Нижняя Янцзы можно выделить два основных прилегающих друг к другу аграрных очага: «ханчжоуваньский» и «сучжоуский».

1. «**Ханчжоуваньский**» аграрный очаг — к юго-востоку от залива Ханчжоувань. Это один из древнейших очагов интенсивного рисоводства в Регионе. Его ранняя история связана с разными этапами культуры Хэмуду. Это также один из самых ранних аграрных очагов Региона, на него постепенно «наползали» археологические культуры (следовательно, и этносы) из более северной части Зоны. Здесь в периоды Чуньцю (771–453) и Чжаньго (453–221) существовало царство Юэ.

2. «**Сучжоуский**» аграрный очаг — земли в бассейне оз. Тайху. Памятников раннего и ранне-среднего неолита пока не обнаружено, в период среднего неолита (ок. 4500–3500) здесь возникла рисоводческая культура Мацзябан (4400–3400). В позднем неолите (3500–2500) некоторое время сосуществуют две культуры: Сунцзэ (3400–2500) и Лянчжу, точнее ее ранний (3300–2700) и средний периоды (2700–2400 гг. до н.э.), которые вначале длительное время развиваются параллельно. Уже на раннем этапе культуры Лянчжу (3300–2700) отдельные ее памятники появляются на территории Сунцзэ. В среднем периоде Лянчжу (2700–2400) на территории Сунцзэ распространяется культура Лянчжу; тогда и возникло государство Мо, расположенное в бассейне реки Шаоси, которая с юга впадает в оз. Тайху. Памятники Лянчжу обнаружены к северу, югу и востоку от оз. Тайху, но ее влияние распространилось значительно шире, практически во всех направлениях⁹. Это уже не этнические сдвиги, а культурное влияние.

Таким образом, сучжоуский аграрный очаг, объединенный культурой Лянчжу в ее средний период, формируется только к позднему неолиту. Века металла наступают здесь раньше, чем представлялось ранее, — вероятнее всего, в последние века 3 тысячелетия до н.э.¹⁰ Здесь в периоды Чуньцю и Чжаньго существовало царство У. В период Чжаньго земли У и Юэ были завоеваны и вошли в состав царства Чу.

Сучжоуский аграрный очаг имеет связи с другими соседними очагами: на правом и левом берегах средне-нижней Янцзы. Вместе они

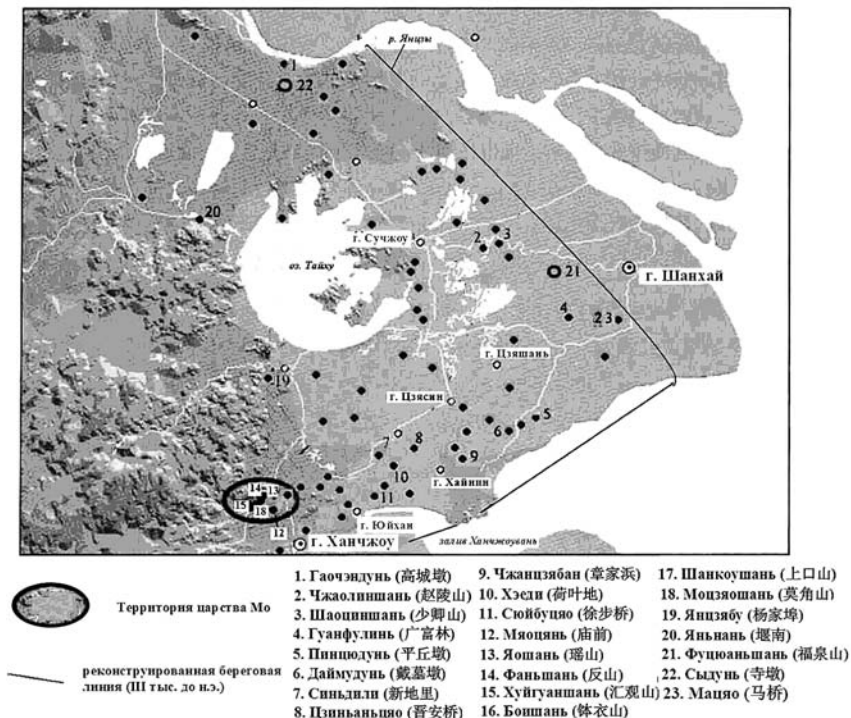
и образуют одну историко-культурную Зону «Нижняя Янцзы». Царство Мо расположено на самом юге «сучжоуского» очага.

Далее рассмотрим Карту №1, на которую нанесена большая часть крупных памятников культуры Лянчжу в «сучжоуском» аграрном очаге¹¹. Цифрой обозначены те из них, на которых найдено сравнительно большое число сакрально значимых изделий из нефрита, кружками обведены наиболее важные памятники.

Отдельные скопления точек на карте (их не менее десяти!) показывают месторасположения других предполагаемых номов. Это памятники:

- 1) к северо-западу от г. Ханчжоу (собственно Мо: 12-15,18)
- 2) к востоку от Мо, к северо-западу от г. Юйхан;
- 3) к северо-востоку от г. Юйхан (7, 8, 10, 11);

*Карта № 1. Историко-культурная Зона «Нижняя Янцзы», сучжоуский и север ханчжоуского аграрного очага**

*Чжэцзяншэн вэньу каогу яньцзюсо сюэкань. П., 2006, с. 51; также были учтены данные из: Чжао Хуа. Иньме гуго гуду: Лянчжу ичжи гайлунь (Исчезновение древней столицы древнего государства: Описание памятника Лянчжу). Ханчжоу, 2007, с. 73.

- 4) к северо-востоку от г. Хайнин (9, 5-6);
- 5) к западу от г. Шанхай (4, 21, 23);
- 6) к востоку от г. Сучжоу (2-3);
- 7) к югу от г. Сучжоу
- 8) к северу от оз. Тайху (1 и 22),
- 9) к югу от оз. Тайху (19)
- 10) к западу от оз. Тайху (20).

Из них три расположены на границе предгорий (царство Мо, №9, 10), один возле возвышенности в устье Длинной реки (№8); два в некотором отдалении от современной береговой линии к востоку от оз. Тайху; одно вдоль его восточного берега (№7); остальные — вдоль побережья залива Ханчжоувань.

Степень раскопанности и «покрытия» разведками всей Зоны по-прежнему невысока (Мо — исключение). Как правило, на площади, равной царству Мо, исследованных памятников всегда намного меньше, чем в районе Моцзяшань. Поэтому можно предположить, что центров политий, похожих на Мо, было несколько. Среди них есть прото-города с сакральными нефритовыми изделиями, которые, наряду с Моцзяшань, вероятнее всего являлись центрами других политических образований. На востоке это Фуцюаньшань¹², на севере — городище Сыдунь¹³, которое возникло несколько позже, чем Моцзяшань, и существовало дольше. Есть и рядовые памятники без сакральнозначимых нефритов и они, как правило, группируются вокруг памятников с нефритами.

Структура государства Мо

Время существования. Судя по археологическим данным, государство Мо возникло около середины 3 тыс. до н.э.¹⁴ Его расцвет связан со средним периодом культуры Лянчжу (2700—2400 гг. до н.э.); именно к этому времени относятся основные памятники: Моцзяшань, Фаньшань, Яошань, Хуйгуаньшань, Мяоцян.

Особенности месторасположения. Государство Мо располагалось на стыке двух аграрных очагов, сучжоуского и ханчжоуваньского, занимая удобный вмещающий ландшафт на пересечении равнины и предгорий. На Карте №2 видно, что царство Мо локализовано в долине самой крупной реки к югу от оз. Тайху — Шаоци, текущей на север и впадающей в это озеро. Его площадь невелика — ок. 40 кв. км. Оно занимало исключительно выгодное положение — в верховьях этой реки, несколько ниже места впадения в нее двух основных притоков Северной и Центральной Шаоци, текущих с гор, которые сами в свою очередь формировали небольшие аграрные долины, подчиненные правителю Мо. Это сближает Мо с государствами Юго-Восточной Азии (например, Шривиджая на р. Муси, о-в Суматра и др.).

*Карта №2. Царство Мо (бассейн верхней Шаоси)**

* Мюцянь. П., 2005, с. 15 (курсивом выделены названия естественных границ Мо; треугольниками отмечены памятники, кружками — современные населенные пункты).

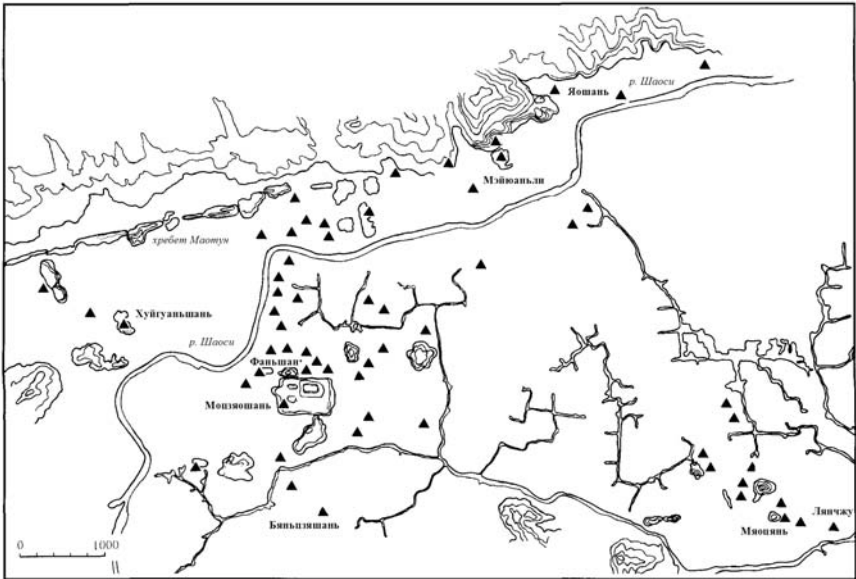
Вмещающий ландшафт царства — это плодородная долина, с севера, запада и юга прикрытая горами, а на востоке — ландшафтно важными возвышенностями.

Столичный центр Мо, как это хорошо видно на Карте №3, располагался на западе «нома», недалеко от русла реки, что позволяло контролировать основную водную магистраль. А скопление памятников на востоке нома, в районе Лянчжу, находилось на выходе из долины, на востоке, что в свою очередь позволяло контролировать восточные пределы этого большого аграрного района. Памятники царства Мо распределены в виде подковы, вытянутой с запада на восток вдоль предгорий. А еще далее на восток, видимо, лежали низкие болотистые земли.

В самой долине можно увидеть три места концентрации памятников. Одно — в западной части воображаемой дугообразной «подковы»: именно здвокруг эпонимного для всей культуры памятника — поселения Лянчжу. Третье — на северном конце «подковы», вдоль южных отрогов горного хребта (памятник Яошань и др.), вдоль русла р. Шаоси.

Структура царства Мо. Внутри государства Мо различаются три типа населенных пунктов:

1. Моцзяошань, столичный центр, — 300 тыс. кв. м (500x600 м);

*Карта №3. Ландшафтное размещение памятников царства Мо**

* Яошань. П. 2003, с. 2; см. также: Лянчжу ичжи цюнь, П., 2005, с. 40 (вклейка).

2. Девять поселений площадью 30–90 тыс. кв. м (170x170 — 300x300 м);
3. Около 30 деревень площадью менее 20 тыс. кв. м (140x70 м)¹⁵.

Такая структура («столичный центр — городские поселения — деревни») характерна для древнего государства, основанного на орошаемом земледелии¹⁶. Поскольку территория Мо включает довольно близко расположенные укрепленные поселения, а также укрепленные стенами города, то, следовательно, у Мо были соперники, сопоставимые с ним по военному потенциалу. Внутри нома такое число дворцов, укреплений, храмов могло построить только государство, собрав большое число людей и затратив большие средства. Все это говорит о том, что царство Мо — сложившийся целостный комплекс поселений различного типа. Именно это и формирует его облик как раннего государства — оно очень компактно, прикрито горами, связано с бассейном большой реки.

1. Городище Моцзяошань¹⁷

Моцзяошань — общее название городища, расположенного в центре обширной долины на небольшом холме, плоском или искусственно уплощенном¹⁸. Это — столичный город.

На Карте №4 хорошо видно, насколько сложным с архитектурной точки зрения был столичный комплекс, насколько точно и аккуратно

он был вписан в окружающий ландшафт. При этом нельзя не отметить, что он очень точно, можно сказать, безупречно, сориентирован по сторонам света.

Карта № 4. Реконструкция стен в окрестности столицы Мо*

*См.: Чжан Ли, Лю Шужэнь. Чжэцзян Юйхан ши Пиньяо, Лянчжу дишюй ичжи дэ яогань дисюэ фэнси (Геоморфологический анализ памятников в окрестностях Пиньяо и Лянчжу, уезд Юйхан, пров. Чжэцзян). — Каогу. 2002, № 2.

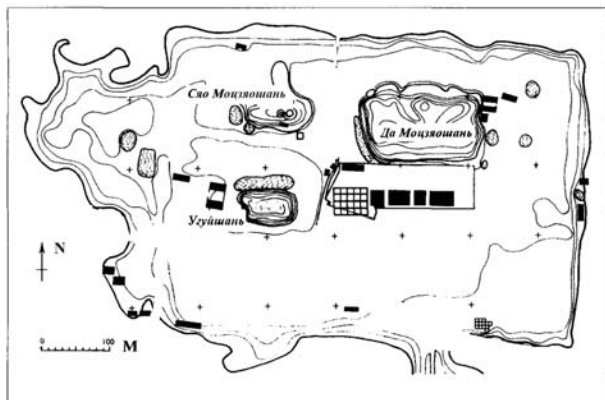
Этот комплекс включал не только собственно расположенный в его центре столичный центр (памятник Моцзяошань) на платформе правильной квадратной формы, но и соседние памятники, которые располагались на платформах меньшей площади (Чжуйшань) или на соседних холмах с трех сторон (Фаньшань, Цяньшань и Дагуаньшань). Хорошо заметно, что границы всех холмов были искусственно подровнены с севера, востока, отчасти — запада (прерывистая линия). Имелись и валы (Карта № 4).

Общая площадь городища — более 300 тыс. кв. м. Толщина слоя внутри очень велика — 10,2 м, город существовал длительное время. Его окружала стена из плотно утрамбованной земли (так здесь строили и в последующие тысячелетия, до средних веков). Ее можно сравнить с земляными укреплениями городских поселений Шаньдуна. Длина стен города с востока на запад — 670 м, с севера на юг — 450 м. Сами стены, возможно, не были очень высокими. Основу стены составлял мощный земляной вал, сохранившаяся высота — около 7 м; над ними была сооружена глинобитная крепостная стена¹⁹.

На самой платформе Моцзяошань есть три отдельных крупных возвышения правильной формы, также искусственного происхождения (Карта №5 и Рис. №1): платформа Большая Моцзяошань 大莫角山 на востоке, платформа Малая Моцзяошань 小莫角山 на западе, а ря-

дом с ней, южнее, — Угуйшань 乌龟山 (возможно, остатки пирамиды). Все они также правильной прямоугольной формы и также вытянуты с запада на восток.

*Карта № 5. Цитадель столичного центра Моцзяошань**

*См.: Чжао Хуа. Иньме гуго гуду.

*Рис. № 1. Пространственная реконструкция столичного центра Моцзяошань***

**Чжан Ли, У Цзянпин. Чжэцзян Юйхан Пиньяо, Лянчжу гучэн цзего дэ яогань каогу (Археологическое описание древнего города Лянчжу у населенного пункта Пиньяо, уезд Юйхан, пров. Чжэцзян). — Вэнь. 2007, № 2, с. 77.

Собственно город был расположен, видимо, в центре самой большой из платформ (Большая Моцзяошань); сохранившаяся высота — 3–4 м. На Большой Моцзяошани сверху — квадратная площадка размером 1200 кв. м (35x35 м), на которой обнаружены следы фундаментов больших сооружений, а также больших опорных столбов храмов или дворцов; все это занимало не менее десятой части площади платформы. На юго-западном склоне Большой Моцзяошани найдено большое число фрагментов красной необожженной глины.

Площадь платформы Малая Моцзяошань — 1500 кв. м (40x40 м), сохранившаяся высота платформы — 2–3 м. На южном склоне есть три ряда отверстий от деревянных столбов, идущих с севера на юг; расстояние между рядами около 1,5 м. Это также дворец или храм. Площадь третьего возвышения, Угуйшани, — 300 кв. м (17x17 м), сохранившаяся высота платформы — 3 м.

Траншея между Большой Моцзяошанью и Угуйшанью также дала толстый культурный слой культуры Лянчжу²⁰, т.е. весь верх платформы был плотно заселен. Площадь государства была такова, что с вершины Угуйшаня можно было увидеть всю долину — все царство Мо, на востоке которого (всего в 4 км) и находилось поселение Лянчжу.

Округа Моцзяошани также заслуживает внимания, поскольку обнаруженные там сооружения и погребальные комплексы указывают на столичный статус города Мо. В 200 м к северо-западу от дворцового комплекса, ближе к реке, расположен храмовый комплекс и «царский» некрополь Фаньшань, а к северо-востоку (в 5 км), у подножия невысоких гор располагался жреческий некрополь Яошань. Здесь обнаружены следы храмов и очень богатые погребения представителей высшей знати (M12, M22 в Фаньшане и M12, M11 в Яошане), окруженные погребениями аристократии высокого ранга. Еще один крупный памятник, Хуйгуаньшань, также располагался недалеко, на расстоянии около 1,5 км к западу, на другом берегу реки.

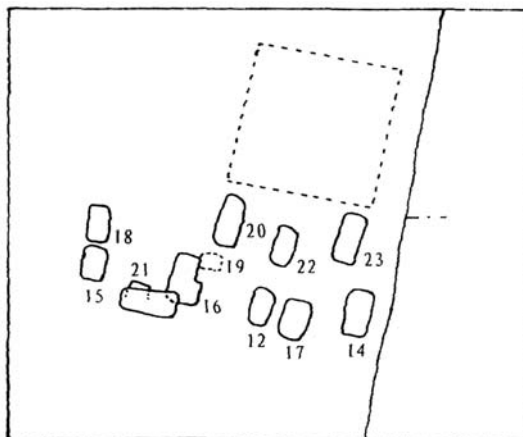
Далее кратко опишем эти некрополи, а также скажем несколько слов об одном из крупных поселенческих памятников — Мяоцяне.

2. Некрополь Фаньшань²¹

Фаньшань — самый крупный и самый богатый из некрополей в районе столичного центра царства Мо²².

Памятник Фаньшань находится к северо-западу от Мо, погребения расположены на большом искусственном насыпном прямоугольном возвышении (платформе) с плоской площадкой наверху (с востока на запад 90 м, с юга на север 30 м), первоначальная высота — свыше 5 м. И в ней было размещено несколько погребений. В целом некрополь очень богат; обилие уникальных, очень дорогих нефритовых атрибутов власти и сакральных предметов позволяет предполагать, что

Схема №1. Погребения Фаньшаня*

*Чжан Сэюхай. Лунь Моцзяошань гуо, с. 21.

он был царским. Храм и погребения относятся к одному отрезку времени, достаточно протяженному.

Всего обнаружено 11 крупных могил (7 в южной части, 4 — в северной), средние размеры одинаковы: 3 м в длину, 2 — в ширину.

Обряд на каждом из погребений — одинаковый. Они ориентированы с севера на юг (головой к югу). Самые богатые и большие из них находятся в центре рядом на одной оси, это М22 и М12. Их как правило называют могилами «царя» и «царицы», но это могут быть и жрецы. Захоронения производились в гробах, для которых на дне ямы было сделано специальное возвышение. Как и на Шаньдуне в это время, есть внешний и внутренний гробы. Костные останки погребенных сохранились плохо.

Погребальный инвентарь богат и разнообразен, есть изделия из нефрита, слоновой кости, высокотехнологичные керамические сосуды, тщательно изготовленные каменные орудия, лаковые изделия, инкрустированные нефритом, и оружие. Самые массовые — изделия из нефрита, которые в других Зонах Региона не встречаются. Число предметов погребального инвентаря в разных могилах исчисляется от нескольких десятков до сотен. Их расположение сходно, обряд, как уже было сказано, один и тот же. То, что число предметов различно, свидетельствует об устойчивости погребального обряда у данного этноса и о социальном расслоении. Подчеркнем, что особенно бедных погребений здесь нет, они встречаются в отдалении от столицы Мо, на других памятниках.

Погребение М12 — скорее всего принадлежит носителю высшей светской власти. Основной материал — изделия из нефрита. В погре-

бениях М14, 16, 17, 20, 23 также найдено много изделий из нефрита, в том числе в М14 — 260 (даже больше чем в «царской» М12). В М20 — 170 (а всего — 511 предметов!). Это могилы аристократов, там вещей, как правило, меньше, чем в М22, М12. А в М15, М18 — вещей еще меньше, они мельче, а наиболее престижных изделий из нефритов мало. Самая бедная — М19.

Специфика данного некрополя — очень богатый набор изделий из нефрита чрезвычайно сложной обработки и смыслового наполнения. Много исключительно искусно изготовленных нефритовых цунов с разными изображениями божеств, а также наголовники и нагрудные пластины с изображением божеств, ритуальные парадные топоры (порой с ними же), насадки на концы рукояток ритуальных топоров, богато украшенные стержни и подвески, крупные кольца, пряжки (условно, одежды чиновника) и др.

Такого больше не было тогда нигде, значительно позднее многие из этих изделий распространяются в других областях бассейна Длинной реки, проникают в бассейн Хуанхэ и входят в обиход тамошних жителей (видимо, предков *хуася*).

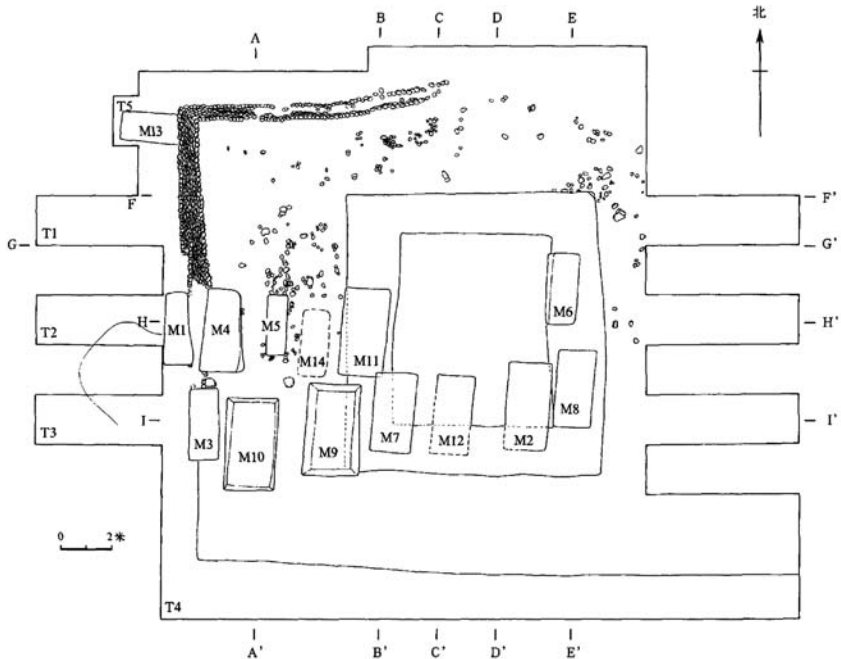
Обряд не предполагал большого числа обывденной посуды — керамических сосудов очень мало: чаша на широком среднем поддоне (М15, М16, М17, М18, М22), трипод на основе круглодонного горшка (М20, М22, М23) и сосуд на низком полом поддоне (М20) (см. рис. 2-8)²³.

3. Некрополь Яошань

Здесь, как и в Фаньшане, находятся погребения представителей высшей элиты государства Мо.

Раскопанная площадь всего памятника около 5000 кв. м. Он находится в 5 км от столицы, вниз по р. Шаоси, на холме у подножия горной гряды, и функционировал в то же время, что и Фаньшань. Остатки алтаря (места жертвоприношений) указывает на то, что здесь был крупный храмово-культурный центр. Культурное сооружение, почти правильной квадратной формы, занимает центральное место и имеет форму трехступенчатой пирамиды, окруженной каменной стеной. Длина по северной стороне — 5,9 м, по южной — 6,2 м, по восточной — 7,6 м, по западной — 7,7 м. Следов какого-либо дополнительного каменного сооружения на возвышении не найдено (правда, с тех пор прошло не менее 4 тыс. лет). Во всех случаях стенки вертикальной части ступеней пирамид были обложены камнями, чтобы пирамида не «расплывалась». К северу и западу от пирамиды шла каменная стена. Пирамиду окружает ров, тоже квадратный в плане, глубина которого 65–85 см, а ширина 1,7–2,1 м. К западу, северу и югу от рва сохранились возвышения шириной 5,7, 3,1 и 4 м. На них найдено большое число положенных в древности камней. В материковых слоях их нет, они явно были принесены и служили для зданий или стен²⁴.

Схема № 2. Погребения и остатки пирамиды в Яошане*

*Яошань. П., 2003, с. 6.

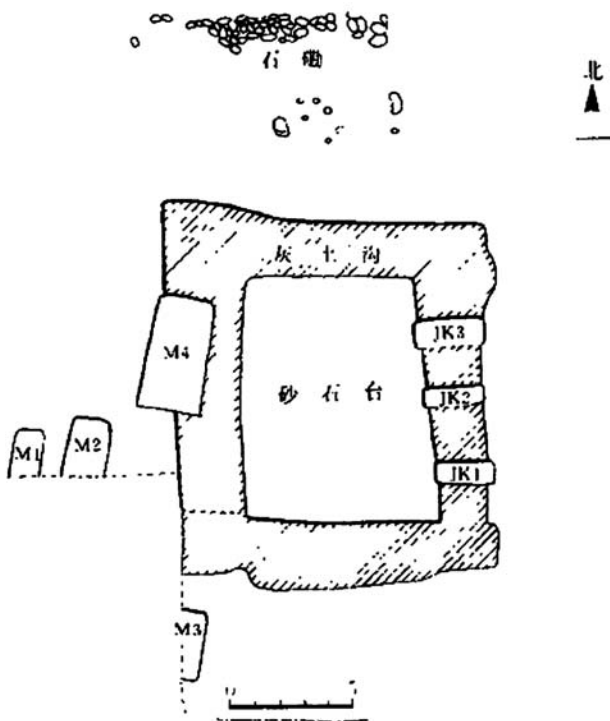
На этом возвышении обнаружено 14 погребений. Пирамида к моменту сооружения погребений М2, 7, 12, а, возможно, 6, 8, 9 и 11, уже полностью или частично (ее верхняя часть не затронута) перестала функционировать. М12 — самая большая могила (в нее положено 370 нефритовых изделий), а М1 — самая богатая. Но они не составляют пары, т.к. расположены далеко друг от друга. Все могилы строго ориентированы с севера на юг. Так же, как и в Фаньшане, они размещены в два ряда и пререзают алтарное сооружение. Покойников, как и в Фаньшане, хоронили в гробах, погребения имеют большое количество сопроводительного инвентаря. Но разнообразие изделий меньше, чем в Фаньшане, это в основном предметы из нефрита, лаковые сосуды и керамические, орудия труда, из которых многие предназначены явно не для хозяйства, а для богослужения²⁵. Керамики так же, как и на Фаньшане, мало, а по форме она также близка фаньшаньской (четыре сосуда и фрагменты в М11 очень просты — те же трипод на основе горшка, чаша на среднем широком поддоне и сосуд на поддоне)²⁶. Погребальный обряд представителей высших слоев общества царства Мо практически не предполагал положения керамики, основное инвентарь в захоронениях — изделия из нефрита.

4. Храм и некрополь Хуйгуаньшань²⁷

Находится в 1,5 км на северо-запад от столичного центра царства Мо, на холме; площадь 1600 кв. м (40х40 кв. м). Здесь также был обнаружены храм-жертвенник, рядом — некрополь. В центре располагается каменное возвышение — площадка для ритуальных действий, ее длина 45 м, ширина 33 м. С внешней стороны находилась каменная стена. В центре — опять двухъярусное (на данный момент) возвышение (алтарь). В южной части — три ямы прямоугольной формы, которые вероятнее всего использовались для принесения жертв.

Здесь обнаружено меньше всего погребений — четыре, три из них сильно повреждены. Они ориентированы с севера на юг, покойных также хоронили в гробах; сопровождающий инвентарь — изделия из нефрита, керамические сосуды и каменные орудия. По числу нефритовых изделий Хуйгуаньшань уступает Фаньшаню и Яошаню (в большой могиле М4 оказалось свыше 250 предметов: из нефрита — 48)²⁸.

Схема №3. Погребения и остатки пирамиды в Хуйгуаньшане*

*См.: Дуннань вэньхуа. 1995, № 2.

Итак, погребения Фаньшаня, Яошаня и Хуйгуаньшаня имеют общие черты, каждое из них группируется вокруг пирамиды, во всех случаях наползая на нее с юго-запада, юга и юго-востока, и никогда с других сторон света. Могилы вне пирамиды находятся с запада и юго-запада от нее. Все погребения расположены как у подошвы, так и на первом уступе. Все говорит о том, что пирамиды были возведены раньше погребений, но при погребении пирамиды, бесспорно, учитывали, они оставались сакральной точкой, верхний (на данный момент) уступ не нарушался могилами. Не только он (центр), но и северная часть их никогда не покрывалась могилами. Древние вершины пирамид не сохранились, возможно, там имелись еще уступы.

5. Памятник Мяоцянь

Мяоцянь — четвертый из наиболее крупных памятников царства Мо²⁹. Расположен к востоку от него, недалеко от эпонимного памятника Лянчжу. В отличие от трех рассмотренных ранее, это большое поселение с могильником неподалеку, общей площадью 95 тыс. кв. м. Выделено семь периодов существования. Первый, ранний, относится еще к культуре Мацзябан (4400—3400 гг. до н.э.), второй — к ранней Лянчжу, третий, пятый и шестой — к средней, т.е. ко времени царства Мо, а седьмой — уже к поздней Лянчжу. Наиболее богатые и искусно сделанные сосуды относятся к пятому, т.е. ко времени расцвета царства Мо.

На памятнике найдены остатки сооружений. Один из домов в длину 10 м, в ширину 8 м. Это свайно-столбовое сооружение с террасой, два ряда столбов с трех сторон, вход располагался с юго-западной стороны.

Раскопаны 32 погребения, две крупные зольные ямы, колодцы. В погребениях много изделий из нефрита, но они отличаются от «царских» могил (здесь в основном находят только маленькие простые бусы, «стерженьки», трубочки и почти полное отсутствие изображений божеств). Обнаружено достаточно много изделий из дерева³⁰.

В погребениях в качестве сопроводительного инвентаря встречаются керамические сосуды. Набор керамических изделий сравнительно велик (часть из них была массового городского ремесленного производства), они дают нам представление о том, какими сосудами пользовались жители царства Мо. Есть повседневная массовая посуда³¹, а есть и парадные сосуды³². На многих из них есть знаки собственников, которые свидетельствуют о широком распространении письменности³³.

Другие, менее значительные памятники, расположенные на территории царства Мо, в данной публикации не рассматриваются. Далее кратко опишем основные черты культуры царства Мо. Сначала скажем об образцах письменности, затем об изделиях из нефрита, парадной и массовое керамике и орудиях труда.

Важнейшие черты духовной и материальной культуры царства Мо (краткое описание)

6.1. Письменность

В рисоводческих районах низовий Длинной реки, в том числе на территории царства Мо, своя письменность была распространена сравнительно широко. К настоящему времени в Регионе Восточная Азия известно несколько центров с ранней письменностью (конец 3 — начало 2 тыс. до н.э.):

1. Культура Лянчжу (район оз. Тайху) среднего (Чэнху³⁴, Мяоцян³⁵, Мацяо³⁶) и позднего периода (в частности жители царства Мо³⁷, памятник Бяньцзяшань³⁸);

2. Памятник Дингунцунь (северная часть Шаньдуна, ок. 2400–2000 гг. до н.э.)³⁹;

3. Памятник Лунцюйчжуан, который расположен недалеко от русла р. Хуайхэ (уезд Гао-ю, пров. Цзянсу) т.е. между Шаньдуном и Нижней Янцзы, территориально он ближе к Нижней Янцзы⁴⁰. По времени он датируется несколько позже шаньдунского памятника Дингунцунь.

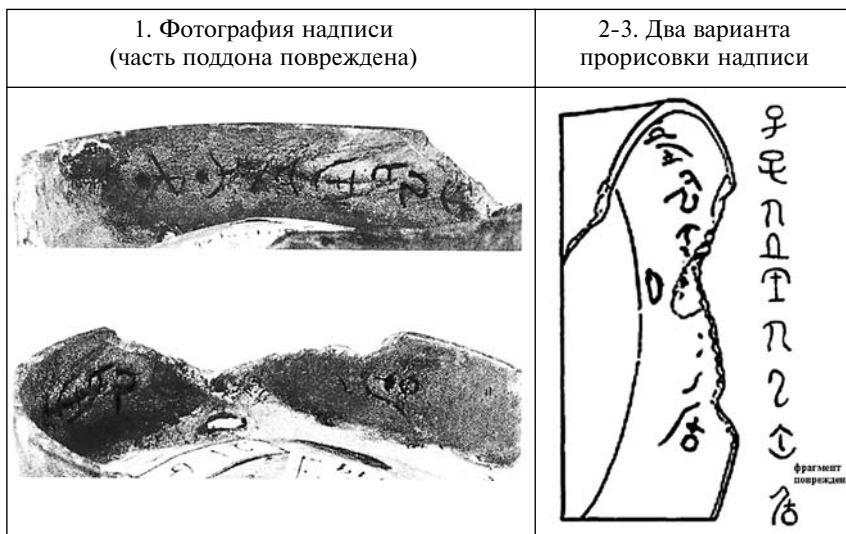
Во 2 тыс. до н.э. письменность сохранилась и развивалась у преемников Лянчжу. В первой половине тысячелетия ее использовали носители культуры Мацяо⁴¹, а в середине — носители культуры Учэн (оз. Поанху)⁴².

Дошедшие до нас надписи немногочисленны и не расшифрованы. Имеющиеся краткие тексты и отдельные знаки показывают, что она использовалась еще не для сохранения информации (для этого тогда применялось устное запоминание). В основном она использовалась в быту: люди надписывали свои сосуды — это были своего рода «обереги», а также знаки принадлежности определенному лицу. Письменность еще не носила сакрального характера. Грамотных, писавших и читавших, было довольно много.

Все известные ныне ранние надписи в Мо — на керамических сосудах, обычно сложной технологии изготовления (на внутренней части поддона, на корпусах и доньях сосудов). Ниже приведем некоторые сложные образцы письменности — надписи (а не отдельные знаки), которые дают представление о письменности царства Мо.

Это отдельно стоящие, расположенные в строчку (но нельзя исключить, что и в колонку), сравнительно простые знаки. Между предпоследним и последним утрачено около трех знаков. Надпись явно не иероглифична, поскольку каждый знак состоит из очень небольшого набора черт. Знаки не сливаются, они отстоят друг от друга на сравнительно большом расстоянии. То, что на второй прорисовке знаки напоминают иероглифы, — характерно для многих прорисовок, сделанных рукою китайских специалистов, для которых привычным является написание иероглифов. В то же время эти же знаки на фото и пер-

Рис. 2. Надпись на внутренней части поддона сосуда из коллекции Музея Артура Саклера (Музей искусств Гарвардского университета)*

* Чжан Минхуа. Гуаньюй Чанцзыян сяюй дищюй дэ цзаоци вэньцзы (О ранних знаках письма района Нижней Янцзы) — Чанцзыян сяюй дищюй вэньминхуа цзиньчэн сюэшу янь таолунь вэньцзы, Шанхай, 2004.П., 2004, с. 201.

вой прорисовке выглядят иначе. На фото можно увидеть, что для двух первых и последнего знака характерно наличие затемненной точки, исчезнувшей при «прорисовке». Она заменена на кружочки, поскольку так они больше напоминают иероглиф. В одном месте точка превратилась в крест.

Возможно, отдельные знаки встречаются в письме Учэна.

Две надписи встречаются на еще одном тоже парадном сосуде — удлинненной глубокой чаше, которая впервые была опубликована еще в 1937 г. в работе Хэ Тяньсина⁴³. Точное время и место нахождения также не определены, они получены из района близ эпонимного памятника Лянчжу.

Для всех знаков надписи на чаше характерна округлость линий. При этом одна сторона округлая, другая — заостренная. Есть знаки и односложные, и составные. Они стандартизированы и нанесены привычной к письму рукой. Сходства с надписью на трехчастном сосуде нет. Первый знак первой записи и второй знак второй записи одинаковы. Есть сходство и между вторым знаком первой строки и третьим знаком второй строки. Знаки первой надписи нанесены более тщательно, второй ряд черт сливается, возможно, при более высокой скорости письма.

Рис. 3. Образцы надписей на отдельных предметах

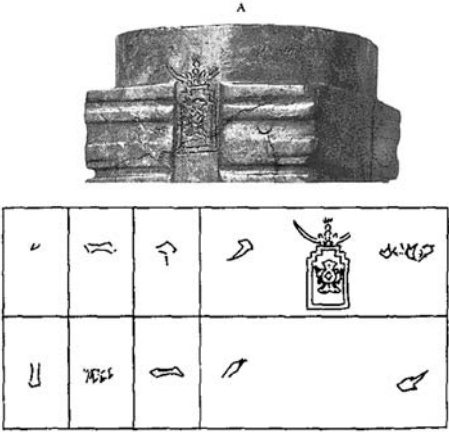
1. Сосуд Лянчжу и знаки письма*	2. Знаки на цуне**
 <p data-bbox="99 666 481 751">*Сосуд хранится в собрании музея Сиху (г. Чжэцзян), см.: Чжао Хуа. Иньме гуго гуду, с. 37.</p>	 <p data-bbox="481 666 936 751">**Хранится в музее Guimet, Париж, см.: Xiaoneng Yang. Reflection of Early China, p. 77.</p>

Рис. 4. Знаки письма на чаше

	1	2	3	4	5	6	7
Верх							
Низ							

Еще две надписи мы видим на нефритовом *цуне*, для которого одновременно (очень редкий случай) характерно наличие эмблемы носителя власти. Сочетание сложного геральдического знака и письменности на сакральном предмете — символе власти, кажется вполне органичным. Эта надпись также представляет собой строчное письмо. Ряд знаков повторяется. Есть черты сходства со знаками на чаше, различие в написании может быть объяснено характером нанесения надписи на разные поверхности — на уже обожженную керамическую и значительно более жесткую нефритовую поверхность.

Обе надписи, на чаше и на *цуне*, сближает наличие большого замкнутого пространства в знаках, заданного изогнутыми линиями — это

«полые знаки». Надпись на керамике более развернутая, знаки прописаны более отчетливо и в более сложном (полном) виде, потому, что писать было легче.

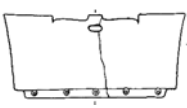
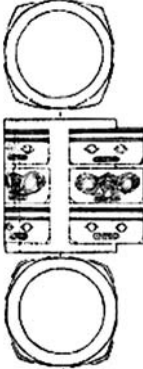

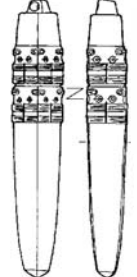

Кроме этих надписей письменность царства Мо представлена отдельными знаками на различных сосудах, прежде всего на их доньях. Знаки разные, сложные, есть повторяющиеся и неповторяющиеся. Они взяты из письменности, т.е. не являются обычными знаками собственника (тамгами), иными словами, это не простые геометрические линии и фигуры.

6.2. Изделия из нефрита

На памятниках царства Мо, а также многих других памятниках культуры Лянчжу всех периодов, встречается значительное число нефритовых изделий. Исходя из их сложности, можно говорить о том, что они изготавливались в специализированных ремесленнических кварталах сравнительно больших городов.

Высокое сакральное искусство представлено изделиями из «царских» и «жреческих» комплексов Яошань и Фаньшань, несколькими погребениями зажиточных людей с других некрополей. А на периферии царства Мо представлены простые модификации тех же основных сакральных форм, что характерно для центра. Это говорит о том, что различий в религиозных представлениях жителей Мо не было — везде были все массовые элементы общего комплекса.

Рис. 5. Образцы нефритовых изделий из царства Мо

«Наголовник»	Цуны	Ритуальный топор	Стерженьки	Нагрудные пластины
 (Фаньшань, с. 30)	 (Фаньшань, М-12)	 (Яошань)	 (Фаньшань)	 (Фаньшань)

Важнейшим, судя по массовости, атрибутами жреца были: вытянутые квадратные в сечении навершия жезла-цун; «наголовники» — пластины трапециевидной формы, вероятно, навершия парадных гребней; стержни разной формы, порой с теми же изображениями божеств; нефритовые и каменные топоры-юэ, диски, нагрудные пластины с изображениями главного божества, подвески в виде стержней с теми же изображениями.

На многих из них были стандартизированные изображения одного, иногда двух божеств. Это давно и прочно устоявшаяся символика, со своими канонизированными требованиями к их иконографии.

6.3. Керамика

Керамика яснее всего позволяет увидеть облик городской культуры жителей царства Мо и их соседей — носителей культуры Лянчжу. Городская, искусно сделанная на гончарном круге парадная посуда здесь разнообразна и воистину эллинских форм. Есть сосуды, покрытые тончайшей гравировкой или искусной росписью, со сложным несимметричным орнаментом. После покрытия тонким узором поверхность сосуда покрывалось глазурью (ее уже изобрели здесь!) и приобрела черный или темно-синий цвет.

На территории собственно городища Мо и в его округе таких находок пока мало, они представлены и парадной (Фаньшань М12), и бытовой (Фаньшань М11 и др.) керамикой.

На первом рисунке мы видим сложный сосуд (возможно, кувшин

Рис. 6. Изображения на сосудах из царства Мо

1. Кувшин, инкрустированный нефритом (Фаньшань М12)*	2. Внешняя сторона чаши со сложным орнаментом (Мяоцянь)**	3. Внешняя сторона чаши со сложным орнаментом (Мяоцянь)***
 <p data-bbox="103 1393 322 1447">*Фаньшань. П., 2005, с. 88.</p>	 <p data-bbox="338 1393 666 1432">**Мяоцянь. П., 2005, с. 213.</p>	 <p data-bbox="677 1393 928 1432">*** Мяоцянь, с. 350.</p>

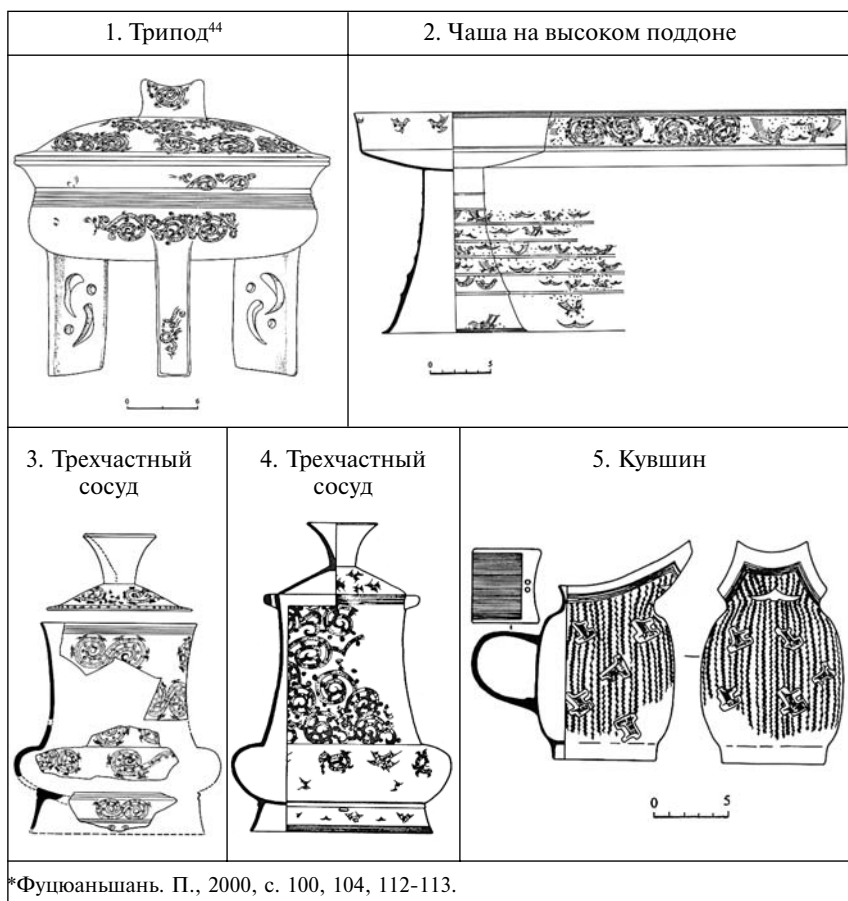
с дугообразной ручкой) из Фаньшаня, с нефритовыми инкрустациями, а также фрагменты орнаментированной чаши и трехчастного сосуда из Мяоцяня (восточная часть нома, к северу от Лянчжу).

Это не исключение, традиции элиты Лянчжу были богаты и разнообразны, в качестве примера приведем парадные сосуды из Фуцюаньшаня.

Массовая керамика в погребениях Фаньшаня и Яошаня, где подавляющее число сопроводительного инвентаря представлено нефритовыми изделиями, как уже говорилось выше, немногочисленна, сравнительно простая и невысокого качества. Это массовая керамика «городского производства».

Очевидно, что погребальный ритуал высшей знати Мо, в отличие от других политий, не предусматривал размещения большого числа

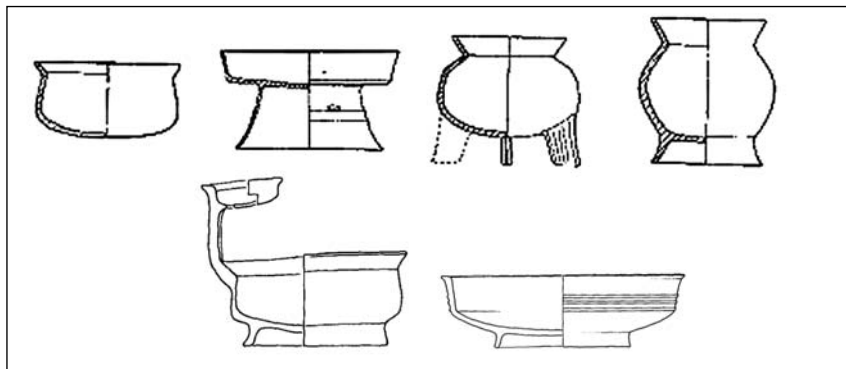
*Рис. 7. Образцы «парадной» керамики (на примере Фуцюаньшань)**

*Фуцюаньшань. П., 2000, с. 100, 104, 112-113.

искусно сделанных сосудов. Достаточно было обилия атрибутов высшей власти из нефрита. Больше всего сохранилось сосудов на Фаньшане: это чаши на среднем по ширине поддоне, трехчастные сосуды, триподы на основе круглодонного горшка, на плоских ножках, а также круглодонные чаши с венчиком. Была обнаружена и более выразительная керамика — внутри центра государства Мо, на памятниках Хуйгуаньшань и Мяоцянь (рис. 8).

Рис. 8. Образцы массовой керамики Мо (на примере Фаньшаня)*

*Чжэцзян Юйхан Фаньшань Лянчжу муди фацзюэ цзяньбао (Краткое сообщение о раскопках могильника Лянчжу, памятник Фаньшань, уезд Юйхан, пров. Чжэцзян). — Вэнь, 1988, № 1, с. 6.

6.4. Орудия труда из камня

Рис.9. Некоторые орудия труда из камня

1. Нож*	2. «Плуг»**	3. Тесло***	4. Топор****
* Мяоцянь, с. 246.	** Мяоцянь, с. 119.	*** Мяоцянь, с. 25.	**** Фаньшань, с. 204.

Много разнообразных, качественно изготовленных форм. Характерными являются башмаковидные топоры, тесла, топоры с крупным отверстием и др. Здесь приведена только малая часть.

6.5. Проблема металла

Это — одна из самых дискутируемых при описании культуры Лянчжу проблем. Как правило, специалисты обращают внимание на высокий уровень технологии изготовления сложных нефритовых изделий. Она предполагала тончайшую гравировку сложных изобразительных образов и т.п. Такой уровень технологии вполне позволяет допускать возможность использования металлических предметов.

Отсутствие изделий из металла в погребениях можно объяснить тем, что он был редок и еще не произошла смена погребального ритуала, тем более при таких устойчивых и консервативных погребениях как царские и жреческие; новые материалы для изготовления сакрально значимых предметов не применяются довольно долгое время после начала их использования в обществе.

Заключение

Анализ археологического материала позволил отодвинуть дату возникновения государственности в Регионе Восточная Азия на много столетий назад, с 1300 г. на 2500 г. до н.э., и перенести его южнее — из бассейна Хуанхэ в низовья Длинной реки, где проживали аустроазиатские носители культуры Лянчжу и родственные им, во всяком случае культурно, социально и экономически, народы. Сейчас уже ясно, что первые в Восточной Азии политии, которые можно считать достигшими государственного уровня, возникли в густозаселенных рисоводческих очагах близ устья Длинной реки (а также на Шаньдуне) значительно раньше и, естественно, независимо от процессов, шедших у сино-тибетцев — предков *хуася* в бассейне Средней Хуанхэ.

В Зоне Нижняя Янцзы шла непрерывная унификация, завершившаяся в рамках поздней Лянчжу; сходство культур в обоих упомянутых в статье аграрных очагах связано этнолингвистически с аустроазиатами — прото-юэсцами (прото-вьетами). Как известно по письменным источникам, на Нижней Янцзы в начале I тыс. до н.э. формируются два государства в районе оз. Тайху — царство У (вьет. Нго), а южнее, в районе г. Ханчжоу, — Юэ (вьет. Вьет)⁴⁵. Но, благодаря археологическому материалу, оставшемуся от государства Мо, можно говорить о появлении «прото-юэсцев» и «прото-усцев» уже в 3 тыс. до н.э. (не исключено что и раньше). Действительно, культуру Хэмуду-4 (3500–3000гг. до н.э.) и последующие культуры центрального и южного Чжэцзяна (и южнее) условно можно считать «прото-юэской», а культуры Лянчжу (3300–1700) и частично синхронную ей более позднюю культуру Мацяо (2000–1600) — «прото-уской».

Социальный опыт носителей культуры Лянчжу (в том числе и царства Мо) распространился исключительно широко, и связано это не с особенностями расселения, а с потребностью в таком опыте на новом

этапе развития земледельческих обществ. Наиболее широко он распространен в районах расселения «прото-юэ» (прото-вьетов): на территории современных провинций Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун и в северной части современного Вьетнама. Он распространялся в западном направлении по долинам Длинной реки и ее притокам (бассейн оз. Поянху, средняя часть бассейна Длинной реки и ее верховья — Сычуань), а также в северном направлении (Шаньдун). Основные сакральные предметы (нефритовые жезлы-*цун*, диски, топоры и др.) попали в бассейн Хуанхэ. Там в иноэтнической среде опыт заимствовался в меньшей степени и выборочно, поэтому комплекс нефритовых изделий представлен не полностью и в виде упрощенных поздних модификаций.

Когда возникла и развивалась культура Лянчжу (3300—1700 гг. до н.э.), технологии и социальные структуры на месте центра будущей Шан («аньянский аграрный очаг») были существенно проще. Одна из причин более медленного формирования государственности в долине Хуанхэ заключалась в том, что в основе его лежало менее эффективное, чем рисоводческое, просоводческое хозяйство. Да и сельскохозяйственных угодий там до образования Великой Равнины было значительно меньше.

Области проживания *хуася* в социальном отношении становятся столь же развитыми только во второй половине 2 тыс. до н.э., после возникновения в «аньянском аграрном очаге» государства Шан (ок. 1300—1027 гг. до н.э.). Шан будет существовать параллельно с государствами эпохи развитой бронзы в низовьях Длинной реки, в Сычуани, к западу от оз. Поянху (культур Учэн), в средней части Длинной реки, а также в западной и северной части Шаньдуна. Государство Шан — сравнительно позднее государственное образование, выросшее во многом на опыте городских государств Длинной реки и многое воспринявшее от них через другие политии на Длинной реке (культуры и памятники Учэн, Синьган, Паньлунчэн, Саньсиндуй), а также на южных притоках Средней Хуанхэ (культуры Эрлитоу и Эрлиган).

Основа могущества *хуася* — Великая Китайская Равнина — еще не была пригодна для аграрного освоения⁴⁶. Это произойдет только к середине 1 тыс. до н.э. И тогда с появлением новой историко-культурной Зоны Великая Равнина с ее крупными аграрными очагами обеспечивает доминирование *хуася* в Восточной Азии. Но у них были древние предшественники в Регионе, продолжавшие быть независимыми еще полтора тысячелетия. Для их культуры будет характерна установка на синтез, а не на ассимиляцию. Им же предстояло воспринять с юга даосизм, авторскую лирическую поэзию и многое другое.

На рубеже 2-1 тыс. до н.э. их элиты, как и везде в южной части Региона Восточная Азия, восприняли многие атрибуты и символы власти (титулатуру правителей и представителей родовой знати, элементы

культы почитания предков династии, элементы ритуала с использованием стандартного набора бронзовых сосудов и т.п.) Западного Чжоу и постзападночжоуских государств *хуася*. Тогда же социальный опыт интенсивно развивающихся обществ *хуася* начинает распространяться на юг и частично воспринимается жителями низовий Длинной реки, бассейна оз. Тайху и оз. Поянху и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В основу данной статьи легли материалы исследований, которые проводятся в рамках научного проекта «Неолит, энеолит и ранняя бронза Восточной и прото-Юго-Восточной Азии» (начат в 2004 г. при участии Ульянова М.Ю., им же выполнены переводы с китайского языка и составлены карты).

Важнейшие результаты этого проекта опубликованы в: *Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.* Ландшафтно-хозяйственные пределы зон интенсивного земледелия в Регионе Восточной Азии в неолите: Эволюция социально-политических систем в древних и средневековых обществах (по археологическим и этноисторическим источникам). — Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Отв. ред. В. И. Гуляев. М. 2006, с. 13–14; *Деопик Д.В.* Некоторые важнейшие аспекты формирования государственности в Восточной и Юго-Восточной Азии в 3–2 тыс. до н.э. Ломоносовские чтения. Апрель 2007. Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2007; см.: *Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.* Выявление аграрных очагов в Восточной и прото-Юго-Восточной Азии: на материале изучения археологических памятников неолита и ранней бронзы (VI–нач. II тыс. до н.э.) — Ломоносовские чтения. Апрель 2008. Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2008, с. 50–52; *Ульянов М. Ю.* О выделении периодов при описании исторического процесса на примере периодизации Чуньцю (771–453 гг. до н.э.) и Чжаньго (453–221 гг. до н.э.) в истории Древнего Китая. — Ломоносовские чтения. Апрель 2008. Востоковедение. Тезисы докладов. М. 2008. С. 60–62; *Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.* Основные этапы исторического процесса в Регионе Восточная Азия в IX–I тыс. до н.э. — Ломоносовские чтения. Апрель 2009. Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2009, с. 91–95.

Основные работы по истории аустроазиатских народов в древности, включая статьи, переводы, рецензии 1960–1990 гг., а также значительную часть текста диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, были собраны в: *Деопик Д.В.* Вьетнам. История, традиция, современность. М., 2002. См. также: *Деопик Д.В.* История Кампучии. Раздел 1. М., 1981. Предлагаемая статья, во многом итоговая для изучения этой темы, содержит основные выводы и наблюдения по ключевому вопросу — возникновение наиболее раннего (из известных) государственных образований в истории Восточной и прото-Юго-Восточной Азии.

Многие идеи относительно ранней государственности были высказаны в работах 1970-х гг., см.: *Деопик Д.В.* Восточная Азия: Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий. М., 1978; развиты в работе: *Деопик Д.В.* ЮВА в мировой истории. М., 1977; *Деопик Д.В.* Археология ЮВА. — Археология зарубежной Азии. М., 1986. Но с тех пор в научный оборот был введен новый массив археологических данных, которые позволили значительно расширить наши представления об этом.

² Одна из первых работ о Моцзяошань как о центре раннего государства: *Чжан Сюэхай.* Лунь Моцзяошань гуго (Исследование древнего государства Моцзяошань). — Лянчжу вэньхуа яньцзю. П., 1999.

Круг научной литературы о различных аспектах культуры Лянчжу необычайно широк (особенно с начала 2000-х гг.), есть немногочисленные работы и на русском языке. В дальнейшем будем ссылаться на те из них, которые представляются наиболее значительными. В их число не входит брошюра (52 стр.), где я указан как соавтор:

- см.: *Деопик Д.В., Лантев С.В.* Культура Лянчжу и проблемы археологии северной части прото-Юго-Восточной Азии. М., Мытищи-5, изд-во Московского государственного университета леса, 2005.
- ³ «Зона» — это крупный географический район, имеющий естественные, ярко выраженные ландшафтные границы. Зоны, как правило, связаны с бассейнами крупных рек, очаги — с их притоками и прилегающими участками Длинной реки. Ранние Зоны: Средняя Хуанхэ, Средняя Янцзы, Нижняя Янцзы, Шаньдун; поздняя Зона: Великая Равнина. Об историко-культурных Зонах Региона Восточная Азия, а также об отдельных аграрных очагах внутри них, См.: *Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.* Выявление аграрных очагов, с. 50–52.
- ⁴ Вопрос периодизации культуры Лянчжу еще требует уточнения. Ранний период, к примеру, могут датировать 3000–2500 гг. до н.э., средний — 2500–2000 гг. до н.э., поздний — 2000–1700 гг. до н.э. См.: Чжунго каогу сюэ тунлунь. Нанкин, 2000, с. 162.
- ⁵ Уникальность наших представлений о царстве Мо определенно несколькими факторами: ландшафтная удаленность, хорошая степень сохранности памятников, детальная археологическая изученность (раскопанность, подробные публикации). Сохранность памятников Мо обусловлена еще и тем, что они расположены далеко от береговой линии и не пострадали от ее изменений.
- ⁶ См.: *Деопик Д.В.* О древнейших письменностях в Восточной и прото-Юго-Восточной Азии (современные представления). — Ломоносовские чтения. Апрель 2008. Востокведение. Тезисы докладов. М., 2008; *Xiaoneng Yang*. Reflection of Early China. Decor, Pictographs, and Pictorial Inscriptions. Seattle—London, 2000, p. 73-74; *Жао Цзунь*. Хэфо дасюэ со цан Лянчжу хэтаошан дэ фухао ши ши (Попытка расшифровки знаков на черной керамике культуры Лянчжу, хранящейся в Гарвардском университете). — Чжэцзян сюэкань, 1990, № 6.
- ⁷ Наличие у аустронезийцев одной мощной культуры пока, на наш взгляд, археологически не подтверждено, но их следы (например, в виде нефритового кольца определенной формы) встречаются на Тайване, Филиппинах, центральной части Вьетнама.
- ⁸ См.: *Яхонтов С.Е.* К этногенезу народов мяо-яо. — Народы, страны бассейна Тихого океана. М., 1971; *Москалев А.А.* Язык дуаньских яо (язык ну). М., 1978; *Фам Дык Зыонг*. Место группы языков мяо-яо среди языков Юго-Восточной Азии и их родственные связи. — Новое в изучении вьетнамского языка и других языков Юго-Восточной Азии. М., 1989; *Неуен Ван Лой*. Некоторые вопросы этнической истории народов мяо-яо. — Китайское языкознание. М., 1996.
- ⁹ Границей, севернее которой лянчжусцы не продвинулись, стала река Фэйхуанхэ. Памятник Лучжуан (уезд Фунин на севере пров. Цзянсу) — это место встречи «лянчжусцев» с «шаньдунцами». См.: *Луань Фэньши*. Лунь Лучжуан синьшици дэ шидай ишунь дэ вэньхуа синьжи хэ няньдай (Характеристика и датирование неолитического памятника Лучжуан). — Каогу, 2000, № 2, с. 89-96.
- ¹⁰ Об этом см.: *Тун Чжучэнь*. Лянчжу вэньхуа шици дэ каоча (Исследование каменных орудий культуры Лянчжу). — Чжунго каогу сюэ луныцун. Чжунго шэхуэй кэсюэюань каогу яньцзюэ цзяньсюэ сыши нянь цзиньянь. Пекин, 1995, с.83.
- ¹¹ За пределами карты остались несколько памятников Лянчжу, расположенных в границах «ханчжоуваньского» аграрного очага, где господствовала культура Хэмуду.
- ¹² См.: *Шанхай Цинпу Фуцзоаньшань Лянчжу вэньхуа муди* (Погребения культуры Лянчжу в районе горы Фуцзоаньшань, в Цинпу под г. Шанхай). — Вэнь, 1986, № 10; *Фуцзоаньшань: синьшици шидай ичжи фацзюэ баогао* (Фуцзоаньшань: отчет о раскопках на неолитическом памятнике). П., 2000.
- ¹³ Цзянсу Учзинь Сыдунь ичжи дэ шицзюэ (Пробные раскопки памятника Сыдунь, уезд Учзинь, пров. Цзянсу). — Каогу, 1981, № 3; *Чэнь Лихуа*. Цзянсу Учзинь Сыдунь ичжи дэ синьшици шидай и (Материал неолитического памятника Сыдунь, уезд Учзинь, пров. Цзянсу) — Вэнь, 1984, №2.
- ¹⁴ *Чжан Сюэхай*. Лунь Моцзяошань гуго, с. 17.
- ¹⁵ Там же, с. 18-19.
- ¹⁶ Там же, с. 17.

- ¹⁷ В совр. уезде Юйхан в пров. Чжэцзян. Памятник был обнаружен в 1993 г. См.: Чанцзян вэньмин дэ шу гуан (Расцвет цивилизации р. Янцзы). — Эр ши шицзи Чжунго бай сян каогу да фасянь, П., 2001; *Чжао Хуа*. Иньме гуго гуду.
- ¹⁸ В основе названия памятника Моцзяошань, вероятнее всего, лежит некий местный топоним, записанный иероглифами и прочитанный на современном кит. языке *лутунхуа*. Сказанное относится и ко многим другим топонимам округа столицы царства Мо.
- ¹⁹ См. *Чжао Хуа*. Иньме гуго гуду, с. 66.
- ²⁰ *Чжао Хуа*. Иньме гуго гуду, с. 66.
- ²¹ Сведения о раскопках см.: Чжэцзян Юйхан Фаньшань Лянчжу муди фацзюэ цзяньбао (Краткое сообщение о раскопках могильника Лянчжу, памятник Фаньшань, уезд Юйхан, пров. Чжэцзян). — Вэньу, 1988, № 1.
- ²² Памятник хорошо раскопан, ему посвящена монография и целый ряд статей. См.: Фаньшань. Т. 1-2. П., 2005; Юйхан Яошань Лянчжу вэньхуа цзитань ичжи фацзюэ цзяньбао (Краткое сообщение о раскопках памятника и алтаря для жертвоприношений Яошань культуры Лянчжу, уезд Юйхан). — Вэньу, 1988, № 1.
- ²³ Фаньшань, с. 148, 204, 272; Чжэцзян Юйхан Фаньшань Лянчжу муди, с. 6.
- ²⁴ Юйхан Яошань, 1988
- ²⁵ Чанцзян вэньмин, с. 115.
- ²⁶ Яошань, 2003, с. 168.
- ²⁷ См.: Чжэцзян Юйхан Хуйгуаньшань Лянчжу вэньхуа цзитань юй моди фацзюэ баогао (Сообщение о раскопках места для жертвоприношений и могильника культуры Лянчжу на памятнике Хуйгуаньшань, уезд Юйхань, пров. Чжэцзян). — Чжэцзяншэн вэньу каогу яньцзю со сюэкань. Пекин. 1997.
- ²⁸ Чжэцзян Юйхан 1997, Хуйгуаньшань Лянчжу вэньхуа цзитань юй моди фацзюэ баогао (Сообщение о раскопках места для жертвоприношений и могильника культуры Лянчжу на памятнике Хуйгуаньшань, уезд Юйхань, пров. Чжэцзян). — Чжэцзяншэн вэньу каогу яньцзю со сюэкань. Пекин. 1997, с. 115.
- ²⁹ См.: Мяоцянь, П., 2005; Чжэцзян Лянчжу Мяоцянь ичжи ди у, лю цы фацзюэ цзяньбао (Краткое сообщение о пятых и шестых раскопках памятника Мяоцянь у села Лянчжу, пров. Чжэцзян). — Вэньу, 2001, № 12.
- ³⁰ Чанцзян вэньмин, с. 115.
- ³¹ Мяоцянь, с. 88-101 и др.
- ³² Мяоцянь, с. 198, 233, 236, 238, 239 и др.
- ³³ Мяоцянь, с. 178, 222, 226, 265 и др.
- ³⁴ Оригинальная попытка ее прочтения дана Жун Чупином в статье «Фан Юэ хуй ши»: Лянчжу вэньцзы иду чжи и («Юэ заключило военный союз»: один из вариантов перевода и прочтения текста Лянчжу). — Дуннань вэньхуа. 2001, № 3, с. 76-77.
- ³⁵ Мяоцянь, с. 97.
- ³⁶ См.: Мацяо: 1993-1997 нянь фацзюэ баогао (Мацяо: отчет о раскопках 1993-1997). Ш., 2002, с. 29, 37-39.
- ³⁷ *Xiaoneng Yang*. Reflection of Early China. Decor, Pictographs, and Pictorial Inscriptions. Seattle—London, 2000, p. 73-74; *Жао Цзунъи*. Хэфо дасюэ со цан Лянчжу хэтаошан дэ фухао ши ши (Попытка расшифровки знаков на черной керамике культуры Лянчжу, хранящейся в Гарвардском университете). — Чжэцзян, сюэкань, 1990, № 6.
- ³⁸ *Чжао Хуа*. Иньме гуго гуду, с. 171.
- ³⁹ См.: *Xiaoneng Yang*. Reflection of Early China; а также статьи: *Фэн Ши*. Шаньдун Дингун луншань шидай фэньцзы цзеду (Прочтение письменных знаков периода Луншань из Дингун, пров. Шаньдун). — Каогу, 1994, № 1; *Цай Фэншу*. Чэнчжи, вэньцзы цзи вэньмин циюань (Происхождение города, письменности и цивилизации). — Чжунго ши яньцзю. 1997, № 1.
- ⁴⁰ The Formation of Chinese Civilization. Yale, 2005, p. 133; *Чжан Минь*. Цунцянь таовэнь тань чжунго вэньцзы дэ циюань юй фачжань (Рассмотрение происхождения и развития китайского письма через доисторические надписи на керамике). — Дуннань вэньхуа, 1998, № 1, с. 199.

- ⁴¹ См.: Мацяо: 1993-1997 нянь фацзюэ баогао (Мацяо: доклад о раскопках 1993-1997 гг.). Ш., 2002; Лянчжу вэньхуа сян Мацяо вэньхуа яньхуа гочэн чутань (Начало исследования влияния культуры Лянчжу на культуру Мацяо). — Шанхай боугуань цзикань, 1990, 05, с. 61.
- ⁴² Цзянси Цинцзян Учэн Шандай ичжи фацзюэ цзяньбао (Краткое сообщение о раскопках на памятнике Учэн, уезд Цинцзян, пров. Цзянси). — Вэньу. 1975, № 7, с. 56–57; *Пэн Минхань*. Учэн вэньхуа (Культура Учэн). П., 2005, с. 99. *Тан Лан*. Гуаньюй Цзянси Учэн вэньхуа ичжи юй вэньцы дэ чубу таньсу (О первых шагах в исследовании памятника культуры Учэн пров. Цзянси и знаков письма). — Каогу. 1975, № 7.
- ⁴³ См.: Хэ Тяньсин. Хансянь Лянчжу чжэнь чжи шици юй хэтао (Каменные орудия и черная керамика из поселка Лянчжу, уезд Хансянь). — У Юэ ши ди яньцзю хуй цуншу чжи и. П., 1937.
- ⁴⁴ Нельзя не обратить внимание на символику, отраженную на ножке сосуда. Уникальная особенность данного трипода — наличие на ножках росписи в виде двух точек с «рыбками» или «запятыеми» рядом — возможной модификации распавшегося орнамента «кружка с треугольниками», типичного для бассейна Янцзы. Близкий к этому трипод встречается также на памятнике Цаосешань.
- ⁴⁵ Усы, как и юэсы, упоминаются во всех древнекитайских письменных памятниках, включая *Чуньцю Цзочжуань* («Комментарий г-на Цзо к [хронике] Весны и осени»), *Губэнь Чжусу цзинянь* («Древний текст бамбуковых анналов»), *Шицзи* («Исторические записки») и др.
- ⁴⁶ В мировую археологическую науку эти представления были введены гарвардским профессором Чжан Гуанжи в известной обобщающей работе «Археология древнего Китая». В переиздании своего классического труда «Археология Китая» в 1986 г. он обратил внимание на публикацию китайского (тайваньского) ученого Дин Су, см.: *Chang Kwang-chih*. Archaeology of Ancient China. New Haven—London, 1986. Именно Дин Су еще в 1965 г. писал о существовании Древнего Залива на территории современной Великой равнины, о последующих изменениях береговой линии и т.п. См.: Дин Су. Хуабэй дисинши юй Шан Инь лиши (История ландшафта китайского севера и история Шан-Инь). — *Bulletene Institute Ethnology, Academia Sinica*. № 20, 1965, р. 155–162 (в «Гудай Чжунго каогу сюэ»). Эти представления вошли в науку, Это видно по тому, что процесс формирования Великой равнины описан в самом распространенном «Атласе физической географии КНР» (Чжунго цзыжань дили туцзи. П., 2000, с.127).
Однако до настоящего времени при анализе археологического материала, и тем более его общеисторической интерпретации, эти данные все еще используются редко.

К вопросу о первых упоминаниях стран Юго-Восточной Азии в китайских источниках: сведения о «стране Хуанчжи» в контексте политической и идеологической борьбы начала I в. н.э.

Хорошо известно, насколько сообщения китайских источников важны при реконструкции истории стран Юго-Восточной Азии. Большинство их попали в поле зрения исследователей сравнительно давно¹. Многие были переведены на европейские языки и описаны, сведения из них составили важную часть представлений об истории стран ЮВА. Нам хотелось бы привлечь внимание к тому, что сейчас исторической интерпретации сведений китайских памятников должна предшествовать всесторонняя «критика текста»².

Данная статья посвящена анализу сообщений второй по важности и по времени создания (после «Исторических записок» Сыма Цяня) «нормативной истории» — сочинения Бань Гу *Хань шу* («Истории [империи Западная] Хань», I в. н.э.), в которой, как принято думать, содержатся наиболее ранние упоминания стран ЮВА в китайских источниках, а также некой «страны Хуанчжи» 黃支國, попавшей в сферу внимания специалистов как топоним, обозначающий наиболее удаленный пункт к югу от Китая.

В *Хань шу* сведения о Хуанчжи содержатся в главах трех разделов: *дици* («Записи [по годам правлений] императоров»), *лечжуань* («Биографии»), *чжи* («Трактаты»). В первых двух разделах Хуанчжи встречается в паре с мифическим этнонимом «род юэшан» (юэшанши 越裳氏) в связи с получением дани (сначала фазанов, затем носорога) во время регентства Ван Мана накануне его вступления на престол (конец I в. до н.э. — начало II в. н.э.) — как акт, подтверждающий его право на высшую власть³. А в третьем — как одна из стран, расположенных на морских маршрутах, вместе с Дуюань 都元, Илумэй 邑盧沒, Чэньли 諶離, Фугань Дулу 夫甘 都盧 (возможно, не одна, а две страны), которые часто локализуют на Индокитайском п-ве, а также И(сы?)чэнбу 已程不» и остров (?) Пицзун 皮宗, которые отождествляются с Шри Ланкой или островом Писанг (малайск. Банан)⁴.

В данной статье будут проанализированы сведения о «стране Хуанчжи» и «роде юэшан»⁵, встречающиеся в первых двух разделах, а материал главы раздела «Трактаты» — *Диличжи* («Описание земель» цз. 28Б) рассматриваться не будет, он требует отдельного исследования⁶. Скажем только, что есть основания полагать: завершающая часть текста *Диличжи*, в

которой помещены сведения о Хуанчжи, была существенно повреждена и «реконструирована» позже на основе реалий более позднего времени⁷.

Главная задача данной статьи заключается в том, чтобы на основе «критики текстов» источников установить степень исторической достоверности *юэшан* и Хуанчжи как этнонима и топонима, от чего и будет зависеть возможность дальнейших рассуждений о локализации и сроках плавания — всего того, что было в центре внимания наших предшественников.

На данном этапе «критики текста» (до текстологического и структурного анализа) основное — выявление ключевых деталей описания и рассмотрение контекстов, в которых они реализованы в источниках. Поскольку некоторые детали носят устойчивый характер, т.е. встречаются в различных памятниках, относящихся к разным историческим эпохам, то для удобства их анализа в качестве «элементов исторической информации»⁸ введем формализованные понятия и назовем их «признаками», а их устойчивые сочетания — «наборами признаков»⁹.

На наш взгляд, сведения об иноземных странах и народах в китайских источниках воспринимаются и накапливаются в общественном и индивидуальном сознании, а затем воспроизводятся и сохраняются в письменных памятниках в виде отдельных «признаков», образующих устойчивые сочетания или специфические «**наборы признаков**». Отдельный признак может встречаться в разное время, но для каждого исторического времени характерен свой набор. Те признаки, которые сохраняются сравнительно долго, составляют устойчивые стереотипы восприятия этих стран и народов¹⁰. Особенность китайских источников (по крайней мере, официальных, в том числе «нормативных историй») в том, что они связаны с идеологией государственной власти, поэтому набор признаков может представлять из себя часть этой идеологии, то есть составлять одну из ее «идеологем» (один из элементов идеологии, составляющий жесткую нормативную структуру: <http://terme.ru/dictionary/184/word/%D3%D1%D2%CE%C9%D7%C8%C2%CE%D1%D2%DC>).

Далее рассмотрим процесс происхождения признаков «род *юэшан*» и «страна Хуанчжи», выясним, с какими признаками они образуют устойчивые сочетания, определим время формирования, функционирования и распада «наборов признаков», дадим их характеристику. Также постараемся установить те исторические события, которые предопределили их появление, и те идеи, которые были в них заложены. В заключении проследим, как эти наборы признаков изменялись при смене исторических эпох.

Оговоримся: в нашу задачу не входит подробное рассмотрение всех отдельных признаков, а также анализ исторических преданий разных эпох и всех обстоятельств прихода Ван Мана к власти. Это темы специальных исследований. Наша задача — проследить историю функционирования определенного набора признаков и продемонстрировать, почему это важно учитывать при использовании сведений китайских источников об ино-

земных странах и народах, в первую очередь Юго-Восточной Азии, поскольку страны этого региона расположены к югу от Китая, т.е. в особо выделяемом, с древности сакрализованном направлении.

1. Упоминания отдельных признаков (белый фазан и носорог) в источниках до Западной Хань (ранее 202 г. до н.э.)

В эпиграфике периода Западное Чжоу (1027–771 гг. до н.э.), насколько мы можем судить, выявленные наборы признаков и их составляющие не встречаются.

В восточночжоуских (771–221 гг. до н.э.) памятниках упоминания признаков «белый фазан» и «носорог» очень редки¹¹. Они встречаются в связи с изложением исторического предания об обстоятельствах смерти одного из правителей Западного Чжоу Чжао-вана (984–966 гг. до н.э.), погибшего в походе на расположенное к югу от владений чжоуского вана царство Чу¹². «Белый фазан» упомянут в поэме первого лирического поэта Восточной Азии, жителя царства Чу Цюй Юаня (340–278 гг. до н.э.) *Тянь вэнь* («Вопросы Небу»). А «носорог» — в *Губэнь Чжушу цзинянь* («Бамбуковые анналы, древний текст»), реконструированной хронике царств Цзинь и Поздняя Вэй¹³.

1. В поэме Цюй Юаня есть такие строки: «*Чжао-ван, совершая путешествие, достиг границ южных земель. В чем была польза от того, что он получил там белого фазана?*»¹⁴. Поход на юг Чжао-вана, названный здесь «путешествием», завершился получением дани в виде белого фазана.

2. В *Губэнь Чжушу цзинянь* находим некоторую детализацию этого сообщения: «*16-й год [правления] чжоуского Чжао-вана (969 г. до н.э.). Напал на [царство] Чу–Цзин, переправился через [реку] Хань. Получил в дар большого носорога*»¹⁵.

Здесь явно упоминается один и тот же поход на юг, но вместо слова *цзи 雉* «фазан» использовано слово *сы 兕* «носорог», (а не *си 犀*, в отличие от сообщений о событиях ханьского времени). Есть предположение, что в древности эти два знака были взаимозаменяемы, а значит и во втором случае речь идет о фазане¹⁶.

Приведенные данные позволяют реконструировать предание и выявить его важнейшую идею, точнее идеологему, которая составила смысловое ядро не только идеологического обоснования права китайского правителя на эти земли, но и его права на власть во всей Поднебесной — наиболее отдаленный народ, живущий за южными пределами китайского государства, поднес в качестве дани белого фазана¹⁷.

Итак, в памятниках восточночжоуского времени встречается признак: «фазан», который мог быть истолкован и как «носорог». Это важно для понимания появления второго признака в будущем.

Заметим, что признак «белый фазан» встречается в еще одном восточночжоуском труде¹⁸, а именно *Шань хай цзине* («Канон гор и морей»),

в главе, посвященной горам Запада (гл. 2), и входит в описание горы Юйшань 孟山, наиболее удаленной от центра четвертой цепи гор в этом направлении¹⁹. Из чего можно предположить, что «белый фазан» в доханьское время мог быть связан и с западным направлением, а не только южным, как в период Западная Хань.

Устойчивая же совокупность признаков как составная часть идеологии (белый фазан, доставленный в качестве дани, является ключевым знаменем санкции Неба на высшую власть) сложилась (или, по крайней мере, была записана) уже в последующее историческое время.

2. Формирование наборов признаков в источниках Западной Хань

В западноханьское время признаки встречаются отдельно и впервые в составе первого набора (род юэшан — белый фазан в качестве дани — многократный перевод²⁰).

1. Самыми ранними являются упоминания в комментариях к каноническим сочинениям: *Шуцзин* («Канон [исторических] документов») и *Шицзин* («Канон песен»). Речь идет о *Шаншу дачжуань* 尚书大传 («Большой комментарий к “Канону исторических документов”»), созданном в начале западноханьского периода Фу Шэном 伏生 (конец III — начало II в. до н.э.)²¹, и *Хань ши вайчжуань* 韩诗外传 («Внешний комментарий к “Канону песен” [по версии] господина Ханя») Хань Ина 韩婴, который жил несколько позже, во II в. до н.э.²² Фу Шэн и Хань Ин считаются основателями школ толкования этих двух канонов — основы многих идеологических построений империи Западная Хань и в более поздние времена²³.

Так как они несколько различаются, то приведем их переводы в виде таблицы:

Шаншу дачжуань ²⁴	Ханьши вайчжуань (гл.5) ¹
1 <i>Во время Чэн-вана саньмяо собрали воедино шелковицы и оживили, получили единое соцветие, величиной в несколько повозок, длиною в несколько коробов.</i>	<i>Во время Чэн-вана саньмяо собрали воедино шелковицы и оживили, получили единое соцветие, величиной в несколько повозок, длиною в несколько коробов.</i>
2 <i>Во времена Чэн-вана вырос побег с удивительным стволом, также называли его единым юэ 鷲. У людей будет тот, кто займет наивысшее положение. Ван призвал Чжоу-гуна и задал ему вопрос об этом. Гун сказал: «Саньмяо называют это единым ган 甘, разве это не означает, что Поднебесная будет подчинена и приведена к единству!»</i>	<i>Чэн-ван задал вопрос Чжоу-гуну: «Что это такое?» Чжоу-гун сказал: «У саньмяо выросло единое соцветие — смысл [фразы] в том, что и Поднебесная также неизбежно станет единой».</i>

3	<p><i>К югу от Цзяочжи есть страна Юэшиан. Чжоу-гун занимал место регента 6 лет, устроил ритуал, ввел музыку, в Поднебесной установились мир и покой.</i></p>	<p><i>Прошло три года.</i></p>
4	<p>Юэшиан на трех слонах, прибегая к многократному переводу, поднесли белого фазана. Сказали: «Дорога далека — горы обрывисты, реки глубоки. Поскольку разговор посланников не будет понят, поэтому, посещая аудиенцию, прибегаем к тройному переводу. Чэн-ван передал его (фазана) Чжоу-гуну».</p>	<p><i>[Представители] рода юэчан (вариант записи юэшиан — М.У.), прибегая к девятикратному переводу, послушно прибыв, поднесли белого фазана Чжоу-гуну. [Сказали], что «дорога далека — горы и реки сумрачны и глубоки, опасаемся, что посланные люди не будут поняты, поэтому прибыв, прибегаем к многократному переводу».</i></p>
5	<p><i>Чжоу-гун сказал: «Если дэ не может быть применено, то благородный муж не принимает подношений при первом визите. Если управленческие действия не могут быть осуществлены, то благородный муж не относится к тем людям как к подданным. Как же я смогу принять это дар?»</i></p>	<p><i>Чжоу-гун сказал: «Почему вы принесли этот дар?»</i></p>
6	<p><i>Их посланцы, обращаясь к нему с просьбой [принять дар], сказали: «Мы получили повеление от старцев нашей страны, которые сказали, что ох, как давно, не было такого, чтобы с неба не дул сильный ветер, а шел сильный дождь. Не в том ли смысл, что в Срединном государстве появился совершенномудрый? Если так, то почему бы и не явиться к нему на аудиенцию!»</i></p>	<p><i>В переводе говорилось: «Мы получили повеление от стариков нашей страны, в котором было сказано: ох, как давно не было такого, чтобы с неба не дул ветер, а обрушился ливень, чтобы на море не было волн, а вода выходила из берегов. И все три последние года так. Смысл в том, что в Срединном государстве появился совершенномудрый, почему бы и не явиться к нему на аудиенцию! Вот и прибыли».</i></p>
7	<p><i>Чжоу-гун вновь передал его (фазана) вану, посвятил его духам прежних ванов, поднес его каждому из них в храме поминовения предков.</i> <i>А когда дэ Чжоу стала ослабевать, тогда [доставка дани] стала постепенно пресекаться.</i></p>	<p><i>Так, проявив покорнейшее почтение Чжоу-гуну, изложили причину, по которой прибыли.</i></p>

Сходство структуры и содержания этих двух текстов говорит о том, что у них был общий источник, явно претерпевший литературную обработку, но сохранивший основные элементы информации.

В обоих памятниках сначала рассказывается о мифическом народе *саньмяо* (букв. три *мяо*) и его сверхъестественном растении (огромное соцветие шелковицы), которое трактуется как знамение и символ единой власти чжоуского вана, а затем уже о народе *юэшан*, живущем на самом отдаленном юге (к югу от Цзяочжи), т.е. в некоей не входившей в состав империи земле и являющемся независимым народом, а не подданными императора. То, что *юэшан* приводится в связке с *саньмяо*, показывает процесс развития идеологемы — в новое историческое время границы юга отодвинулись от чуских земель Средней Янцзы (западно- и восточночжоуское время) до вьетских (юэских) земель в долине Красной реки на Индокитайском п-ве.

Таким образом, упоминание в предании *саньмяо* неслучайно, оно отсылает нас к рассмотренным выше сообщениям о походе на царство Чу и дани в виде фазана. Именно они считаются предками народа *хмонг* (кит. *мяо*), жившего на Средней Янцзы и составлявшего большую часть жителей Чу²⁶. Теперь дань принесена другим, более южным народом, но и о Чу еще нельзя было не упомянуть.

Благодаря этим сообщениям видно, как в западноханьское время складывались наборы признаков и какую идеологическую модель они формировали. В предании сообщается о подношении от наиболее отдаленного из народов юга дани в виде жертвенного животного. Его основная идея в том, что именно это подтвердило право китайского правителя на высшую власть. Соответственно, оно может быть использовано и в будущем в качестве идеологического обоснования права на власть.

В рассматриваемое историческое время идеологема претерпела развитие, произошло «удревнение» события — здесь фигурирует уже не Чжао-ван, а регент (как и потом Ван Ман!) при более раннем чжоуском правителе (Чэн-ване) — Чжоу-гун²⁷.

Добавим, что текст этого предания сравнительно широко бытовал в конце Западной Хань накануне начала борьбы рода Ван за высшую власть в империи. Так, он встречается в трудах придворного библиотекаря и идеолога Лю Сяня (77 г. до н.э. — 6 г. н.э.): в *Шо юань 說苑* («Хранилище учений», глава *Бянь-у 辨物*) приведена его полная версия, а в *Синь сюй 新序* («Новое введение») упоминается дань *юэшан* и многократный перевод.

2. Признаки «белый фазан» и «носорог» отдельно встречаются в сочинении западноханьского историка Сыма Цяня «Исторические записки» (гл. 12, 28, 128) в сообщении о жертвоприношениях императора У-ди (140–87 гг. до н.э.). В частности говорится, что в 110 г. до н.э. после жертвоприношений У-ди «на волю были выпущены привезенные из далеких мест редкие животные и птицы, а также **белые фазаны**, что придало большую [торжественность] жертвоприношениям. Буйволы, яки, **носороги**, слоны и прочие животные подобного рода [для жертвоприношений] не употреблялись»²⁸.

Смысл этого текста отличен от уже известной нам чжоуской идеологии, которую, видимо, У-ди и пытался разрушить, создавая новый имперский культ, в который вошли жертвоприношения Небу и Земле, пяти горным вершинам и четырем большим рекам²⁹.

Учитывая размах имперского строительства при У-ди, легко предположить, что раз он отпускал этих животных, то значит ранее в предыдущие двадцать лет своего правления он их собирал. Показательно, что «белые фазаны», поскольку они уже являлись частью ранее существовавшей идеологической схемы, выделены из всех птиц, а носороги даны в перечислении с другими крупными животными. Их выделение — дело ближайшего будущего.

3. Для понимания механизмов формирования двух наборов стереотипных признаков в конце Западной Хань исключительно важное значение имеют сообщения трактата Хуань Куаня (81 г. до н.э. — 9 г. н.э.) *Янь те лунь* 鹽鐵論 («Спор о соли и железе», гл. 7, 8), который содержит запись дискуссии, состоявшейся при императорском дворе в 81 г. до н.э. Трактат был завершён во второй половине I в. до н.э., т.е. незадолго до событий, сопровождавших приход Ван Мана к власти.

Первое сообщение (цзюань 7, Глава 37 *Чун ли* 崇禮 «Чтить нормы поведения») такое³⁰:

«В старину Чжоу-гун ... отказался от даров юэшан, и этим явил нормы ритуального поведения, выражающие почтительность и уважение; а когда затем он ввел [представителей] юэшан в поминальный храм Вэнь-вана, то этим явил нормы ритуального поведения, выражающие сыновнюю почтительность. Когда глаза [варвара] видят зрелище величественного поведения... Вот из-за этого варвары четырех сторон света стремятся к выполнению долга и становятся внутренними подданными, дело не в том, что путем многократного перевода толмачи с языков западных народов привозят для обозрения хищных медведей. Ведь носороги-самцы, слоны, носороги-самки и тигры — это то, чего много у южных варваров...»³¹.

В приведенном фрагменте содержится переложение и новое переосмысление предания, приведенного в классических комментариях.

Здесь впервые сведены воедино такие признаки как «дань от юэшан» (которая приносилась в жертву в храме основателя Западного Чжоу Вэнь-вана), «многократный перевод» и «крупное животное» (которое может быть доставлено жителями «крайнего Юга») ³². Но они еще не составляют единого набора признаков. В списке уже нет буйволов и яков, а носорог, хотя и детализирован, еще не выделен.

В этом тексте содержатся основные элементы информации, которые позже вошли в программу действий Ван Мана. Из него можно узнать и о том, что должны были подумать современники Ван Мана о причинах, побудивших «южных варваров» привезти дань.

Как видим в произведении общественной мысли западноханьского времени, идеологема доставки дани самым южным народом как

подтверждение права на высшую власть (поскольку является благоприятным знаменем Неба) была очень распространена. Но в них еще нет упоминания страны, откуда было доставлено крупное животное. Уточнение названий — следующий этап развития идеологемы, который связан с задачами нового исторического времени.

3. Реализация наборов признаков в контексте борьбы рода Ван за власть в конце периода Западная Хань (начало I в. н.э.)

В процессе борьбы Ван Мана за власть возникла необходимость в создании новой идеологической конструкции, которая должна была убедить современников в его праве на императорский престол. Тогда и появилась описываемая нами пара наборов признаков, в которой первый включал уже сложившуюся идеологему, а второй — вновь созданную в соответствии с текущими задачами. При этом каждый из них связан с конкретным этапом борьбы.

Сведения об этом содержатся в двух главах двух разделов *Хань шу* (цз. 12, 99)³³. В главе 12 *Пин цзи* («Погодные записи правления императора Пин-ди», 1 г. до н.э. — 5 г. н.э.) раздела *дицзи* приведена информация хроникального характера, которая кратко сообщает о важнейших событиях и не носит оценочного характера. В главе 99 *Ван Ман чжуань* («Жизнеописание Ван Мана») раздела *лечжуань* в развернутом виде содержатся некоторые конкретизации и дополнения этих сведений, но при их анализе необходимо учитывать особенность текста, которая заключается в том, что биографии персонажей, пользовавшихся плохой репутацией (как Ван Ман, который считался узурпатором престола), содержат элементы политического памфлета, в том числе и попытки противоположной стороны разоблачить, т.е. показать, как все было на самом деле.

Биография Ван Мана была составлена после его гибели представителями рода Бань, преданного вернувшейся к власти династии Лю³⁴, поэтому она содержит следы порицания и осуждения, направленные на умаление его исторического статуса и опровержение даже не столько того, что дань была доставлена на самом деле (это под сомнение не ставится), а того, что ее можно трактовать как благоприятное знамение (*фужуй* 符瑞), признак санкции Неба на высшую власть.

Сначала приведем сообщения *дицзи*, а затем их детализацию в *лечжуань*. Будем учитывать исторические обстоятельства борьбы за власть рода Ван.

1. В главе 12 читаем: «В начальный год периода юань-ши (1 г. н.э.), весной, в первый месяц [представители] рода юэшиан (越裳氏), прибегая к многократному переводу (重譯), поднесли одного белого фазана и двух черных фазанов. Велели трем гунам принести их в жертву в императорском поминальном храме»³⁵.

«Юэшан», «многократный перевод», «дань в виде белого фазана» — три основных признака, составляющих ядро этого сообщения и формирующих первый известный и ранее «набор признаков», восходят к двум упомянутым раннеханьским комментариям к классическим памятникам: *Шаншу дачжуань* и *Хань ши вайчжуань*. Этот набор признаков, который апеллирует к уже существовавшей ранее традиции, потребовался на первом этапе борьбы за власть. Современнику напомнили о временах второго западночжоуского вана и его регента. Так была закреплена позиция Ван Мана как регента. Но ситуация развивалась стремительно, поскольку планы его этим не ограничивались, а простирались гораздо дальше.

2. И уже на следующий год произошло гораздо более знаменательное событие: «Во второй год (2 г.), весной страна Хуанчжи поднесла носорога. Указ гласил: “У императора [Пин-ди] два имени (Цзи-цзы 箕子 и Кань 衍). [Первое] соответствует названию утвари (совок — М.У.). Сейчас изменяем имя, дабы оно соответствовало древнему установлению. Приказываем Наставнику императора (тайши) Гуану поднести жертвенных животных, обратиться с жертвоприношениями к Гао-цзу (206—194 гг., основатель династии Лю — М.У.) в поминальном храме”...»³⁶.

Здесь впервые появились два признака из второго набора: «страна Хуанчжи» и «дань в виде носорога», но еще нет конкретизации местоположения или отдаленности этой страны от Китая. Это вопрос будущего. Здесь же ее упоминание значительно расширяет масштабы умиротворяющей деятельности Ван Мана, который следуя примеру Чжоу-гуна (из предания, приведенного в *Янь те лунь*), принес обоих животных в жертву предкам правящей династии Лю в их поминальном храме.

Ван Ману, который стремился к императорскому престолу, были необходимы очень весомые основания для подтверждения права на власть, поэтому нужно было показать современникам: его добродетель настолько велика, что священное животное значительно больших размеров могло быть доставлено из значительно более отдаленной страны, принесено в жертву в храме предка правящей династии (Гао-цзу) и принято его духом.

При этом выбор «носорога» в качестве дани, последовавшей после «белого фазана», был предопределен эпохой преобразований У-ди (это известно из упоминаний Сыма Цяня) и конкретизирован на основе материалов *Янь те лунь*. Можно предположить, что на основе сообщений, содержащихся в этих памятниках, и возникла идея формирования второго набора признаков как части идеологии легитимации власти. Одновременно Ван Ман продемонстрировал современникам, что он «традиционалист» и выступает за сохранение исконных чжоуских традиций, от которых в обрядовой сфере пытался отказаться «модернист» У-ди.

3. Текст биографии Ван Мана (гл. 99а) содержит ряд подробностей. Например, в нем сообщается о предыстории упомянутого выше события: «[Ван Ман] начал с того, что *намекнул* [чиновникам] Ичжоу приказать варварам, живущим за заставами, поднести **белого фазана**. В начальный год [периода правления] юань-ши Ман *подговорил* Тай-хоу издать указ о том, чтобы **белого фазана** принести в жертву в императорском поминальном храме ...»³⁷.

Нельзя не заметить, что авторы биографии с самого начала изложения событий приступили к «разоблачению». Оказывается, «варвары» не по своей инициативе (или тем более по повелению Неба!) принесли дань, а им «намекнули» местные чиновники. Видимо, умышлено сюда было вложено и существенное, очевидное для современников противоречие. По версии *лечжуань*, окружение Ван Мана обратилось к чиновникам юго-западного округа Ичжоу益州 (пров. Юньнань), а не к чиновникам южных прибрежных округов (Цзяочжи и др.), за которыми локализовали *юэшан*. Действительно, ведь в классических текстах еще «ранне-западноханьского» времени (например, *Шаншу дачжуань*, см. выше) *юэшан* размещалось к югу от самых южных, а не юго-западных округов империи (Цзяочжи или Жинань). Обращает на себя внимание и то, что здесь не указано, кто доставил дань, соответственно, речь могла идти и вовсе не о *юэшан*.

4. Акция удалась, дань была принесена. Это подействовало на двор: «Тогда все сановники лично заговорили о том, что заслуги и благая силадэ Мана приблизились к тому, что он, как и чжоуский Чэн[ван], получит предзнаменование в виде **белого фазана**...»³⁸.

Так представители рода Ван прибегли к аналогиям с древностью, что должно было убедить современников: Ван Ман получил одобрение Неба на власть, и не как регент, а как носитель высшей власти.

Выше, в *дици*, упоминалось, что с одним белым фазаном были поднесены и два черных, но механизм легитимации уже был приведен в действие и все лишнее отбрасывалось или видоизменялось. Так и регент Ван Ман в устах придворных сравнивался не с регентом Чжоу-гуном, а с самим Чэн-ваном. Действительно, сравнивать с Чжоу-гуном было бы некорректно, поскольку тот не стремился к власти, а наоборот, вошел в историю как член правящего рода, отказавшийся от борьбы за власть в пользу малолетнего сына правившего ранее брата, и тем самым заложил основы чжоуской государственности³⁹.

5. После получения дани императрица-мать Юань-хоу, принадлежавшая к роду Ван, продолжила продвигать своего родственника к вершине власти:

«И тогда тай-хоу издала указ, который гласил: “Великий сыма, Синьдуский хоу Ман для трех поколений был одним из трех гунов. Чиновничья

служба дьяньчжоуского гуна заложила [направление] политики для 10 000 поколений. Его заслуги сделали его преданным подданным правящего дома, [весть об этом] распространяется внутри морей, а живущие в отдалении люди следуют его благим примерам. [Представители] рода юэшан, прибегая к многократному переводу, поднесли белого фазана "...»⁴⁰.

Так сделан следующий шаг на пути к высшей власти — идеологема включена в официальный указ.

6. Далее был составлен доклад, в котором говорилось: «Дом Хань пребывал в опасности из-за отсутствия наследников, а гун (Ван Ман — М.У.) упрочил его. храм предков был успокоен, потому что было знамение в виде белого фазана, которое подобно [знамению, явленному] чжоускому Чэн[-вану]... »⁴¹.

7. Заметим, что в биографии сведений о доставке носорога нет, а сразу говорится: «Ман достиг Великого Покоя. На севере изменил сюнну, на востоке достиг Заморий, на юге привлек на свою сторону Хуанчжи, только запада еще нет в их числе»⁴².

Здесь Хуанчжи указана в качестве самой отдаленной страны Юга, как часть некой общей географической (пространственной) картины мира, являясь новым маркером южной границы распространения влияния империи⁴³. Юэшан же перестали выполнять роль такого маркера, но упоминание об их дани связывало эпоху Ван Мана с образцовым временем складывания западночжоуского государства.

8. Далее в докладе Ван Мана объясняется, что имелось в виду в этом перечислении: «Ман вновь докладывая тай-хоу, говорил: "... [представители] рода юэшан, прибегая к многократному переводу, поднесли белого фазана, Хуанчжи за 30 000 ли прислали в дань живого носорога, правители восточных варваров, переплыв большое море, поднесли драгоценности своих владений, шаньюй (правитель) сюнну ... »»⁴⁴.

Здесь два набора признаков — старый и новый — впервые даны вместе и образуют смысловое единство. Это характерно только для определенной исторической эпохи — времени борьбы Ван Мана за власть и его пребывания у власти. Первый предназначался для обоснования его права на высшую власть в принципе, а второй — именно в качестве императора.

В паре народов дальнего юга, доставивших дань, сведениях о *саньмяо* уже были не нужны. Ведь они ассоциировались с ближним Югом — народом *мяо*, живущим в бассейне Средней Янцзы, в землях царства Чу, которые уже входили в состав империи. На смену паре «*саньмяо* — *юэшан*» чжоуско-западноханьской идеологии должна была прийти новая пара южных народов. Так *юэшан* заняло место *саньмяо*, став обозначением народа, связывающего с прошлым, а его место заняла новая в данное историческое время наиболее отдаленная страна (или народ) — «страна Хуанчжи». Так возникла пара «*юэшан* — Хуанчжи» ванмановской идеологии.

Соответственно, на смену паре «шелковица — фазан» пришла пара «фазан — носорог». При этом выбор носорога в качестве дани носил, как представляется, искусственный характер. С одной стороны иероглифические знаки «фазан» и «носорог» были взаимозаменяемы, с другой только носорог из списка У-ди мог быть привязан к некому отдаленному (заморскому) югу, ведь яки и буйволы были связаны с ближним западом (Тибетом), а слоны — с ближним югом (Цзяочжи).

В результате двор принял действия членов рода Ван, и в империи на некоторое время (до 23 г. н.э.) сменилась правящая династия — на смену Лю пришли их родственники по женской линии Ван⁴⁵.

4. Реализация наборов признаков в сочинениях времен правления Ван Мана (9-23 гг.)

Оба набора признаков и отдельные его компоненты активно использовали идеологи времен правления Ван Мана (9-23 гг.). Это хорошо видно по цитате из сохранившегося в танской *лэйшу* *И вэнь лэй цзюй* 艺文类聚 («[Сведения из произведений конфуцианской] классики и [остальной] литературы, подобранные по темам», 622 г.) описаний южных земель, выполненных Ян Сюном 杨雄 (53 г. до н.э. — 18 г. н.э.). Он служил при императоре Чэн-ди (33—7 гг. до н.э.), являясь цензором императорского совета, а при Ван Мане занимался редактированием книг в придворной библиотеке. Ян Сюн также был автором нескольких сочинений (словарь диалектов *Фань янь* и др.)⁴⁶. Он умер до гибели Ван Мана, т.е. на его произведения не влияли критические антиванмановские воззрения, связанные с возвращением к власти династии Лю в период Восточная Хань.

В *Янчжоу чжэнь* («Поучение об [области] Янжоу») сказано:

«... Дом Чжоу впал в беспорядок, [юэский] Гоу Цзянь вошел в число гегемонов, а вот когда Чжоу было на подъеме, юэшан, прибегая к многократному переводу, [поднесли дань]. В конце же [периода] Весен и Осеней [народы] самых отдаленных земель поднимали мятежи...»⁴⁷.

То, что *юэшан* указаны сразу после правителя царства Юэ (Вьет), показывает, что жители царства Юэ, расположенного на Нижней Янцзы, и жители районов южнее округа Цзяочжоу считались одним и тем же народом.

В сочинении *Цзяочжоу чжэнь* («Поучения об [округе] Цзяочжоу») о самом южном округе империи Ян Сюн пишет:

«От отдаленных земель Цзяочжоу, там, где граница Вод и Неба, юэшан — крайние на юге, за пределом владений [императора] сами собою прavaют, не взнуданы, не стреножены.

Чжоу-гун в качестве регента начал править, белого фазана получил в дань. При Чжао-ване наступил упадок, в доме Чжоу началась смута, юэшан прервали доставку дани, а Цзин-Чу оказало противодействие.

Когда Великая Хань получила [Небесное] повеление, срединные царства все слились воедино, а пространство Южного моря было объединено под сенью совершенномудрых и доблестных [императоров].

Постепенно и на них была накинута узда, так добрались и до Хуанчжи, отрезанной морем на 30 000 [ли], из которой был доставлен носорог.

Могущество, которое не может не утратить, мощь, которая не может не привести в трепет. Источник истощен и становится пуст, водоем истощен, — мелеет и высыхает. Опекая подданных, государь поддерживает с ними связь, те же смеют обращаться с докладами, соблюдая нормы законов»⁴⁸.

Данное произведение явно написано после 2 г. н.э., поскольку в нем представлены оба набора признаков. Это сближает его с текстом раздела *дици* Хань шу и показывает, что приведенные в нем сведения не только послужили обоснованием права рода Ван на власть, но и вошли в существовавшую картину мира. В приведенном тексте впервые отражена пространственная модель, в которой детализируется южное направление: *юэшан* — наиболее отдаленный народ на известном юге, а Хуанчжи — наиболее отдаленная заморская страна. И хотя направление не указано, оно очевидно — южный вектор задан словами *юэшан* и Цзяочжоу.

Привязка *юэшан* к Цзяочжи (и в целом к югу, а не к юго-западу), столь характерная для следующего исторического времени, появилась именно в ванмановский период. А поскольку в приведенном тексте очень четко представлена вся конструкция, в которой дань от *юэшан* и Хуанчжи связана, то можно предположить: Ян Сюнь, современник Ван Мана, был одним из тех, кто во время борьбы за власть принимал участие в ее формировании. В любом случае, он воспел победу Ван Мана, когда тот уже пришел к власти и стал править как император.

В другом произведении этого же автора *Фа янь* 法言 («Образцовые речи») содержится сообщение, которое позволяет судить о месте Хуанчжи в системе пространственных представлений того времени:

«Благая сила дэ Хань может быть названа притягивающей к себе! С юга из Хуанчжи, с запада из Дася, с востока — от [варваров] ди, с севера — из [страны] женщин доставили в виде дани свои драгоценности ...»⁴⁹.

Здесь также изложена пространственная модель, в которой упомянуты все стороны света. Страны и народы, расположенные на востоке и на севере (восток связан с «варварами», а север — с мифической страной женщин), не требовали конкретизации и четкой привязки к реальным объектам.

В рамках этой модели страны, расположенные на юге и на западе, должны быть конкретизированы. Страна же, источник важной с точки зрения легитимации власти дани, должна была быть расположена именно на юге — особо значимом и сакрализованном направлении. При этом Хуанчжи, представленная как самая отдаленная и крупная

страна на сакрально значимом направлении (юге), явно умышленно сопоставлялась со страной Дася (Парфия) — самой крупной на западном направлении и, что важно, реально существовавшей. Это сочетание должно было убедить современников в реальности страны Хуанчжи, а, следовательно, и дани.

5. О возможных путях возникновения названия «Хуанчжи»

Топоним Хуанчжи (黄支 букв. «желтая колонна»⁵⁰) требует отдельного рассмотрения. Учитывая, что его появление было тесно связано с идеологией власти в условиях ожесточенной борьбы, можно допустить, что он был создан авторами этой идеологемы⁵¹. Каким образом? Не имея возможности ответить на этот вопрос однозначно, выскажем ряд предположений.

Если говорить о первом знаке (хуан — желтый), то его выбор мог быть обусловлен связью с императорским желтым цветом, а также с религиозной сферой — он входит в название верховного бога Хуан-ди (Желтый император), мифической реки Хуанцюань (Желтого источника), текущей под землей, отделявшей мир живых от мира мертвых. Все это придавало стране с таким названием высокий статус, делало логичным ее размещение на сакрально значимом юге.

Из сказанного ранее становится ясно, что модель формирования топонима Хуанчжи целесообразно искать среди западных (реальных!) топонимов. Действительно, в описаниях запада встречаются два похожих на Хуанчжи названия: этноним Юэчжи 月支 и топоним Тяочжи 条支. В ханьских источниках знак *чжи* 支 мог заменяться на *ши* 氏 (род). Так в главе *Диличжи* народ *юэчжи* записывается 月支 или 月氏 (комментатор указывает, что знак *ши* (род) также может произноситься как *чжи*)⁵². Отсюда можно предположить, что Хуанчжи (Хуанши) могло быть создано по аналогии с названием парного признака *юэшанши* — «родами *юэшан*». Таким образом, сначала речь могла идти о прибытии дани рода *юэшан*, а затем — «рода Хуан»⁵³.

Еще один, более вероятный на наш взгляд, вариант возникновения названия этой страны — по аналогии с Тяочжи (条支 или 條枝), расположенной к западу от уже упоминавшейся выше страны Дася, т.е. Парфии (Шицзи, гл. 123 «Описание страны Даюань», Хань Шу, гл. 96 «Описание Западного края», 1)⁵⁴.

Это не лишено оснований: в поэме автора *Хань шу* Бань Гу (32–92 гг.) *Си ду фу* («Ода западной столице») названия предметов дани из Хуанчжи и Тяочжи следуют одно за другим: «... Среди них есть цилинь из [округа] Цзючжэнь, конь из Даюань (в Центральной Азии), носорог из Хуанчжи, птица из Тяочжи ...»⁵⁵.

Далее рассмотрим, что произошло с двумя наборам признаков в следующий период, когда Ван Ман был свергнут, и необходимость в воз-

никшей ранее идеологеме не только отпала, но, напротив, идеологему нужно было развенчать. К тому же постараемся проследить, как созданная тогда искусственная пространственная конструкция размывалась по мере расширения знаний о реальном географическом пространстве.

6. Распад наборов признаков в источниках Восточной Хань (25-220 гг.)

В начале периода Восточная Хань предание о визите *юэшан* ко двору Чэн-вана продолжало бытовать: оно встречается в различных сочинениях того времени.

1. В кратком виде оно было воспроизведено в сочинении автора *Хань шу* Бань Гу (32–92 гг.) *Бай ху тун* 白虎通 («Диспут [в зале] Белого тигра», гл. 5 Фэншань 封禪 «Жертвоприношения Небу и Земле») в качестве иллюстрации к перечислению всевозможных знамений (*фу-жуй* 封禪), говорящих о том, что *дэ* правителя достигло совершенства. Список приведенных там знамений велик, они связаны с небом, землей, астрономическими телами, растениями, животными, горами, водоемами и восемью сторонами света. Белый фазан относится к знамениям, связанным с животными (вместе с фениксами, цилинями, белыми тиграми, девятихвостыми лисицами, белыми оленями, белыми птицами), а дань от *юэшан* (и только!) выступает как образец культурной трансформации варваров всех сторон света⁵⁶. Добавим, что фазану как одному из знамений сам же Бань Гу посвятил стихотворение *Байцзи ши* 白雉诗 («Белый фазан»)⁵⁷. Это важно, поскольку демонстрирует: и в то время фазан считался сакрально значимым животным.

В источниках периода Восточная Хань мы обнаруживаем, что наборы признаков распались, отдельные признаки упоминаются сами по себе.

2. Сообщения о *юэшан* и Хуанчжи содержатся в «нормативной истории» Восточной Хань *Хоу Хань шу* («История поздней Хань») в главе 86 «Описание варваров юга, варваров юго-запада». Они отличаются от рассмотренных ранее. *Юэшан* теперь, как и Хуанчжи, страна⁵⁸. Настроенные рационально, но вынужденные опираться на сообщения западноханьского времени о Ван Мане, авторы этой главы в самом ее начале после краткого описания предыстории Цзяочжи писали: «*К югу от Цзяочжи есть страна Юэшан* 越裳國»⁵⁹. Так этноним, который в прошлые исторические периоды содержался в различных версиях исторического предания, в новую эпоху был включен в пространственную картину мира в качестве не рода, а отдельной страны.

Затем следует приведенная выше цитата из *Ханьши вайчжуань* с добавлением о том, что прибывшие на трех слонах *юэшан* встретились с Чжоу-гуном на седьмом году правления Чэн-вана — так в за-

падноханьский текст предания в восточноханьский период вошли новые детали.

Далее читаем: «*Подошло время правления регента Ван Мана. Во второй год под девизом юань-ши [расположенная] к югу от [округа] Жинань страна Хуанчжи поднесла носорога*»⁶⁰.

Здесь впервые встречается новый, географически точно локализованный ориентир — самый южный округ Жинань⁶¹, благодаря которому «страна Хуанчжи» получила конкретную пространственную привязку, а упоминаний о море нет.

Про белого фазана от рода *юэшан* уже не говорится, соответственно, встреченная ранее модернизация ключевого признака из первого набора (теперь *юэшан* — страна, а не народ) повлекла за собой разрыв существовавшей ранее связи между двумя наборами признаков. В новую историческую эпоху, для которой характерен больший рационализм, предполагалось включение в реальную картину мира только ключевых для предыдущей исторической эпохи этнонимов и топонимов.

Читая этот текст далее, мы вновь обнаруживаем, что отдельные признаки упоминаются сами по себе: «*Все [земли юга] были объединены в Цзяочжи. Хотя были округа и уезды, но язык в каждом был различен, прибегая к многократному переводу, общались. Люди напоминают животных ...*»⁶².

Частое упоминание округа Цзяочжи и земель за его пределами — характерная черта нового исторического времени. Это неудивительно, ведь после походов Ма Юаня вьетские земли (долина Красной реки), были прочно включены в состав восточноханьской империи⁶³.

В I в. н.э., когда императором Гуан-у-ди (25–57 гг.) принимались энергичные меры по установлению имперской власти на всем юге, соответственно появилось много новой информации. После гибели Ван Мана поступление дани от «южных варваров» не прекращалось: «*В 12 г. под девизом правления цзянь-у (25–56, 36 г.) живущие за пределами округа Цзючжэнь⁶⁴ варвары ли совершили путешествие [ко двору], возглавлявший их представитель этого народа выразил готовность измениться к лучшему. После принятия подданства получил титул Гуйхань ли цзюнь (Вернувшийся к Хань государь [народа] ли). На следующий год (37 г.) живущие за пределами южного юэ варвары поднесли белого фазана, белого зайца*»⁶⁵.

Набор признаков распался, но эта пара (фазан, заяц) неслучайна, она заставляет вспомнить о предании, связанном с гибелью западночжоуского Чжао-вана, и вообще часто встречается в памятниках восточночжоуского и западночжоуского времени.

Далее в *Хоу Хань шу* читаем: «*В первый год правления под девизом периода юань-хэ (84–87, 84 г.) варвары, живущие за пределами [округа] Жинань, люди [народа] цзюбуши, [во главе с] И Хао, поднесли живого но-*

сорога, белого фазана» [Хоу Хань шу 1958, цз. 86, стр. 10а]. Здесь в последний раз встретились вместе оба признака.

Через десять лет в качестве дани подносится уже только носорог и слон: «*В 6 год правления под девизом юн-юань (89–105, 94 г.) Дуньжэньский И-ван Моянь 敦忍乙王莫延, следуя благим примерам, направил посла, чтобы, прибегнув к переводу, поднести носорога, большого слона»*⁶⁶. В новое историческое время набор стереотипных признаков распался, речь шла уже о народах не юга, а юго-запада, и вновь сочетаются два признака ванмановской эпохи — перевод (утративший определение многократный) и носорог, который подносится в паре со слоном.

Таким образом, в *Хоу Хань шу* как бы подчеркивается, что сообщения о дани в виде фазанов и носорогов не являются уникальными (присущими только правлению Ван Мана), ее поставляли и в правления императоров Восточной Хань на протяжении I в. до н.э. Это обычное явление. А фазаны или носороги упоминаются в сочетании с другими животными. В приведенных сведениях *Хоу Хань шу* ни разу не упоминается о том, что фазаны и носороги привозились из каких-либо особенно отдаленных земель. Напротив, постоянно подчеркивается их локализация относительно южных границ империи (округа Цзяочжи или Жинань). Всем этим как бы подчеркивается аргументация Ван Мана, дается понять: прибытие такой дани не может трактоваться как знамение Неба — признак небесной санкции на власть.

Больше в *Хоу Хань шу* в описании событий II в. н.э. ни фазаны, ни носороги, привезенные в качестве дани, да и Хуанчжи как страна-источник дани, не упоминаются⁶⁷. Сменилось историческое время, и людям новой эпохи события ванмановского времени уже не казались актуальными. Если в западноханское время признак «род юэшан» был частью историко-идеологических представлений (как исторический прецедент) о легитимности личной власти идеального правителя, то в восточноханский период он стал важной частью имперской идеологии, символом покорности соседних народов.

Рационализм и критичность стали важными чертами восточноханской общественной мысли. Подтверждение этому находим в сочинении известного восточноханского мыслителя, рационалиста и скептика Ван Чуна (27–97 или 107 гг.) *Лунь хэн* («Взвешивание рассуждений», гл. 26), где о юэшан написаны такие строки: «*В чжоуское время в Поднебесной установилось великое спокойствие. Юэшан поднесли белого фазана, люди Во поднесли ароматные травы. Съели белого фазана, употребили ароматные травы — [Небо] не смогло ниспослать несчастья»*⁶⁸.

В китайском историописании еще более позднего времени признак «род юэшан» прочно вошел в представления о географическом пространстве. Прибытие юэшан с данью будет оставаться частью общей истории покорения Юга китайской империей.

Например, в анонимном сочинении периода Западной Цзинь (280—317 гг.) *Тай-кан дицзи* 太康地记 («Описания земли периода правления под девизом *тай-кан*», 280-289 гг.) говорится: «Цзяочжоу — изначально называлась областью Янчжоу; когда было захвачено Цзяочжи, то передало ей свое название. Это крайняя точка на юге, до которой дошел Шунь. Когда Чжоу обрело Поднебесную, роды юэшан, восхищаясь благой силой дэ совершенномудрого, **прибегая к девятикратному переводу, поднесли в дань белого фазана**. Когда Цинь уничтожило шесть царств, на юге были покорены байюэ и были учреждены округа Гуилинь и Сян, тогда Чжао То был назначен лином в уезде Линчуань. В конце Цинь самовольно завладел южным захолустьем. Когда Ханьский Гао[цзу] обрел повеление [на власть], он (Чжао То) присвоил себе титул вана, преобразившись внешне, начал завязывать волосы в узел и возглавил тех, кто наносил внезапные удары»⁶⁹.

Здесь сохранен первый набор признаков, он является частью сложного комплекса стереотипных признаков, характеризующих юэский юг во все периоды истории, начиная с Шуня, одного из трех мифической правителей древности (вместе с Яо и Юем), и связывают юэшан в периоды Западная Чжоу, Цинь, Западная Хань именно с юэским (вьетским) народом. Поэтому не вызывает удивления, что во вьетском историописании признак «род юэшан» как мифический этноним, связанный с юэским югом, прочно закрепился в изложении ранней (легендарной же!) истории именно вьетов. И хотя в китайской средневековой традиции этноним «род юэшан» был локализован за южными пределами округа Цзяочжи, т.е. (в землях гос-ва Линь-и — Чампы)⁷⁰, то во вьетской — в самом центре легендарного вьетского государства Ванланг (Аулак), а именно в столице (крепости) первого его правителя Ан Зыонга.

Во *Вьет шы лок* («Краткая история Вьета») юэшанши (вьет. *вьет-тхьонгтхи*) это одно из пятнадцати племен вьетского юга и место, где была основана столица первого легендарного государя Ванланга — Ан Зыонга⁷¹. А в *Дай вьет шики тоан тхи* (Полное собрание исторических записок Дайвьета) наряду с этой «информацией» указывается, что слово Юэ (вьет. Вьет) произошло именно от «рода Юэшан»⁷².

Все это еще и свидетельство того, что дайвьетские историки тщательно собирали все ранние упоминания о вьетах (юэ). Выбирая отдельные стереотипные признаки, они формировали свои наборы этих признаков, отличные от китайских. Таково существенное различие двух традиций историописания. Естественно, что размышления о реальности этого этнонима не могут иметь под собой почвы.

В средние века, когда по мере накопления реальной информации будут накапливаться сведения о существовавших в действительности странах, в источниках вместе с ними будут упоминаться «страны»

Юэшан и Хуанчжи. Нет ничего удивительно в том, что описания их будут содержать одни и те же уже известные нам сведения.

Итоги

1. В результате исследования происхождения и раннего бытования топонима «страна Хуанчжи» была выявлена связь с легендарным этнонимом «род юэшан», который является ключевой частью идеологемы, положенной в основу механизма легитимации высшей власти. Также было установлено, что они входят в один из двух связанных между собой наборов признаков: *юэшан* — многократный перевод — дань в виде белого фазана; страна Хуанчжи (или род Хуан?) — дань в виде носорога — отдаленное расстояние («по морю 30 000 ли»). И были реализованы в процессе борьбы рода Ван за высшую власть, которая привела к успеху: в 9 г. н.э. (до 23 г.) Ван Ман стал императором, сместив представителей рода Лю.

Мы постарались выяснить, относятся ли эти этноним и топоним к сферам реального или мифологического, исторического или идеологического. На наш взгляд, за конструкцией «*юэшан* поднесли белого фазана, а страна Хуанчжи — носорога», которая была создана для решения конкретных политических задач в разгар сложной интриги в борьбе за власть, едва ли могла стоять какая-либо этническая и географическая реальность (в современном понимании).

Речь идет об идеологическом обосновании права на престол, которое в рамках политической культуры своего времени могло быть убедительным для современников. Важнейшей частью этого обоснования является положение о том, что самые отдаленные народы юга должны признать нового правителя, подтвердив это данью в виде сакрализованного жертвенного животного. Для этого и был использован первый набор признаков, который сформировался в период Западной Хань, и второй набор, который пришлось создавать уже в разгар борьбы в 1 и 2 гг. н.э.

2. Проведенное исследование позволило предположить, что первый набор признаков возник на основе произведений общественной мысли конфуцианской направленности западноханьского времени и, возможно, в своей основе имел восточножоускую (или даже западножоускую) концепцию легитимации власти новой династии в результате сакральной санкции Неба, подтвержденной соответствующими знаменами (в том числе данью). Ван Ман не мог не использовать ее, поскольку это был единственный путь убедить придворную элиту в своих правах на престол.

Трудно сказать определенно, было ли в тот период известно предание о гибели Чжао-вана в Чу после получения в дар фазана (или носорога), но предание о дани в виде фазана Чжоу-гуну в бытность его ре-

гентом при втором чжоуском правителе Чэн-ване было известно очень хорошо, поскольку содержалось во многих классических памятниках западноханьского периода. Именно на них опирались сторонники Ван Мана, выстраивая идеологическое обоснование правомочности его прихода к власти⁷³.

Но это был только первый этап. И хотя Ван Ман уже являлся регентом, и дань юэшан подтверждала этот его статус, он не собирался ограничиваться этим, стремясь к императорской власти. Необходимо было новое знамение, подтверждающие его амбиции. Поэтому сторонники рода Ван, опираясь на сформулированную в литературе (*Шицзи*, *Янь те лунь*) связь между дарами в виде фазана (чжоуской древности) и некоего крупного животного (ханьской современности), вынуждены были конкретизировать вид животного. А когда выбор был остановлен на носороге (это единственный вид крупного животного, написание одной из разновидностей которого взаимозаменяемо со словом фазан), Ван Ману и его приближенным надо было решить, откуда этот носорог может быть доставлен. Так появился новый топоним — «страна Хуанчжи».

3. Как все происходило на самом деле при ханьском дворе в 1 и 2 гг. н.э., сказать сложно. Если исходить из того, что обе выплаты дани имели место и произошли по инициативе рода Ван, чтобы убедить двор в том, что регент при западноханьском Пин-ди (1 г. до н.э. — 5 г. н.э.) Ван Ман — новый Чжоу-гун (регент при Чэн-ване), чьи права на власть были подкреплены теми же благоприятными знаменами, то можно представить, как Ван Ман и Юань-тайхоу организовали настоящее действо, костюмированный спектакль с приездом ко двору иноземцев. Тогда представители некоего (любого) отдаленного народа (например, прибывшие из юго-западного округа Ичжоу), которые не знали о чжоуском предании и доставили не только белого, но еще и пару черных фазанов, были объявлены представителями «рода юэшан». А затем для большего эффекта (опираясь на концепцию, изложенную в *Янь те лунь*) к фазанам присовокупили и носорога.

После того, как к императорскому двору были доставлены в качестве дани фазаны и носорог, принесенные затем в жертву в поминальном храме предков правившей в Западной Хань династии Лю, у придворной знати не должно было возникнуть сомнений: Ван Ман достоин императорского престола.

4. Так или иначе, эти реалии ванмановского времени нашли отражение в официальной хронике — в разделе *дицзи Хань шу* (хроника правлений императоров Западной Хань). В частности и сообщение о «стране Хуанчжи» вошло в общественное сознание и стало частью представлений о географическом пространстве следующей исторической эпохи (Восточная Хань). Тогда (это отражено в *Хоу Хань шу*) после конкретизации представлений о юге в результате походов Ма Юаня в 40-е гг. I в.

н.э., род *юэшан* упоминался уже как топоним «страна *юэшан го*» с четкой локализацией — южнее вьетских территорий (Цзяочжи или Жинань), т.е. в Чампе, а страна Хуанчжи — в 30 000 ли морского пути. Но четкая пространственная ориентация или указание отдаленности (требование новой эпохи), как и раньше, не дает оснований считать, что они являлись реальными географическими объектами.

Средневековый редактор-составитель, руководствуясь этими новыми рационалистическими представлениями, стремился вписать данный топоним в известную ему более сложную пространственную картину мира.

Это удалось, и поэтому данная «рационализированная» концепция Хуанчжи в сравнительно позднее время была реализована уже в существенно расширенном (при позднем редактировании!) виде в еще одной главе *Ханьшу* — *Диличжи* (о ней см. выше). Таким образом, основанные на мифических представлениях западножоуской эпохи представления западноханьского времени, образовавшие основу идеологической модели власти, а затем использованные в качестве обоснования ее перехода к новой династии, вошли в географическую картину мира восточноханьской империи и последующих эпох. В силу этого заведомо не существовавшие народ и страна упоминались во многих (практически всех) географических сочинениях, энциклопедиях, трудах справочного характера средних веков и нового времени наряду с действительно существовавшими странами и народами. Однако при внимательном прочтении можно увидеть, что род или страна *юэшан* и страна Хуанчжи никогда не упоминаются в этих источниках в связи с реальными путешествиями, посольствами, доставкой дани и т.п. И это не удивительно: в традиционной картине пространственных представлений о Юге они использовались в качестве метафоры наиболее отдаленного народа у границ империи (*юэшан*) и самого отдаленного заморского топонима (Хуанчжи), который отсылал читателя к имперской древности — временам начала контактов с заморскими народами.

В целом, проведенное исследование позволяет с большой степенью уверенности заключить, что ни в ханьское время, ни в более поздние эпохи страны Хуанчжи не существовало, поэтому она не может быть ни отождествлена с какой-либо реально существовавшей страной, ни размещена как реальный объект в географическом пространстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Groeneveldt W.P. Historical Notes on Indonesia and Malaya Compiled from Chinese sources.* Batavia, 1876.

² Размещение в сети Интернет текстов большого числа источников предоставляет для этого новые возможности. Особенно полезны постоянно пополняемые сайты: Chinese Text Project (<http://chinese.dsturgeon.net/index.html>) и Яцзи взньку 維基文庫 (<http://zh.wikisource.org>).

³ Ван Ман занял престол в 9 г. в результате мирного смещения правящей в западно-ханьской империи династии Лю. Ключевой фигурой являлась Юань-хоу (из рода Ван), супруга императора Юань-ди (48–33 гг. до н.э.), во многом благодаря которой власть на некоторое время перешла к родственникам по женской линии — племяннику (?) Ван Ману, который смог удержаться на имперском престоле до 23 г. н.э.

⁴ Этот текст привлек внимание специалистов как содержащий первое описание маршрута морского путешествия из Китая в страны Южных морей, поэтому во главу угла была поставлена проблема их локализации. Первым о важности Хуанчжи для изучения ЮВА заявил П. Пелью в рецензии на перевод Ф. Хирта и В. Рокхилла сочинения Чжао Жугуа *Чжу фань чжи* («Описание всего иноземного», 1225). Он обратил внимание на то, что отрывок включает две группы сведений разного происхождения: первая — времени императора У (140–86 до н.э.), вторая — времени Ван Мана (начало новой эры). См.: *Pelliot P. Review of F. Hirth and W.W. Rockhill's «Chau Ju-kua»* — *T'oung pao*, XIII, 1912, pp. 457–461.

Были также высказаны мнения, что Хуанчжи можно идентифицировать с Кондживерамом в Южной Индии. Первым это отождествление предложил Г. Ферран (санскр. Kancī). См.: *Ferrand G. Mai-juin.* — *Journal Asiatique*, 1919, pp. 38–50. Он исходил из реконструкции фонетического звучания (сейчас оно признано неверным — точнее так: *gwang-ke или *wang-ke, в некоторых диалектах, возможно, *gwang-ce с палатализацией веллярного k- — устное сообщение Г.С. Старостина) и примерного соответствия упомянутого в источниках расстояния до Хуанчжи (30 000 ли).

Такая идентификация вызвала ряд возражений, обобщенных Г. Люсом. См.: *Luce G.H. «Fu-kan-tu-lu»* — *Burma Research Society. Fifteenth Anniversary Publications*, № 2. Rangoon. 1960, pp 187–199 (благодарю А.Е. Кириченко за возможность ознакомиться с этой статьей). Он привел замечание Лауфера, который поставил под сомнение существование столицы государства Поллаво до III в. н.э., и высказал наблюдение о том, что упомянутое в *Диличжи* слово «носорог» (*си* 犀) относится к двурогим носорогам, которые в Индии не водились. Сам Б. Лауфер считал, что Хуанчжи располагалась где-то на Малайском полуострове. См. *Laufer B. «Chinese clay figures»* — *Field museum of natural history, Publication 177, Anthropological series. Vol. XIII. № 2. Chicago, 1914, p.80, n.2.*

Но большая часть ученых все-таки приняла точку зрения Г. Феррана. См.: Гудай Наньхай димин хуй и (Собрание объяснений древних топонимов стран Южных морей), П., 1986.; *Wheatly P. Probable reference to the Malay Peninsula in the Annals of the Former Han* — *JMBRAS, vol. XXIX, 1956, pt.2. 1956, pp. 79-85; Wheatly P. The Golden Kheronese, Kuala Lumpur, 1961, pp. 8-13; Бокщанин А.А. Очерк китайско-индийских связей (с древности до XVI в.) — Китай и соседи: в древности и средневековье. М., 1970, с. 108-109, Бокщанин А.А. Краткая история связей Китая со странами Южных морей (с древности до XVI в.) — Китай и соседи: в древности и средневековье. М., 1970, с. 135-136.*

Российский ученый В.М. Штейн отнес Хуанчжи к некому «Гангскому государству». См.: *Штейн В.М. Экономические и культурные связи между Китаем и Индией в древности. М., 1960, 66-71.*

Также предлагалось локализовать Хуанчжи в островной части ЮВА, а именно на о-ве Суматра. См.: *Холл Д. История Юго-Восточной Азии. М., 1958, с. 30.* Упоминалась даже Африка, например, А. Херрман локализовал Хуанчжи в Эфиопии, отождествив ее с Aghazi. См.: *Herrmann A. «Ein alter Seeverkehr zwischen Abessinien und Sud-China bis zum Beginn unserer Zeitrechnung»* — *Zietschrift der Gesells fur Erdkunde zu Berlin, 1913, pp. 553–561.* Его идентификацию поддержал китайский ученый Чжан Синлан. См.: *Чжан Синлан. Чжун Си цзяотун шиляо хуйбянь* («Сборник материалов по истории связей Китая с Западом»). Т. 3. Ч.2. Пекин, 1930, с. 1.

Остальные страны размещались, как правило, на Индокитайском п-ве, что считалось аргументом в пользу существования здесь уже на рубеже I в. до н.э. — I в. н.э. государственных образований, принимавших участие в мировой торговле.

⁵ Материалы о юэшан собраны в двух статьях: *Цзинь Юэ. Юэцзу юань лю яньцзю чжи и: Лунь юэцзу дэ циюань, юэфан хэ юэшан ши* (Одно из исследований происхождение-

- ния и развития юэской народности: происхождение юэской народности, юэфан и юэшанши). — Вэнь цзикань, 1997, № 3; Шэнь Сы. Юэшан индань — Лаогу гуо синьчжэн (Юэшан — это Шань. Новые изыскания о древней стране Лаос) 1986.
- ⁶ Большинство ученых, исследуя сообщения о Хуанчжи, строили свои гипотезы на основе текста *Диличжи*, а остальные фрагменты *Хань шу*, а тем более сообщения других источников, например, третьей «нормативной истории» — сочинения Фань Е (398–445) *Хоу Хань шу* («История Поздней Хань») практически не привлекались. Перевод соответствующего фрагмента *Диличжи* на русский язык. См.: *Штейн В.М.* Экономические и культурные связи между Китаем и Индией в древности. М., 1960, с. 167–168; *Вельгус В.А.* Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов (Китайские источники ранее XI в.). М., 1978, с. 34–36.
- ⁷ Все те, кто обращался к этому сообщению, воспринимали информацию памятника буквально и при локализации топонима исходили из подсчета расстояния и/или фонетического созвучия (практически случайного) на основе реконструкции древнего звучания. В.А. Вельгус первым осуществил детальный анализ текста *Диличжи*, он исходил из «индийской» локализации Хуанчжи и, опираясь на предположение Пеллио разновременности отдельных частей текста, предложил более подробную разработку, благодаря чему удалось выявить основные элементы структуры текста. См.: *Вельгус В.А.* Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов (Китайские источники ранее XI в.). М., 1978, с. 36–50. Но дальнейшее исследование текста не входило в задачи автора, поэтому можно сказать, что и он не дошел до этапа «критики текста».
- ⁸ Подчеркнем, что понятие «элемент исторической информации» с точки зрения применения количественных методов в исторических исследованиях требует тщательной разработки. Пока можно отметить, что его характер зависит от жанра источника. Базовых жанра три: 1. собственно исторические (анналы, хроники, хроникальные записи в летописях, указы и т.п.); 2. описательные (историко-географические описания; записки о путешествиях и др.); 3. произведения общественной мысли (философская проза). В каждом из них, на наш взгляд, может быть выделена своя базовая «единица исторической информации», которые назовем так: «событие», «признак», «идея». Но жесткой корреляции между ними нет. В источнике каждого из трех жанров как правило содержатся «элементы исторической информации» всех трех видов. Собственно в данной статье разрабатывается понятие «признак» (см. ниже).
- ⁹ Ранее нам уже приходилось писать, что в историко-географических описаниях стран и народов базовым элементом информации является мельчайший элемент структуры текста, соответствующий одной фразе, например, «правитель выезжает на слоне». Он был назван нами «элементарным высказыванием» (ЭВ), его структура такова: параметр описания — объект описания — конкретная характеристика («правитель — выезд — слон»). Все ЭВ на одну тему были названы «обобщенными высказываниями» (ОВ), например, «выезд правителя» предусматривает сообщение о ЭВ — «на чем выезжает», «охрана», «поведение народа» и т.д. См.: *Ульянов М.Ю.* Китайские источники по истории Индонезии (опыт количественного анализа труда Чжао Жугуа «Чжу фань чжи», 1225 г.) — тезисы докладов Международной конференции «Памятники духовной, материальной и письменной культуры древнего и средневекового Востока» (создание баз данных), 30 мая — 4 июня 1995, М., стр. 73–75; *Ульянов М.Ю.* Китайские источники по истории Нусантары в средние века. Опыт системного исследования труда Чжао Жугуа «Чжу фань чжи» («Описание всего иноземного»). Автореферат диссертации кандидата исторических наук. М., 1996, с. 8; *Ульянов М.Ю.* Китайское восприятие Дайвьета в конце XII — начале XIII вв. (опыт количественного и текстологического анализа историко-географического описания). — Традиционный Вьетнам (сборник статей, выпуск II), М. 1996, с.50–83.
- Поскольку анализируемые тексты содержат упоминания, а не развернутые описания, поэтому мы предпочли ввести понятия: «признак» и «набор признаков». Соответственно, «набор признаков» является эквивалентом понятия ЭВ, а отдельные «признаки» — это компоненты ЭВ.

¹⁰ Замечено, что в качестве признака, как правило, в китайских источниках закрепляются те сведения, которые вызвали «удивление» (*ци* 奇) и которые являются наиболее специфичными, то есть дают «отличие» (*и* 異) одного предмета описания от другого, одной страны или народы от другой. А их объединение в группы происходило по принципу установления «одинаковости» *тун* 同 (я благодарю Л.Е. Померанцеву за высказанную мысль).

¹¹ Упоминания «фазанов» (без указания цвета) в доханьских памятниках встречается сравнительно часто, но в качестве признака мы рассматриваем именно словосочетание «белый фазан». В виде примера приведем упоминание фазана как знамени шанскому правителю У-дину, которое содержится в главе шанского раздела канонического памятника *Шуцзин* («Канон [исторических] документов»), которая называется *Гао цзун син жи* («День повторного жертвоприношения Гао-цзуна»). См.: Сышу цзин (Четыре книги, пять канонов), П., 1996, т.1, с. 62. Детализацию этого события мы находим в западноханьском сочинении *Ши цзи* (Исторические записки, I в. до н.э.) Сыма Цяня применительно к правлению шанского государя У-дина. Мы затрудняемся сказать, к какому времени относится это предание, едва ли к шанскому, вероятнее всего к восточночжоуской эпохе. См.: *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). т.1. Пер. с кит. и ком. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. М., 2001, с. 173–174. Отметим, что «фазан» в каноническом памятнике выступает в качестве знамени Неба и связан с судьбой носителя высшей власти.

¹² См.: *Ульянов М.Ю.* История царства Чу в X в. до н.э. По данным письменных источников — Три четверти века: Д.В. Деопику — друзья и ученики, М., 2007, с. 272–296.

¹³ Этот памятник сохранился не целиком, а только в виде отдельных извлечений. Изначально он был хроникой царства Вэй 魏 периода Чжаньго (453–221), написанной не позднее рубежа IV — III вв. до н.э. См.: Бамбуковые анналы (Губэнь Чжушу цзинянь). Издание текста, перевод с китайского, вступительная статья, комментарии и приложения Ульянова М.Ю. (при участии Деопика Д.В. и Таркиной А.И.), М. 2005. Он является второй, кроме *Чуньцю*, сохранившейся хроникой восточночжоуского периода.

¹⁴ См. *Лун Вэй-ин*. Чжоу Чжао-ван нань чжэн ши ши со ин (Анализ исторических фактов о походе на юг чжоуского Чжао-вана). — Жэньвэнь цзачжи, 1984, № 6, с. 81. Есть поэтический перевод этих строк, выполненный А.Е. Адалис: «Любил пространства Чжао-ван//, на юг вели его пути ...// Где смысл, когда он даже мог// Фазана белого найти?». См. *Цюй Юань*. Лисао. СПб., 2000, с. 190. Здесь и далее в тексте переводов жирным курсивом выделены отдельные признаки.

¹⁵ См.: Бамбуковые анналы 2005, с. 113. В следующей фразе *Губэнь Чжушу цзинянь* фазаны (без уточнения цвета) упомянуты в паре с зайцами: «19-й год [правления] чжоуского Чжао-вана (966 г. до н.э.). Небо стало хмурым, фазаны и зайцы затряслись. Было погублено шесть армий в [реке] Хань», см.: Бамбуковые анналы (Губэнь Чжушу цзинянь). Издание текста, перевод с китайского, вступительная статья, комментарии и приложения Ульянова М.Ю. (при участии Деопика Д.В. и Таркиной А.И.), М. 2005, с. 113. Запомним эту пару, она вновь встретится в памятнике другой исторической эпохи — Восточной Хань (25–220 гг.).

¹⁶ Об этом свидетельствует одно из сообщений классического комментария *со-инь* к сочинению Сыма Цяня *Шицзи* («Исторические записки», гл. 32 *Ци Тай-гун шицзя*), это же зафиксировано и основными толковыми словарями (*Ханьйю да цыдянь* и др.). См.: *Цзинь Юэ*. Юэцзу юань лю яньцзю чжи и: Лунь юэцзу дэ циюань, юэфан хэ юэшан ши (Одно из исследований происхождения и развития юэской народности: происхождение юэской народности, юэфан и юэшанши). — Вэнью цзикань, 1997, № 3, с. 47.

¹⁷ В западноханьское время сообщение о дани в виде фазана Чжао-вану было известно благодаря классической поэме Цюй Юаня. А вот сведения о гибели Чжао-вана могли быть и неизвестны, поскольку текст *Губэнь Чжушу цзинянь* (точнее, летопись царства Вэй 魏 периода Чжаньго) был извлечен из погребения вэйского правителя только в конце III в. н.э. См.: Бамбуковые анналы (Губэнь Чжушу цзинянь). Издание текста, перевод с китайского, вступительная статья, комментарии и приложения Ульянова М.Ю. (при участии Деопика Д.В. и Таркиной А.И.), М. 2005, с. 3, 187.

- ¹⁸ О времени написания памятника рассказано в предисловие Э.М. Яншиной к переводу памятника. См.: Каталог гор и морей: Шань хай цзин, М., 2004, с. 11
- ¹⁹ См.: Шань хай цзин («Канон гор и морей»), Чанша, 1992, с.34.
- ²⁰ *Чжуньби* 重譯 — букв. многократный перевод, иногда это выражение переводят буквально: «при помощи ряда переводчиков». См.: Вельгус В.А. Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов (Китайские источники ранее XI в.). М., 1978, с. 42.
- В источниках также использовались выражения: *чжун сань* и 重三譯 (букв. «тройной перевод» в *Шаньшу дачжунь*, гл. 4) или *чжун цзю* и 重九譯 (букв. «девятикратный перевод» в *Шицзи*, гл. 123 Даюань). Здесь цифры 3 и 9 служат для усиления значения многократности непрямого перевода. Речь идет о том, что *юэциан* приходилось общаться не напрямую через одного переводчика, а через нескольких, которые переводили с промежуточных языков. Этим подчеркивалось, что данный народ располагался настолько далеко, что его язык никто не знал. Такое явление как многократный перевод описано в этнографической литературе и типично для районов, отдаленных от центров государственности, где один язык переходит в другой. В частности еще Н.Ш. Миклухо-Маклай писал: «Во время моих экскурсий, если они длились больше одного дня, мне требовалось два или даже три переводчика, которые должны были переводить один другому вопросы и ответы». См.: *Бутинов Н.А.* Народы Папуа Новой Гвинеи (от племенного строя к независимому государству). СПб., 2000, с. 39.
- ²¹ Памятник не сохранился целиком, а в виде подборки извлечений из различных источников. Подробнее о *Шаньшу дачжунь* см.: *Early Chinese Texts: A Bibliographical Guide*, p. 385-386.
- ²² Подробнее о *Ханьши вайчжуань* см.: *Early Chinese Texts: A Bibliographical Guide*, p. 125 — 128. Создание памятника относится ко времени ок. 150 г. до н.э. См.: *Early Chinese Texts: A Bibliographical Guide*, p. 126.
- ²³ См. Китайская философия. Энциклопедический словарь, М., 1994, с. 359—360, 367—368. По мнению Э. Шонесси *Шаньшу дачжунь* мог быть приписан Фу Шэну, а написан его учениками, но для нас существенно, что предлагаемая им датировка относит текст к II в. до н.э. См.: *Early Chinese Texts: A Bibliographical Guide*, p. 385. О канонизации периода Западная Хань см.: *Корольков М.В.* Сыма Цянь *Шицзи* («Исторические записки»), гл. 121 Жулинь лечжунь (Жизнеописание ученых-канонистов). Введение к переводу и перевод. — История Китая 2. Материалы китаеведческих конференций ИСАА при МГУ (май 2005 г., май 2006 г.). М., 2007, с.215—236.
- ²⁴ В *Шаньшу дачжунь*, цзюань 2, комментарий к разделу *Дагао* 大诰 («Великая клятва») *юэциан* упоминаются трижды. Первое сообщение содержит краткое изложение легенды о чудесном растении. Наиболее информативно второе сообщение, в котором содержится все предание в полном виде. Третье упоминание является краткой версией второго. См.: <http://zh.wikisource.org/wiki/尚書大傳>
- ²⁵ Ханьши вай чжуань бучжэн, Чанша, 1938, с. 131; <http://zh.wikisource.org/w/index.php?title=%E9%9F%93%E8%A9%A9%E5%A4%96%E5%82%B3/%E5%8D%B7%E7%AC%AC5&variant=zh-tw>
- ²⁶ О *саньмяо* 三苗 см.: Чжунго шэньхуа чуаньшо цыдянь (Словарь китайских мифов и преданий). Шанхай, 1982, с. 23. Мяо как основному народу в царстве Чу посвящено много работ, в том числе монография Ли Цзяньго, Цзян Наньхуа. Мяо Чу вэньхуа яньцзю (Исследование мяоской культуры Чу). Гуйян, 1996.
- ²⁷ И в этом также есть связь с Чу. Согласно другому преданию, после отстранения от власти Чжоу-гун на время бежал в земли именно этого царства, см.: *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). т.5, Пер. с кит и ком. Р.В. Вяткина, гл. 33, с 67.
- ²⁸ См.: *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). т.2. Пер. с кит и ком. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. М., 2003, с. 275.
- ²⁹ См.: *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). т.2. Пер. с кит и ком. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. М., 2003, с. 284
- ³⁰ Текст дан в переводе Ю.Л. Кроля с некоторыми изменениями.

- ³¹ См.: *Хуань Куань*. Спор о соли и железе (Янь те лунь), пер. с кит., ком. и прилож. Ю.Л. Кроля, М., 2001, т.2, с. 117. Обратим внимание, что ранее слово варвары не встречалось.
- ³² Еще в двух главах цзюаня 8 выражена идея значения прибытия *юэшан* с данью как знака благоволения Неба: «расцвет Чжоу — прибытие юэшан» (глава 45 *Фа гун* 伐功 «Похвальбы заслугам») и «благая сила дэ Чжоу-гуна — прибытие юэшан» (глава 48 *Хэ цин* 和親 «[Взаимные] согласия и близость», см. *Хуань Куань*. Спор о соли и железе (Янь те лунь), пер. с кит., ком. и прилож. Ю.Л. Кроля, М., т.2., с. 143, 155.
- ³³ Эти же сведения также приведены в сочинении Сыма Гуана *Цзычжи тунцзянь* («Зерцало всеобщего правлению помогающее» цз. 35), но мы их не привлекали, поскольку они построены на сообщениях *Хань шу*.
- ³⁴ Достаточно вспомнить трактат Бань Бяо (одного из авторов *Хань шу*, отца Бань Гу) *Ван мин лунь* («Суждения о поведении [на власть] вана»), в котором осуждается Ван Ман и обосновывается незыблемость династии Лю.
- ³⁵ См.: Хань шу (История Хань). Сост. Бань Гу. Т. 2. Шанхай, 1958, цз. 12, 2а.
- ³⁶ См.: Хань шу 1958, цз. 12, 4а-б.
- ³⁷ См. Хань шу 1958, цз. 99А, 6б
- ³⁸ См.: Хань шу 1958, цз. 99А, 6б-7а.
- ³⁹ Чжоу-гун в представлениях о становлении западножоуского государства играет особую роль. Именно ему приписывается создание западножоуской государственности и государственной же идеологии, см.: *Васильев К.В.* У истоков китайской цивилизации, М., 1998, с. 119.
- ⁴⁰ См.: Хань шу 1958, цз. 99, 8а
- ⁴¹ См.: Хань шу 1958, цз. 99, 8б.
- ⁴² См.: Хань шу 1958, цз. 99А, 29б.
- ⁴³ Об особенностях китайского видения мира (картине мира), см.: Исаева М.В. Представления о мире и государстве в Китае в III–VI веках н.э. По данным «нормативных историописаний». М., 2000, с. 133–140.
- ⁴⁴ См.: Хань шу 1958, цз. 99А, 30а.
- ⁴⁵ О расстановке сил при дворе дальневосточных правителей, роли «родственников по женской линии» в формировании придворных группировок в период кризиса борьбы за власть см.: *Деоник Д.В., Ульянов М.Ю.* Кризис 1127 г. и проблема перехода власти в средневековом Вьетнаме (Дайвьете) от Первым ко Вторым Поздним Ли. — Традиционный Вьетнам. Вып. III (2-5 а.л.). с. 69–71.
- ⁴⁶ См.: Китайская философия. Энциклопедический словарь, М. 1994, с. 519-520
- ⁴⁷ См.: И вэнь лэй цзюй («[Сведения из произведений конфуцианской] классики и [остальной] литературы, подобранные по темам»), П. 1999, гл. 6, с. 116.
- ⁴⁸ См.: И вэнь лэй цзюй, гл. 6, с. 116.
- ⁴⁹ <http://zh.wikisource.org/wiki/%E6%B3%95%E8%A8%80/13>.
- ⁵⁰ Чжи 支 — многозначное слово (также часто «ветвь», «ответвление»), предлагаемый перевод отражает высокий поэтический стиль.
- ⁵¹ Косвенным свидетельством этого является то, что в указанном расстоянии до Хуанчжи есть тройка — бесспорно мифическое число.
- ⁵² См.: Хань шу 1958, гл. 96А, 1б.
- ⁵³ Известно, что на территории совр. Гуанси-Чжуанского АР КНР в средние века большое влияние имели члены рода Хуан, представители которого в XI в. принимали активное участие в войне Нун Чи Као за создание независимого тайского государства, см.: *Чжоу Цюйфэй*. За Хребтами. Вместо ответов. («Лин вай дай да»). Перевод с китайского, комментарий, исследование и приложения Ульянова М.Ю. М., 2001, с. 288–289; *Ульянов М.Ю.* Борьба тайских народностей под руководством рода Нун в первой половине XI в. (1038 — 1053) за создание национального государства. Сопоставление сообщений *Дай Вьет шыки тоан тхы* и *Сун ши*. — Традиционный Вьетнам. Вып III, М., 2008.
- ⁵⁴ Поскольку слово *хуан* крайне редко встречается в ханьской топонимии, нельзя не сказать и о том, что для этого времени известен близкий по звучанию к Хуанчжи (Ху-

анши) топоним Хуанши 黄石, локализованный в восточной части пров. Сычуань. Нельзя исключить, что он мог быть на слуху у кого-то из сторонников Ван Мана. Цепь рассуждений могла быть такой. При Чжао-ване носорог был доставлен с территории округа Цзинчжоу (пров. Хубэй), а для Ван Мана — из более удаленного соседнего округа Ба (пров. Сычуань), но такая отдаленность могла показаться не слишком впечатляющей (Сычуань уже вошла в состав империи и к тому же расположена на юго-западе, а не юге).

⁵⁵ См.: Лючэнь чжу Вэнь сюань (Литературный сборник с комментариями шести подданных), П., 1987, с. 27. Обратим внимание, что в стихотворении Бань Гу, официального историка Восточной Хань, который должен был порицать Ван Мана, носорог из Хуанчжи упомянут в ряду сказочных диковинных животных (единорог-цилинд, чудокони и т.п.) с позиций современного человека, но мы не знаем, воспринимались ли они в то время как реальные или нет.

⁵⁶ См.: <http://chinese.dsturgeon.net/text.pl?node=52839&if=en&searchu=%E8%B6%8A%E8%A3%B3>

⁵⁷ См.: Лючэнь чжу Вэнь сюань 1987, с.43.

⁵⁸ В западноханьских памятниках об этом говорилось только в *Шаншу дачжуань*, но поскольку памятник был утрачен и «восстановлен» из цитат, нельзя исключить и того, что данная фраза является инородной (была добавлена составителем на основе поздних представлений). В том время юэчан назывался родом (ши).

⁵⁹ См.: Хоу Хань шу (История Поздней Хань). Сост. Фань Е. Шанхай, 1958, цз. 86, с. 9а.

⁶⁰ См.: Хоу Хань шу 1958, цз. 86, с. 9а.

⁶¹ См. Чжунго лиши диту цзи (Атлас истории Китая). П., 1996, т.2, с. 35-36.

⁶² См.: Хоу Хань шу 1958, цз. 86, с. 9а-9б.

⁶³ Восточноханьский военачальник Ма Юань (14 г. до н.э. — 49 г. н.э.) в 42—44 гг. подавил сопротивление местных надобщинных элит (т.н. «восстание сестер Чынг») и укрепил на вьетских землях китайскую власть, пройдя с армией до границ с государством Чампа, см.: *Деопик Д.В.* История Вьетнама. Т.1, М., 1994, с. 40.

⁶⁴ Цзяочжэнь — третий округ на вьетских землях, располагался между Цзяочжи и Жинань, см.: Чжунго лиши диту цзи (Атлас истории Китая). П., 1996, т.2, с. 35-36, 63-64.

⁶⁵ См.: Хоу Хань шу 1958, цз. 86, с. 9б.

В другом восточноханьском историческом сочинении *Дунгуань Хань цзи 東觀漢記* («Записки о [Восточной] Хань, созданные в Дунгуань») встречаются два сообщения на близкую тему. В первом в дополнении к данным *Хоу Хань шу* говорится о том, что еще ранее, уже на третий год правления императора Гуан-у-ди (25—57, 27 г. н.э.) не юэчан, а «Южные юэ поднесли в качестве дани белого фазана». Данные второго фрагмента, которые относятся к тринадцатому году (37 г.), также несколько отличны от сообщения нормативной истории: «Юэчан поднесли в качестве дани белого зайца», См.: <http://chinese.dsturgeon.net/text.pl?node=69124&if=en>.

⁶⁶ См.: Хоу Хань шу 1958, цз. 86, стр. 27а.

⁶⁷ Слово хуанчжи с другим значением и в другом контексте встречается в стихотворении восточноханьского поэта Ван И 王逸 (89—158) *Цзю сы 九思* («Девять дум»), которое называется *Шан ши 傷時*, вошедшее в собрание *Чу цы* (Чуские строфы):

Перевалил через [хребты] Улин — высоки и обрывисты,

Обозреваю [гору] Фуши — могуча и величественна,
Взошел на гору Данышань — как иссушены ее дуга (янь в 炎野),

Остановился на полог [на горе?] Юйчэ — как желты ее тропи (или ветви деревьев) (хуанчжи 黃支)».

Приведенный текст не позволяет считать, что в данном случае записано именно название страны, но отметить его необходимо.

⁶⁸ См.: Ван Чун. Лунь хэн (Весы суждений) — сер. Чжу цзы цзи чэн, т. 7, П., 1956, с. 82. В этом же духе автор высказывается в главах 39, 50, 58.

⁶⁹ См.: И вэнь лэй цзюй, гл. 6, с. 116.

⁷⁰ При этом ханьцы знали, что чамы (аустронезийцы) — не юэ (аустроазиаты), т.е. названия не были взаимозаменяемы.

⁷¹ См.: Краткая история Вьета (Вьет шы лыок), пер. А.Б. Полякова, М., 1980, с. 109.

⁷² См.: Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шики тоан тхи), пер. Леонова К.Ю., Никитина А.В., т.1, М., 2002, с. 111, 115. Подробно тема ранней истории юэ разрабатывалась в ранних работах Д.В. Деопика, см. Деопик Д.В. Аулак, Намвьет и другие вьетские государства в III-II вв. до н.э. — Вьетнам: история, традиции, современность. М., 2002, с. 160–161.

⁷³ Напомним, что отраженная в *Чжушу цзинянь* («древний текст») версия гибели Чжаована после получения дара могла быть и неизвестна в то время, тем более, что в нем содержится очень прямолинейная версия гибели чжоуского вана, которая замалчивалась в других царствах периода Чжаньго и особенно в западноханьское время, когда конфуцианство стало занимать позиции основной идеологии империи. Таким образом, в I в. до н.э. о ней могли и не знать. Но если все-таки знали, тогда эти сведения использовались для окончательного развенчания Ван Мана и были включены в биографию как часть своего рода антиванмановского памфлета. Они возвещали, что Ван Ман был обречен (носорог после фазанов — сочетание, намекающее на гибель Чжаована). Тогда сам Ван Ман и его советники могли апеллировать к *Янь те лунь* с его положительным подтекстом, а Бань Гу и его родственники-соавторы — к гибели Чжаована со всем ее отрицательным подтекстом.

Надпись *Wanua Tengah III* и проблема исторической традиции Нусантары

Принято считать, что на Малайском архипелаге историописание возникает сравнительно поздно ввиду его отсутствия в классической древнеиндийской культуре, оказавшей большое влияние на становление государственности у западноавстронезийских народов. Во многом это положение справедливо, но, тем не менее есть свидетельства фиксации исторических событий различными этносами Нусантары¹ уже в самый ранний период существования их политий. Так, в древнеяванской надписи *Mantuvsih I 907 г. н.э.* (829 г. эры шака) содержится список яванских царей, начиная с основателя центральнояванского государства Матарам Санджайи, а две других надписи начала X в. н.э., *Taji Gunung* и *Timbanan Wungkal*, датированы не годами индийской эры шака (*śakavarsha*), как все прочие яванские надписи, а 194 и 196 годами эры Санджайи (*śrī sañjayavarsha*). Достоверность списка в основном подтверждается аутентичными надписями соответствующих правителей, а датировка начала эры Санджайи около 715 года н.э. не противоречит дате единственной дошедшей до нас его надписи 732 г. н.э. (654 г. эры шака). Точно так же можно говорить и о достоверности исторической традиции другого западноавстронезийского народа, малайцев, отраженной в «Малайских родословиях» (*Sejarah Melayu*), поздней, уже исламского времени малайской хронике. Так, суматранского правителя Сри Три Буану, называемого в «Малайских родословиях» основателем Сингапура, то и дело объявляли мифической фигурой. «История древнего Сингапура в той же хронике («Малайских родословиях» — С.К.) есть, к сожалению, не что иное, как смешение мифов и традиций. Летописец говорит о династии из пяти правителей. Ее прародитель носит имя Санг Сапурба в честь нимфы из обители Индры — возможно, это испорченное Прабху, титул владетелей Маджапахита в четырнадцатом веке, но стоит ли ругать за это нимфу мужеского пола, каковое существо считалась одновременно основателем династии правителей древнего Палембанга и сыном раджи Сурана, вторгшегося туда в XI веке монарха из династии Чола! Как правитель Палембанга он именовался Тримурти Трибуана!... Иных упоминаний эта каша «Малайских родословий» не заслуживает» («The history of ancient Singapore in those same annals is unfortunately only a hotch-potch of myths and traditions. The annalist gives a dynasty of five kings. The progenitor of the line bears the name of Sang Sapurba after

a nymph of Indra's heaven, perhaps a corruption of Prabhu, a fourteenth century title of Majapahit princes; but criticism is hardly concerned with a male nymph who was credited with being the founder of the royal house of old Palembang and at the same time the son of raja Suran, the Chola invader of the XI-th century! As ruler of Palembang he styled himself Trimurti Tribuana!... So much for the olla-podrida of the *Malay Annals*), — иронизировал, в частности, знаменитый малаист сэр Ричард Винстедт². Другой авторитетный ученый, Оливер Уолтерс, не только не критически воспринял вывод Винстедта о полной недостоверности излагаемых в «Малайских родословиях» сведений о «домалаккской» истории малайцев, но и выдвинул гипотезу о том, что фигура Сри Три Буаны была придумана по образу и подобию основателя Малакки Искандар-шаха, упоминаемого в том же памятнике в качестве одного из потомков Сри Три Буаны. Многозначительно заявив, что «сейчас мы увидим, как исторические события были поставлены на службу генеалогии» («We shall now see how actual history was made to serve genealogical purposes»)³, профессор Уолтерс заклеил «вымышленного Сри Три Буану» (the fictitious Seri Tri Buana)⁴, отметил определенные параллели в жизнеописаниях Сри Три Буаны и Искандар-шаха и, наконец, объявил, что «некоторые черты вымышленной биографии Сри Три Буаны были созданы по образцу Искандеровой» («some details of Sri Tri Buana fictitious life were modelled on Iskandar's»)⁵. Далее на страницах книги Сри Три Буана вновь именуется «вымышленным правителем»⁶ с «вымышленной историей»⁷. Вообще при описании Сри Три Буаны Уолтерс в основном пользовался словами “fictitious” и “fiction”⁸. Однако в четвертой строке неоднократно публиковавшейся надписи на древнемалайском языке Padang Roco 1286 г. н.э. (1208 г. эры шака) (кампунг Сунгей Лангсат на северном берегу реки Батангхари в области Танах Датар, провинция Джамби, Суматра), нанесенной на пьедестал статуи боддхисатвы Амогхапаша, упоминается правитель «земли Малайю» (bhūmi malāyū) Шри махараджа шримат **Трибхувана**раджа Мауливарммадева (śrī mahārāja śrīmat **tribhuvanarāja** maulivarmmadeva) (выделено мною — С.К.). Итак, между хронологией и списком правителей «Малайских родословий», с одной стороны, и свидетельством надписи конца XIII в.н.э. с Центральной Суматры наблюдается полное соответствие (что не преминули отметить рецензенты книги Уолтерса). Шри Махараджа Трибхувана⁹раджа, бывший в 1286 г.н.э. правителем государства Малайю, вполне мог в конце XIII в. н.э. стать основателем Сингапура. Следовательно, у малайцев в XVI в. н.э. (время, раньше которого «Малайские родословия» не могли быть составлены) имелось подтвержденное независимыми эпиграфическими документами представление о том, что в конце XIII в. раджа по имени Трибхувана/Три Буана правил некоей страной на Суматре. В свете изложенного, нельзя не признать, что сравнительно поздние письменные памятники разных

народов Нусантары отражают достоверную устную (или письменную) традицию.

С тем большим интересом была воспринята находка еще одного древнеяванского эпиграфического памятника, содержащего информацию о последовательности яванских царей и хронологии их правлений. Надпись, выполненная на двух медных табличках и получившая, в соответствии с установившимся порядком, название Wanua Tengah III (по первому упоминаемому в ней микротопониму и по порядку обнаружения надписей, названных по этому топониму), была обнаружена жителем деревни Дунгло общины Гандулан в районе Калоран области Теманггунг провинции Центральная Ява (*dusun Dunglo, desa Gandulan, kecamatan Kaloran, kabupaten Temanggung, propinsi Jawa Tengah*) в конце 1983 года. К сожалению, ни полного текста, ни фотографии надписи опубликовано не было, но мой голландский друг и коллега д-р Рой Йордаан (*Roy Edward Jordaan*) любезно предоставил в мое распоряжение ее машинописную транскрипцию, выполненную ныне покойным знатоком индонезийской эпиграфики М. Бухари (а также ряд посвященных этой надписи работ, опубликованных в труднодоступных малотиражных индонезийских изданиях). Пользуюсь случаем выразить Рою глубочайшую благодарность.

В надписи речь идет о пожертвовании монастырю (*bihāra*) в местности Пикатан царского рисового поля (*sawah haji*). Далее перечисляются все последующие правители Явы с указанием точных дат их вступления на престол, и отмечается, подтверждали они, отменяли или восстанавливали указанное пожертвование и его статус «огражденного» владения (*soma*).

Надо сказать, сведения надписи не противоречат ни данным эпиграфики соответствующих периодов, ни списку правителей надписи *Mantyāsih I*. Некоторые расхождения между двумя списками вполне объяснимы. Так, в менее подробном списке надписи *Mantyāsih I* опущены имена четырех монархов, согласно надписи *Wanua Tengah III* правивших очень недолго, не более двух лет, трое из которых, согласно той же надписи, были свергнуты с престола (*kādəḥ ring kaḍatwan*, «изгнан из дворца» или *minggat* «бежал»). Что касается прочих царей, их последовательность и имена совпадают практически полностью, если не считать того, что в надписи *Mantuvsih I* преемник «князя [княжества] Панагкаран» (*rakai Panangkaran*) именуется «князем [княжества] Панунггалан», а в надписи *Wanua Tengah III* — «князем [княжества] Панарабан». Полагаю, этого недостаточно, чтобы считать, будто надпись *Mantyāsih I* «неполна и ненадежна» (*neither complete nor reliable*), как это делает Р. Йордаан⁹.

Самое любопытное в надписи *Wanua Tengah III* — то, что она содержит недвусмысленную информацию о дворцовых переворотах темного периода яванской истории, с середины 80-х по середину 90-х го-

дов IX века н.э. (ср. выше). В свое время Д.В. Деоник и автор этих строк на основании анализа формальных признаков эпиграфики Явы предположили, что на указанное время приходился переходный этап в развитии яванского государства¹⁰. Текст надписи подтверждает нашу гипотезу: «в то время мир был неуправляем» (*anāyaka ta ikanang gāt rikang kāla*) (П. А. 4).

Таким образом, есть основания полагать, что и в т.н. индуизированных государствах Нусантары существовала традиция отмечать важные хронологические вехи, прежде всего последовательность правителей. В связи с этим небезынтесным может оказаться поиск достоверных исторических сведений в относительно поздних письменных источниках.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Нусантара (по древнеявански — «Внешние острова») — древнеяванское название островов Малайского архипелага помимо Явы (ср. голландское *Buitengewesten*, «Внешние владения»). В настоящее время употребляется как обозначение всего малайско-индонезийского мира, включая Яву.
- 2 *Winstedt R.O.* *Tumasek or Old Singapore // 150th Anniversary of The Founding of Singapore. Commemorative Reprint, 2nd edition.* Singapore, 1973 (1st edition — *JMBRAS XIII, 1*), P. 12-13.
- 3 *Wolters O.W.* *The Fall of Śrīvijaya in Malay History.* Kuala Lumpur-Singapore, 1970. P. 88.
- 4 *Ibid.*, P. 119.
- 5 *Ibid.*, P. 119.
- 6 *Ibid.*, P. 121.
- 7 *Ibid.*, P. 124.
- 8 См., напр., *Ibid.*, P. 130.
- 9 *Jordaan R.E.* *The Śailendras in Central Javanese History. A Survey of Research from 1950 to 1999.* Yogyakarta, 1999, P. 32.
- 10 *Деоник Д.В., Кулланда С.В.* Простейшие признаки яванского эпиграфического массива VII-начала X вв. как источник по истории раннесредневековой Явы // *Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века.* М, 1981.

Китайско-вьетнамский вооруженный конфликт 1059-1060 гг. в освещении вьетнамских и китайских исторических источников

История Дайвьета традиционно изучается по вьетнамским историческим памятникам. Сведения из китайских исторических произведений лишь дополняют уже сложившиеся представления о вьетнамской средневековой истории, однако привлечение китайских сочинений при изучении истории взаимоотношений Дайвьета с китайскими империями и царствами представляется довольно результативным.

Ниже, используя ряд вьетнамских и китайских письменных памятников, мы детально рассмотрим вооруженный пограничный конфликт Дайвьета с империей Сун, произошедший в 1059-1060 гг¹. К этому времени Дайвьет, доказавший свою жизнеспособность в качестве самостоятельного государства, переживал расцвет, а Сунская империя (960-1279)² была ослаблена давлением с севера государств Ляо (916-1125) и Западное Ся (1032-1227) и ощущала острую необходимость в укреплении своих южных рубежей — территорий, пограничных с Дайвьетом.

Исследование этой темы представляется важным, поскольку оно посвящено знаменательному событию в истории Дайвьета. Речь идет о походе на южные китайские провинции в 1059 г. — единственном в истории отношений с Китаем упреждающем ударе со стороны Вьетнама.

Привлеченные источники содержат уникальную информацию, что позволяет максимально полно описать события. Среди вьетнамских сочинений это *Вьет шы лыок* («Краткая история Вьета» 越史略), далее — ВШЛ³, и *Дайвьет шы ки тоан тхы* («Полное собрание исторических записок Дайвьета» 大越史記全書), далее — ТТ⁴. К числу важнейших китайских источников относится китайская нормативная история (*чжэн ши*) — *Сун ши* («Истории [государства] Сун» 宋史), далее — СШ⁵, а также черновики к сунской истории — *Сун хуй яо цзигао* («Черновой свод важнейших материалов [государства] Сун» 宋會要輯稿), далее — СХЯЦГ⁶.

Отметим, что китайские сочинения и вьетнамские хроники сопоставимы по степени подробности, т.к. традиция летописания складывалась в Дайвьете под влиянием китайской культуры и китайского книжного наследия.

Сначала обратимся к предыстории пограничного конфликта 1059-60 гг. Он связан с процессами расширения сфер влияния Дайвьета в

предгорьях к северу и северо-западу от дельты Красной реки. Эти территории были населены тайскими народностями, отношения с которыми были важным направлением внешней политики вьетнамских правителей в XI в. Военные походы Дайвьета в XI в. были направлены на установление контроля вьетнамцев, живущих в долине Красной реки, над теми районами предгорий и гор, которым в будущем исторически суждено было стать частью вьетнамского государства.

Этот естественный в истории любого средневекового государства процесс расширения территорий по мере централизации проходил в два этапа:

1. войны в ближайших к дельте Красной реки предгорьях в первой трети XI в., нередко под предводительством самих правителей, после этих походов население ближайших предгорий признало вассальную зависимость от Дайвьета (перечислим годы походов: 989, 996, 997, 1001, 1006, 1008, 1011, 1013, 1020, 1024, 1026, 1027, 1031, 1033, 1035)⁷;

2. войны на отдаленных территориях (Каобанг, современные южные провинции Китая), на которые также претендовал Китай. Это, в первую очередь, война с нунгами, населявшими территории современной вьетнамской провинции Каобанг и юго-запад современного Гуанси-Чжуанского автономного района в Китае. В 1036 г. вождь нунгов по имени Нунг Туан Фу (кит. Нун Циньфу) объявил себя полновластным правителем и начал борьбу за создание независимого государства в пограничной зоне между дайвьетскими территориями и сунскими. Эту борьбу продолжил его сын Нунг Чи Као (кит. Нун Чжигао), который неоднократно провозглашал создание независимого государства, однако терпел поражения, а в 1053 г. был пойман и казнен⁸. Следующей войной стал конфликт 1059-60 гг., когда вьетнамцы решили посягнуть на пограничные с Сунами территории.

Апофеозом экспансии Дайвьета на северных рубежах станет война 1075 г., в которой вьетнамская армия во главе с полководцем Ли Тхыонг Кьетом разобьет сунские войска.

Рассмотрим сообщения памятников, относящиеся к событиям 1059-1060 гг.

1. Летопись ВШЛ, которая оценивается в историографии как древнейшее из дошедших до нас вьетнамских исторических произведений⁹, описывает конфликт в погодной статье 1060 г.¹⁰ В ней сообщается о вторжении управляющего Лангшоном 諒州牧 по имени Тхан Тхьеу на сунскую территорию (в округ Сипинчжоу) и о захвате уже бежавших из Дайвьета китайцев. Среди пленных оказался сунский полководец-чжэши Ян Баоцай.

Важной задачей для Дайвьета было присоединение новых земель. Для ведения переговоров в приграничный китайский округ Юнчжоу были направлены высокопоставленные чиновники как со стороны Сунов (заместитель министра-шлан министерства чинов Юй Цзин),

так и со стороны Дайвьета (Буй Зя Хыу, назначенный на высокую гражданскую должность 文明殿太學士 *тхайхокси* дворца Ванминь в 1054 г.). Переговоры не принесли желаемого результата ни одной из сторон, поскольку Сунам не удалось выкупить Ян Баоцая, а Дайвьету — закрепить за собой новые земли.

К 1064 г. отношения нормализовались: новый сунский император Ин-цзун (1064-1068 гг.) пожаловал правителю Дайвьета Ли Тхань-тонгу титул *тунпинчжанши* (同平章事, титул первого министра), а в 1068 г. вступивший на трон Шэнь-цзун (1068-1086 гг.) — титул *наньпинван* (南平王 букв. правитель умиротворенного юга), что станет традиционной формой взаимоотношений между императорами Сун и правителями Дайвьета. Китайцы подчеркивали этим, что Дайвьет для них продолжает оставаться частью империи, официально признавая за правителем Дайвьета титул вана и неоднократно жалуя его формальными титулами и чиновничьими должностями.

2. ТТ — летописный свод, составленный на базе переработки и систематизации предшествующих источников. Формирование памятника в его современном виде заняло более четырех столетий (XIII—XVII вв.), в течение которых дописывались новые главы, а старые — редактировались и дополнялись комментариями¹¹. В этом памятнике упомянуто нападение на приморский, граничивший с Дайвьетом округ Циньчжоу еще в 1059 г., о чем авторы-составители ВШЛ умолчали. Далее в изложении событий 1060 г. в ТТ чрезвычайно похож на ВШЛ. Как правило, в более поздних списках летописей сохраняется наиболее значимая информация. Поэтому случаи совпадения фрагментов текста в двух летописях, одна к другой не восходящих, на наш взгляд, свидетельствует об отношении авторов к описываемым событиям как к очень важным. В то же время многое из того, что таковым не считалось, подвергалось редактированию и сокращению. Так, в ТТ опущено пожалование титула Шэнь-цзуном Ли-Тхань-тонгу в 1068 г., упомянутое в ВШЛ.

3. В китайском памятнике XIV в. СШ к рассматриваемой теме относится фрагмент раздела *Вайго* 外國 «Иноземные страны» цзюаня 488, посвященного соседним государствам, а именно часть главы об иноземных странах «Цзяочжи и Дали» S» 交趾大理¹².

В нем, как и в ТТ, сообщается о нападении вьетнамцев на Циньчжоу, причем авторы уточняют цель: пополнение продовольственных складов. Нападение Дайвьета было отбито, и в 1060 г. Суны развернули разведывательные операции на пограничных территориях, а также приступили к переговорам с государством Чампа, граничившим с Дайвьетом с юга. Вскоре сунские войска подошли к землям Цзяочжоу (так китайцы называли Дайвьет). По сообщению СШ Ли Тхань-тонг был напуган (惶怖), покорился и преподнес дань китайскому императору, после чего сунские войска покинули Дайвьет.

В 1063 г. сообщается о новых столкновениях на китайско-вьетнамской границе, но в этот момент сунский император Жэнь-цзун (1023-1064 гг.) скончался, и военная кампания была свернута. Дайвьет преподнес в дар дрессированных слонов, на этом инцидент был исчерпан. Вступивший на трон Поднебесной император Ин-цзун (1064-1068 гг.) приказал министрам доложить об истории отношений с Цзяочжоу. В докладе сообщается, что при Танах (618-906 гг.) там существовало Управление умиротворенным югом (*аньнаньдухуфу*), а с падением Танской империи вьетнамцы «открыто не повиновались». С окончанием эпохи Пяти Династий (907-960 гг.) в Китае вновь встал вопрос о подчинении Цзяочжи. При втором сунском императоре Тай-цзуне (976-998 гг.) на южные рубежи были отправлены войска, но подчинить вьетнамцев не удалось. Показательна фраза, завершающая доклад: «Горы и дороги Цзяочжоу опасны и захолустны, часты наводнения, туманы, воздух зловонен. Даже завоевав их земли, боюсь, что не сможем их удержать».

4. СХЯЦГ включает в себя множество документов сунского периода с 960 по 1220 гг.¹³, на основе которых составляли СШ¹⁴. Отметим, что этот памятник только вводится в научный оборот. Для СХЯЦГ как для черновика будущей нормативной истории характерен большой объем знаков, детализация большинства фактов, уточнение месяца, а порой и дня события¹⁵. Например, мы узнаем, что в 1063 г. слоны были переданы в дар Ин-цзуну в восьмой день первого месяца. Что касается описания конфликта, то помимо уже известных нам из СШ фактов мы находим информацию о том, что в Чампе также были дислоцированы войска, готовые выступить на Дайвьет. Этого не случилось, т.к. Ли Тхань-тонг подчинился Сунам (по мнению китайских историографов).

Отметим также, что в последующих документах (1067 г.) упоминаются войны с Нун Чи Као, хотя со времени его казни на тот момент прошло уже 14 лет. Таким образом, новые данные, полученные из СХЯЦГ, уточняют масштаб интересующих нас событий, свидетельствуют об их важности.

Обобщим сообщения различных источников.

В 1059 г. вьетнамские войска напали на китайскую провинцию Циньчжоу, «продемонстрировали военную мощь и возвратились»¹⁶. По ТТ поводом стали, якобы, нападения китайцев на пограничные районы, хотя ранее в летописи о подобном не сообщалось. По СШ вьетнамские войска грабили продовольственные склады и уводили пленников. Таким образом, летописцы с обеих сторон пытались оправдать вторжение войск на чужую территорию.

В следующем 1060 г. войска противодействующих сторон подошли к границе, произошел вооруженный конфликт, исход которого описан по-разному. По версии вьетнамских хроник армия Дайвьета пре-

следовала отступающие войска противника на сунской территории, взяв в плен Ян Баоцая и множество солдат. По версии китайских сочинений — Ли Тхань-тонг был вынужден признать поражение, когда сунские войска подошли к границе. По информации ВШЛ и ТТ китайские послы вели переговоры о возвращении Ян Баоцая, которые оказались безрезультатными. СШ и СХЯЦГ совсем не упоминают Ян Баоцая, а сообщают, что на юге Сунов поддерживала Чампа.

Отметим, что использованный для изучения истории Дайвьета памятник СХЯЦГ позволяет по-новому оценить масштабы конфликта. Упомянутые в источнике войска, которые были дислоцированы в Чампе, представляли собой второй фронт. Таким образом, речь идет не о рядовом набеге на пограничной территории, а о борьбе интересов в буферной зоне между Дайвьетом и Сунской империей и о попытках Дайвьета расширить территории за счет южных китайских земель.

Вероятно, Ян Баоцай действительно был захвачен вьетнамцами в плен, но ко времени подхода китайских войск он, вероятно, был убит или отослан во внутренние районы страны, т.к. он после формального подчинения Дайвьета не вернулся в Сунскую империю. Выразилось подчинение в том, что Ли Тхань-тонгу был пожалован титул *цзяочжичжуньюван* (交趾郡王, букв. правитель округа Цзяочжи) — титул правителя, но не другого государства, а всего лишь одного из округов Сунской империи.

Очевидно, Суны «подкорректировали» итоги военной кампании в летописи, приписав победу себе. Дайвьет в XI в. оставался фактически независимым, процветающим государством, которое не только вело войны, но и выигрывало их (поход Ли Тхьонг Киета в 1075 г.). Военными походами XI в. постепенно определялась естественная зона контроля Дайвьета над народами предгорий. Конфликт 1059-60 гг. среди этих войн мы можем определить как подготовку к войне, проведенной Ли Тхьонг Киетом 1075 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этот конфликт впервые в историографии подробно рассматривается в данной статье.

² Государство Сун существовало на территории Китая с 960 г. по 1279 г. (Северная Сун: 960-1127 гг., Южная Сун: 1127-1279 гг.).

В период Южная Сун произошло перемещение столицы на юг, поэтому объем информации о Юге, в том числе по истории Вьетнама, значительно увеличился. См.: *Деоник Д.В.* Новые данные о Юге Китая и Вьетнаме в авторских сочинениях эпохи Южная Сун, дополняющие сведения официальных источников // *Чжоу Цюй-фэй.* Лин вай дай да (За Хребтами. Вместо ответов). М., 2001. *Ульянов М.Ю.* Введение. // Там же.

³ Да Юэ ши люэ (Краткая история Великого Юэ) / Сост. и коммент. Чэнь Цзинхэ. Токио, 1987. С. 57-61.

⁴ Đại Việt Sử Ký Toàn Thư. Tập IV. Nhà xuất bản khoa học xã hội. Hà Nội. Hà Nội, 1998. Tr. 129-131. (цзюань 3, листы 1а-6b.)

⁵ Сун ши (История Сун). Шанхай, 1958.

- ⁶ Сун хуй яо цзи гао (Черновой свод важнейших материалов государства Сун). Пекин, 1957. С.7729-7731 (цзюань 10122, листы 14b-17a).
- ⁷ Да Юэ ши лю. Указ. соч. С. 45-53.
- ⁸ Да Юэ ши лю. Указ. соч. С. 54-56.
См. также: *Ульянов М.Ю.* Борьба тайских народностей под руководством рода Нун в первой половине XI в. (1038-1053) за создание национального государства. Сопоставление сообщений *Дай Вьет шы Ки тоан тхы* и *Сун ши*. // Традиционный Вьетнам. Вып. III. М.: Памятники исторической мысли, 2008.
- ⁹ Это анонимный исторический источник. Ряд его особенностей свидетельствуют о том, что он был завершён не позднее 70-х гг. XIII в. См.: *Поляков А.Б.* «Краткая история Вьета» как источник по истории Древнего Вьетнама. // Краткая история Вьета (*Вьет шы лыок*). М., 1980. *Никитин А.В.* «Дай Вьет Шы Лыок» в книжных собраниях и книжных сериях Китая (хранение, копирование, редактирование, издание) // Традиционный Вьетнам. Сб. ст. Вып. I. М., 1993.
- ¹⁰ Да Юэ ши лю. Указ. соч. С. 58.
- ¹¹ Формирование современного вида памятника заняло более четырёх столетий (1272–1697), а продолжение ТТ составлялись вплоть до конца XVIII в. Работа эта прошла несколько этапов, на каждом из которых дописывались соответствующие главы хроники, а уже имеющийся текст подвергался редактированию. О памятнике см.: Полное собрание исторических записок Дайвьета (*Дайвьет шы ки тоан тхы*). В 8-ми томах. Т. 1 / Пер. с ханвьета К.Ю. Леонова и А.В. Никитина; коммент., вступ. ст. и прил. К.Ю. Леонова и А.В. Никитина при участии В.И. Антощенко, М.Ю. Ульянова, А.Л. Федорина. М., 2002 (Памятники письменности Востока. СХХХ, 1). *Федорин А.Л.* Новые данные о вьетнамском летописании. М., 2008. (Труды Института Практического Востоковедения. Т. III)
- ¹² Работа над СШ началась в 1313 г., в 1343–45 гг. историографы юаньской Академии государственной истории (*Го ши юань 國史院*) завершили этот труд. См.: *Endymion Wilkinson.* Chinese History. A manual (revised and enlarged). Published by the Harvard University Asia Center for Harvard-Yenching Institute and distributed by Harvard University Press Cambridge (Massachusetts) and London, 2000. P. 847.
- ¹³ Более поздние сочинения описывают события 960–1279 гг., т.е. на 59 лет больше, чем в СХЯЦГ. Этот факт свидетельствует о том, что работа над последним была закончена еще в 30-е гг. XIV в. См.: *Endymion Wilkinson.* Op. cit. P. 845.
- ¹⁴ Впервые сочинения типа *хуй яо* 會要 появляются именно в сунскую эпоху (X–XIII вв.). Эти произведения содержат главным образом тексты докладов и указов в сокращённом виде. Расположены они в систематическом порядке в зависимости от их содержания (финансы, войско, законы, обряды, иноземные народы). Подробнее см.: *Флуг К.К.* История китайской печатной книги сунской эпохи X–XIII вв. Издательство АН СССР. Ленинград, 1959 г. С. 239.
- ¹⁵ Текст СХЯЦГ рукописный (и это заметно усложняет понимание текста) — все остальные официальные источники, которыми мы пользуемся, изданы в виде ксилографов. Благодарим М.Ю. Ульянова за содействие при переводе памятника.
- ¹⁶ *Đại Việt Sử Ký Toàn Thư*. Op. cit. Т. 129 (цзюань 3, лист 2a-b).

Еще раз о проблеме династий Первые и Вторые Поздние Ли (1010–1225)

С начала 80-х гг. XX в. в российской вьетнамистике появилась теория о том, что в 1127 г. в Дайвьете (так в то время назывался Вьетнам) фактически произошел скрытый государственный переворот, и власть в стране перешла из рук императоров династии Поздние Ли в руки императоров, не имевших отношения к этому роду. При этом авторы вьетнамских летописей сделали все, чтобы замаскировать это событие. Впервые эту гипотезу выдвинул А.Б.Поляков в своих комментариях к переводу хроники «Краткая история Вьета» (в дальнейшем — ВШЛ)¹. Позднее ее поддержал Д.В.Деопик в вышедшем в 1994 г. первом томе учебника по истории Вьетнама. Он же предложил именовать два этапа в истории династии Поздние Ли, как Первые Поздние Ли и Вторые Поздние Ли². В развернутом виде эта теория прозвучала в работах этих же авторов и М.Ю.Ульянова, написанных в конце 90-х — начале 2000-х гг.³ При этом, если А.Б.Поляков основной упор сделал на информации из той же «Краткой истории Вьета» и более поздних буддийских жизнеописаний, то Д.В.Деопик и М.Ю.Ульянов дополнительно привлекли данные основного источника по истории древнего и средневекового Вьетнама — «Полного собрания исторических записок Дайвьета» (в дальнейшем — ТТ)⁴ и ряда китайских источников, включая династийную хронику *Сун ши*⁵. При этом их заключения по сути происходивших событий в целом совпали. Две последние работы по данной проблеме были написаны достаточно давно, но увидели свет лишь в 2008 г., в сборнике, вышедшем под общей редакцией автора настоящей статьи. Уже при их редактировании некоторые места текстов вызвали сомнения, которые лишь укрепились в последнее время в ходе перевода и комментирования III и IV глав Основных анналов ТТ в рамках подготовки к изданию на русском языке третьего тома этой хроники.

Но прежде чем приступить к изложению собственных заключений, связанных с этим вопросом, кратко коснемся аргументов в поддержку теории о смене династий, которые прозвучали ранее.

Император Ли Нянь-тонг (правил в 1072–1127 гг.) был бездетным и к старости серьезно задумался о престолонаследии. Когда он понял, что моления в пагодах и привлечение все новых и новых жен и наложниц не помогают, он по протекции своего родственника Зиентхань-хау решил взять приемного сына — «чудесного ребенка из Нгеана» Зяк

Хоанга (в переводе может означать «Просветленный», т.е. Будда), не относящегося к императорскому роду. Этому воспротивилось его окружение. Вскоре Зяк Хоанг был погублен усилиями другого аристократа — Шунгхиен-хау, который назван родственником императора только в ТТ, а в более древней ВШЛ нет. Его орудием стал монах-кудесник Ты Дао Хань, который, собственно говоря, и извел Зяк Хоанга. От заслуженной кары монаха спас Шунгхиен-хау, который также был бездетен. В знак признательности Ты Дао Хань обещал решить его проблему с наследником и, по данным еще одного источника, «Краткая история Аннама» (в дальнейшем — АНТЛ), посетил купальню, где находилась его жена из рода До. В последствии она действительно родила сына, в момент рождения которого заранее предупрежденный Ты Дао Хань покинул свое брненное тело и перевоплотился во вновь рожденного. Этот ребенок, фактический потомок монаха и его перевоплощение, стал приемным сыном и наследником императора Ли Нян-тонга и впоследствии императором Ли Тхан-тонгом (правил в 1127–1138 гг.). Таким образом произошла смена династии, а фактическими правителями при несовершеннолетнем императоре стали его родные родители — Шунгхиен-хау и его жена из рода До, объявленные вопреки всем правилам соответственно Верховным императором и Верховной императрицей. Впоследствии род До утвердился у власти с выдвижением младшего брата жены Шунгхиен-хау — До Ань Ву, ставшим фактическим правителем Дайвьета в середине XII в. Имя покойного Ли Нян-тонга, усыновившего Ли Тхан-тонга, было предано забвению. Аппарат власти немедленно был существенно обновлен. Выделение последнего периода правления династии Поздние Ли (с 1128 г.) в отдельную III главу во ВШЛ свидетельствует, что для авторов этой хроники это была уже «новая» династия.

У Ли Нян-тонга все-таки были родные сыновья, родившиеся уже после его смерти от наложниц, бежавших соответственно в Чампу и тайское государство Дали. Первый из них, безымянный «Отосланный в чреве», был использован чампами и камбоджийцами, попытавшимися посадить его на престол уже в 1128 г. Второй, по имени Тхан Лой, претендовал на власть в Дайвьете после смерти Ли Тхан-тонга в 1138 г. Борьба с ними характеризуется как два периода двоевластия в стране (1128–1132 и 1138–1141 гг.), причем империя Сун занимала выжидательную позицию и признала императора Ли Тхан-тонга только после завершения первого периода двоевластия, что выразилось в том числе и в продлении в сунских документах периода правления уже умершего в 1127 г. Ли Нян-тонга вплоть до 1132 г.

Попробуем теперь нарисовать свою картину событий, как она нам представляется по сообщениям наиболее полного и надежного источника по этому периоду истории Вьетнама — ТТ. При этом постараемся руководствоваться заветами академика В.М.Алексеева, писавшего, что

«...любое китаеведное исследование должно основываться на тексте, исходить из текста и верифицироваться текстом»⁶, что в полной мере можно отнести и к средневековым вьетнамским источникам, написанным на китайском языке.

Начнем издалека. Проблемы с потомством мужского пола испытывал и отец Ли Нян-тонга — император Ли Тхань-тонг: «В то время император был уже в цветущем возрасте, дожил до сорока лет, но все еще не обрел наследника. Приказал обслуживающему жен и наложниц Нгуен Бонгу просить о наследнике в пагоде Тханьгюа. После этого супруга Илан забеременела и родила императору сына [Ли] Кан Дыка. Он стал [императором Ли] Нян-тонгом» (1063)⁷. «Весна. Главная луна. Двадцать пятый день. Час *хой*. Родился сын императора [Ли] Кан Дык. На следующий день провозглашен наследником императора» (1066)⁸. Таким образом наследник у Ли Тхань-тонга появился поздно, лишь в 43 года. Тем не менее в прямых потомках по мужской линии династия Поздние Ли недостатка не испытывала: «Весна. Вторая луна. Родился сын императора Миньнян-*вьонг* <имя утрачено>. Он был младшим братом [Ли] Нян-тонга от одной матери» (1068)⁹. Титул *вьонга* обычно получали сыновья действующего императора и братья, коих, судя по хронике, в 1095 г. было несколько: «Весна. *Вьонги* [начали] участвовать в аудиенциях династии»¹⁰.

Тем не менее сам Ли Нян-тонг был бездетен. У него за 62 года жизни не было ни женского, ни мужского потомства. Об этом прямо или косвенно свидетельствуют все источники, как вьетнамские, так и китайские. Впервые его беспокойство по этому вопросу проявилась, судя по летописи, в 1102 г., примерно в том же возрасте, когда аналогичной проблемой озаботился его отец (36 лет): «Приказали императрице и наложницам поститься и совершать жертвоприношения, молясь о потомстве»¹¹. Чисто сакральные меры не помогали, и в 1115 г., когда императору исполнилось уже 49 лет: «...провозгласили трех императриц — Ланань, Кхамтхиен и Тямбао. [Дополнительно пригласили] тридцать шесть наложниц. В то время у императора не было потомства, поэтому провозглашали много императриц, [приглашали много] наложниц, совершали жертвоприношения с возлиянием вина, чтобы молиться об этом (о потомстве)»¹². Но и это не принесло результаты. Тогда в 1117 г. было решено прибегнуть к традиционной и неоднократно примененной на Дальнем Востоке процедуре для таких случаев: из прямых внуков предыдущего императора и отца действующего императора был подобран приемный сын, которого и провозгласили наследником: «Зима. Десятая луна..... Взяли мальчиков из семей императорского рода и воспитывали во дворце. Указ гласил: «Мы уже давно при-сматриваем за народом, но не имеем [мужского] потомства для последующих времен. Драгоценные регалии Поднебесной, кто сможет их воспринять? Надо воспитывать сыновей Шунгхиен-*[хав]*, Тханькхань-

[*хау*], Тханькуанг-[*хау*], Тханьтхьеу-[*хау*] и Тханьхынг-[*хау*], чтобы выбрать из них самого достойного и возвести его на престол». В то время сын Шунгхиен-*хау* [Ли] Зыонг Хоан которому хотя и было всего два года, [отличался] умением повиноваться и понятливостью. Высочайший очень его любил. И тогда он был назначен наследником императора»¹³. О том, что Шунгтхиен-*хау* был родственником династии Поздние Ли, говорят все источники, в том числе ВШЛ. Если при первом его упоминании это не подчеркивается, то во вступительной фразе к разделу о правлении его сына сказано: «Зыонг Хоан, внук Ли Тханьтонга, сын Шунгхиен-*хау*»¹⁴. Если Зыонг Хоан был внуком Ли Тханьтонга, то отец Зыонг Хоана естественно являлся сыном Ли Тханьтонга.

Судя по всему, здесь в хронике зафиксировано окончание процесса, начатого раньше: из пяти мальчиков был выбран один. Очень похоже, что принятие этого решения было связано со смертью за три месяца до этого выбора матери Ли Нян-тонга (супруга Илан). Большую часть периода правления этого императора она активно влияла на политическую жизнь страны, и теперь руки ее сына оказались развязанными. Почему выбор пал именно на Зыонг Хоана? Вряд ли это связано с его «понятливостью и умением повиноваться», просто он был самым маленьким (всего полтора года) и его было проще оторвать от родителей и разрушить их взаимную привязанность, что также входило в традиционную схему воспитания будущего наследника престола императора, не имевшего прямого мужского потомства. Все другие традиционные меры, принятые в этом случае, также были соблюдены: родные родители Зыонг Хоана (Шунгхиен-*хау* и его жена из рода До) были немедленно удалены из столицы, чтобы их встречи с сыном, даже случайные, были исключены, а у наследника помимо приемного отца (император Ли Нян-тонг) появилась и приемная мать (супруга императора Чанань), которая и занялась его воспитанием.

В описании последующих 10 лет никакой дополнительной информации по этим проблемам в хрониках нет: вопрос о престолонаследии был решен, наследник рос во дворце под присмотром новых родителей и готовился к будущей высокой миссии.

В двенадцатой луне 1127 г. Ли Нян-тонг умер. Его смерть вопреки мнению моих оппонетов не была неожиданной. В своем завещании он пишет: «С той поры, как Мы наблюдали жатву, неожиданно напало нездоровье...»¹⁵, а за жатвой он наблюдал в четвертой луне¹⁶, т.е. болезнь длилась более полугода. Он успел подготовиться к уходу из жизни и распорядиться своим наследством. С учетом десятилетнего стажа Зыонг Хоана «в должности наследника» и прямо выраженной посмертной воли Ли Нян-тонга, судя по всему, проблем с его возведением на престол не было, хотя претенденты на это место его уровня (внуки Ли Тханьтонга) безусловно в столице оставались. Вот, например, сообщение от 1129 г. об одном из них: «Ли Лок, один из *вюонгов*-родствен-

ников императора, доложил высочайшему, что на горе Танвиен есть белый олень. Император послал *тхайуи* Зыонг Ань Ньи отправиться [туда]. Удалось его поймать. Наградили [Ли] Лока титулом высшего разряда»¹⁷.

Спокойный переход власти в рамках династии подтверждается тем, что новый император провозгласил эру своего правления не сразу после вступления на престол, а с первого дня нового 1128 г. по лунному календарю. В соответствии с дальневосточными традициями, с тем чтобы показать особое почтение своему покойному отцу (родному или приемному) было принято, что новый император начинает свое правление со следующего года, удлинив, таким образом, срок правления своего предшественника. Например, император Ле Тхань-тонг династии Поздние Ле (прав. в 1460–1497 гг.) умер в самом начале 1497 г. по лунному календарю, а его сын, Ле Хиен-тонг провозгласил свою эру правления только в следующем 1498 г. Но так было далеко не всегда. Проблема состояла в том, что не провозгласивший эру правления, т.е. не представленный Небу император не был до конца легитимен, не мог подписывать указов от своего имени, и свергнуть его было проще. Поэтому при малейшей опасности его власти со стороны других претендентов этот обычай игнорировали: и Ли Нян-тонг, и сын Ли Тхан-тонга — Ли Ань-тонг провозгласили свою эру сразу при вступлении на престол, в то время как сам Ли Тхан-тонг (вернее его окружение) позволил сделать паузу до начала следующего года, что является хоть и косвенным, но совершенно очевидным свидетельством того, что с династийной точки зрения его власти ничего не угрожало.

В момент вступления на престол Зыонг Хоану было двенадцать лет, и, естественно, он не мог еще править самостоятельно. Кто же стоял за его спиной? В первую очередь эта была его приемная мать супруга императора Чанань. Первым же указом нового императора она была провозглашена Верховной императрицей¹⁸. Ее окружение не было новым. На главных ролях были уже давно мелькавшие на страницах хроник евнухи-военачальники Ле Ба Нгок и Мау Зу До, начальник столичной полиции Ли Шон, главнокомандующий Лью Кхань Дам, которые входили в высший эшелон власти и при Ли Нян-тонге, были восприимчивыми его завещания и некоторые из них продолжали активно влиять на политику государства даже уже после смерти Ле Тхан-тонга в 1138 г. Кадровые перемены коснулись лишь среднего звена руководства, и командовали этим тоже прежние высшие сановники: «Восьмая луна. Издали указ для Лью Кхань Дама и Мау Зу До подобрать людей на чиновничьи должности» (1128)¹⁹.

А что же родные родители Ли Тхан-тонга, Шунгхиен-хау и его жена из рода До? Формальные почести им были оказаны, но к реальной власти их сначала не допустили. Более того, около полутора лет они продолжали находиться фактически в почетной ссылке. Сначала о про-

возглашении сына императором «послали евнуха До Тхиена и саняна Бо Шунга сообщить... Шунгхиен-хау»²⁰. Потом «послали *тхайфо* Лыу Ба и *зынгнидайфу* Мау Зу До в дом Шунгхиен-хау вручить ему подарки [от имени покойного Ли] Нян-тонга»²¹, но в столицу их так и не пригласили (скорее всего, не пустили).

После активного и авторитетного Ли Нян-тонга власть попала в руки значительно менее сильных личностей и безусловно ослабла, тут спорить не с чем. Более того, начались дрязги внутри ее. Новые старые регенты стали бороться за первенство и пытаться закрепить свои позиции и на будущее: «Вторая луна. Провозгласили урожденную Ли императрицей. До этого послали *виеннгоайланга* Ли Кхань Тхана вместе с его женой встретить дочь *тыхуишы* [корпуса-вэ] Диентиен Ли Шона, а *виеннгоайланга* Чан Нгок До вместе с его женой встретить дочь племянника *тхайуи* Ле Ба Нгока — Ле Сьонга. Указом провозгласили дочь [Ли] Шона императрицей Летхиен, а дочь [Ле] Сьонга — супругой Миньбао» (1128)²². Но им был дан твердый отпор: «[День] *зып-туат*. Императрицу Летхиен и супругу Миньбао возвратили в отчий дом» (1128)²³. Более того, Верховная императрица сама перешла в наступление: «Пятая луна. Издали указ о внесении в списки освобожденных [от повинностей] ста человек родственников Верховной императрицы Чанань» (1128)²⁴. Но в конце все того же 1128 г. компромисс, по-видимому, был все-таки достигнут: «Зима. Одиннадцатая луна. *Тхайуи* Ле Ба Нгока назначили *тхайшы*. Изменил фамилию и перешел в род Чыонг»²⁵ (род Чыонг — род Верховной императрицы).

На этом фоне родные родители Ли Тхан-тонга все-таки сделали попытку прорваться к власти, но только в начале 1129 г., когда им наконец-то удалось вернуться в столицу: «Весна. Главная луна. [День] *зынго*. Провозгласили родного отца [императора] Шунгхиен-хау Верховным императором, родную мать, урожденную До — Верховной императрицей. Поселили [их] во дворце Донгн्यान». Таким образом, в государстве появилось сразу две Верховные императрицы (родная и приемная мать императора), а главное — Верховный император, который по всем канонам имперского культа²⁶ рассматривался как первое лицо в государстве, хотя и не имеющее властных полномочий. Но торжество новых претендентов на власть длилось не долго, менее полутора лет. «Пятая луна. Верховный император умер. Посмертное имя — Кунгхоанг» (1130)²⁷. Сообщение более чем красноречивое: первому лицу в государстве после смерти не только не присудили обычные в таком случае почетные иероглифы к титулу, но даже и не удостоили его храмового имени, т.е. права почитаться в Тхаймиеу, храме предков императора. Но особенно характерен посмертный титул: так на Дальнем Востоке именовали только императоров, насильно свергнутых или принужденных к самоубийству за преступление. Характерный пример — Ле Суан, последний император династии Ле Шо (1428–1527),

принужденный к самоубийству Мак Данг Зунгом, который получил именно такой посмертный титул — Кунг-хоанг. Нет никаких сомнений в том, что в 1130 г. Шунгтхиен-хау был либо убит, либо принужден к самоубийству.

Но его политические противники на этом не остановились. Вот сообщения за следующий 1131 г.: «Третья луна. Младший брат императора [Ли] Тинь умер <он был сыном Шунгтхиен-хау>»²⁸. И далее: «Зима. Десятая луна. Младший брат императора Тю Ка умер»²⁹. Родные братья императора опасны для властей, они в случае его смерти — законные наследники, а после гибели отца еще неизвестно как себя поведут. Сомнений в том, что их смерть была неслучайной, практически нет. После 1132 г. эта тема перестала быть актуальной: «Пятая луна. Новолуние. Родился старший сын императора не от главной жены [Ли] Тхиен Лок. Позднее получил титул Миньдао-выонг»³⁰. У императора появились собственные наследники.

Таким образом род До из Нгеана, несмотря на предпринятые активные попытки вернуться к власти, во времена правления императора Ли Тхан-тонга сделать этого так и не смог. А как же До Ань Ву, временщик, фактически управлявший Вьетнамом в середине XII в.? Да, он действительно являлся представителем именно этого рода До. Более того, он был младшим братом Верховной императрицы — родной матери Ли Тхан-тонга и жены Шунгтхиен-хау³¹. Но его приход к власти связан не с событиями 1127–1137 гг., а с переворотом 1138 г., когда вместо законного старшего сына и назначенного наследника Ли Тхан-тонга — Ли Тхиен Лока императором стал его младший брат Ли Тхиен То. Этот переворот, судя по всему, был реваншем оставшейся в живых Верховной императрицы из рода До и, кстати, того же евнуха Мау Зу До, незадолго до этого отстраненного от власти, а потом вновь возвысившегося. Впрочем, к событиям, являющимся непосредственной темой для дискуссии о Первых и Вторых Поздних Ли, это уже отношение не имеет.

Остановимся и на некоторых других аргументах, которые были использованы, чтобы подвести смену династии в 1127 г. «Чудесный ребенок» Зяк Хоанг, которого «чуть не усыновил» Ли Нян-тонг, на страницах ГТ также присутствует: «Зима. Десятая луна. Житель провинции-тяу Зиен Ли Зяк замыслил мятеж. Раньше [Ли] Зяк овладел искусством колдовства, мог траву и деревья превращать в людей. Набрал сомнительных людей, захватил эту провинцию-тяу, построил крепость и поднял мятеж. Об этом доложили [императору]. Приказал Ли Тхьонг Киету и иже с ним покарать его. [Ли] Зяк потерпел поражение и скрылся в Чампе. Оставшиеся [его] сообщники были умиротворены. Чампа ограблена пограничье» (1103)³². И далее: «Весна. Вторая луна. Приказали Ли Тхьонг Киету покарать Чампу. Ранее Ли Зяк бежал в Чампу и рассказал о положении в стране. Властитель Чампы Темана,

воспользовавшись этим, пришел грабить. Вновь захватил три провинции-*тяу* Диали и другие, которые были подарены [Дайвьету] Теку. И вот тогда приказали Ли Тхыонг Киету атаковать и разгромить его. Темана вновь отдал эти территории» (1104)³³.

Совпадает практически все: имя, фамилия, место, способности к колдовству, претензии на пост императора, связь с Чампой и самым крупным за все время нападением этой страны на Дайвьет. Зяк Хоанг — это не «просветленный царь», это «император Зяк». В поздней буддийской традиции и историческом предании это важнейшее историческое событие, как часто бывает, трансформировалось в красивую легенду о младенце-кудеснике (то, что это был младенец, ставит под сомнение и А.Б.Поляков), а затем и репродуцировалось в не менее красивую легенду об «Отосланном во чреве». Во всяком случае на протяжении первой половины XII в. Чампе только раз удалось отвоевать назад недавно отобранные у нее Ли Нян-тонгом провинции, и сделано это было именно в 1103 г. Все прочие нападения, как чамов, так и кхмеров, в этот период по данным ТТ носили характер чисто грабительских набегов, не сопровождались попытками отторжения территорий Дайвьета и не представляли реальной опасности ни территориальной целостности, ни, тем более, государственности Вьетнама.

Сведения о попытке Ли Нян-тонга объявить Зяк Хоанга своим сыном и наследником вообще выглядят полностью фантастичными: в соответствии с имперским культом, основой государственности на Дальнем Востоке, который полностью базируется на культе предков императора, передача власти лицу, не являющемуся пусть даже отдаленным родственником правящей династии по мужской линии, при любых обстоятельствах является сменой династии. Иначе бы те же Чаны, сменившие династию Поздние Ли, не стали бы мудрить с браком своего представителя с дочерью Ли Хуэ-тонга, а просто настояли бы на его усыновлении последним императором этой династии.

Также явно не выдерживает критики тезис о том, что Зыонг Хоан (будущий Ли Тхан-гонг) не имел родственных связей с домом Ли, будучи сыном монаха Ты Дао Ханя. Даже если принять за достоверную информацию о «посещении купальни супруги Шунгхиен-*хау*» Ты Дао Ханем, то тогда получится, что она носила сына более трех лет: все источники, включая ВШЛ И АНТЛ, датируют события, связанные с освобождением Ты Дао Ханя и его контактами с Шунгхиен-*хау* и его семьей 1112 г., а рождение Зыонг Хоана 1116 г. В любом случае этот человек был изолирован от родителей, воспитывался в качестве наследника в семье действующего императора более десяти лет и не мог ощущать себя кем-то иным кроме представителя династии Поздние Ли.

Очень сомнителен тезис о родных сыновьях Ли Нян-тонга, родившихся уже после его смерти. Никаких детей при жизни у него не было. Это подтверждают все известные источники. Где-то в возрасте 51 года,

выбрав себе преемника из числа родных племянников, он вообще прекратил этим вопросом заниматься. Умер Ли Нян-тонг в весьма преклонном для средних веков да и по современным меркам отнюдь не репродуктивном возрасте (62 года), тяжело проболев до этого около восьми месяцев. В этих условиях предполагать, что ранее бесплодный человек оставил после себя сразу двух наложниц с не выявленной беременностью, крайне сложно. Более того, через три дня после смерти Ли Нян-тонга все его наложницы были отправлены на костер, причем именно для того, чтобы подобных обстоятельств (появление неожиданных претендентов на престол) не сложилось. Уйти наложнице за пределы Запретного дворца было также сложно, как бежать из тюрьмы. Такие случаи бывали в истории, но крайне редко, особенно с учетом того, что всей ее родне грозила неминуемая гибель. По моему мнению, всего сказанного достаточно, чтобы утверждать, что объявившиеся позднее в Чампе и Дали «Отосланный во чреве» и Тхан Лой были такими же потомками Ли Нян-тонга, как небезызвестный Григорий Отрепьев потомком династии Рюриковичей, и рассматривать их действия с целью захвата власти следует вне рамок борьбы внутри династии.

После своей смерти Ли Нян-тонг не был предан забвению. Более того, Ли Тхан-тонг и его окружение всячески подчеркивали свое уважение и преклонение перед этим императором. То, что траур по нему продолжался всего лишь три дня, было обусловлено его собственным завещанием. Вот выдержки из него: «Пышные похороны отвлекают от дел, длительный траур вредит чувствам. Нам бы очень этого не хотелось. Я обделен нравственной силой-дэ, ничего не сделал для успокоения народа. Вот приходит мой смертный час, и вновь заставят людей облечь тела в траурные одежды, и днем, и ночью рыдать, ограничить себя в питье и пище, прервать жертвоприношения своим [предкам], а это лишь усугубит мои грехи... Что касается траура, то через три дня снимите траурные одежды, и прекратите скорбеть и печалиться. Что касается погребения, то поступите как завещал ханьский Вэнь-[ван], сделавший обязательными бережливость и экономность. Не насыпайте отдельного кургана [и не стройте] гробницы. Нужно положить [меня] рядом с прежними императорами... Прошу тебя, [Ле] Ба Нгок, почтенный старец — ловец талантов. Укроти свои клевцы и копыя. Будь готовым и не обманывай. Не скрывай мое завещание, чтобы, когда Мы сомкнем свои очи, не осталось бы вражды!»³⁴.

При этом траур был прекращен только во дворце: «Главная луна... [День] *тан-мао*. Издали указ: «В государстве траур. Жителям Поднебесной запрещено ездить верхом на лошадях, а также садиться в голубые экипажи и разукрашенные повозки» (1128)³⁵.

Другие сообщения ТТ также свидетельствуют: все, что было необходимо сделать в связи с кончиной императора, было сделано, а память о нем сохранялась. Поздние комментаторы действительно критикуют

Ли Тхан-тонга за ошибки при проведении некоторых церемоний, но они носят скорее технический (несоблюдение точных сроков и т.п.), чем идеологический характер. Вот несколько цитат:

«Весна. Главная луна. [День] *мау-ти*. Почтили покойного императора посмертным именем, гласившим: «Почитающий родителей, Совершенномудрый и святой, Просвященный и воинственный император». Храмовое имя — Нян-тонг» (1128)³⁶.

«Вторая луна... Отправили *зынгидайфу* Мау Зу До в область-*фу* Тхиендык найти место для строительства императорской гробницы для [Ли] Нян-тонга» (1128)³⁷ (часть завешания все-таки не выполнили, Ли Нян-тонга похоронили в отдельной гробнице).

«Пятая луна. Издали указ о том, что судебные тяжбы, по которым уже были приняты решения при первопрядке и его потомках, запрещено вновь докладывать для разбирательства. Нарушители будут за это наказаны» (1128)³⁸. Это — совершенно очевидный запрет ревизии решений, принятых при предыдущих монархах и пресечение попыток реванша по крайней мере в судебной сфере.

«Шестая луна. Указ приближенным и чиновникам принять присягу за воротами Дайхынг. Собирались провести церемонию похорон [Ли] Нян-тонга» (1128)³⁹.

«Шестая луна... Похоронили [Ли Нян-тонга] в гробнице Тхиендык» (1128)⁴⁰.

«Осень. Седьмая луна. Праздник *Чунггуен*. Приближенные поднесли императору во дворце Тхиенан поздравление. Поскольку [в тот день] приносили жертвы в память [Ли] Нян-тонга в ходе [буддийского] праздника поминовения умерших-*вуланбон*, пир проводить не стали» (1128)⁴¹.

«Восьмая луна... [День] *зып-туат*. Предъявили указ-завешание [Ли] Нян-тонга приближенным» (1128)⁴². Окружение нового императора абсолютно уверено в его легитимности, и этим небывалом в истории Дайвьета актом снимает в обществе любые вопросы о престолонаследии.

«Осень. Восьмая луна. Изготовили табличку [с именем Ли] Нян-тонга и установили во дворце Линь. Зеленый бамбук подобно змее обвил драгоценный экран [за тронем]» (1129)⁴³. Очевидная благая весть: покойный император доволен, как его почитают.

«Добавочная [восьмая] луна. [День] *ням-нго*. Совершили жертвоприношения в честь покойного отца перед табличкой [с именем Ли] Нян-тонга в главном зале династийного храма предков» (1129)⁴⁴. Есть комментарий Нго Ши Лиена о том, что это было сделано с нарушением существовавших тогда ритуальных норм, в первую очередь, по срокам, но утверждать о намеренном их нарушении, на наш взгляд, оснований нет. Главное, что ритуал был выполнен.

«Двенадцатая луна. День становления весны. Император находилась во дворце Шунггуен. Приближенные преподнесли Высочайшему

послание с поздравлениями. Но тот день пришлось на годовщину смерти императора [Ли Нян-тонга], поэтому вновь устроили эту церемонию [позднее]» (1136)⁴⁵. Вплоть до конца своих дней Ле Тхан-тонг помнит о своем приемном отце и чтит его память.

По нашему мнению, приведенных выше цитат из текста достаточно, чтобы поставить под сомнение тезис о предании Ли Нян-тонга забвению после смерти. Более того, мало кому из других вьетнамских императоров были оказаны такие почести, особенно если учесть, что он был неродным отцом своего преемника.

Теперь обратимся к тезису о том, что сунский Китай подозрительно отнесся к вступлению на престол приемного сына Ли Нян-тонга и признал его только в 1132 году. Это утверждение также противоречит сведениям ТТ. 1127 г. был одним из самых тяжелых в истории династии Сун: империя утратила добрую половину своих территорий, включая столицу и исконные ханьские земли, ее армия была разбита, а страна погрузилась в хаос. На смену династии Северная Сун пришла династия Южная Сун. При этом хаос в стране наступил еще до этого, в ходе многочисленных неудачных сражений, и не мог не сказаться на отношениях с традиционными вассалами.

«Зима. Одиннадцатый месяц. Дополнительный месяц. Отправили *леньтхызя* Нгием Тхыонга и *тхызя* императорских хранилищ Ты Зиена передать десять прирученных слонов, а также золото, серебро, рога носорогов Сунам в благодарность за поимку Мак Хиена. [Нгием] Тхыонг и [Ты] Зиен добрались до столицы [провинции-чжоу] Гуй. В департаменте-сы особоуполномоченного-цзинлюэ [Нгием] Тхыонгу и [Ты] Зиену сказали: «В этом году из Восточной столицы, Хунани, Дин[чжоу], Фэн[чжоу] повсюду уже перебросили войска и лошадей, чтобы покарать людей Цзинь. Еще не ясно в какой день вернутся. Сейчас на всем протяжении дорог тягловых лошадей и носильщиков в любых казенных [станциях] не хватает. Просим послов отправить предметы дани назад». [Нгием] Тхыонг и [Ты] Зиен тогда вернулись» (1126)⁴⁶.

В конце следующего года Ли Нян-тонг умер, и встали вопросы: «Как, а главное, кого оповещать в Китае? Куда посылать послов? У кого просить инвеституру?». Полагать, что власти Дайвьета располагали достаточной информацией о пребывающих в состоянии хаоса Сунах, чтобы самостоятельно дать однозначные ответы на эти вопросы, сложно. Совершенно естественно, что они заняли выжидательную позицию, лишь поставив в известность администрацию соседних сунских провинций. Послать туда послов было нельзя по протоколу, поэтому поступили проще: «Первая луна... [День] *куи-мао*. Отправили к Сунам жителя Хоача с сообщением о трауре, а также с докладом о восшествии на престол» (1128)⁴⁷.

Ответ пришел даже быстрее, чем можно было предположить. Не дожидаясь официального посольства из Дайвьета и соответствующих

просьб, истерзанные Суны, наверняка опасавшиеся, что вьеты могут воспользоваться их слабостью и вторгнуться в пределы империи с юга, как это уже бывало при Ли Тхьонг Кieste, нового императора признали без всяких формальностей и немедленно присвоили ему точно такой же титул, как был у его приемного отца. «Зима. Десятая луна... Суны, одарив драгоценной печатью и золотым символом власти, провозгласили императора *куанвьонгом* Зяотьи» (1130, а вовсе не 1132 г.)⁴⁸. Очень похоже, что озадаченные вьеты не сразу поверили сунским послам. Они должны были убедиться, что именно эти послы представляют законную династию, обладающую всей полнотой власти на оставшейся территории (в период хаоса, как правило, возникает несколько соперничающих группировок). «Двенадцатая луна. Отправили *виенггайланга* Ли Фунг Она и *леньтхьыза* Зоан Ань Кхая к Сунам с ответным визитом» (1130)⁴⁹. Здесь очень важна формулировка «с ответным визитом» (報聘). Она обычно применялась при направлении посольств к равному партнеру, а не к сюзерену и в основном встречается в исторических текстах периода *Чунью* и Сражающихся царств. Вьеты пока не разобрались, с кем они имеют дело. По-видимому, результаты поездки посланцев не убедили Дайвьета в надежности новых сунских властей. В отношениях между двумя странами наступила пауза. Только в конце 1132 г. к Сунам были направлены те же послы с тем же «ответным визитом»: «Зима. Десятая луна. Отправили *виенггайланга* Ли Фунг Она и *фунггхиланга* Зоан Ань Кхая к Сунам с ответным визитом»⁵⁰. В ходе этого визита Южным Сунам удалось убедить посланцев в своей легитимности: через два месяца они вновь провозгласили Ли Тхан-тонга *куанвьонгом* Зяотьи⁵¹, и на этот раз титул был принят. По мнению вьетнамских переводчиков ТТ, появление в тексте хроники двух практически одинаковых сообщений о признании нового императора, датированных соответственно 1130 и 1132 гг., является чисто технической ошибкой при составлении источника⁵². На наш взгляд, это не так. Данное явление отражает вполне понятные сложности и даже паузу в отношениях между двумя странами, однако причиной этому был вовсе не переход власти в Дайвьете в рамках династии Поздние Ли, а внутренняя ситуация в Китае, где династия Сун потерпела сокрушительное поражение от чжурчженей со всеми вытекающими последствиями. Кстати, ВШЛ датирует признание Сунами нового дайвьетского императора 1131, а не 1132 г.⁵³, но это обусловлено уже известными хронологическими сдвигами в обеих хрониках по сравнению с первоначальным прототекстом, для них общим.

Что же касается неправильной датировки в сунских источниках периода правления императора Ли Нян-тонга, то это довольно распространенное явление, характерное и для других вьетнамских императоров. По существовавшему тогда ритуалу, вассальные государства были обязаны сообщить о смерти своих прежних правителей и получить

инвеституру на назначение новых в течение вполне определенного срока. Если по каким-то причинам этот срок соблюсти не удавалось (чаще это были внутренние причины вассалов, связанные с борьбой за престолонаследие, но в данном случае такой причиной стала внешняя — хаос у самих Сунов), то в документах сдвигался срок смерти покойного императора. При этом о недостоверности данных знали не только послы вассалов, но, безусловно, и сами китайцы, однако внимания на это они не обращали, как не обращали внимания на «самопровозглашение» императорами, введение собственных эр правления, использование в переписке поддельных запретных имен и другие не менее вопиющие факты. Главное, чтобы был соблюден ритуал. При работе над вьетнамской хронологией автор настоящей статьи обнаружил не один десяток подобных искажений в китайских источниках⁵⁴. И в данном случае, на наш взгляд, дело обстоит достаточно просто: вьеты официально попросили инвеституру для Ли Тхан-тонга только в конце 1132 г., значит (для Сунов) в этом же 1132 г. его предшественник и умер.

Анализируя сведения китайских источников о событиях в Дайвьете в рассматриваемый период можно констатировать, что они весьма путаны и противоречивы. Судя по всему, они базировались на устной традиции, зафиксированной письменно только через полстолетия. Для них характерно все то, что вообще характерно для исторического предания, в первую очередь, провалы в хронологии и репродукция одного и того же события с разной датировкой. В результате последний крупный успех Чампы в борьбе с Дайвьетом (отвоевание ранее уступленных северных земель, захват Нгеана и непосредственная угроза дельте Красной реки) и главный персонаж событий, Ли Зяк (Зяк Хоанг), переместились по времени с 1103–1104 гг. в 1128 г., появился и мифический «Отосланный во чреве», который явно не имел никакого отношения к династии Поздние Ли и которого с одинаковым успехом можно ассоциировать и с Зяк Хоангом (по делам и возрасту), и императором Ле Ань-тонгом (прав. 1138–1175, Ли Тхиен То — это именно его табуированное имя), и с незадачливым старшим братом Ли Ань-тонга — Ли Тхиен Локом, так и не получившим престол и потенциально способным за него побороться. В любом случае, эта информация требует критичного комплексного изучения и вполне подтверждает заключение К.Ю.Леонова о том, что «...неиспользованных вьетнамскими историками сведений из китайских источников достаточно много, чтобы существенно дополнить событийную историю Цзяо, но все же не столько, чтобы серьезно изменить наше представление о ней».

Какие же выводы можно сделать на основании предварительного исследования текстов III и IV главы Основных анналов ТТ?

1. Никакой смены династии в Дайвьете в XII в. не было. 1128 г. безусловно был переломным, ознаменовал начало конца династии Поздние Ли, но передача власти была не только легитимной, но и образ-

цовой для столь сложного положения, когда у императора не было собственного потомства. Это мнение, кстати, разделял и Нго Ши Лиен, ставя в пример действия Ли Нян-тонга его незадачливому потомку Ли Хуэ-тонгу, который в близкой ситуации позволил Чанам свою династию свергнуть⁵⁵. Абсолютно также через несколько лет передал власть своему преемнику сунский император Сяо-цзун (прав. в 1163—1189 гг.), а уже в XIX в. — вьетнамский император династии Нгуен *Ты-дык* (прав. в 1848—1887 гг.), также не имевшие потомства. Но ведь никому и в голову не придет считать, что их династии на этом оборвались. Наверное, правильнее было бы именовать не Первые и Вторые Поздние Ли, а первый этап правления династии Поздние Ли и второй этап.

2. Никаких параллельных правлений в Дайвьете в XII в. не было. Сам факт существования «Отосланного во чреве» китайских источников весьма сомнителен, а восстание кудесника Тхан Лоя (которого китайцы отнюдь не поддерживали) и его попытку захватить столицу Дайвьета в 1138 г. безусловно следует рассматривать не в контексте внутридинастийной борьбы в рамках династии Поздние Ли, а в контексте постоянной на протяжении доброй сотни лет борьбы центральной власти Дайвьета с нунгами провинции Куангнгуен, стремившимися к отделению или переходу под юрисдикцию сунского Китая. То, что последний сам провозгласил себя «чудесно спасшимся» потомком Ли Нян-тонга, совершенно понятное действие мятежника, который, ставя перед собой высокие задачи, стремился к легитимизации своих действий в глазах жителей страны. В конце концов, не потомком же всеми проклятой династии Ранние Ле ему себя провозглашать? Бездетный Ли Нян-тонг — единственный, кто для этого идеально подходит.

По моему глубокому убеждению, море грязи, которое было вылито на Ли Нян-тонга и его наследника в историческом предании, в основном буддийском, скорее всего связано с массовыми репрессиями, которые проводились Ли Тхань-тонгом и Ли Нян-тонгом против монахов. Они были связаны с тем, что именно при этих императорах была предпринята вполне успешная попытка полностью поставить под контроль государства всю буддийскую сангху страны: очередными ее патриархами стали уже не монахи, но сами императоры (Ли Тхань-тонг, Ли Нян-тонг, Ли Ань-тонг). Для достижения этой цели требовалось подавить недовольство противников этого процесса, в первую очередь из числа последователей индийского проповедника Винатаручи, доминировавших в этой сфере еще с XI в. При этом важное влияние на характер действий властей в отношении монахов играл выраженный тантрический характер вьетнамского буддизма в то время, который существенно сближал его с даосизмом (позднее он практически перестал проявляться). Власти всегда относились к колдунам с большим подозрением, поскольку бороться с противником,

располагающим неизвестными для тебя возможностями и связанным с потусторонними силами, всегда сложно (вспомним ту же «охоту на ведьм» в Европе).

Судя по данным ГТ, при Ли Тхань-тонге и Ли Нян-тонге это противостояние вылилось в открытые репрессии, носившие массовый характер. Свидетельств этому не так много, но они есть. Все началось в 1063 г. с приближенного Ли Тхань-тонга — Нгуен Бонга, которому было поручено решить проблему обретения наследника. Именно он нашел для своего императора супругу Илан, ставшую матерью Ли Нян-тонгу. Но в том же году «...монахи научили [Нгуен Бонга] искусству перевоплощения. [Нгуен] Бонг использовал его. Дело раскрылось. Обезглавили [Нгуен] Бонга перед воротами пагоды»⁵⁶. В 1096 г. оборотнем, пытавшимся убить императора, был признан первый победитель конфуцианского конкурса во Вьетнаме Ле Ван Тхинь, который, правда, отправленный в ссылку, казни избежал⁵⁷. Колдуном был и уже упомянутый Зяк Хоанг (1103—1104 гг.). Ли Нян-тонг прямо обвинил в своем бесплодии монахов, включая уже упомянутого Ты Дао Ханя: «У правителя Ли все еще не было наследника. Повелел известным монахам читать молитвы. Был один монах, который этого не стал делать, а с помощью своего искусства нанес вред государству. Правитель, узнав об этом, [велел] хватать монахов в границах [всей страны]. Наставник [Ты Дао Хань] также был брошен в тюрьму...» (1112?)⁵⁸. К моменту прихода к власти Ли Тхан-тонга монахи составляли отдельную и, по видимому, многочисленную категорию заключенных в дайветских застенках: «Весна. Главная луна... Отдали указ: «Если у кого-то конфисковали земли в казну, а его самого записали в списки подневольных землепашцев, то всем вернуть ее. Даосских монахов и простых людей, обращенных в каторжан, также отпустить»» (1128)⁵⁹. Но и при следующих императорах противостояние с монахами не закончилось, колдуном назван и уже упомянутый Тхан Лой, совершивший попытку захвата власти в 1138—1141 гг.

Постоянно подвергавшиеся жестоким гонениям, монахи естественно ненавидели власть и пытались всячески очернить ее в своих преданиях и писаниях. По всей вероятности, именно им мы обязаны легендами о лечении бесплодия у членов императорской семьи методами проникновения монахов в купальни их жен, о перевоплощении монаха в будущего вьетнамского императора, о беспрепятственном перемещении монахов и их сестер по Запретному дворцу с засовыванием связок жемчужин в нужные им места, о желании императора назначить своим наследником монаха, не являвшегося его родственником и т.п. Некоторые из этих монахов впоследствии были включены в списки верных последователей буддизма, а их биографии заняли центральное место в соответствующих буддийских сборниках жизнеописаний, в частности, в «Собрании цветов садов созерцания»⁶⁰. И именно буд-

дейское историческое предание и донесло до нас все эти сомнительные факты.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Краткая история Вьета (*Вьет шы лыок*). Пер. с вэньяня, вступит. ст. и коммент. А.Б.-Полякова (Памятники письменности Востока. LIX). М., 1980, с.247, прим. 1
- ² Деоник Д.В. История Вьетнама. Т. 1. М., 1994, с.72, 86, 111.
- ³ Poliasov A.B. Sự phục hưng của nước Đại Việt. Thế kỷ X—XIV (*Поляков А.Б. Рассвет Дайвьета. X—XIV века*). НаМ Нфтi, 1996; *Поляков А.Б. Скрытая смена династий в Дайвьете в начале XII в. // Традиционный Вьетнам. Выпуск III. М., 2008, с.61—65; Деоник Д.В., Ульянов М.Ю. Кризис 1127 г. и проблема перехода власти в средневековом Вьетнаме (Дайвьете) от Первых ко Вторым Поздним Ли // Традиционный Вьетнам. Выпуск III. М., 2008, с.66—104.*
- ⁴ Đại Việt sử ký toàn thư (Полное собрание исторических записок Дайвьета). Предисл. *Фан Хуи Ле*. Пер. и коммент. *Нго Дык Тхо* и *Хоанг Ван Лау*. Т. 1—4. Н., 1993.
- ⁵ 脫脫. 宋史 (*Токто. История династии Сун*). Т. 1—40. Пекин, 1977.
- ⁶ Цит. по: *Масперо А. Даосизм*. Пер. с франц. *В.Ю.Быстрова*. СПб., 2007, с.281.
- ⁷ ТТ, БК-3, За (Основные анналы, глава III, с.3а). Здесь и далее ссылки даются по ксилографу SA.PD 2310 (хранится в библиотеке Азиатского общества в Париже), опубликованному в: *Đại Việt sử ký toàn thư* (Полное собрание исторических записок Дайвьета). Предисл. *Фан Хуи Ле*. Пер. и коммент. *Нго Дык Тхо* и *Хоанг Ван Лау*. Т.4. Н., 1993. Фрагменты текста приведены в переводе автора статьи.
- ⁸ ТТ, БК-3, 3b.
- ⁹ ТТ, БК-3, 4b.
- ¹⁰ ТТ, БК-3, 12b.
- ¹¹ ТТ, БК-3, 13b.
- ¹² ТТ, БК-3, 16b.
- ¹³ ТТ, БК-3, 18a—18b.
- ¹⁴ ВШЛ, 180.
- ¹⁵ ТТ, БК-3, 25b.
- ¹⁶ ТТ, БК-3, 25a.
- ¹⁷ ТТ, БК-3, 33a.
- ¹⁸ ТТ, БК-3, 28b.
- ¹⁹ ТТ, БК-3, 32a.
- ²⁰ ТТ, БК-3, 27a.
- ²¹ ТТ, БК-3, 29a.
- ²² ТТ, БК-3, 30a—30b.
- ²³ ТТ, БК-3, 30b.
- ²⁴ ТТ, БК-3, 31b.
- ²⁵ ТТ, БК-3, 32a.
- ²⁶ Никитин А.В. Универсальные характеристики традиционной вьетнамской мысли // *Универсалии восточных культур*. М., 2001, с.244—289.
- ²⁷ ТТ, БК-3, 35b.
- ²⁸ ТТ, БК-3, 36a.
- ²⁹ ТТ, БК-3, 36b.
- ³⁰ ТТ, БК-3, 37a.
- ³¹ ТТ, БК-4, 1b.
- ³² ТТ, БК-3, 14a.
- ³³ ТТ, БК-3, 14b.
- ³⁴ ТТ, БК-3, 25b—26a.
- ³⁵ ТТ, БК-3, 28b.
- ³⁶ ТТ, БК-3, 28b.
- ³⁷ ТТ, БК-3, 31a.

³⁸ ТТ, БК-3, 31b.

³⁹ ТТ, БК-3, 31b.

⁴⁰ ТТ, БК-3, 31b.

⁴¹ ТТ, БК-3, 31b–32a.

⁴² ТТ, БК-3, 32a.

⁴³ ТТ, БК-3, 34a.

⁴⁴ ТТ, БК-3, 34a.

⁴⁵ ТТ, БК-3, 40a.

⁴⁶ ТТ, БК-3, 24b.

⁴⁷ ТТ, БК-3, 29a.

⁴⁸ ТТ, БК-3, 29a.

⁴⁹ ТТ, БК-3, 36a.

⁵⁰ ТТ, БК-3, 37b.

⁵¹ ТТ, БК-3, 37b.

⁵² Đại Việt sử ký toàn thư (Полное собрание исторических записок Дайвьета). Предисл. *Фан Хуи Ле*. Пер. и коммент. *Нго Дык Тхо* и *Хоанг Ван Лау*. Т. 1. Н., 1993, с.304, прим.1.

⁵³ ВШЛ, с.181.

⁵⁴ *Леонов К.Ю., Никитин А.В., Федорин А.Л.* Вьетнамская хронология. // Три четверти века. Д.В.Деопику — друзья и ученики. М., 2007, с.114–217.

⁵⁵ ТТ, БК-4, 35a.

⁵⁶ ТТ, БК-3, 3a.

⁵⁷ ТТ, БК-3, 12b–13a.

⁵⁸ *Lê Tĩc*. An-nam chí lược (*Ле Так*. Краткое описание Аннама). Хюэ, 1961, с.239.

⁵⁹ ТТ, БК-3, 28b.

⁶⁰ Thiên uyển tập anh (Собрание цвета садов созерцания). Ханой, 1990.

О религиозно-мифологических, ритуальных и эстетических особенностях иконографии Будды в тхераваде на примере культового искусства Лаоса и Таиланда

...Лаосское искусство — исключительно религиозное, это искусство буддизма тхеравады, или «буддизма старейших», очень сдержанное, пантеон которого строго ограничивается исторической личностью Будды, и таким образом, лаосское искусство, в сущности, — это искусство изображения Будды.

П.-М. Ганьо¹

На художественной арене буддизма Индокитай появился в первых веках нашей эры. Утверждение тхеравады в качестве главенствующего религиозного мировоззрения в таких странах, как Лаос, Таиланд, Мьянма и Камбоджа, происходило постепенно, как и сложение буддийской иконографии с характерными для этого региона религиозно-мифологическими и эстетическими особенностями. На первоначальном этапе здесь изучались, осмыслялись и упорядочивались приходившие из зарубежья — Индии, Цейлона, Китая, стран Малайского архипелага — буддийские идеи, схемы и образы. Естественно, что в местные иконографические системы вошли многие разработанные на родине Будды правила репрезентации его образа. Впоследствии они дополнялись и видоизменялись в соответствии с собственными интерпретациями. При том что формирование изобразительного канона в тхеравадинском Индокитае проходило на единой идеологической платформе, роль которой в буддизме играют священные тексты «Типитаки», огромное влияние на этот процесс оказали также добуддийские религиозно-мифологические верования и эстетические представления вкуче с достаточно обширной комментаторской литературой, принадлежащей местной религиозной традиции. Все это в конечном итоге определило региональную специфику иконографии Будды, об особенностях которой и пойдет речь в данной статье. В качестве примеров используются материалы по культовому искусству Лаоса и Таиланда — стран, тесно связанных в культурном отношении и имеющих сходные буддийские иконографические системы².

Религиозно-мифологическая основа иконографии Будды

Тхеравадинские страны включились в процесс создания буддийской иконографии, когда уже господствовала идея «антропоморфиза-

ции» образа Будды, впервые нашедшая воплощение в гандхарской скульптуре Северной Индии конца I тыс. до н.э. — начала I тыс. н.э. Однако наследие «антииконического этапа»³ в истории буддийского искусства не могло не повлиять на принципы и саму суть национальных иконографических программ. Это касается не только сохранения в них таких важнейших «неиконических» символов, репрезентирующих Великого Учителя, как трон, дерево Бодхи, колесо Закона, ступа, отпечатки ступни Будды и др. Знаки-символы присутствуют в художественной ткани буддийских памятников любого времени. Во множестве встречаются они в позднесредневековых тайских и лаосских храмовых рельефах и росписях. Семиотический подтекст имели также изобразительные сцены по мотивам жития Будды (ил. 1, 2), джатак и других буддийских легенд. Да и сам образ Будды, ставший центральным в изобразительном искусстве тхеравады (а в скульптуре чуть ли не единственным), часто воспринимался лишь как символический знак «присутствия божества».

Тем не менее исследователи буддийского искусства нередко задаются вопросом: почему же так долго, в течение почти пятисот лет после смерти основателя буддизма, не появлялись его изображения в че-

Ил. 1. Рождение Будды. Рельеф на фронте входного portика храма Май. Дерево, резьба. Лаос, Луангпхабанг. 20 в.

Ил. 2. Будда, медитирующий у дерева Бодхи. Фрагмент храмовой росписи. Таиланд, Тхонбури. 19 в.

ловческой форме? Одно из наиболее популярных объяснений — Будда не поощрял, якобы даже запрещал создание таких образов. На самом деле в палийском каноне нет никаких определенных указаний по этому поводу. Тот факт, что антропоморфные изображения Будды догандхарского времени пока неизвестны археологам и историкам искусства, еще не говорит о том, что их вообще не существовало. Возможно, подобные изображения делали из недолговечных материалов, но важнее всего то, что до определенного времени они не были востребованы в широкой религиозной практике, чем отчасти и можно объяснить наличие большой хронологической лакуны, существующей в истории художественного канона. Буддизм южного направления, казалось бы, вообще отличается отсутствием интереса к личности Будды, ведь его «пространные биографии сохранились лишь в намного более поздних сочинениях северного буддизма (“Лалитавистаре”, “Буддхарите”)»⁴. Превалирующее значение в тхераваде всегда имела сама доктрина, Дхамма — Учение Будды, ибо в ней заключены наивысшие сакральные смыслы. Вместе с тем параллельно культу Дхаммы в буддизме складывался культ Будды, необходимый в обрядовой практике и способный удовлетворить потребность людей «в культово-ритуальном упорядочении религиозного чувства»⁵. И как ни парадоксально, но именно в искусстве тхеравады возникли самые «пространные» иконографические своды изображений Будды.

Проблема сохранения в наглядной, визуальной форме памяти о Великом Учителе, судя по существующим в апокрифической и фольклорной традиции легендам, волновала последователей Будды еще при его жизни. Хорошо известно предание о том, как любимый ученик Будды Ананда, находясь у смертного ложа Учителя, спросил, какого рода объекты во время обрядов можно использовать в качестве «замены» его личности? И тогда Будда разрешил верующим совершать паломничество к местам Великих событий в его жизни, где можно будет установить памятники с изображением этих событий, а также ступы для захоронения после кремации его телесных останков (пепла, костей, зубов и др.). Однако все это, поставил условие Будда, должно служить прежде всего напоминанием о его Учении, а не о нем как личности⁶. Поэтому для верующих его жизнь и его образ — лишь пример святого подвижничества, указание на проповедуемый им Путь, позволяющий людям вырваться из круга бесконечных перерождений и достичь освобождения.

Скульптуры Будды, как и ступы, получили статус важнейших культовых объектов и относятся к категории *уддесикачетия*, определяемой как «условные напоминания». Они считаются копиями некоего мифического оригинала, первого изображения Будды, якобы сделанного с натуры. В ритуальном пространстве любое из таких изображений может быть объектом медитации, которая приводит к постижению

Истины. Вместе с тем некоторые скульптуры, как правило большого размера, являются своего рода реликвариями, т.е. имеют реликварные вложения. В зависимости от характера вложений статуя рассматривается не только как *уддесикачечтия*, а и как памятник, относящийся к классу либо *дхатучечтия* (с останками, мощами святых), либо *дхаммачечтия* (со священными текстами, записанными на табличках), либо *парибхогачечтия* (с предметами, бывшими в непосредственном контакте со святыми). Надо отметить, что к последним причисляются и скульптуры, в создании которых, согласно местным легендам, принимал участие сам Просветленный. Он чудесным образом появлялся в тот момент, когда перед мастерами возникали какие-либо трудности: например, если бронзовые листы, покрывающие статую, никак не соединялись, незримо спускавшийся ночью с небес Будда обнимал изваяние и на следующее утро на его металлической поверхности не было видно даже соединительных швов, а сама статуя выглядела как живая⁷.

Среди легендарных сказаний, описывающих появление первого изображения Будды, особый интерес в плане формирования иконографической программы тхеравады представляет следующее. Один из почитателей Будды, художник по профессии, попросил у Просветленного разрешения нарисовать его портрет. Будда встал против света таким образом, чтобы художник смог точно обвести силуэт его тени на земле и запечатлеть его черты. Но видя, что художнику никак не удается закончить портрет, Будда взял палочку и написал внутри контура краткое изречение, содержащее смысл его Учения⁸. В легенде, прекрасно передающей религиозно-философский пафос, присущий раннебуддийской доктрине, отчетливо выражено отношение адептов буддизма к художественному образу и его иконографии. Изображение — это не портрет Будды, а всего лишь его символическое подобие. Целью мастера является не передача реального облика святого, а создание его сакрального образа, призванного служить напоминанием о нем, быть символически идентичным ему. И, собственно говоря, не имеет значения, был ли, сохранился или нет тот первый «портрет» Будды, легендарный оригинал, по образу и подобию которого ваялись и отливались в дальнейшем многочисленные статуи будд. С религиозно-философской точки зрения это подобие осмыслялось как зримое воплощение Дхаммы, отождествляемой с самим Учителем.

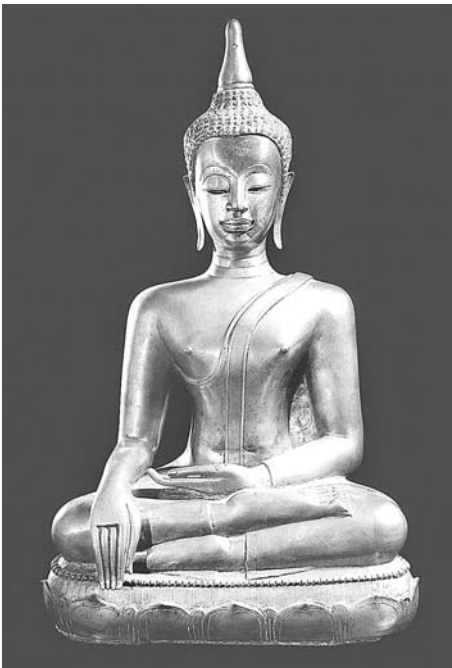
В лаосских манускриптах, восходящих к палийским текстам, таким как «Висуддхимагга» и «Дхаммакайти», приводятся перечни соответствий частей тела Будды различным религиозно-философским категориям в буддизме⁹. Язык, к примеру, соотносится с таким фундаментальным понятием, как *нана* — «знание, постижение», а четыре передних зуба — с четырьмя Истинами. Пупок ассоциируется с концепцией 12-членной причинно-следственной связи, объясняющей, почему и каким образом живое существо опутано цепью бесконечных пе-

перождений. Ноги и руки — это четыре средства совершенствования, а голова — сакральноеместилище знаний. Поросшее золотыми волосами пятно на лбу — *унна* (санскр. *урна*) символизирует «алмазное знание» (*ваджрасампатти*), наивысшую точку духовной концентрации в постижении Истины, в то время как ниббана идентифицируется с волосами и выступом на темени — *ушнишей*.

Помимо соотнесения частей тела Будды с религиозно-философскими категориями существует космологическая концепция их тождества определенным элементам Вселенной. Тхеравадинское осмысление этого тождества близко махаянистской доктрине о «трех телах Будды» (*трикая*), проявления которых пронизывают все уровни бытия¹⁰. Достигший ниббаны Учитель, согласно этой концепции, не умер, а как бы растворился в пространстве Вселенной и стал представлять собой некий космический организм (*буддхакая*), вселенскую субстанцию, присущую всем жизненным формам. Встречающееся в религиозных текстах определение Будды как Махапурисы (санскр. Махапуриши) — Великого Человека — имеет явные аллюзии с древнеиндийским мифическим образом первочеловека, из тела которого был сотворен мир, что находит отражение и в метафорических описаниях буддийской космографии. Так, ноги Будды соотносятся с подземным миром, торс — с земным, полусферическая *ушниша* олицетворяет небес-

ные сферы, а ее высокий финиал (характерный для лаотайских образов) — ось Вселенной, гору Меру с растущим на ней Мировым деревом (ил. 3).

В процессе осмысления антропоморфного образа Будды возник также сравнительный ряд его телесных форм и буддийских символов: «отпечатки ступней» — ноги, дерево Бодхи — торс, колесо — нимб, ореол и т.д. При этом, как отмечает А. Грисволд, изображения стали наделяться не только определенными физическими качествами символизируемых предметов

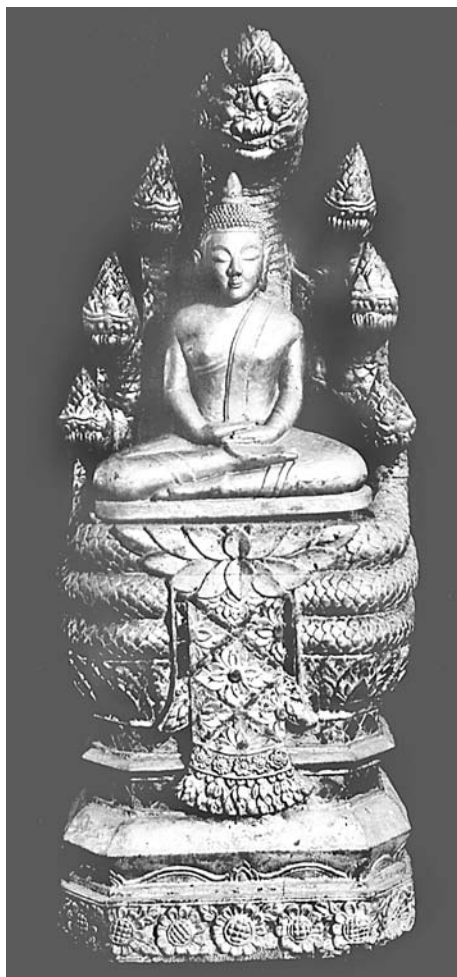

Ил. 3. Скульптура Будды Марависай (Победителя Мары). Бронза, литье. Лаос. 16–17 вв.

(к примеру, тело Будды прямое и ровное, как ствол баньяна), но и «одухотворялись» благодаря анимистическим представлениям о том, что во всех природных объектах обитают могущественные духи¹¹.

Согласно религиозным установкам, в каждом изображении Будды присутствует частица *теджа* — волшебной магической ауры, сакральной огненной энергии, которая была накоплена Буддой в течение его многочисленных жизней и которая наполнила его тело после Просветления. Собственно говоря, эманации *теджа* распространяются на все существующее во Вселенной, но ощущение этого трансцендентного сияния, ощущение «присутствия Будды», которым пронизан весь культ тхеравады¹², наиболее сильно возникает у верующих при созерцании алтарных образов. *Теджа* как энергетический поток не является статичным и неизменным. Имеющаяся в изображении величина *теджа* зависит от многих причин: от размеров и материала скульптуры, от ее аутентичности первым, оригинальным образам Будды, от ее «правильного» освящения, т.е. ритуальной точности и чистоты проводимых обрядов, и даже от иконографического типа. Например, статуи Будды, осененного капюшоном змея-нага, которые были особенно популярны в Лаосе и Таиланде в период сильного кхмерского влияния (10–14 вв.), традиционно считались обладающими значительно большей *теджа*, по сравнению со скульптурами другого типа, за счет магических сил и энергии нага, выступавшего в данном случае в роли защитника Будды (ил. 4).

Ил. 4. Скульптура Будды,
укрытого нагом.
Дерево, резьба.
Лаос. 19 в.

Точно так же, как жизнь Будды постепенно обрастала мифическими преданиями и легендами, его изображениям стали приписывать волшебные свойства и магические способности. Более того, и фольклорная и хроникальная традиции нередко фиксировали моменты «демонстрации» статуями своих необыкновенных качеств: возвышающиеся на алтарях бронзовые гиганты плакали кровавыми слезами, когда к городу приближались враги, волшебным образом перемещались по воздуху, произносили речи, чтобы предостеречь людей от возможных эпидемий, видели вещие сны и т.п. Упоминаются даже эпизоды невольного с точки зрения буддийской этики «поведения» буддийских статуй. Так, когда в 1778 г. вывезенные сиамцами из Лаоса две священные скульптуры — «Изумрудный» Будда и «Золотой» Будда — были установлены в одном храме в Тхонбури, они никак не могли «ужиться» вместе, ссорились, завидовали друг другу, распространяя вокруг неблагоприятную ауру, так что в городе и его окрестностях начали происходить различные несчастья. Тогда лаосский король Нантасен (правитель Вьентьяна), который, впрочем, объяснял все неприятности плохим поведением не статуй, а охраняющих их духов, попросил тайского короля Раму I вернуть «Золотого» Будду, что и было сделано в 1782 г.¹³

Интересно, что легендарные свидетельства о подобных чудесах относятся не только к прошлой истории, мифотворчество продолжается и в наши дни. В 1985 г. при посещении вата Донгмиенг во Вьентьяне мне рассказали легенду о главной храмовой святыне — большом бронзовом Будде. В 50-х гг. 20 в. статуя находилась в Северо-Восточном Таиланде, в местечке Саттахип, среди жителей которого (а это были лаосцы) распространился слух, якобы этому Будде приснился сон о том, что он непременно должен «переехать» в Лаос. О чудесном сне доложили тайскому королю, и он преподнес скульптуру Будды в подарок лаосскому послу, который и отправил «необыкновенную» статую во Вьентьян.

Ритуальные функции буддийской скульптуры

Таким образом, как показывает анализ религиозно-мифологического осмысления образа Будды в тхеравадинской традиции, важнейшее его предназначение — быть «памятным» Образом, т.е. напоминать всем «идушим Восьмеричным Путем» об Учителе и его Учении. В культовой сфере «напоминание» рассматривается не как статичная, фиксированная в памяти верующего картина, а как длительный процесс от моментального узнавания, со-переживания и «вхождения» в Образ до высшей медитативной стадии на пути духовного самосовершенствования. Скульптура Будды — это прежде всего медитативный объект, а в духовной практике буддизма медитация является главным инструментом на пути познания, которым в Лаосе и Таиланде, да и во

всем буддийском мире, пользуются и монахи, и миряне. По сути, неважно, где медитировать: преклонив колени у храмового алтаря или перед статуэткой Будды, установленной в домашнем алтаре. Тем не менее предпочтение отдается храму, где сакральная энергия и духовные потоки, исходящие от храмовых святынь, пронизывают все внутреннее пространство святилища и распространяются на всех находящихся в нем людей.

Не случайно во многих буддийских церемониях используется особый священный шнур. В Лаосе и Таиланде — это обычно белая хлопковая нить или веревка (изредка длинный кусок ткани чаще всего белого или оранжевого цвета), которую привязывают к стоящим на алтаре скульптурам, протягивают далее к каждому участнику церемонии и возвращают вновь к алтарю, образуя таким образом магический круг. Считается, что по этой нити циркулирует та духовная энергия (*теджа*), которая вырабатывается при декламации религиозных текстов, произнесении молитвенных формул и медитации. При этом объем энергетического потока включает и накопленную прежде энергию, особенно ту, которая аккумулирована в изображениях Будды. Нить также символически обозначает всеобщую взаимосвязанность природных феноменов, существующих согласно закону причинно-следственного соподчинения. Опутывающие участников ритуала нити воспринимаются как нити *каммы* (санскр. *кармы*), законы которой переносят категории учения «в этическую плоскость, причинная связь и связь вообще мыслится как этическая, как связь поступка и вознаграждения...»¹⁴. И таким образом изображения Будды становятся — и в этом главнейшая функция культовой скульптуры — участниками храмового действия, которое направлено на «производство» заслуги (*бун*), улучшающей *камму* верующего. «Заработать» *бун* можно и просто помолившись у алтаря, оказав почтение одной из священных статуй Будды.

Накопление заслуг путем совершения определенного буддийского ритуала, вершину которого в монашеской жизни представляет медитация, в мирской сфере олицетворяет *дана* — дар, дарение. Ежедневное подношение пищи монахам — самый простой и традиционный путь получения заслуги. Более высоко оценивается преподнесение в дар монахам одежды и необходимых для жизни в монастыре предметов, но самые ценные дары — изображения Будды наряду со строительством ступы или какого-либо другого монастырского здания¹⁵. Каждое из принесенных в храм изображений — свидетельство добродетельного поступка определенного человека. Скульптуры устанавливаются на ступенях алтаря, в стенных и алтарных нишах, замуровываются в реликварные камеры ступ, а маленькие статуэтки, как уже говорилось, иногда вкладываются внутрь больших скульптур. Более 8000 фигур Будды украшают, например, пьедесталы и внутренние стены обходной

галереи лаосского храма Сисакет во Вьентьяне, причем отдельные большие статуи воспринимаются порой как «персональные» защитники, помогающие верующим не только в духовной сфере, но и в мирской жизни (ил. 5).

Однако прежде, чем изображения Будды начнут выполнять свои ритуальные функции, они должны быть освящены. Для мелкой пластики обычно достаточно чтения монахами соответствующих религиозных текстов и окропления священной водой, для статуарных алтарных образов проводится специальный обряд инициации — *буддхабхисека*¹⁶. Его также часто называют ритуалом «открывания глаз Будды» (лаосск. *пэк пха нет*, тайск. *пэк пхра нет*). Приготовления к нему начинаются задолго до выбранного с помощью астрологов благоприятного дня инициации новой статуи. Накануне в храме, где должна проходить церемония, зажигают большие свечи. Статую торжественно приносят в монастырь на богато украшенных носилках, на которых располагаются также предметы, необходимые для «экипировки» Будды: чаша, три части монашеского одеяния, пояс, ткань для омовения, бритва, нож (последние могут быть заменены кистью для рисования или иглой).

Ил. 5. Галерея будд в монастыре Сисакет. Лаос, Вьентьян. Начало 19 в.

Поскольку в целом обряд посвящения корреспондируется с событиями из жизни Будды — Великим Исходом (уходом из дворца) и Просветлением, в него обычно входит костюмированное представление по этим легендарным сюжетам. Молодые юноши исполняют роли принца Сиддхаттхи (санскр. Сиддхартхи), его слуги, сопровождающих их богов Индру, Брахму и четырех (или восьми) *локапал* — хранителей сторон света, а также «искусителя» Мары и его служителей. Кортёж со статуей трижды обходит храм, затем совершаются церемонии омовения, одевания и «ритуальной стрижки» волос Будды, после чего все участники приглашаются в храм. Статуя устанавливается на алтаре и соединяется с помощью белой нити с одной из старых алтарных скульптур, которая на время обряда «назначается гуру» — посредником для освящения новой. Считается, что по этой нити от старого образа к иницируемому передаются особые качества, называемые *парами* — «совершенства»¹⁷, которыми когда-то Будда наделил свое первое изображение. Священная нить протягивается также к монахам, которые всю ночь нараспев читают соответствующие палийские тексты. Молодая девушка, олицетворяющая Висакху, известную во времена Будды своим усердным служением монахам, делает подношения статуе в виде сладостей из рисовой муки. Утром, когда первые солнечные лучи падают на изображение, наступает главный момент обряда. С глаз статуи стирают нанесенный заранее воск или водяную краску (иногда, напротив, рисуют зрачки или протыкают их специальными иглами) — и Будда «открывает глаза», становится «ожившим», «просветленным», т.е. считается ритуально-магическим образом связанным со своим прототипом, пребывающим в благословенной *ниббана*.

К обрядам освящения относится и проводимый изредка, чаще всего для большой статуи, ритуал «вложение в сердце» (тайск. *сай хуа тьяй пхратя*), при котором маленькие реплики жизненно важных органов или замещающие их предметы вкладываются в соответствующие анатомические части скульптуры (голову, грудь, живот)¹⁸. Чаще всего делаются вложения в специальное отверстие в верхней части *ушниши*, закрываемой сверху съёмным финиалом. «Мозг» Будды нередко символизирует небольшой серебряный сосуд, наполненный драгоценными амулетами из золота, серебра, хрусталя и т.п. В грудь статуи помещается золотое или серебряное изображение сердца, в живот, а иногда в основание скульптуры также вкладываются освященные предметы — вотивные статуэтки, таблицы с религиозными текстами, мантры, монеты.

О том, что к изображениям Будды относились, да и продолжают относиться как к «живым существам», свидетельствуют и многие другие факты. В качестве подношений им дарят не только цветы, рис, сладости, благовония, но также одежду и драгоценные украшения. В лосских храмах мне не раз приходилось видеть скульптуры, одетые в

желтые монашеские плащи и накидки, причем костюмы эти периодически менялись в соответствии с определенным сезоном года¹⁹. Молитвы, обращенные к образу Будды, всегда содержат традиционные вежливые формулы, какие используются только при разговоре с лицами королевской крови. А чтобы перенести статую в другое место или просто передвинуть на алтаре, у нее сначала почтительно просят разрешения на совершение этой процедуры²⁰.

Эстетические особенности

Среди легенд и преданий о появлении первых изображений Будды особенно широко известна история о сандаловой статуе. Существующие в тхеравадинской литературе Индокитая различные (но не слишком отличающиеся) версии этой истории базируются главным образом на сингальском апокрифическом тексте 14 в., в котором цитируется созданный также на Цейлоне религиозный манускрипт 13 в. «Косала-Бимба-Ваннана» (или Косала-бимба-джатака)²¹. В легенде рассказывается, что однажды правитель Косалы Пасенади пришел в сад Джетавана, чтобы сделать подношения Будде, но не нашел его там, так как тот отправился проповедовать на небеса. Пасенади был глубоко опечален этим и решил изготовить статую Будды, чтобы поклоняться ей во время отсутствия Учителя. Придворному мастеру, которому была поручена эта ответственная работа, сначала никак не удавалось воспроизвести облик мудреца, так как он никогда его не видел. Мастеру помог ученик Будды Моггалана, который благодаря своим сверхъестественным способностям перенес его на небо и показал проповедующего там Учителя. После этого скульптор успешно завершил работу: вырезанная из сандала в полный рост статуя была установлена на алтаре во дворце Пасенади. Когда Будда вернулся на землю и по приглашению короля посетил его дворец, статуя чудесным образом ожила и сделала шесть шагов навстречу Учителю. Подняв руку, Будда остановил статую и, по видимому по достоинству оценив ее художественные качества, объявил, что наделяет статую своими «совершенствами» (*нарами*) и что отныне она станет образцом для всех его изображений в течение последующих пяти тысяч лет²².

В легенде, изобилующей фантастическими подробностями из жизни Просветленного, есть тем не менее вполне достоверный образ мастера-скульптора, трудившегося над созданием первой статуи Будды. И хотя здесь лишь делается намек на существование эстетических принципов ваяния, которыми руководствовался мастер, именно они в итоге декларируются в качестве достойных подражания, т.е. канонических. Если же вспомнить и другие буддийские сентенции, о которых я говорила выше, то можно сказать, что одним из этих принципов является создание «узнаваемого» образа, наделенного такими качества-

ми, которые присущи не только ему одному, но повторяются во множестве других изображений. «Прекрасными можно назвать только те скульптурные и живописные произведения, которые соответствуют каноническим предписаниям, а не те, которые услаждают индивидуальный вкус и фантазию», — это высказывание индийского теоретика искусства Сукрачарьи (5 в.?), которое вслед за А. Кумарасвами приводит Ж. Буаселье²³, вполне можно назвать программным для буддийской эстетики в целом, в том числе и для лао-тайской. Индийская эстетическая мысль наряду с древнеиндийскими религиозно-мифологическими представлениями оказала огромное влияние на сложение иконографической системы тхеравады.

Тхеравадинский идеал красоты определило прежде всего представление о Будде как о Великом Человеке — Махапурисе, обладающем особыми признаками совершенства. Отличительные знаки на теле принца Сиддхаттхи были выявлены уже при рождении, о чем сообщают многие канонические тексты, а в некоторых из них, например в «Дигха-никае», есть полные перечни 32 главных (или больших) и 80 второстепенных (или малых) отличий Махапурисы²⁴. Эта совокупность телесных признаков получила название *махапурисалаккхана* (признаки Великого Человека), или просто — *лаккхана* (санскр. *лакшана*). Среди главных отметин важное значение для изобразительного канона имели следующие: знаки «колеса Закона» (палийск. *чакка*, санскр. *чакра*) на ступнях и ладонях, длинные руки, тонкие и изящные пальцы рук и ног, выступающие пятки, прямое стройное тело, широкие плечи, округлость форм, «спрятанный» половой орган, золотистая кожа, из каждой поры которой растут одинаковые волоски, небольшое светлое пятно на лбу (*унна*), обрамленное золотыми волосками, выступ на голове (*ушнниша*). Часть признаков (такие, к примеру, как «тонкий вкус», «божественный мелодичный голос») не имела отношения к пластическим характеристикам и, естественно, не учитывалась при создании визуального образа Будды. Другие, фиксирующие такие анатомические подробности, как «40 зубов», «длинный язык», «львиные челюсти», также игнорировались как неизобразительные. Ряд отличий носил метафорический характер — «тело подобное баньяну», «лодыжки, напоминающие круглые раковины», «длинные, как у антилопы, голени» — и требовал при их воспроизведении определенной доли воображения и условности изобразительного языка. В перечне «малых признаков» особое внимание обращали на такие указания, как незаметные вены, кожа без родинок и веснушек, гладкое тело, округлый живот с глубоким пупком, длинные брови, высокий лоб, губы как красные плоды бимба, волосы черные, густые, не спутанные. Помимо канонических отметин-лаккхан мастера Индокитая брали на вооружение сравнения и метафоры, которыми изобилует язык древней и средневековой литературы Индии и которые использовались при описании богов и ге-

роев. Для лао-тайской иконографии Будды существенными оказались, к примеру, такие образные сравнения, как «руки подобные хоботу слона», «брови словно натянутые луки», «нос как клюв попугая», «подбородок в виде плода манго», «завитки волос, напоминающие раковины или закрученный хвост скорпиона» (ил. 6)²⁵.

Некоторые отличительные черты в облике Учителя появились в иконографическом каноне в результате внимательного изучения художниками жизнеописания Будды. Так, в число обязательных телесных признаков (не упоминаемых, однако, в списке 32 главных отличий, поскольку отсутствовали при рождении) вошли удлиненные мочки ушей и короткие волосы на голове в мелких локонах, завивающихся слева направо. Удлиненные мочки – знак высокого благородного происхождения Будды, так как, по древнеиндийскому обычаю, знатные люди носили тяжелые серьги, оттягивающие мочки ушей. Короткие же волосы напоминают об одном из Великих событий в жизни Просветленного, когда, отринув мирскую жизнь, принц Сиддхаттха ушел из дворца и совершил обряд обрезания волос (у аристократов они традиционно были длинные), снял богатые одежды и украшения и облачился в монашеское одеяние. В ряде буддийских письменных источников встречается упоминание о святишемся теле Будды. Так, в «Сутре Лотоса Благого Закона» говорится о том, что перед чтением знаменитой проповеди на горе Гридхакута тело Будды наполнилось огненной энергией (*теджа*) и стало излучать свет, в котором проявились все 32 главных и 80 второстепенных отметин Маха-

пурисы. Об эффекте эманации из тела Просветленного шестицветных лучей, создающих вокруг него магический ореол во время особо важных моментов его миссионерской деятельности, говорится и в других текстах, например в «Лалитавистаре»²⁶. Этот «трансцендентный» свет по-разному воспроизводился в произведениях культового искусства: от золочения лица и всей фигуры Будды, изображения нимба вокруг головы, а иногда вокруг всего тела до завершения *ушниси* пламенею-

Ил. 6. Голова Будды. Бронза, литье. Таиланд, Чиангмай, школа Ланны. Конец 13 — начало 14 в.

щим протуберанцем. Последнее стало самой характерной особенностью тайских и лаосских образов, начиная с 13 в., когда в сукхотхайской пластике появляются первые скульптуры такого типа, и до сегодняшнего времени.

Следует отметить, что тхеравадинские мастера никогда не создавали таких детально разработанных иконометрических систем, какие были в Индии и Тибете²⁷. Тем не менее в Индокитае знали о существовании канона «божественных пропорций» и пытались создать свою иконометрию, о чем свидетельствуют, к примеру, кхмерский текст 16 в. и два небольших манускрипта начала 19 в. на тайском языке (возможно, известных и в лаосском переводе)²⁸. Основными метрическими единицами в них называются локоть, лицо (длина от подбородка до линии волос) и расстояние между коленями сидящего Будды. Так, длине лица должны были соответствовать расстояние между сосками груди, ширина торса у талии, длина бедра, голени, ступни. Пропорции лица строились в основном на ширине рта, высота *ушниши* с финиалом слегка превышала длину лица. В стоящей фигуре одетого в монашеское одеяние Будды должно укладываться семь «ликов» (вместе с лицом), а в «коронованной» — восемь. Для сидящих образов были возможны разные пропорциональные соотношения частей тела, основанные, как правило, на расстоянии между коленями. Однако, как верно замечает Х. Вудворд, остается неясным, в какой степени мастера следовали иконометрическому канону. Ясно лишь, что имеющиеся в нем метафорические определения «позволяли скульпторам скорее воображать идеальные типы, чем следовать специфическим моделям»²⁹. Разнообразие в пропорциональных соотношениях частей тела Будды, которое показывает лаосская и тайская пластика, говорит о том, что часть мастеров учитывала правила иконометрии, но большинство — лишь свободно оперировало характеристиками *лаккханы*.

«Сверхъестественная» анатомия тела Будды дополнялась каноническими позами и жестами (*асанами* и *мудрами*), которые определяли смысловое содержание образа и были непосредственно связаны с событиями жизни Просветленного. В этой части иконографической системы мастера тхеравады проявили наиболее яркое творческое начало. В Индокитае встречаются все типы Будды — сидящий, стоящий, идущий и лежащий. Их появление легенда объясняет так: совершая Великое чудо в Саваттхи, Будда для убеждения неверующих сотворил множество своих «двойников», находящихся в разных позах и чудесным образом заполнивших все воздушное пространство³⁰. Но если сидящие и стоящие фигуры типичны для всех буддийских школ, то образы идущего и лежащего Будды получают в Индокитае, несмотря на превалирование первых двух типов, достаточно широкое распространение, редко встречаясь за его пределами. А идущий Будда, хотя и имеет индийские прототипы, получил такое блестящее воплощение в пластике

Сукхотхая, что именно тайским мастерам часто приписывают изобретение этого иконографического образца (ил. 7).

Самый солидный иконографический свод был создан в культовой традиции Таиланда и Лаоса — в нем насчитывается более 60 различных изображений Будды. Письменная фиксация части свода происходит только в середине 19 в., когда тайский король Рама III (1824—1851) попросил принца Параманутит Тинораса, бывшего тогда буддийским патриархом, «исследовать канон и найти в нем отрывки, описывающие позы Будды. Были найдены описания 40 поз и соответственно этим описаниям сделаны 40 статуй»³¹. В дальнейшем они не раз служили наглядным пособием для создания как скульптурных, так и живописных произведений. В 1962 г. была опубликована книга принца Дамронга Рачанупхапа «Изображения Будды в Сиаме», где приводится список тех самых 40 иконографических вариантов³². Слегка измененную и расширенную версию иконографии Будды дал лаосский ученый Панья Пхуй, включивший в свод 45 образцов³³. При этом он расположил их не в хронологическом порядке в соответствии с жизнеописанием Будды, как это сделал принц Дамронг, а по типам изображений.

В Оксфордском энциклопедическом издании 1994 г. иконографический список расширен до 56 образцов³⁴. Однако даже в этом наиболее полном своде отсутствуют, например, такие изображения, как Будда *тхамматяк* (с Колесом Закона) или Будда *пханпханьяман* (с опахалом) и некоторые другие. Необходимо отметить, что процесс наполнения иконографической схемы новыми образцами (который продолжается и сегодня) обусловлен как религиозными установками, так и эстетическими принципами, важными из которых являются отсутствие замкнутости, открытость, способность видоизменяться и обогащаться под воздействием новых художественных идей и образов.

Практически вся традиционная пластика и живопись Лаоса была ано-

Ил. 7. Скульптура идущего Будды. Бронза, литье. Таиланд, школа Сукхотхая. 14 в.

нимной, что, впрочем, характерно в целом для средневекового искусства Юго-Восточной Азии. Культовые произведения создавались, как правило, людьми посвященными, чаще всего буддийскими монахами, изготовление статуи или живописной композиции считалось делом благочестивым и не должно было служить суетным целям возвышения имен художников. Перед тем как приступить к работе, необходимо было вообразить себе Просветленного в тот момент его бытия, который соответствовал избранной иконографии, и начать его внутреннее созерцание, медитацию. Считалось, что, только когда мастер доходил до состояния отождествления себя с Буддой, он мог вдохнуть жизненную силу и дух в косную материю (камень, металл, глину) и создать истинно верный образ Великого Человека. И поскольку в своем произведении мастер в соответствии с религиозной концепцией лишь воспроизводил сакральный первообразец, то и отношение к нему было не как к художнику, передающему в своем творчестве собственное, персональное мировидение, а скорее как к мастеру-копиисту, по канону моделирующему религиозно-философские и эстетические идеалы буддийского общества. Статуи Будды делались обычно по специальным заказам, и скульптор в лучшем случае ставил на них посягательную надпись, имя донатора и дату. Кроме того, согласно существующим до настоящего времени суевериям, мастер, написавший свое имя на созданном им изображении Будды, оставлял в нем часть своей души, что значительно сокращало его земное существование или даже могло привести к преждевременной смерти³⁵.

Таким образом, имперсональность и каноничность можно назвать важнейшими свойствами буддийского культового искусства, ибо оно целиком «опутано цепями» иконографической системы, не допускающей художественного полета фантазии мастеров. Казалось бы, различия между многочисленными изображениями Будды должны быть минимальными. Однако каждая эпоха и страна, куда проник буддизм, давала свои собственные пластические интерпретации образа Будды. Как ни жестки были рамки религиозных правил, они все же оставляли место для творческого самовыражения мастеров. Да и созданная мастерами тхеравады иконографическая система (с ее множеством *лаккхан* и других характеристик) предоставляла им широкий выбор тех или иных изобразительных средств. Творческое начало проявлялось, прежде всего, в трактовке образных отличий Будды, в том, как передавалось, скажем, сходство носа с клювом попугая или подбородка с плодом манго³⁶. Оно выражалось и в придании изображениям будд соответствующих этнических черт, что наделяет лаосские, тайские, кхмерские и мьянманские образы неповторимыми «портретными» характеристиками и позволяет почти безошибочно атрибутировать их. Понятие прекрасного в каждой из стран тхеравады включало и свои эстетические представления, а следование канону *лаккхана* было не чем иным, как поис-

ками гармонии и красоты, стремлением создать собственный образ Совершенного Человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Gagneux P.-M.* Eléments d'épigraphie laotienne // Bulletin des Amis du Royaume Lao. Vientiane, 1970, № 3, p. 68.
- ² Поскольку в Лаосе и Таиланде, как и в других странах тхеравады, языком религиозного культа является палийский, в статье используются палийские термины, иногда в скобках приводятся соответствующие им санскритские, в отдельных случаях даются местные названия.
- ³ Такое определение периода раннебуддийского искусства до появления в нем антропоморфных изображений Будды дает В.В. Иванов [*Иванов В.В.* Эстетическое наследие древней и средневековой Индии // Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1979, с. 26].
- ⁴ *Бонгард-Левин Г.М.* Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. М., 1980, с. 109.
- ⁵ *Агаджанян А.С.* Буддийский путь в XX веке. Религиозные ценности и современная история стран тхеравады. М., 1993, с. 67.
- ⁶ См., например: *Promsak Jernsawatdi.* Thai Art with Indian Influences. New Delhi, 1979, p. 42–43. Другое известное предание говорит о том, как Будда сам определил, вернее, символически указал на то, какими должны быть буддийские памятники: он молча расстелил на земле свернутый в виде квадрата свою монашескую накидку, положил на нее перевернутую вверх дном чашу для подаяний и увенчал зонтом. Таким образом Будда обозначил основные конструктивные элементы ступы: основание, купол и зонтичный шпиль [*Ожегов С.С.* Архитектура Бирмы. М., 1970, с. 10].
- ⁷ Подобные легендарные сведения относятся, например, к одной из самых почитаемых в Мьянме статуй Будды Махамуни, созданной в Ракхайне (Аракане) и считающейся прижизненным изображением Учителя. В 1784 г. бирманцы, завоевавшие Ракхайн, вывезли святыню сначала в Амарapura, а затем в Мандалай, где она находится по сей день [*Листопадов Н.А.* Бирма. Страна к югу от горы Меру. М., 2002, с. 64–65]. Существуют и легенды, в которых изготовить статую помогают последователи Будды. Так, в предании о знаменитой скульптуре Пхра Сихинг («Сингальский Будда») из Чиангмая рассказывается, что, когда три цейлонских принца вознамерились сделать статую Просветленного, монахи обратились с молитвами к королю нагов. Наг был ревностным поклонником Будды и знал его еще при жизни. Откликнувшись на монашеские призывы, он с помощью магии приобрел облик Будды и в течение недели позировал мастерам, которые только тогда смогли создать прекрасную статую [*Griswold A.B.* Dated Buddha Images of Northern Siam. Ascona, 1957, p. 26].
- ⁸ *Griswold A.B.* What is a Buddha Image? // Thai Culture, New Series. Bangkok, 1962, № 19, p. 124.
- ⁹ *Finot L.* Recherches sur la litterature laotienne // Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient, 1917, vol. 17, № 5, p. 124.
- ¹⁰ Согласно этой доктрине, единое вселенское тело Будды (*буддхакая*) имеет три проявления: *дхармакая* — «тело закона», истинная природа которого постигается только в состоянии Просветления; *самбхогикая* — «тело наслаждения», которым обладают бодхисаттвы и другие просветленные существа; *нирманакая* — «явленное тело», присутствующее в облике людей Буддам, одним из которых был и Будда Шакьямуни. Подробнее см.: *Андросов В.А.* Буддизм Нагарджуны. М., 2000, с. 755–756; *Fickle D.H.* Crowned Buddha Images in Southeast Asia // Art and Archaeology in Thailand. Bangkok, 1974, p. 90–93.
- ¹¹ *Griswold A.B.* What is a Buddha Image? Op. cit., p. 17.
- ¹² *Агаджанян А.С.* Указ. соч., с. 68.

- ¹³ Описывая перипетии пребывания «Золотого» Будды (Пхабанга) в Бангкоке, С. Лопетчарат рассказывает и о вторичном пленении сиамами лаосской святыни в 1828 г., когда было подавлено возглавляемое вентьянским королем Анулуттхалатом восстание против тайского господства. Пхабанг был снова увезен в Бангкок и установлен в храме вата Самплым. «Изумрудный» Будда в то время уже находился в вате Пхракэу. Однако после 1858 г., отмеченного появлением в небе большой кометы, город одно за другим постигли несчастья — засуха, голод, различные эпидемии. Астрологи приписали это неблагоприятному влиянию Пхабанга, и в 1867 г. святыню вернули, уже навсегда, в ее родной город Луангпхабанг, где она была установлена в вате Май. С 1975 г. Пхабанг хранится в Музее королевского дворца, но раз в году, во время празднования Пимая — Нового года, торжественно переносится в храм вата Май, чтобы верующие могли поклониться святыне [Lopetcharat, *Somkiart. Lao Buddha. The Image and Its History*. Printed in Thailand, 2000, p. 294; см. также: Лаос. Справочник. М., 1994, с. 64–67].
- ¹⁴ Агаджанян А.С. Указ. соч., с. 128.
- ¹⁵ Следует отметить, однако, что определение ценности дара с позиций буддийской морали — понятие относительное. Конечно, изготовление монументальной статуи Будды по указанию короля или члена королевской семьи рассматривается как великое благодеяние, соответствующее большим заслугам заказчика. Но таким же великим даром будет считаться поднесение монастырю простым крестьянином небольшой скульптуры Будды, на покупку которой он затратил большую часть своих сбережений.
- ¹⁶ Тайск., лаосск. *пхумтханпхисек*, палийское слово *абхисека* обозначает любую буддийскую церемонию освящения как статуй, так и монахов, а также помазания правителя на царство и т.п. Церемония инвеституры монахов называется в Лаосе и Таиланде *тхерапхисек* (от палийского *тхерапхисека*) и имеет также местное обозначение — *конхот*. Подробнее см.: Bizot F. La consecration des statues et le culte des morts // *Recherches nouvelles sur le Cambodge / PEFEO*. Paris, 1994, p. 105–116; *Vô Thọ Tinh*. Le boun Kong Hôd au vat Kang Thông, Tasseng de Bo-O, Muong de Sai-Fong, Province de Vientiane // *Bulletin des Amis du Royaume Lao*. Vientiane, 1970, № 3, p. 73–88; Wells K.E. *Thai Buddhism. Its Rites and Activities*. Bangkok, 1975, p. 77, 128–129.
- ¹⁷ В буддийских текстах обычно говорится о десяти *парами*, или *парамита* — необыкновенных духовных качествах, совершенствах будды или бодхисаттвы (санскр. бодхисаттвы): это совершенная истинность, совершенное терпение, совершенная самоотверженность, совершенная духовная сила, совершенная нравственность, совершенное милосердие, благотворительность, совершенный ум, совершенное намерение, совершенная невозмутимость, совершенная любовь. Иногда говорят о десяти царских добродетелях: великодушие, высокая нравственность, терпимость, прямодушие, кротость, самоограничение, негневливость, непричинение зла живым существам, неприменение силы, милосердие [Джатаки. Пер. с пали и вступ. статья В. Захарына. М., 1979, с. 340].
- ¹⁸ Сведения об этом ритуале, наблюдаемом иногда в Северном Таиланде, приводит Кэрол Страттон [Stratton C. *Buddhist Sculpture of Northern Thailand*. Buppha Press, Chicago, 2004, p. XX–XXI]. И судя по тому, что большие лаосские скульптуры почти всегда имеют «священные» вложения, ритуал *сай хуа тьяй пхаттяу* имел место и в лаосской обрядности, по крайней мере в северо-восточных, пограничных с Ланна областях.
- ¹⁹ Самые торжественные церемонии «переодевания» статуи Будды проводятся в бангкокском храме Пхракэу, в них участвует сам тайский король Пхумипхон Адульдет, — новые одежды, соответствующие времени года, получает священное изваяние «Изумрудного» Будды.
- ²⁰ Корнев В.И. Литература Таиланда. М., 1971, с. 74. Можно привести еще один яркий пример отношения к скульптурам как к живым воплощениям Будды, о котором говорят хорошо известные факты тайской истории. Согласно одному из законов, действовавшему в ранней Аюттхае (14–16 вв.), суровое наказание грозило тому, кто осквернит изваяние Будды: за повреждение его руки, ноги или головы преступнику отсекали соответствующую часть тела, а за снятие позолоты с его поверхности — живьем сдирали кожу [Griswold A.B. *What is a Buddha Image?* Op. cit., p. 21].

- ²¹ История о Будде из сандала зафиксирована также в апокрифическом сборнике «Паннаса-джатака» («Пятьдесят джатак»), созданном в 14–15 вв. чангмайскими монахами и имеющем своей версии в Мьянме и Камбодже. Кхмерский вариант истории приведен в своей статье «Освящение статуй и культ мертвых» Ф. Бизо [*Bizot F.* Op. cit., p. 102–103]. О лаосском манускрипте, посвященном Будде из сандала, упоминает Л. Фино [*Finot L.* Op. cit., p. 198].
- ²² О пребывании Будды на небесах, в то время когда мастер вырезал статуя, говорится в тайском варианте легенды (в кхмерском — Будда просто отсутствовал), о чем упоминают в своих работах А. Грисволд [*Griswold A.B.* Dated Buddha images... Op. cit., p. 15]) и К. Матикс [*Matics K.I.* Major Buddhist images at Wat Po // *Arts of Asia*, 1982, vol. 12, № 6, p. 98]. Последний, кроме того, отмечает, что в отличие от кхмерской версии в тайской фигурирует другой правитель — король Удяна и устанавливает он статуя не во дворце, а в саду Джетавана. Согласно легенде, бытующей у бурятских буддистов, эта прижизненная сандаловая статуя Будды, называемая ими Жанданзуу, была вывезена из Индии в Бурятию и находится сейчас в одном из дацанов Улан-Удэ [*Листопадов Н.А.* Указ. соч., с. 65].
- ²³ *Boisselier J.* La sculpture en Thaïlande. Fribourg, 1974, p. 36.
- ²⁴ Полные списки знаков Махапурисы содержатся в ряде палийских, санскритских и тибетских текстов, например в суттах «Лаккхана» из «Дигха-никаи», «Лалитавистаре», «Дхарма-санграхе» и др. Краткий обзор некоторых из них дает, в частности, В.П. Андросов в примечаниях к переводу на русский язык санскритского и тибетского списков «больших» и «малых» знаков [*Андросов В.П.* Указ. соч., с. 552–563].
- ²⁵ *Griswold A.B.* Sculpture of Thailand. Images of the Buddha. N.Y., 1976, p. 13–14.
- ²⁶ См., например: Буаселье Ж. Мудрость Будды. М., 2003, с. 38, 44; *Coomaraswamy A.K.* Mediaeval Sinhalese Art. N.Y., 1956, p. 43.
- ²⁷ *Gangoly O.C.* Southern Indian Bronzes. Calcutta, б. г., p. 33.
- ²⁸ *Griswold A.B.* Dated Buddha images... Op. cit., p. 67; *Giteau M.* Iconographie du Cambodge post-angkorienne. Paris, 1975 / PEFEO, vol. C, p. 311–317; *Woodward H.W.Jr.* The Sacred Sculpture of Thailand. The Alexander B. Griswold Collection. The Walters Art Gallery. Bangkok, 1997, p. 22–23, 289.
- ²⁹ *Woodward H.W.Jr.* Op. cit., p. 23/
- ³⁰ В храмовой живописи Таиланда 19 в. иногда встречаются росписи, подробно воспроизводящие этот легендарный эпизод. См., к примеру: Буаселье Ж. Указ. соч., ил. на с. 90–91.
- ³¹ *Корнев В.И.* Буддизм и общество в странах Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1987, с. 79.
- ³² *Damrong Rajanubhab (Prince).* Monuments of the Buddha in Siam. Bangkok, 1973 (2nd edition), p. 35–58.
- ³³ *Панья Пхуй.* Пхапхуттхухуп тангтанг (Различные изображения Будды). Вьентьян, 1966.
- ³⁴ Oxford — Duden (the). Pictorial Thai & English Dictionary. Oxford, 1994, p. 678–679.
- ³⁵ *Lyons E.* The technique of Thai traditional painting // *Art and Archaeology in Thailand.* Bangkok, 1974, p. 26.
- ³⁶ Лаос. Справочник. Указ. соч., с. 240.

Датировка основания городов во Вьетнаме как историографическая проблема

В отечественной и западноевропейской урбанистике ярко выражена тенденция к выяснению самых первоначальных сведений о заселении тех или иных территорий, что в политической практике приводит иногда к волюнтаристскому удревнению возраста городов (что особенно ярко проявилось недавно в ходе празднования в нашей стране празднования в 2005 г. 1000-летия Казани).

Вьетнамская историография характеризуется в этом смысле определенными особенностями. В подавляющем большинстве случаев информация о времени появления тех или иных поселений, имеющих сегодня статус городов, носит неконкретный характер.

Конечно, есть исключения. Но они немногочисленны. Например, хорошо известна история основания города Далат. В 1893 г. ученик знаменитого Пастера Александр Йерсен по заданию генерал-губернатора Поля Думера побывал в одном высокогорном районе, где в то время обитало племя лат, и предложил с учетом природных условий местности, близких климату Западной Европы, создать там бальнеологический курорт для французов. Вскоре эта местность стала обустраиваться виллами и заселяться французами и вьетнамцами. В 1912 г., этот населенный пункт получил статус города¹.

В подробностях реконструируется история основания другого города в горах Центрального Вьетнама — Контума. В 1846 г. гонимые императором Тхьеу Чи католики (в их числе были и французы, и вьетнамцы) из г. Куиньон достигли местечка на р. Дакбла на Центральном плато, где жили представители народности банар. Местные жители приветили беженцев и не только разрешили им поселиться и построить церковь, но и сами стали переходить в христианскую веру. В 1855 г. Контум получил статус города².

Что касается истории возникновения большинства других городов СРВ, то вьетнамская историография, как уже отмечалось, демонстрирует в этом случае специфический подход. Он заключается в том, что историки как бы не стремятся найти первых насельников. Вот несколько примеров.

В 1996 г. отмечалось 120 лет города Кантхо. Юбилей связали с решением французских колониальных властей в 1896 г. превратить деревню Танан в центр провинции³. Тем, не менее, даже в журнале,

приводившем этот аргумент в пользу данной даты основания Кантхо, содержались утверждения о более ранних поселениях на этом месте. Так, авторы, рассуждая об этимологии названия Кантхо, пишут, что вероятно оно пошло от высказывания Нгуен Хюэ, одного из вождей восстания тэйшонов (1771-1802 гг.), который, чтобы описать романтический дух этих мест, соединил в одном слове лютню (по-вьетнамски — *cam*) и стихи (*tho*). Другие исследователи видят в названии этого города указание на то, что здесь в изобилии произрастают сельдерей (*can*) и ананасы (*thom* — так ананасы называют в южных провинциях СРВ)⁴.

Сегодня на веб-сайте провинциальных властей Кантхо в исторической справке приводится факт создания в этом месте укрепленного пункта. Это произошло в 1739 г., когда сюда добрался из г. Хатиен китаец Мак Тхиен Тить⁵. Но и это не смогло изменить официальную точку зрения на время основания города.

В 1998 г. весь Вьетнам отмечал 300-летие основания г. Хошимина (Сайгона). За дату рождения крупнейшего мегаполиса СРВ было принято создание генералом Нгуен Хью Канем в этом городе служб управления уездом Зядинь. При этом не только профессиональным историкам, но и более широкой публике известно, что на территории бывшего Сайгона задолго до прихода сюда вьетнамцев существовали камбоджийские города Прейкор и Каскробей⁶.

Еще больше вопросов вызывает готовящееся празднование в 2010 г. тысячелетия Тханглонга — Ханоя, столицы СРВ. За отправную точку истории города берется приезд на Красную реку короля Ле Тхай То, провозгласившего местное поселение столицей страны под названием Тханглонг, что может переводиться на русский как «Город взлетающего дракона». Фактически, это был акт переноса столицы вьетнамского государства из одного места — Хоалы (в современной провинции Ниньбинь) на другое.

Но историкам, и не только им, хорошо известно, что и до 1010 г. на территории современного Ханоя существовали города (об этом говорится, например, в двух доступных широкому читателю работах)⁷. Если взять административные границы большого Ханоя XXI века, то в первую очередь надо назвать Колоа. Этот город, по преданию, был основан в 257 г. до н.э. королем Тхук Ан Зыонгом в качестве столицы государства вьетов. С тех пор до наших дней сохранились городские стены того времени. Но, возможно, что сегодняшняя историография СРВ не принимает этот факт из-за того, что Колоа вошел в границы Ханоя всего десяток лет назад.

В период Северной зависимости на территории исторического центра Ханоя также существовали городские поселения. В V в. н.э. это — Тонгбинь (его обитателями были китайцы). В VI в. восставший против ига китайских захватчиков Ли Нам Де построил на берегу р. Толить

деревянную крепость. В VII в. на той же реке китайские захватчики возвели крепость Тьтхань. В 767 г. Тонгбинь и Тьтхань образовали цитадель Латхань (в районе, где сегодня расположено посольство РФ во Вьетнаме) В 791 г. эта крепость стала столицей государства фактически независимых вьетнамских правителей Фунг. В 866 г. покоритель вьетнамцев китайский генерал Гао Бянь переименовал Латхань в Дайла.

Почему же вьетнамские ученые не хотят удревнить историю своей столицы и связать основание Ханоя с одной из вышеназванных дат? Можно предположить, что они все еще не осмеливаются при освещении истории городов признавать те или иные факты, которым традиция отказывала в легитимности. Сегодня подход вьетнамских ученых и администраторов к определению «Дня рождения» городов выражается в следующем: город признается таковым только тогда, когда он начинает осуществлять функции административного центра вьетнамского этноса. При этом это должно исходить от законной, с точки зрения историков, вьетнамской власти. Крепости Тонгбинь, Тьтхань, Дайла были построены китайцами, а Ли Нам Де и правители из дома Фунг формально не признаются традицией независимыми вьетнамскими монархами. В этом, по-видимому, причина непризнания вышеназванных фактов существования ранних поселений на территории Ханоя в качестве даты рождения города.

Эта же сила традиции до сих пор определяет подход ученых Вьетнама к своей истории, как истории вьетов, а не полиэтничного государства в современных границах. На заре становления исторической науки СРВ в конце 50-х — начале 60-х гг. прошлого века вопрос том, что есть объект национальной истории, активно обсуждался среди ученых-историков. Так, Фан Нгок Лиен в одном из своих выступлений предложил брать пример с советской науки и шире включать в работы по истории Вьетнама материал о других народах, населявших Вьетнам⁸. Ему возразил некто Куанг Тинь, который считал, что любая из «Историй СССР» не приемлема для вьетнамцев, как образец подхода, ибо в отличие от России народы Вьетнама (за исключением вьетов) не имели государственности. Изучать историю Фунани — государства, территория которого включала в себя часть современного Южного Вьетнама (что предлагал Фам Нгок Лиен), должны в Камбодже, писал Куанг Тинь⁹. Эта точка зрения превалирует и до сих пор.

Поэтому, признавая, что ряд городов Центрального Вьетнама ведут свое начало от тямских населенных пунктов, вьетнамские краеведы не сильно углубляются в их истоки. Так, справочник « Блокнот географических названий Вьетнама» датирует приобретение Фанрангом городского статуса 1917 г., честно констатируя при этом, что на этом же месте находился древний тямский город Пандуранга¹⁰.

Получается, что традиция во вьетнамской историографии сегодня сильнее естественного желания ученых докопаться до пролегоменов того или иного явления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Buu Ngon. Du lich ba mien. Ve mien Trung (Туризм по трем частям Вьетнама. Центр). Ho Chi Minh, 2001. С. 47; Buckley M. Vietnam, Cambodia & Laos handbook. California, 1996. С. 313.

² «Khoa hoc va doi song» («Наука и жизнь»), 1997, № 85. С. 52 — 54.

³ «Khoa hoc xa hoi» («Общественные науки»), 1995, № 25. С. 134.

⁴ ibid. С.166.

⁵ www.cantho.gov.vn.

⁶ «Хуа va pay» («Прошлое и настоящее»), 1998, № 4. С.4

⁷ Леонов К.Ю., Никитин А.В., Федорин А.Л. Вьетнамская хронология. //Три четверти века. Д.В.Деопику — друзья и ученики. М., 2007, с.128 — 133;

Preserving Hanoi's Architectural and Landscape Heritage. Hanoi, 1999. С. 4 — 5.

⁸ Phan Ngoc Lien. Gop mot so y kien ve van de cau tao noi dung lich su Viet — nam theo quan diem da dan toc (Некоторые замечания по поводу структуры и содержания истории Вьетнама с точки зрения полиэтничности). //NCLS («Исторические исследования»), 1969, № 48. С. 50 — 56.

⁹ Quang Chinh. Van de cau tao noi dung lich su Viet-nam heo quan diem da dan toc (Вопрос структуры и содержания истории Вьетнам с точки зрения полиэтничности). // NCLS («Исторические исследования»), 1969, № 50. С.7 — 10.

¹⁰ Dinh Xuan Vinh. So tay dia danh Viet nam (Блокнот географических названий Вьетнама). Ha noi, 1996. С.401.

«Новое учение о цивилизации» как памятник вьетнамской общественной мысли начала XX века

В XX век Вьетнам вступил как колония Франции, основная масса населения которого тяжело переживала потерю национальной независимости. Главными и определяющими в первые годы нового века в стране стали идеи «обновления» (*duy tân*, на Юге *minh tân*), приобретшие формы широкого просветительского движения, подразумевающего модернизацию всей страны на основе усвоения достижений западной цивилизации, прежде всего, новых для вьетнамцев знаний — тан хок (*tân học*). Передовая часть общества видела причину несостоятельности своей страны в противостоянии с Западом в замедленности развития, связанной, в том числе, с традиционной системой образования — хан хок (*hán học*), приведшей ее к катастрофическому отставанию.

Идеи «обновления», как и само это слово, сначала стали проникать во Вьетнам из Китая, а несколько позднее и из Японии. Влияние Китая было обусловлено постоянными и непосредственными человеческими контактами между Вьетнамом и северным соседом, а также обязательно так называемой китайской «новой литературе» (*tân thu*), которая начала распространяться во Вьетнаме с 90-ых годов XIX века. Поскольку Китай под влиянием Запада и по примеру Японии вступил на путь обновления, то есть путь реформ, раньше Вьетнама, а авторитетом по традиции пользовался огромным, именно китайцы, их «обновленческие» искания играли большую роль во вьетнамском «обновлении». Новые идеи вместе с новыми понятиями и словами приходили в страну, в той или иной степени уже усвоенными передовой частью китайского и японского общества. Китайские идеологи реформ, такие как Кан-Ювэй (*Khang Hūi Vi*) и Лян-Цичао (*Luong Khái Siêu*), особенно последний, или японец Фукудзава Юкити (*Phúc-trụch Dụ-sát*) во Вьетнаме были очень популярны. А в своем знаменитом письме от 1905 г., обращенном к вьетнамскому народу с предложением собирать деньги для поездки молодых вьетнамцев на учебу за границу, вьетнамский патриот Фан Бой Тяу, ссылаясь на опыт Японии в овладении западными знаниями, приводил в пример японского просветителя Ёсиду Сёина (*Cát-điền Tùng-âm*)¹.

Как справедливо отмечает известный вьетнамский ученый Чан Динь Хьюу, процесс модернизации Вьетнама на рубеже XIX и XX веков был двусторонним². С одной стороны, модернизацию осуществляли французы, заинтересованные в том, чтобы как можно скорее, пере-

ориентировать феодальный, конфуцианский Вьетнам с Китая на себя и тем самым привязать колонию к метрополии. Такой путь модернизации он называет «колонизаторской европеизацией». Но параллельно с ним существовала и «конфуцианская европеизация», проводимая самими вьетнамцами, а именно теми представителями традиционного конфуцианского сословия, которые быстро разобрались в сложившейся ситуации и, правильно оценив исторический момент, не побоялись стать проводниками новой идеологии, направленной на реформирование страны. Пусть даже вслед за Японией, Китаем и Таиландом, воодушевленные их примером и использующие их опыт.

Идеи обновления захватили представителей разных слоев общества, как непримиримых противников метрополии, подчас с оружием в руках продолжавших борьбу с ней, так и тех, кто в той или иной мере принял новые реалии, хотя и не оставил мыслей о свободе родины. Как образно сказал в своем стихотворении один из известных представителей движения за «обновление» Нгуен Куйен, в это время все «уходили в монахи, чтобы читать молитвы Независимости в пагоде Обновления»³.

Стержнем начавшегося в стране широкого просветительского движения стало, с одной стороны, повышение общеобразовательного уровня народа (*dân trí*) на основе усвоения западных знаний, с другой, подъем так называемого «национального духа» (*dân khí*), который мог бы обеспечить успешную борьбу с французскими колонизаторами. Вьетнамцы, в традициях которых высокая статусность образования и образованных, жадно учились как дома, так и за границей. В поисках путей дальнейшего развития для, как тогда было принято говорить, пробуждения «души страны, пребывающей в спячке», одни ехали на Восток — в Китай и Японию (движение *Đông du*), другие отправлялись на Запад — во Францию (движение *Tây du*). Общая атмосфера, отличительной чертой которой был рост вьетнамского национализма, дала мощный импульс развитию патриотической литературы, типичными образцами которой являются литературно-публицистическое творчество крупнейших представителей патриотического крыла вьетнамского общества Фан Бой Тяу (1867-1940), Фан Тю Чиня (1872-1926) и Тонкинской общественно-просветительной школы (*Đông-kinh nghĩa thực*, март-ноябрь 1907). Если Фан Бой Тяу, сторонник решительной борьбы с колонизаторами, вплоть до терроризма, как и многие другие, был ориентирован на Восток, особенно на Японию, успешно устоявшую в противостоянии с Западом, то Фан Тю Чинь придерживался прозападной ориентации, будучи сторонником более мягких методов борьбы с Францией через сотрудничество с ней на благо родины. Оба они были, в полном смысле этого выражения, властителями дум патриотически-настроенной части общества, а их литературно-публицистическое творчество, сыграло огромную роль в национально-освободительном движении.

Однако к началу XX в., несмотря на начавшиеся колониальные преобразования, Вьетнам все еще оставался феодальной страной, в значительной степени продолжавшей жить в соответствии со своими, конфуцианскими по сути, многовековыми устоями и традиционным мировоззрением. Конфуцианское образованное сословие, в большинстве своем консервативное и по-прежнему считавшее европейцев варварами, у которых нечему учиться, не принимало, как тогда говорили «ветры из Европы и дожди из Азии» (Au phong, Á vũ), воспринимая все новое в штывки. Для претворения в жизнь идей «обновления» нужно было, прежде всего, расшатать старые устои, преодолеть консервативное мировоззрение и внедрить новые идеи в массовое сознание.

Сторонники «обновления» из среды конфуцианцев подвергали консервативное крыло представителей этого сословия резкой критике и всяческому осмеянию. Прежде всего, называя их не иначе как *ngũ ñũ hũ nhũ*, что соответствует русскому «гнилые конфуцианцы», «гнилая конфуцианская интеллигенция». Один из примеров литературы подобного рода — произведение на китайском языке анонимного автора под названием «Обращение к гнилым конфуцианцам» (Cáo hũ lậu vãn). В свое время оно приобрело широкое хождение благодаря удачному переводу на вьетнамский язык, сделанному одним из участников Тонкинской общественно-просветительной школы Нго Ви Ламом (Ngô Vi Lâm). Он переложил содержание китайского оригинала на вьетнамский язык популярным вьетнамским стихотворным размером «лукбат», а затем в 1907 г. эта «версия» произведения была напечатана в июльском номере ханойской газеты «Данг ко тунг бао» (Đãng cõ tũng báo).

Борьба за «обновление» касалась самых разных сфер жизни, в том числе и бытовых. Так, широкую известность в 1905 г. приобрело такое событие, как добровольное состригание традиционного для конфуцианцев пучка волос. Принявшие в этом участие, Фан Тю Чинь и Нгуен Куйен стали популярными благодаря стихотворению, написанному Нгуен Куйеном, которое начиналось уже цитированной фразой: «постричь волосы и уйти в монахи, чтобы читать молитвы Независимости в пагоде Обновления». Здесь вполне конкретное действие — состригание волос приобрело символическое значение борьбы со всем отжившим в еще крайне консервативном вьетнамском обществе. Как пишет Чан Динь Хьюу: «Это событие подавалось как поистине революционное. Слово «революционное» — здесь не преувеличение. В те времена все подбирали каждый упавший с головы волос, каждый выпавший зуб, каждый сломавшийся кусок ногтя, чтобы после смерти забрать их с собой в могилу. Ведь так завещали совершенномудрые древности: «волосы, кожа, тело даны нам нашими родителями, поэтому закон сыновней почтительности требует все это беречь». Следовательно, состричь волосы было поступком чрезвычайно смелым и, более того, непочтительным с точки зрения общественного мнения»⁴. Несмотря на осуждение консерватив-

ной части общества, твердо стоявшей на страже традиционных обычаев и привычек, данное событие имело последователей, число которых постепенно увеличивалось. По этому поводу другой известный вьетнамский ученый Чан Ван Зяу пишет, что: «Даже император Тхань Тхай (время правления 1889-1907 — Т.Ф.) состриг волосы, надел пальто и взял в руки трость (то есть оделся, как европеец — Т.Ф.), что очень не понравилось консервативным конфуцианцам». И добавляет, что иногда такая борьба за «обновление» приобретала довольно грубые формы: «любой мужчина, приходивший на рынок, хотел он того или нет, встречал людей с ножницами в руках», которые лишали его волос⁵.

Критика «старого» была только одной стороной борьбы за «новое», другой стороной должна была быть пропаганда этого «нового».

Одним из ярких конкретных примеров претворения в жизнь идей просвещения народа, повышения его образовательного уровня стала деятельность Тонкинской общественно-просветительной школы⁶, созданной по образцу многочисленных просветительных школ Японии после революции Мэйцзи (1868) и китайских школ конца XIX в.

Тонкинская общественно-просветительная школа как легально действующее частное учебное заведение открылась в Ханое в марте 1907 г. и просуществовала до ноября этого же года. Основателями ее стали северовьетнамские патриоты Лыонг Ван Кан (1854-1927) и Нгуен Куиен (1870-1941). Оба они были представителями конфуцианской прослойки, так как получили традиционное образование, сдавали конкурсные экзамены и даже служили, но, увлекшись идеями «обновления», перешли к воплощению этих идей в жизнь. Созданная ими школа всеми доступными ей средствами на практике пропагандировала отказ от традиционной системы образования и переход к новому образованию. Но понятно, что по объективным причинам это был, так сказать, гибрид старого и нового. Достаточно сказать, что, например, несмотря на пропаганду вьетнамского языка и вьетнамской письменности, большая часть учебной литературы, использовавшейся в школе, была все-таки на китайском языке.

Деятельности сгруппировавшихся вокруг Тонкинской общественно-просветительной школы патриотов вьетнамская литература обязана, прежде всего, интереснейшим произведением первого десятилетия XX в. под названием «Новое учение о цивилизации» (Vấn minh tân học sách), сохранившимся в материалах школы⁷. Авторство (можно допустить, что и коллективное) этого произведения не установлено, а появление его относится предположительно к 1904 г. Иными словами, оно появилось года за три до открытия школы, но, благодаря своему, для 1904 г. радикальному, содержанию, стало для школы своего рода «идейной программой». Парадоксально, но и само это произведение было написано на китайском языке. Правда, идеи, в нем заложенные, были «растиражированы» во многих других произведениях патриоти-

ческой литературы на вьетнамском языке, как в поэзии, так и в прозе. В этом своего рода манифесте школы на основе сравнения дальневосточной и западной цивилизаций не только указываются причины отсталости Вьетнама, но и предлагаются конкретные меры, как через просвещение народа эту отсталость ликвидировать⁸.

Ключевым словом в произведении является слово «цивилизация» (văn minh). С рассуждений о ней оно и начинается. Отмечая, что на земле существуют страны разного уровня развития: цивилизованные, полуцивилизированные и варварские, автор говорит, что, чтобы добиться высокого уровня развития, нужно иметь стратегию этого развития (chủ nghĩa), в основе которой должно лежать просвещение народа (mở mang dân trí). Потому что, здесь он цитирует европейцев, «цивилизацию нельзя купить, ее надо выстрадать», выстрадать в процессе соревновательной борьбы, конкуренции⁹. А так как цивилизация и уровень развития народа взаимосвязаны, то, чтобы просвещать народ, надо, прежде всего, понять, что на пути к цивилизации ему мешает.

По мнению автора, в далеком прошлом, благодаря географическим факторам, Вьетнам был развитой страной, как и вся Азия является родной цивилизации. Однако сейчас, в начале XX в., Вьетнам отстал не только от Европы, но и от соседнего Китая. Благодаря конкуренции, в более развитых странах развились сельское хозяйство (с техникой для обработки земли, электрическими приборами, методами борьбы с засухой и вредителями), торговля и финансы (с торговым флотом, биржами, акционерными обществами), промышленность (с изобретениями Дж. Уатта и Т. Эдисона). А во Вьетнаме все осталось, как в старину.

Вьетнамцы по-прежнему заняты «бесполезными» традиционными «забавами» — наслаждаются музыкой, играют в карты и шахматы, увлечены каллиграфией и стихотворными конкурсами, гаданиями, геомантией и проч. Более развитая часть общества либо кичится своим традиционным образованием и с презрением относится ко всему новому, либо думает только о продвижении по чиновничьей лестнице для личной наживы.

И далее автор делает общий вывод о существенных особенностях европейской и местной, дальневосточной цивилизаций. Особенность европейской цивилизации он видит в ее динамизме (động), а особенность вьетнамской цивилизации, как дальневосточной, напротив, — в ее статичности (tĩnh). Чем они обусловлены? Разной организацией государственной и общественной жизни, — отвечает автор.

В Европе наверху выборные органы власти обеспечивают порядок, снизу народ имеет право все обсуждать, а связь между властью и народом осуществляет пресса, которая доносит до верхов народные чаяния. Государственное устройство становится в Европе предметом размышлений, поисков наилучших моделей, как, например, в трудах Руссо, Спенсера, Монтескье. Во Вьетнаме ничего этого нет.

В Европе существует развитая трехуровневая система образования на родном языке, ориентированная на передовые знания, полезные для практической жизни, с такими предметами, как математика, география, право, астрономия, медицина, военное дело. Во Вьетнаме в основе народного образования лежит система конкурсных экзаменов с древними китайскими книгами, умением писать сочинения по строгим правилам на заданную тему, сочинять стихи и проч.

В Европе либо конституционная монархия, либо республиканский строй, выборная система органов власти и широкое обсуждение всех общественно важных вопросов, позволяющие изменять законы в соответствии с потребностями изменившейся ситуации. Во Вьетнаме государственное устройство неизменно, в людях ценится отсутствие собственного мнения, правила необязательны, законы народ не знает.

В Европе государство и его граждане представляют одно нераздельное целое, дела государства касаются каждого, также как дела каждого становятся делом государства. Во Вьетнаме, кроме «подавления и подчинения», ничего нет.

В Европе люди любят путешествовать, свободно и ничего не боясь, перемещаться по свету. Как говорит автор: «Моисей шел в Палестину 40 лет; Христофор Колумб плывал по Атлантическому океану более десяти лет; Маттео Ричи странствовал по Китаю около 19 лет. Экспедиции к северному полюсу, путешествия вокруг света там в порядке вещей»¹⁰. Во Вьетнаме же предпочитают сидеть дома и, в отличие от китайцев, которых много повсюду, не ездят даже в соседние страны. Не говоря уже о том, что никогда не помышляли о колонизации других народов или поисках рынков сбыта своих товаров.

В документе называется четыре причины этих отличий.

Во-первых, это — национальное высокомерие, выражающееся в нежелании учиться у других народов-варваров; во-вторых, приверженность принципам государственного устройства и управления, основанным на гуманности и справедливости (конф. *vuong đạo*), а не следование европейским принципам, в основе которых лежит стремление к богатству и могуществу, благодаря хитрости и ловкости (конф. *bá đạo*); в-третьих, конфуцианская концепция, что все лучшее в прошлом, объясняющая отсутствие интереса к развитию; в-четвертых, преклонение перед властью чиновников и презрение к народу.

Всем этим и объясняется застойный характер вьетнамской истории, покончить с которым можно, только обратившись к просвещению народа, ведь «мы, представители желтой расы, ничуть не хуже представителей белой расы»¹¹, говорит автор. И предлагает шесть конкретных путей.

Первое — переход от использования китайского языка и китайской иероглифики на родной язык и латинизированную письменность «куок нгы»;

второе — пересмотр всей учебной литературы;

третье — реформирование системы конкурсных экзаменов с тем, чтобы приблизить их к практическим нуждам переживаемого страной времени;

четвертое — поощрение и стимулирование талантов;

пятое — развитие экономики, чтобы догнать Европу и Китай;

шестое — развитие прессы как одного из эффективных инструментов воздействия на широкие народные массы и их просвещения.

Относительно перехода на родной язык и собственную, отражающую его письменность, автор говорит, что когда-то у вьетнамцев наверняка было свое национальное письмо. Но оно исчезло, и вьетнамцы, в отличие от Лаоса и Камбоджи, народы которых сохранили свое письмо, а также Японии, которая создала свое письмо, перешли к использованию чужой, китайской письменности, не дающей возможности писать на родном языке. Однако, португальские миссионеры создали на основе латинского алфавита письменность, пригодную для письма на вьетнамском языке, то есть «куок нгы», которая отражает все его особенности. Как подчеркивает автор, эта письменность очень проста и удобна, а посему следует, как можно быстрее, ею овладеть, потому что «это могло бы стать реальным первым шагом в просвещении народа»¹².

Что касается пересмотра учебной литературы, то тут автор сетует на то, что, несмотря на наличие у вьетнамцев своих достойных внимания памятников словесности, таких, как «Кхам динь Вьет шы кьонг мук», «Тхык лук», «Нят тхонг ти» и других¹³, вьетнамцы предпочитают учиться не по ним, а по китайским книгам. Но китайские книги никакого отношения к вьетнамцам и вьетнамской истории не имеют. Более того, относясь к китайскому прошлому, они часто недостоверны и субъективны, а значит, только запутывают изучающих их, требуя лишь механического запоминания. И задается вопросом — а стоит ли тратить на их изучение время и даже жизни?, отрицательный ответ на который подразумевается сам собой. По мнению автора, следует создать специальное учреждение, которое бы пересмотрело всю учебную литературу с точки зрения ее реальной полезности, определило, какие книги рекомендуется читать, а какие нет, а также составило учебные программы и учебную литературу для разных уровней системы народного образования, опираясь как на восточные, так и западные источники, выборочно переведенные на вьетнамский язык. Например, в области истории, надо, прежде всего, делать упор на собственную историю, дополнив ее изучение картами деревень, дорог и проч. А китайскую историю по китайским книгам и историю других стран по европейским учебникам следует изучать лишь в общем.

Вслед за пересмотром учебной литературы следует подвергнуть реформированию и традиционные конкурсные экзамены, как единственную систему отбора кадров в чиновничий, управленческий аппарат страны. Содержание конкурсных экзаменов, требующее от участников

умения писать на китайском языке параллельной прозой¹⁴ сочинения по классическим китайским книгам, указы, приказы, прошения и т.п., сочинять стихи по строгим правилам китайского стихосложения — все это уже не отвечает запросам нового времени. «Как знать, есть ли среди старых учителей и людей, в совершенстве владеющих всем этим, хоть кто-нибудь, кто знал бы названия пяти частей света или в каком веке они живут?»¹⁵ Строгие и бессмысленные правила конкурсных экзаменов лишь «ограничивают свободу» учащихся и «снижают их рвение». По мнению автора, полностью отказаться от конкурсных экзаменов еще не время, но надо, как в Китае, их реформировать, пересмотреть требования к знаниям и умениям участников, дополнив их традиционное китайское содержание западными знаниями и знаниями по Вьетнаму. Кроме того, автор рекомендует позволить конкурсантам свободно выражать свое мнение и обсуждать изученное, а также включить в экзамены математику и родной язык, то есть «куок нгы».

Как следующий шаг, предлагается, ссылаясь на опыт Китая в его, китайском, движении за «обновление», с одной стороны, поощрять людей, получивших традиционное образование, в их стремлении переехать, получить новые знания, с другой, стимулировать спрос на новые таланты, то есть людей, образованных по-новому. Люди, получившие новое образование, должны быть востребованы и использованы по назначению в практической деятельности. Таким образом, уже через несколько лет можно добиться значительного обновления прослойки образованных людей, количественного увеличения «новой интеллигенции» (*tân gióí*) по сравнению со «старой» (*cũu gióí*).

Относительно состояния вьетнамской экономики, в производстве говорится, что, если не считать предметов, инкрустированных перламутром, то вся вьетнамская продукция уступает по качеству китайской. Потому что нет стимулирования производства, нет популяризации нового, лучшего. Как положительные явления в этой области, автор отмечает обнародованный в одной из газет эксперимент, предпринятый на Севере Вьетнама, по внедрению передовых методов выращивания тутовых деревьев и разведения шелкопряда, а также создание Управления по делам сельского хозяйства (*sở Canh nông*) и открытие Политехнической школы (*trường Bách công*). Однако, как сетует автор, императорский двор и старая интеллигенция обо всем об этом и знать не хотят. В таких условиях промышленное производство успешно развиваться не может. Поэтому надо приглашать хороших специалистов в качестве учителей, покупать образцовые товары, отбирать и поощрять умельцев, по западному примеру награждать грамотами тех, кто делает что-то новое, продвигать их по службе, защищать их «авторские права», прославлять даже больше, чем победителей конкурсных экзаменов.

Касаясь развития национальной прессы, автор, прежде всего, дает характеристику состоянию прессы на Западе, где есть газеты ежеднев-

ные, еженедельные, выходящие раз или два в месяц, есть издания новостные, рекламные, посвященные вопросам политики и т.п. И даже приводит статистические данные: «Во Франции более 1230 печатных изданий, в Германии более 2350, в Англии более 2180, в России более 430, в США более 14150. В Японии нет округа, в котором не было бы своей газеты. С недавнего времени и в Китае открылось очень много газет. Именно благодаря этому, повышается там культурный уровень народа. У нас же только в Сайгоне и Хайфоне выходят газеты на французском языке, который мало кто знает. А на китайском языке вообще газета существует всего одна — «Дай Нам Донг ван нят бао»¹⁶. В связи с той ролью, которая отводится им прессе, автор предлагает, прежде всего, учредить газету в столице, то есть в Ханое. Газета должна выходить наполовину на вьетнамском, наполовину на китайском языке и возглавлять ее должен всеми уважаемый человек, наподобие того, как в Англии газету «Таймс» возглавляет отставной премьер-министр. Такое издание должно стать источником информации для самого широкого круга читателей по разным вопросам, касающимся как жизни внутри страны, так и жизни за границей, как прошлого, так и настоящего. Газета должна стоить дешево и распространяться по фиксированной цене, по одному экземпляру ее должны получать чиновники, деревни, общины. Индивидуальных покупателей газеты из народа следует поощрять. За доставку газеты с опозданием следует наказывать тех, кто за это отвечает. Только благодаря этому, можно «разрушить старый, темный мир».

Конкретно остановившись на всех шести путях повышения культурного уровня народа, автор делает вывод, что без этого никак не обойтись. А те, кто держатся за старое, утверждают, что Вьетнаму нечему и не у кого учиться, неправы. В таком случае, страна никогда не преодолет своего отставания. Автор ссылается на слова одного из идеологов реформаторского движения в Китае Лян -Цичао о том, что если музыкальный инструмент звучит негармонично, то его надо перенастроить, если дом за тысячи лет превратился в развалину, то его надо перестроить, и приводит в пример Японию, Таиланд и Китай. Япония за 30 лет после революции Мэйцзи успешно усвоила достижения европейской цивилизации. На путь контактов с Западом встал Таиланд, направляющий свою молодежь на учебу в Европу, что быстро принесло первые и обнадеживающие результаты. Подстегиваемый как изнутри, так и снаружи, «пробудился от спячки» и Китай, верхи и народ которого осознали необходимость последовать примеру Европы и начать процесс «обновления». «Они уже пробудились ото сна, а мы все еще крепко спим!»¹⁷

Эволюционный процесс непрерывен, говорит автор, и если не развиваться, то можно из высокоразвитого народа превратиться в «полу развитого», а из «полу развитого» в варварского. Европейцы, благодаря своим усилиям и устремлениям, за века создали высокоразвитую цивилиза-

цию и, постоянно расширяя пространство своего пребывания, пришли во все страны Азии. Вот что должно быть для вьетнамцев примером.

В заключение автор обращается с призывом к своим единомышленникам как можно скорее приниматься за дела, а именно, развивая дух соревновательности на основе соревнования идей, повышать культурный уровень народа, что неизбежно приведет к закладыванию в стране основ новой цивилизации.

Таково основное содержание этого произведения. Даже в пересказе его перевода видно, что он очень четко, логично построен на основе сопоставления Запада и Востока, Вьетнама и его соседей, прошлого и настоящего. Иными словами, основным композиционным приемом в нем является параллелизм, то есть характерный прием построения произведений классической китайской и вьетнамской литературы.

Для самого начала XX в. автора произведения отличает достаточно широкая эрудиция, как в области традиционных знаний — хан хок, что не удивительно, так и в области новых знаний — тан хок и, вообще, знание Запада. Здесь и достижения западной общественной мысли (Руссо, Спенсер, Монтескье), и западных естественных наук (Уатт, Эдисон), и техника, и устройство государственной и общественной жизни, и пресса и т.п. Это свидетельствует о начавшемся преодолении «герметичности» вьетнамского мира, ранее имевшего выход лишь на Китай и страны своего региона, а также о довольно высоком уровне осведомленности части вьетнамского общества, о, в той или иной степени, «включенности» его в мировой исторический процесс.

Конечно, объективно говоря, это произведение можно упрекнуть в ряде неточностей и, вероятно, даже ошибок. Так, зная историю Вьетнама, невозможно согласиться с тем, что вьетнамцы никогда не пытались расширить свои территории, покорить другие народы. Или что в древности, до китайского завоевания, у них была своя письменность. Как известно, это лишь предположение, до сих пор не имеющее никаких, хоть сколько-нибудь, убедительных доказательств. Возможно, и то, что автор несколько наивно упрощает и идеализирует преимущества западной модели развития, так же как упрощает и пути преодоления недостатков восточной. Но все это можно объяснить стремлением в силу своих знаний и своего понимания (пусть на то время и ограниченных, поскольку это произведение — «продукт своего времени») выделить главное, а именно, необходимость реформирования всех сфер вьетнамской жизни, модернизации страны.

По своему содержанию «Новое учение о цивилизации» очень типично, поскольку во многом отражает то, чем жило вьетнамское передовое общество на рубеже XIX и XX вв. Достаточно сравнить это сочинение с такими известными произведениями вьетнамской публицистики, как уже упоминавшееся «Обращение к соотечественникам с предложением собирать деньги для поездок на учебу за границу» (Thu giữ

người trong nước khuyến khích nhân dân giúp tiền cho học sinh đi học ngoài quốc, 1905) Фан Бой Тяу или «Письмо генерал-губернатору Индокитая» (Thư gửi toàn quyền Đông-duong, 1906) Фан Тю Чиня. Так, Фан Бой Тяу в своем «Обращении» пишет: «... раздумывая о причинах утраты нами независимости, о причинах страданий нашего народа, я нашел два источника наших бед: невежество (ngu) и трусость (hèn). <...> Но почему же наш народ вынужден страдать от них? Позволю себе сказать: во-первых, потому что мы не держим курс на повышение образовательного уровня народа (mở mang dân trí), во —вторых, потому что у нас нет власти, которая бы поощряла развитие национального духа (cổ động dân trí)»¹⁸. И предлагает свои меры, как с этим бороться. В том же ключе, но с иным видением выхода из ситуации, обрисованы и причины вьетнамских бед в «Письме» Фан Тю Чиня, где он пишет: «Увы! В нашей стране сейчас национальный дух (dân trí) крайне слаб, а образовательный уровень (trí) низок. В этом мы значительно уступаем странам Европы и Америке»¹⁹. И делает вывод, что надо учиться у тех, кто может чему-то научить, а именно, у французских колонизаторов.

Или взять, к примеру, вопрос о языке, которому в рассматриваемом произведении придается первостепенное значение. Идея перехода с китайского языка на вьетнамский, отказа от китайской иероглифика начала овладевать частью вьетнамского общества с начала колонизации страны, то есть со второй половины XIX в., и постепенно приобретала все больше сторонников по мере освоения страны французами с Юга на Север.

Созданная для записи вьетнамского языка иностранными католическими миссионера с помощью вьетнамских католиков, латинизированная письменность «куок нгы» существовала во вполне завершённом виде уже в XVII в., но до второй половины XIX в. имела хождение только в католической среде. Решающим фактором ее выхода за пределы этой среды и постепенного превращения в общенациональную письменность, безусловно, явилась сама колонизация и та политика, которую колониальные власти проводили. В их интересах было как можно скорее оторвать Вьетнам от Китая и привязать к себе в области культуры, а значит, прежде всего, прекратить использование китайского языка и китайской письменности, для начала, в официальной сфере. О природе намерений французов свидетельствует следующий отрывок из письма, написанного епископом Пюжинье (Puginier) в 1887 г.: «После утверждения католицизма я считаю отмену китайского языка и замену его сначала вьетнамским, а в будущем и французским языком, очень политически правильным, практичным и эффективным шагом для создания на Севере страны маленькой Франции на Востоке... Добившись этого успеха, мы отвоюем у Китая значительную часть его влияния в Аннаме (старое название Вьетнама — Т.Ф.) и, таким образом, аннамская конфуцианская про-

слойка, не принимающая установления французского господства, будет постепенно уничтожена»²⁰.

В связи с этой политикой, уже в 1869 г. колониальные власти приняли постановление об обязательном использовании вьетнамской латиницы в официальных документах. В 1888 г. был введен запрет на использование китайского языка в школах Юга. Чуть позже появилось и нынешнее название вьетнамской письменности — «куок нгы» (что буквально значит «государственный язык»), которое уже в 1898 г. вошло в известный «Вьетнамско-французский словарь» Ж. Ф.М. Женибреля. Шаг за шагом, не без определенного сопротивления со стороны вьетнамских традиционалистов, по — прежнему предпочитавших китайскую иероглифику, и при последовательном курсе на внедрение латиницы со стороны французских колониальных властей, преследовавших, прежде всего, свои, корыстные, цели, новая письменность начала входить во вьетнамскую жизнь. Иными словами, на рубеже XIX и XX веков политика французов в области языка и письменности совпала со стремлениями передовой части вьетнамского общества, увидевшей в новой письменности средство для преодоления — через просвещение народа — отсталости страны, которая и привела, по мнению многих, к потере независимости.

Вытеснение китайского языка и китайской письменности и замена их вьетнамским и французским языками происходили, прежде всего, через систему колониального образования и зарождавшуюся во второй половине XIX в. периодическую печать. В 1865 г. на Юге, в Сайгоне, начала выходить первая вьетнамская газета на вьетнамском языке — «Зя-динь бао» (1865–1910), с которой принято вести отсчет истории вьетнамской журналистики. Первым главным редактором ее был француз Э.Пото, но уже в 1869 г. директором газеты стал Чыонг Винь Ки (1837–1898), а главным редактором Хуинь Тинь Куа (1834–1897), южновьетнамские католики, которые в конце XIX в. много сделали для популяризации «куок нгы» во Вьетнаме, в том числе и через свою газету. Так, в номере «Зя-динь бао» от 15.4.1869 г. сообщалось, что Чыонг Винь Ки написал учебник по вьетнамскому языку, с помощью которого можно без труда — «за пару месяцев» — овладеть новой письменностью²¹. В 1881 г. на Юге были впервые опубликованы на «куок нгы» очерки Чыонг Винь Ки «Путешествие в Бак Ки в год Ат Хой» (Chuyến đi Bắc Kỳ năm Ất Hợi). В 1888 г. на «куок нгы» вышли в свет его же «Интересные и поучительные истории прежних времен» (Chuyện đời xưa lựa chọn lấy những chuyện hay và có ích), в предисловии к которым автор разъяснил цель издания своей книги — «чтобы дети могли учиться читать на родном языке и чтобы иностранцы также имели возможность изучать аннамский язык»²². На эти же цели — изучение «аннамского языка» в школах — указал в предисловии к своему двухтомнику «Забавных историй» (Chuyện giải buồn, 1885, 1886) и Хуинь Тинь Куа²³. В 1887 г. на

Юге увидел свет первый вьетнамский рассказ европейского типа «Отец Лазаро Фиен» (Thầy Lazarô Phiên), написанный на вьетнамском языке Нгуен Чонг Куаном. Но использование родного языка в образовании, прессе или литературе в начале XX в. еще не имело массового характера.

В пропаганду и распространение «куок нгы» вносили свой вклад, как те, кто так или иначе сотрудничал с колониальной властью — Чыонг Винь Ки, Хуинь Тинь Куа и др., так и те, кто был настроен против нее, как, например, участники Тонкинской общественно-просветительской школы. Деятельность Тонкинской школы явилась одним из звеньев в процесс вытеснения китайского языка и китайской письменности и замены их вьетнамским письмом.

Не менее важны были в начале XX в. и вопросы реформирования системы образования как основы для дальнейшего развития страны, воспитания человека-гражданина, а не конфуцианского «человека-функции», по образному выражению Чан Динь Хьюу²⁴. Развитие национальной экономики также было в центре внимания передовых умов страны. Еще в 1901 г. в Сайгоне начала выходить на вьетнамском языке первая экономическая газета «Нонг ко мин дам» (Nông cổ mín đàm, что значит «Беседы о сельском хозяйстве и торговле», 1901-1924), в которой была специальная рубрика, посвященная вопросам экономики, своего рода «ликбез» для вьетнамских читателей, рассказывающая об основах капиталистического предпринимательства, публиковались экономические новости, реклама, статьи, направленные на стимулирование национального, собственно вьетнамского, производства и торговли, чтобы составить достойную конкуренцию французским, китайским, индийским и другим предпринимателям.

Таким образом, «Новое учение о цивилизации» явилось, с одной стороны, актуальным и важным, с другой, очень типичным публицистическим произведением начала XX в., поскольку в нем нашли отражение важнейшие идеи «конфуцианской европеизации». Многие затронутые в нем вопросы, предложенные пути их решения еще долго — до 30-ых годов XX в. — оставались актуальными, а некоторые (экономическое отставание, «закрытость» страны, несоответствие существующей модели общества вызовам времени,...) не потеряли своей злободневности и в конце XX в., когда Вьетнам вступил в эпоху колоссальных перемен, вызванных провозглашенной Коммунистической партией Вьетнама в 1986 г. политикой «Обновления». А сутью этого обновления стала все та же модернизация страны, но с новым содержанием и на новом витке ее развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О влиянии дальневосточных (китайских и японских) мыслителей рубежа XIX — XX в. на взгляды и творчество Фан Бой Тяу см. статью: В.И. Семанов. Вьетнамский писа-

- тель-революционер Фан Бой Тяу и его дальневосточные современники. — Традиционное и новое в литературах Юго-Восточной Азии, М., 1982.
- ² Trần Đình Hượu. Đến hiện đại từ truyền thống, Hà Nội, 1996, tr. 182 (Чан Динь Хьюу. От традиций к современности, Ханой, 1996, с. 182).
- ³ Đặng Thai Mai. Văn thơ cách mạng Việt Nam đầu thế kỷ XX, Hà Nội, 1961, tr. 259 (Данг Тхай Май. Вьетнамская революционная проза и поэзия начала XX в., Ханой, 1961, с. 259).
- ⁴ Trần Đình Hượu. Đến hiện đại từ truyền thống, Hà Nội, 1996, tr. 187.
- ⁵ Trần Văn Giáp. Sự phát triển của tư tưởng ở Việt Nam, Hà Nội, 1975, tập II, tr. 32 (Чан Ван Зяу. Развитие идеологии во Вьетнаме, Ханой, 1975, т. II, с. 32). Интересно, что в романе-хронике, посвященном XX веку с 1900 по 1970-ые годы, известного вьетнамского поэта и прозаика Нгуен Ви (1912–1971) «Вьетнамец Туан» есть эпизод, где вьетнамскому юноше, отданному учиться во французско-вьетнамскую школу в первом десятилетии XX в., директор предлагает в соответствии с новыми веяниями постричься на европейский манер. Когда герой в страхе сообщает об этом отцу, тот начинает бить мебель и орать: «По нашим аннамским обычаям, ты, сын, должен отпускать волосы, потому что в этом проявляется твое почтение к отцу и матери. Остричь волосы все равно, что отказаться от родителей. Я всю жизнь следовал заветам совершенномудрых, принятым у нас в Аннаме с далекой древности. Мне уже 50, отец мой и мать давно умерли, а я все хожу с пучком, как и положено почтительному сыну. Еще чего не хватало, я еще жив, а ты собираешься постричься!» (Nguyễn Vũ. Tuấn, chàng trai nước Việt, б.м., 1970, tập 1, tr. 37).
- ⁶ О Тонкинской общественно-просветительной школе см. Новая история Вьетнама, М., 1980, с. 524–531.
- ⁷ Это произведение хорошо известно во Вьетнаме, но в отечественной вьетнамистике лишь упоминается. См., например, Новая история Вьетнама, М., 1980, с. 653.
- ⁸ Для рассматриваемого произведения был использован перевод на вьетнамский язык, осуществленный известным вьетнамским литературоведом-марксистом Данг Тхай Маем (1902–1984) и опубликованный в его книге «Вьетнамская революционная литература начала XX в.». См. пункт 3 Примечаний.
- ⁹ Ibid. tr. 162.
- ¹⁰ Ibid. tr. 167–168.
- ¹¹ Ibid. tr. 169.
- ¹² Ibid. tr. 170.
- ¹³ Имеются в виду известные вьетнамские произведения на китайском языке летописного и иного характера.
- ¹⁴ Параллельная проза (biền văn) — наряду с поэзией и прозой, один из основных типов литературного творчества во вьетнамской классической литературе, пришедших во Вьетнам из Китая. Характерна, прежде всего, для иероглифической литературы, как на китайском языке, так и на «номе», но возможна и на «кюок нгы». Текст, написанный параллельной прозой, делится на равновеликие по количеству слогов-слов сегменты, например, четыре и четыре, или шесть и шесть, противопоставляющиеся друг другу по тонам, которых во вьетнамском языке шесть, и смыслу.
- ¹⁵ Ibid. tr. 173.
- ¹⁶ Ibid. tr. 178.
- ¹⁷ Ibid. tr. 181.
- ¹⁸ Ibid. tr. 183.
- ¹⁹ Ibid. tr. 207.
- ²⁰ Nguyễn Văn Trung. Chữ,văn,quốc ngữ, Sài Gòn, 1974, tr. 22 (Нгуен Ван Чунг. Письменность, литература и «кюок нгы», Сайгон, 1974, с. 22).
- ²¹ Đỗ Quang Hưng. Lịch sử báo chí Việt Nam, Hà Nội, 2001, tr. 28 (До Куанг Хынг. История вьетнамской прессы, Ханой, 2001, с. 28).
- ²² Từ điển tác phẩm văn xuôi Việt Nam, Hà Nội, 2006, tập 1, tr. 136 (Словарь произведений вьетнамской прозы, Ханой, 2006, т.1, с. 136).
- ²³ Ibid. tr. 138–139.
- ²⁴ Trần Đình Hượu. Đến hiện đại từ truyền thống, Hà Nội, 1996, tr. 395.

Советская военная миссия во Вьетнаме (26 октября 1946 — 13 января 1947)

Период после окончания Второй мировой войны в истории российско-вьетнамских отношений изучен ещё недостаточно подробно. При этом он представляет несомненный интерес для понимания того, как Вьетнам интегрировался в мировое сообщество, как становился одним из ключевых участников международной политики в Азии.

В 1920–1930-е годы в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока и других подобных вузах обучались вьетнамские революционеры, с их закрытием в 1938 г. разрушилась связь между Коминтерном и вьетнамскими коммунистическими организациями, действовавшими как в самой колонии, так и за её пределами. И контакты между Советским Союзом и Индокитаем оказались прерванными на долгое время¹.

Сложившуюся ситуацию в определённой степени может прояснить так называемый геополитический фактор. Из документов международных конференций стран-участниц антигитлеровской коалиции, состоявшихся в 1945 г. в Ялте и Потсдаме, следует, что позиция И.В. Сталина и соответственно Советского Союза в отношении колониальных стран и колониального вопроса была достаточно сдержанной. Отчасти это объясняется тем обстоятельством, что главной заботой лидера страны, одержавшей победу во Второй мировой войне, было восстановление разрушенной страны, налаживание экономической жизни и, конечно же, обеспечение безопасности своих государственных границ. Поэтому для него главный и естественный геополитический интерес представляли сопредельные с СССР страны.

Уместно также напомнить рассказ А.И. Мгеладзе (занимавшего пост первого секретаря ЦК КП Грузии в начале 1950-х годов), позднее дополненный В.М. Молотовым, о том, как после войны на дачу Сталина привезли карту СССР в новых границах — небольшую, как для школьного учебника. Сталин приколот её кнопками на стену и сказал: «Посмотрим, что у нас получилось... На Севере у нас всё в порядке, нормально. Финляндия перед нами очень провинилась, и мы отодвинули границу от Ленинграда. Прибалтика — это исконные русские земли! — снова наша, белорусы у нас теперь все вместе живут, украинцы — вместе, молдоване — вместе. На Западе нормально. — И сразу перешел к восточным границам. — Что у нас здесь?.. Курильские острова наши

теперь, Сахалин полностью наш, смотрите, как хорошо! И Порт-Артур наш, и Дальний наш, — Сталин провел трубкой по Китаю, — КВЖД наша. Китай, Монголия — всё в порядке...»². Именно таким было понимание им стратегических задач и геополитических интересов Советского Союза.

Относительно колониального Индокитая, возможно, действовал ещё один фактор, связанный с тем, что в годы Второй мировой войны Франция была союзником СССР. Важную роль также играли тесные, доверительные отношения, которые тогда существовали между советскими коммунистами и Французской компартией.

* * *

Почти сразу же после капитуляции Японии³ советское руководство посчитало необходимым ознакомиться с ситуацией в Индокитае, чтобы понять, как там происходит разоружение частей японской армии, что делают в этой французской колонии англичане и американцы. Формальный повод нашёлся довольно быстро — репатриация советских граждан.

Действительно, с вступления советских войск на территорию Восточной Европы и Германии возникла проблема репатриации советских граждан, оказавшихся за рубежом. 23 октября 1944 г. для этой цели было образовано Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, которое возглавил генерал-полковник Ф.И. Голиков, ранее начальник разведывательного управления Красной Армии. Сотрудники этого ведомства установили, что к концу войны за пределами СССР оказалось около 5 миллионов советских граждан, которых именовали «перемещёнными лицами»: военнопленные, «восточные рабочие», узники концлагерей, военнослужащие в немецких формированиях и пр.⁴ Согласно Ялтинскому соглашению, находившиеся в разных странах «перемещённые лица» должны были в обязательном порядке возвращаться на родину.

29 июня 1945 г. было подписано советско-французское соглашение о содержании и репатриации советских и французских граждан, находящихся соответственно под контролем властей этих стран⁵. Оно в целом было идентично ялтинским соглашениям, но отличалось наличием протокола из следующих двух пунктов:

«1. Репатриации подлежат все советские и французские граждане, включая и тех из них, которые подлежат привлечению к ответственности за совершённые ими преступления, в том числе и за преступления, совершённые на территории другой договаривающейся Стороны.

2. Упомянутое соглашение о содержании и репатриации советских и французских граждан распространяется также на освобождённых Красной Армией жителей французских владений и французских протекторатов»⁶.

Многие материалы и документы, относящиеся к деятельности советских комиссий и групп по делам репатриации за рубежом, по-прежнему остаются малодоступными для исследователей. А об индокитайской группе в отечественных архивах открытых документов практически нет⁷. Поэтому основные факты, связанные с её работой, стали известны благодаря беседе автора с непосредственным участником этих событий — Владимиром Лазаревичем Вишняком⁸.

В.Л. Вишняк происходил из потомственной инженерной семьи, и французский язык знал с детства — его родители до Октябрьской революции 1917 г. жили во Франции и Бельгии. После окончания школы он последовал семейной традиции и решил получить техническое образование.

В годы Великой Отечественной войны ему пришлось выполнять обязанности переводчика, поэтому в 1944 г. он был направлен в Военный институт иностранных языков Красной Армии, в котором окончил краткосрочные курсы немецкого языка. Это обстоятельство во многом определило его дальнейшую судьбу — он решил заняться изучением иностранных языков и стать профессиональным переводчиком. И после демобилизации в 1948 г. Владимир Вишняк предпочёл инженерной профессии учёбу в Институте иностранных языков.

Сразу же после окончания войны — в середине мая 1945 г. — Владимир Вишняк направляется на работу в Управление по делам репатриации при Совете министров СССР. Вначале предполагалось, что он будет командирован в английскую зону в Берлин, но британская военная администрация дала разрешение на приезд только переводчикам английского языка, тогда как Вишняк числился переводчиком немецкого языка. Поэтому перед ним была поставлена задача выучить английский язык на уровне, необходимом для выполнения служебных обязанностей.

Владимир Вишняк стал усиленно заниматься английским языком, продолжая работать в Управлении по делам репатриации. Английскому языку его обучали американцы — преподаватели Института иностранных языков. Тогда же его стали готовить для командировки во Французский Индокитай.

В августе-сентябре 1945 г. Вишняк в качестве переводчика английского языка работал в Маньчжурии — в Квантунской армии было немало пленных американцев⁹. По делам службы он побывал в Мукдене и Дайрене, а потом вернулся в Хабаровск. Там он провёл несколько месяцев (с сентября по декабрь 1945 г.) в ожидании решения из Москвы относительно командировки в Индокитай.

Первоначально предполагалось, что индокитайская группа в целях экономии средств отправится к месту назначения прямо из Хабаровска. Однако решения о командировке так и не поступило, и группа вернулась в Москву. Поскольку Владимир Вишняк и его товарищи

надолго задержались в Хабаровске, то Новый 1946 год им пришлось встречать в поезде — где-то на Урале, на границе Азии и Европы. Вернувшись в Москву, Владимир Вишняк вновь приступил к работе в Управлении по делам репатриации, продолжая готовиться к поездке в далекую французскую колонию.

В связи с просьбой советской стороны между различными французскими ведомствами велась активная переписка, в дискуссию были вовлечены многие высшие политические деятели Франции. Из документов французских архивов известно, что 5 декабря 1945 г. посол Франции в СССР Жорж Катру направил телеграмму главе французского правительства (тогда — Шарлю де Голлю) о том, что советские власти обратились с просьбой выдать дипломатические визы полковнику Владимиру Дубровину, главе советской миссии по репатриации в Индокитае, и сопровождающим лицам — подполковнику Михаилу Кореvu, майору Василию Емельянову, лейтенанту Владимиру Вишняку, лейтенанту Валентину Сееву и лейтенанту Алексею Кузьмину¹⁰. На сделанный им запрос в Народный комиссариат иностранных дел СССР он получил ответ: по данным американцев, несколько сотен русских пленных находятся в Индокитае, и поэтому в Москве была создана специальная группа, которой поручено заниматься их репатриацией¹¹.

Сложившуюся ситуацию конкретизирует записка (от 7 декабря 1945 г.)¹², направленная Шарлем де Голлем министру иностранных дел Жоржу Бидо: «Советские просят паспорта для 8 или 9 офицеров, которые хотят прибыть в Индокитай, чтобы заняться репатриацией своих военнопленных. Мы не можем ответить на эту просьбу.

Верховный комиссар в Индокитае ничего не сообщал о находящихся там русских пленных... Их там действительно насчитывается несколько сотен? Но и это не аргумент для направления туда такого большого количества офицеров, чтобы заниматься этим вопросом.

И наконец, в то время, когда советские власти продолжают держать моих офицеров в лагерях в России, мы поступили бы экстраординарно, открыв им двери в Индокитай»¹³.

8 декабря 1945 г. Жорж Катру обращается к французскому министру колоний с просьбой направить срочную телеграмму в Сайгон адмиралу д'Аржанлье — Верховному комиссару в Индокитае¹⁴. 13 декабря от него был получен ответ, что на данный момент «R.A.P.W.I.¹⁵ сведениями о русских военнопленных к югу от 16-й параллели не располагает», а что касается северной части страны (т.е. к северу от 16-й параллели), то там, как указано в тексте, скорее всего, ситуация аналогичная¹⁶.

Поэтому в телеграмме, направленной 15 декабря 1945 г. МИД Франции своему послу в Москве, сообщалось, что «французское правительство не может удовлетворить просьбу русских. ...Прежде всего

их миссия представляется очень многочисленной. И, наконец, русские продолжают запрещать доступ в свои лагеря к нашим офицерам, и будет противостоестественно, если мы будем содействовать им в Индокитае»¹⁷.

В телеграмме от 21 декабря 1945 г. из Парижа вновь была подтверждена позиция французской стороны: «...Адмирал д'Аржанлье подтвердил, что, по данным R.A.P.W.I., нет никаких русских военнопленных к югу от 16-й параллели. Более того, в этой организации никогда не слышали и о пленных в северной зоне. ...И если, впрочем, какие-то советские военнопленные имеются на севере от 16-й параллели, то тогда R.A.P.W.I. займётся ими.

Исходя из такой ситуации, просим сообщить Советскому правительству, что направление их миссии по делам репатриации [в Индокитай] представляется излишним»¹⁸.

В телеграмме от 21 января 1946 года, направленной в МИД Франции, Жорж Катру продолжает информировать о настойчивых просьбах советской стороны:

«Советские власти в ответ на вашу телеграмму сообщили, что “по сведениям, весьма неполным, полученным от американских властей, только в одном Ханое находятся 323 советских военнопленных и 2 гражданских лиц, ожидающих репатриации”.

В своей ноте Наркоминдел добавляет, что эта информация была получена [им] в ноябре 1945 года, и американские военные власти сообщили советским военным властям, занимающимся репатриацией, что командующий американскими войсками в Китае дал разрешение на пролет советского самолета, который доставит в Ханой группу офицеров по делам репатриации. Отъезд этой миссии был задержан “только из-за того факта, что народный комиссар иностранных дел посчитал необходимым обратиться по поводу этого дела в посольство Франции”»¹⁹.

Решению этого вопроса должно было помочь совместное советско-французское соглашение о репатриации (от 29 июня 1945 г.), согласно которому компетентные власти каждой страны должны вернуть пленных и депортированных лиц, находящихся на территории миссии по репатриации другой страны. Из французского кабинета министров было направлено письмо специальному представителю Французской Республики Жану Сентени, находившемуся тогда в Ханое, с просьбой разобраться в этой ситуации²⁰. По его поручению капитан Франсуа Мисофф обратился с запросом расположенный в Ханое Комитет русских в Индокитае, из которого был получен следующий ответ (датованный 3 февраля 1946 г.):

«(1) Численность русских граждан в Индокитае.

Не представляется возможным собрать данные обо всех русских, находящихся в Индокитае. Поэтому сообщаем сведения только по Тон-

кину: 44 человека, из них — 28 легионеров, находящихся в Ханойской крепости.

(2) Пленные.

По нашим данным, пленных больше нет.

(3) Вопрос о репатриации.

(а) Легионеры.

К настоящему времени 5 легионеров выразили нам своё желание как можно скорее репатрироваться в Шанхай. Другие же, не имея определенных планов, предпочитают дожидаться последующих инструкций, которые бы определили их репатриацию в метрополию, а также освобождение в Индокитае.

(б) Гражданские лица.

Можно предполагать возможность обращения с просьбами как минимум семерых о желании репатрироваться в Шанхай и одного во Францию»²¹.

Спустя несколько дней, 7 февраля 1946 г., адмирал д'Аржанлье направил телеграмму министру колоний (одновременно кабинету министров Франции), в которой сообщил: «В Ханое находятся 44 русских: 16 гражданских лиц и 28 легионеров, которые проходят службу во французских войсках. Русских военнопленных нет. Есть только легионеры, у которых заканчивается срок контракта, и они должны отбыть на территорию согласно своему выбору. 21 легионер изъявил желание переехать в Шанхай»²². А в телеграмме, направленной в Париж из Чунцина (11 февраля 1946 г.), сообщалось со ссылкой на представителя китайского правительства (Le Wai Kiao Pou), что оно согласно разрешить пролет советского самолета, который доставит в Ханой миссию по репатриации»²³.

Постепенно позиция французских властей стала меняться. Видимо, свою роль сыграла твёрдая позиция советской стороны, которая не переставала настаивать на выполнении совместного соглашения от 29 июня 1945 г. о репатриации граждан СССР. Прямо отказать французы не могли, поэтому искали выход из этой ситуации и выдвигали разные варианты. Так, было предложено, чтобы в Ханой приехал один офицер из числа сотрудников советской миссии в Чунцине, «у которого будут все возможности, чтобы установить контакты со своими соотечественниками и подготовить рекомендации для своего правительства по наиболее подходящим мерам, касающимся их репатриации»²⁴. Такой вариант поддержали и министр колоний, и адмирал д'Аржанлье.

Вначале в Москве ответили отказом на такое предложение, но позднее, как следует из телеграммы французского посольства в Москве (от 20 мая 1946 г.), сообщили о своём согласии: «Генерал Голубев»²⁵ готов принять нашу формулу: он предлагает назначить полковника Дубровина и переводчика — из советской миссии в Чунцине»²⁶.

11 марта 1946 г. советская стороны сообщила о составе индокитайской группы: полковник Дубровин (руководитель), адъютант Кузьмин и переводчик Вишняк²⁷. А 23 мая 1946 г. МИД Франции дал указание послу Франции в СССР «выдать визы на 3 месяца, а в случае необходимости продлить»²⁸. И уже в июне 1946 г. французы дали понять, что поездка миссии возможна «в соответствии с советско-французским соглашением». И в первой половине июня французский посол подписал визы советским офицерам²⁹.

После того, как был найден взаимоприемлемый вариант, французы продолжали собирать информацию о русских в Индокитае. Вот что на этот счет сообщил адмирал д'Аржанлье в министерство колоний Франции:

«Русские, которые считаются японскими военнопленными, являются солдатами 5-го пехотного полка Иностранного легиона, они были интернированы и находились в Ханойской крепости. 12 из них уже эвакуированы в Сайгон. Оставшиеся 6 человек хотят немедленно того же. Все они будут отправлены во Францию на одном из кораблей, покидающих Сайгон примерно 15 июня. И с этой дня ни одного русского военнопленного в Индокитае не будет.

Также сообщаю, что некоторое число русских солдат из 5-го пехотного полка Иностранного легиона, которые после 9 марта отошли в Китай со своими подразделениями, снова находятся в Индокитае, где продолжают служить в наших рядах³⁰.

Другие русские, находящиеся в северной части Индокитая, — гражданские лица, но они не проявили желания репатрироваться»³¹.

Всё лето 1946 г. индокитайская группа провела в ожидании, предполагалось, что лететь им придется через Францию. Но потом маршрут изменился — было принято решение ехать через Китай. И только в конце лета того же года согласно Особому распоряжению был окончательно утвержден состав группы: полковник Владимир Николаевич Дубровин (руководитель), его адъютант Алексей Кузьмин и переводчик Владимир Вишняк. Согласно этому документу, Владимир Вишняк был включен в эту группу как переводчик английского языка, хотя впоследствиигодились его знания французского языка.

В двадцатых числах августа они отправились в Индокитай. До Владивостока ехали поездом № 516, получившим широкую известность как «500-й веселый»³². Прожив несколько дней во владивостокской гостинице «Интурист», группа полковника Дубровина (в дальнейшем именуемая — советская военная миссия) села на пароход «Смольный». Это торгово-пассажирское судно грузоподъемностью в 6 тысяч тонн раньше курсировало по маршруту Москва-Стокгольм.

До Шанхая пароход шел почти пять суток. После нескольких дней, проведенных в этом крупном китайском портовом городе, советская военная миссия на том же «Смольном» продолжила свой путь в Гон-

конг, а уже оттуда 26 октября 1946 г. прибыла в Сайгон. Владимир Вишняк хорошо запомнил эту дату, ведь это его день рождения. В Москву сразу же была оправлена телеграмма, посланная на имя одного из руководителей Управления по делам репатриации — генерала Я.Д. Басилова: «Добрались благополучно в Сайгон 26 октября. Адрес: гостиница “Континенталь”»³³.

28 октября 1946 г. адмирал д’Аржанлье в телеграмме в Париж сообщал, что «полковник Дубровин и два его адъютанта прибыли в Сайгон»³⁴. А 17 ноября 1946 г. в Париж была направлена докладная записка относительно задач советской миссии по репатриации. В частности, сообщалось, что согласно данным службы Сюрте Федераль, на февраль 1946 г. в Индокитае русские [гражданские] апатриды проживали в Кохинхине — 5 мужчин и 5 женщин, в Тонкине — 8 мужчин и 2 женщины (при этом один мужчина скоро получит советский паспорт, в ожидании паспортов также находится одна супружеская пара), в Аннаме — 1 мужчина и 1 женщина³⁵.

По прибытии в Сайгон советская военная миссия дала в местных газетах следующее объявление: «Советский полковник принимает бывших граждан СССР и помогает им в возвращении на Родину».

Вначале никаких откликов на это объявление не было, но после 19 декабря 1946 года, когда уже фактически начались крупномасштабные военные действия против Хо Ши Мина, в представительстве советской военной миссии стали появляться первые посетители. В большинстве своем это были солдаты Иностранного легиона: украинцы, латыши, литовцы и другие бывшие граждане СССР, всего — чуть более полутора десятка человек. Самых русских было мало, причем, один из них вообще никогда не был в России — он родился и вырос в Югославии. Как вспоминал В.Л. Вишняк, этот молодой человек с большим пафосом прочитал сотрудникам советской миссии стихотворение о Сталине — так он хотел продемонстрировать свои чувства по отношению к Советской стране.

По словам В.Л. Вишняка, некоторые из бывших граждан СССР пришли в миссию полковника Дубровина, потому что не хотели участвовать в начавшейся войне в Индокитае, боялись попасть в плен. Сайгонские газеты публиковали многочисленные материалы о «жестокости обращения северян с пленными». По бытовавшему тогда мнению, вьетнамцы всех служивших в Иностранном легионе европейцев считали французами³⁶.

Согласно подписанному с Иностранным легионом договору, солдаты должны были служить в нем 5 лет. Тем не менее полковнику Дубровину удалось договориться с французскими властями в Сайгоне, чтобы так называемые советские или русские граждане могли оставить службу в легионе без каких-то для них последствий и осложнений. Потом из Сайгона на пароходе «Александр де Род» они отправлялись

во Францию. В Марселе их встречал советский представитель из Управления по делам репатриации, а затем они следовали в Советский Союз.

Французские военные власти внимательно наблюдали за деятельностью советской миссии в Индокитае. Так, в докладной записке генерала Нио, командующего французскими войсками в Южном Индокитае³⁷, утверждалось, что «полковник Дубровин... является офицером русских спецслужб. В 1944-1945 годах он находился в Чунцине»³⁸. А в телеграмме заместителя начальника Штаба подполковника Наньера, отправленной 11 ноября 1946 г. из Сайгона в Нанкин, подчеркивалось: «Официальная цель миссии — репатриация русских подданных в соответствии с условиями советско-французского соглашения от 25 июня 1945 года. Эта миссия носит временный характер»³⁹.

Глава Второго бюро⁴⁰ в Индокитае Келлер в одном из своих донесений по инстанции сообщал: «Советская миссия развернула информационную сеть (особенно с помощью немцев) в подразделениях Легиона. Члены миссии не хотят возвращаться домой с пустыми руками.

Они довольны поисками, проведенными во 2-м и 3-м подразделениях, хотя конкретных результатов не получили. Чтобы они были удовлетворены, нужно им сейчас представить несколько старых апатридов, которые не требуют возвращения на родину»⁴¹.

В 5-м подразделении один из их подручных-вербовщиков направил в миссию старого легионера, который уже завершил свою 15-летнюю службу и выразил пожелание репатрироваться. Итак, механизм отлажен и действует. Этот вербовщик будет переведен в другое место, где он сможет выполнять свою работу.

В 13-й полубригаде дело обстоит гораздо сложнее. Её командир заявил членам миссии, что у него нет никаких советских подданных (и это действительно так, ведь русские поступили на службу в Легион как лица другой национальности)»⁴². На эти слова полковник Дубровин возразил, что неоднократно слышал и русскую речь, и русские песни под окнами гостиницы «Континенталь» — именно там часто оказывались находившиеся в увольнении солдаты из этого подразделения.

В такой ситуации, «когда уже поздно замаскировать русских, которых в 13-й полубригаде может оказаться до 30 человек», Келлер предлагал: «нужно настаивать на том обстоятельстве, что нам [французам] неизвестна истинная национальность легионеров, и затем представить советским офицерам тех легионеров, которых они уже идентифицировали»⁴³. Французские военные власти оказались перед трудным выбором: «...либо отказать в удовлетворении требований полковника Дубровина, либо выдать легионеров, на которых нам будет указано»⁴⁴.

17 декабря 1946 г. дивизионный генерал Жан Валлюи, главнокомандующий Французскими вооруженными силами на Дальнем Востоке (ФВСДВ), направил очередное донесение Верховному комиссару в Индокитае, в котором с соответствии с советско-французским договором предписывал оказывать помощь и создавать благоприятные условия членам советской военной миссии, «чтобы они смогли выполнить эту задачу в минимальные сроки — в отношении военных лиц»⁴⁵. В этом документе в очередной раз подчеркивается, что «никакой выходец из России не фигурирует в Легионе под этой национальностью». Тем не менее «в подразделения были сделаны запросы, чтобы найти и обозначить легионеров, желающих обрести свою истинную национальность, имея ввиду их репатриацию». После этого некоторые легионеры-славяне, которые были известны их начальникам как русские или были названы полковником Дубровиным (в результате донесений его информаторов⁴⁶), были предоставлены членам советской миссии.

В телеграмме подполковника Маньера от 24 декабря 1946 г. сообщалось: «Советская миссия по репатриации запросила двух легионеров литовского происхождения, которые, как утверждается, служили в Советской Армии после 1 сентября 1939 года. Необходимо выяснить, можно ли удовлетворить данное требование советской миссии, так как это создает определенный прецедент»⁴⁷. Позднее, 3 января 1947 г. полковнику Дубровину было сообщено, что по решению главнокомандующего ФВСДВ 2 литовских легионера могут подлежать репатриации в СССР в соответствии с положениями советско-французского соглашения⁴⁸. Как отмечалось в служебной записке от 9 января 1947 года, советской миссией был составлен список из 8 легионеров, которые могли бы быть репатрированы. В их числе упомянут Пётр Новиков (Novikoff Pierre) и несколько прибалтийцев⁴⁹. В результате — «3 легионера попросили о репатриации. Один из них уже находится на пути в Марсель...»⁵⁰.

Французские власти исходили из того, что советская миссия не может завершить свою работу в Индокитае без положительных результатов, поскольку аналогичные советские миссии по репатриации уже проводили такую же работу в различных подразделениях Иностранного легиона и во Франции, и в Северной Африке. Глава Второго бюро Келлер считал, что «французские военные власти проявили добрую волю для выполнения соглашения от 29 июня 1945 года. ...и миссия полковника Дубровина завершена в том, что касается армии»⁵¹.

В целом же, как вспоминал В.Л. Вишняк, отношение французских властей в Сайгоне к советской военной миссии было доброжелательным, и главная причина, вероятно, была в том, что в недавно закончившейся войне против фашистской Германии обе страны были союзниками. Дважды (по прибытии и перед отъездом) членов советской

миссии принимал Верховный комиссар в Индокитае адмирал Тьерри д'Анжанлье. На первых порах французы даже выделили советским офицерам легковую машину для их служебных нужд⁵², но после 19 декабря 1946 г. перестали это делать. Возможно, французы считали, что в начавшихся военных действиях в колонии симпатии офицеров советской миссии будут на стороне Северного Вьетнама и правительства Хо Ши Мина.

Для оказания помощи французские власти приставили к советской миссии своего военного атташе Ивана Павловича Правосудовича, русского по происхождению. В Первую мировую войну он попал в сформированный в Екатеринбурге экспедиционный корпус, с которым он затем был переброшен во Францию, где воевал против немцев. После окончания военных действий Правосудович решил остаться во Франции⁵³.

Обычно Правосудович сопровождал советскую миссию во всех её поездках. Его «наблюдательный пункт» (это собственное выражение Правосудовича) представлял собой постоянный столик в кафе⁵⁴, расположенном на улице Катина как раз напротив гостиницы «Континенталь», где проживали советские офицеры. И в любое время, когда члены миссии уезжали из гостиницы или возвращались, их всегда встречал Правосудович на своем посту.

Советская военная миссия находилась в Сайгоне два с лишним месяца — с 26 октября 1946 до 13 января 1947 г.⁵⁵ За это время её офицеры, помимо Сайгона и его пригорода Шолона, также побывали в Далате и Нячанге, а полковник Дубровин слетал на самолёте в Пномпень, где, по словам В.Л. Вишняка, встречался с принцем Нородомом Сиануком. В доступных документах французских архивов факт этой встречи не зафиксирован. Но есть служебная записка от 21 декабря 1946 г. о том, что «полковник Дубровин в сопровождении офицера связи Право отбыл в Пномпень, а 22 декабря тем же самолетом — в Сеамреап. Возвращение в Сайгон предполагается 22 декабря после полудня»⁵⁶. На Север Вьетнама советские офицеры не отправились, во-первых, потому что там развернулись крупномасштабные военные действия, и французы не могли гарантировать им безопасность, а во-вторых, по данным, представленным им французскими властями, там уже не было русских / советских гражданских и военных лиц, которые попадали бы в сферу их деятельности по репатриации.

Члены военной миссии полковника Дубровина фактически стали первыми советскими людьми, которые официально побывали в Сайгоне и, может быть, во Вьетнаме с начала XX века⁵⁷. В.Л. Вишняк вспоминал, что отношение вьетнамцев к нему и другим членам миссии было тёплым и доброжелательным. А после начала войны Сопротивления нередко были случаи, когда вьетнамцы, жители Сайгона, узнав, что разговаривают с советскими людьми, дружески пожимали им руки.

Свою работу военная миссия полковника Дубровина закончила 13 января 1947 г. Самолетом советские офицеры долетели до Гонконга, там пересели на английский пароход, на котором добрались до Шанхая. А оттуда на уже знакомом им судне «Смольный» они плыли до Владивостока, а затем поездом несколько дней добирались до Москвы.

Как уже отмечалось раньше, французские спецслужбы регулярно информировали Париж о деятельности советских офицеров в Индокитае. В своём первом донесении от 22 ноября 1946 г. руководитель Второго бюро в Индокитае Келлер подробно проанализировал работу миссии полковника Дубровина спустя месяц после её прибытия в Сайгон:

«Цель миссии

(1) Официально заявленная цель не оставляет иллюзий ни у кого. Репатриация советских подданных — это прикрытие, и, вполне вероятно, что, несмотря на добрую волю, проявленную как гражданскими службами, так и военными, чтобы лояльно выполнять соглашение от 29 июня 1945 года, советская миссия не найдёт лиц для репатриации.

Реальные цели миссии представляются следующие:

(а) Отыскать военных из армии Власова, для того чтобы их идентифицировать. Очень возможно, что члены миссии развернули сеть осведомителей во всех подразделениях Легиона.

(б) Собрать документы общего характера об Индокитае и особенно о его экономическом потенциале, а также изучить возможность размещения здесь консульской службы...

(в) Возможно, установить контакты с французскими элементами за рубежом или коренными жителями, расположенными к коммунизму. Но в этом плане имеющийся статус миссии не позволяет ей осуществлять активную деятельность, и, возможно, эта задача перейдёт к другим миссиям, которые придут сюда как продолжение нынешней...

Но в целом, нельзя упрекать миссию в деятельности, явно несовместимой с её официальным статусом. ...Однако опасность советской миссии состоит уже в самом её присутствии здесь. Мы не можем им противостоять, мы можем только максимально облегчить выполнение их официальной задачи для того, чтобы сократить их пребывание здесь.

(2) Политический резонанс

Комментарии по поводу пребывания этой миссии весьма многочисленны и разнообразны. О ней говорит весь Сайгон, весь Индокитай — и все интерпретируют на свой лад.

До настоящего времени явные отклики были незначительны. Можно признать, что налицо определенное разочарование в различных кругах. Все, кто пытался побудить членов этой миссии сделать официальные заявления..., оказались обманутыми. Полковник Дубровин всегда

повторял, что предпочитает быть в стороне от политических проблем. ...Эта миссия наблюдала, но не вмешивалась в политическую сферу. Кстати, на днях она должна отбыть в Сиам.

(3) Реакция в военных кругах

Присутствие советской миссии создало нездоровую атмосферу в Легионе, спровоцировав брожение среди легионеров... Одни занимали промежуточную позицию в отношении России, предпочитали куда-нибудь временно удалиться или рассчитывали на покровительство начальства.

Для других — это шанс сократить своё пребывание в Индокитае. В основном, это легионеры из зон, которые не были аннексированы СССР. Однако немцы из советской оккупационной зоны надеялись, что положения этого договора помогут им в ближайшем будущем вернуться к родным очагам.

Что касается первых, то на данный момент советская миссия игнорирует их существование. Что же касается вторых, то полковник Дубровин развеял иллюзии немцев»⁵⁸.

Своё следующее подробное донесение о советской миссии глава Второго бюро Келлер направляет французскому военному атташе в Нанкине, уже после её отъезда на родину. Оно интересно не только подведением итогов пребывания миссии в Индокитае, но характеристиками советских офицеров.

«Глава миссии полковник Дубровин производит впечатление интеллигентного человека. Это открытый, симпатичный, но малообразованный человек. Он не говорит и не понимает по-французски, но к концу пребывания вдруг стал схватывать смысл разговоров.

С французскими офицерами у него сложились доверительные отношения, но никогда не затрагивались политические темы... Верховного комиссара в Индокитае [адмирала д'Аржанлье] он считал «оплотом капитализма», а главнокомандующего [генерала Валлюи] — замечательным военным, выполняющим свою работу...

Накануне своего отъезда он заявил, что «даже со своими 110 дивизиями Франция не справится с вьетнамцами, которые хотят своей независимости».

Лейтенант Кузьмин получил прозвище «большой мужик (grand tujik)», которое характеризует его физически и интеллектуально. Храбрый парень, верный помощник»⁵⁹.

Весьма настороженное отношение у Келлера к переводчику Владимиру Вишняку, который хорошо образован, «правильно говорит по-английски и достаточно хорошо — по-французски». Возможно, именно его интеллектуальный уровень, а также его прошлая переводческая работа в Маньчжурии вызывают определенные опасения у французских властей, которые при этом признают его высокие профессиональные качества⁶⁰.

Далее в своём донесении Келлер подробно анализирует официальную деятельность советской военной миссии:

«По прибытии полковник Дубровин заявил, что, по американским данным, во Французском Индокитае имеется примерно 322 советских подданных — на день его капитуляции. И он (Дубровин) располагает списком из 190 имен, из которых никто не идентифицирован.

Он попросил через прессу дать информацию о своём присутствии. Тогда же несколько человек из интересующей миссию категории были приглашены для знакомства. Но такой рекламный ход не дал результатов.

Дубровину были представлены несколько немцев из советской зоны оккупации, но он их выпроводил. Тем не менее, постепенно и благодаря информаторам он собрал несколько имён легионеров — так называемых советских людей, с которыми он затем встретился.

Дубровин заявил о своём желании посетить подразделения Легиона, и ему было разрешено. В результате 9 легионеров выразили желание репатриироваться, из них шестеро — литовского, эстонского и польского и др. происхождения — были отосланы в Марсель, чтобы затем в метрополии было принято решение об их судьбе.

Миссии был представлен единственный русский гражданин, который заявил о желании остаться в Ханое... Некоторые другие русские апатриды вступили в контакт с миссией, но, кажется, тоже не выразили желания вернуться в СССР.

Секретная деятельность

При прибытии в Сайгон... советские офицеры стали объектом внимания многочисленных симпатизирующих лиц и организаций — группы марксистской культуры⁶¹, аннамитов-националистов и даже нескольких иностранцев, то ли англичан, то ли или американцев, которые рассчитывали разузнать у советских относительно истинной цели их присутствия в Индокитае.

В итоге:

(1) советская миссия собрала важную документацию о ситуации, об экономических и политических возможностях Индокитаея;

(2) ею были осуществлены многочисленные контакты с возможными пропагандистами марксизма, включая китайских товарищей⁶².

Вся эта деятельность осуществлялась с величайшей деликатностью, полковник Дубровин отказался выходить из своей роли военного, тогда как лейтенант Вишняк демонстрировал большую активность...»⁶³.

Можно предположить, что главный вывод, какой сделали различные французские власти и службы, заключался в том, что советская миссия возвращается фактически с нулевым результатом. Но при этом «ей удалось составить общее комплексное представление (возможно, не совсем объективное) по индокитайскому вопросу и относительно тех возможностей, которыми располагает полуостров». Поэтому на тот

момент (1947 г.) трудно говорить о какой-то политической или экономической роли СССР на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

* * *

Возможно, что члены миссии полковника Дубровина не были первыми советскими представителями в послевоенном Индокитае. Во всяком случае, некоторые документы французских архивов позволяют выдвинуть такую версию.

В аналитическом материале о политике мировых держав и действиях их спецслужб на Дальнем Востоке сообщалось, что 5 декабря 1945 г. русская миссия из семи человек прибыла в Чунцин и вскоре должна отбыть в Ханой, где её ожидают представители союзных стран⁶⁴. В телеграмме, направленной 20 декабря 1945 г. из Сайгона адмиралом д'Аржанлье Комиссару Республики с пометкой «Совершенно секретно», также приводилась эта информация: «Я уведомлён британскими властями о прибытии в Ханой миссии советских офицеров во главе с полковником. По сведениям британских источников, её назначение — обеспечивать русско-китайскую связь для эвакуации китайских войск в направлении Северного Китая. Дайте все уточнения, которые сможете собрать. Не вопрос — дать согласие на их поездку в южную зону»⁶⁵. А согласно британским источникам, задача этой миссии — изучить возможности репатриации советских граждан из Индокитая; указывался маршрут их самолета (Мукден-Шанхай-Кантон), сообщалось о запросе советской стороны на приземление у американцев и китайцев⁶⁶.

Несколько подробнее эта ситуация представлена в телеграмме французского военного атташе в Чунцине министру колоний (возможная дата — 27 декабря 1945 г.): «Из китайских и русских официальных источников стало известно, что в Ханой должна прибыть советская миссия, которой поручено заниматься репатриацией советских граждан и изучить ситуацию на месте. Эта миссия возглавляется полковником Климчуком, которого сопровождают 5 или 6 офицеров. Она следует таким маршрутом: из Москвы через Харбин в Пекин, затем Шанхай, Канто, Ханой»⁶⁷. В другой телеграмме (от 28 декабря 1945 г.), тоже адресованной министру колоний, эта информация подтверждалась со ссылкой на одного высокопоставленного военного, который приехал из Сайгона через Гонконг⁶⁸.

Но, пожалуй, наиболее конкретно этот факт зафиксирован в документах из архива Жана Сентени, который, как известно, прибыл в Ханой в августе 1945 г. Так, в донесении от 25 декабря 1945 г. сообщалось, что «русская комиссия состоит из 12 человек. Двое прибыли 20 декабря, а десять — 23 декабря. Прибытие самолета встречали англичане, китайцы и аннамиты. Русские сразу же были отделены от всех встречающих представителями правительства Хо Ши Мина, с которым они поддерживают как будто бы весьма сердечные отношения»⁶⁹.

Согласно этому документу, советских офицеров поселили в правительственном дворце. Сразу же по прибытии они приступили к работе — изучали полученную от правительства информацию о политике французов в Индокитае, о действиях китайцев в отношении патриотического фронта Вьетминь, о ситуации в банковской сфере (афера с банкнотами в 500 пиастров⁷⁰) и т.д. «Русские хотели тотчас же распустить [партию] Вьетнам куок зан данг..., но в связи с новыми ориентирами китайской политики, принятой двумя днями позже, предложение русских не было принято. И эта новая политика китайцев, вне всякого сомнения, мотивирована прибытием русских в Индокитай... По требованию русских китайцы отправят на родину часть своих войск. Их оккупация представляется весьма обременительной для населения [Индокитая]»⁷¹.

Возможно, от советской миссии поступило предложение фронту Вьетминь о том, что отныне ему следует проводить политику сотрудничества с Францией для того, чтобы «не попасть в орбиту проамериканского Гоминдана», не проявлять враждебность против французов, а наоборот, «нужно делать ставку на Францию, чтобы сопротивляться китайским реакционерам и американцам»⁷².

Известный французский историк, специалист в области франко-вьетнамских отношений Филипп Девийе полагает, что «эта суперсекретная русская миссия была направлена в Ханой, чтобы довести до Хо Ши Мина определённые указания от ЦК ВКП (б) о тактике поведения как с французами, так и с китайцами»⁷³. И действительно, через несколько дней стало существенно меняться отношение Вьетминя и Революционного правительства к французам⁷⁴. Возможно, по мнению Ф. Девийе, Москва порекомендовала Вьетминю своими действиями не создавать проблемы для французских коммунистов, которые были в то время у власти. А то получилось бы, что одни коммунисты вели борьбу против других коммунистов. Миссия пробыла в Ханое несколько дней, встречалась с Хо Ши Мином. Документов о её пребывании нет, есть только устные распоряжения⁷⁵.

И ещё один «русский сюжет». В конце лета — начале осени 1945 г. в Ханое появился некий Соловьёв, который активно пытался наладить контакты как с представителями американских, так и французских военных властей и специальных служб.

В своей книге «Почему Вьетнам?» американский военный историк Аршимед Патти вспоминает о том, как он, майор американской разведывательной миссии Управления стратегических служб (OSS), встретился 23 августа 1945 г. в Ханое с человеком, который назвал себя «советским представителем в Индокитае». Вот как описывает этот эпизод Патти: «В ту ночь (23 августа 1945 г.) меня посетил советский представитель в Индокитае — Степан Соловьёв (Stephan Solovieff). Он позволил мне в первые часы моего пребывания в Ханое, и я его пригласил

на коктейль. Это был приятный человек, лет сорока с лишним, с открытой улыбкой и прямой в обращении. Он представился неким советским связным с японскими политическими кругами в Ханое, Хюэ и Сайгоне, его задача — заботиться об интересах советских граждан в Индокитае...»⁷⁶.

Примерно в то же время уже упоминавшийся ранее майор Франсуа Мисофф, член миссии Жана Сентени, вспоминал о встрече с полковником С., которая состоялась осенью 1945 г. в Ханое на вилле, построенной французами до войны. Как писал Мисофф, возможно, что его собеседником был представитель советских секретных служб, который так изложил свои взгляды: «Наша политика последовательно проста. Мы должны разрушить старые западные державы и США, которые, конечно, являются главным препятствием перед нами. И у нас есть два способа. Первый — поддерживать коммунистические партии, которые действуют внутри страны. Вторым — отрезать западные державы от их сырьевых житниц, то есть отрезать колониальные империи»⁷⁷.

Этот полковник С. полагал, что в своих действиях угнетенные страны и народы Азии должны объединиться вокруг политической идеи — коммунизма: «... вполне естественно, что политическая динамика приведет к их единению под эгидой великой азиатской державы. И эта азиатская держава — Советский Союз»⁷⁸. Из этого разговора Мисофф сделал вывод: СССР претендовал на роль великой державой Азии.

В списках русских офицеров, находившихся в Тонкине (Северном Вьетнаме) в 1930-е годы, числился Соловьёв Жорж, который как бывший офицер Русской армии поступил в Иностраннный легион по прямому набору в чине младшего лейтенанта (на момент поступления — лейтенант)⁷⁹. Жившая в Индокитае в годы Второй мировой войны Ольга Ильина (в замужестве — Лаиль, младшая сестра известной писательницы Натальи Ильиной) рассказывала о русском офицере по фамилии Соловьёв, которого она видела неоднократно в Ханое⁸⁰. По её словам, он служил во Французской армии⁸¹.

Американский историк Кристофер Гоша, анализируя различные аспекты Первой индокитайской войны⁸², упоминает некоего Соловьёва, гражданина Франции и русского по происхождению, который вместе с японским интеллигентом Киюши Кумацу и некоторыми европейцами принимал активное участие в созданном в Ханое «Международном комитете по оказанию помощи и поддержки революционному правительству ДРВ». О Соловьёве также сообщается, что в Индокитае он появился в 1930-х годах и занимался коммерческими операциями на Дальнем Востоке⁸³, что он был хорошо знаком с Жаном Сентени, который «доверял ему многие опасные и деликатные поручения»⁸⁴. В 1946 г. Соловьёв вернулся во Францию и, по данным некоторых источников, «поддерживал отношения с русским посольством в Париже»⁸⁵.

Кем же был Соловьёв в действительности? Или это всего лишь «историческая мистификация»? А может быть, в нём совместились сразу несколько персонажей, живших в пору в Индокитае? Только дальнейшие изыскания историков помогут прояснить эту проблему.

Postscriptum

Из «Обзора о политике Франции, России, Америки, Китая, Великобритании и Японии на Дальнем Востоке — через призму действия их спецслужб» (1945 г.):

«Нельзя собственно говорить о прямых действиях русских спецслужб в Тонкине вплоть до сегодняшнего дня. Русская миссия из 7 человек прибыла 5 декабря [1945 г.] в Чункин, её с нетерпением ожидают в Ханое представители союзных стран. Контакты и беседы, проведённые с русскими агентами, с одной стороны, и с японцами — с другой, позволяют заключить, что русские не проявляют враждебность в отношении суверенитета французов в Индокитае. Франция не представляет на Дальнем Востоке никакого опасного характера. Советы, которые являются великой азиатской державой, как и европейской, мечтают о влиянии на желтую расу через коммунистические идеалы...

Цель русских, кажется, создать азиатский блок под советским влиянием. Реализация этого проекта требует исключения на Дальнем Востоке Америки и Великобритании. Правительство Хо Ши Мина направило послание Сталину, а также тайно командировало представителей Компартии в Китай — в Кантон, чтобы попросить помощи против империалистических атак на Дальнем Востоке. Сейчас Вьетминь все свои надежды возлагает на прибытие советской миссии»⁸⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Известно, что несколько бывших вьетнамских студентов остались в СССР, принимали участие в обороне советской столицы и героически погибли под Москвой зимой 1942 г.

² Сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 14.

³ Официальное подписание акта о капитуляции Японии состоялось 2 сентября 1945 года. В тот же день на многотысячном митинге в Ханое Хо Ши Мин провозгласил независимость Вьетнама и создание Демократической Республики Вьетнам.

⁴ Подробнее об этом см.: Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944-1956) // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 3-13.

⁵ Так, в соответствии с этим соглашением Советский Союз в кратчайший срок репатрировал освобожденных Советской Армией французских граждан, которые были захвачены гитлеровцами и заключены в концентрационные лагеря, а также всех других французоз, по тем или иным причинам оказавшимся в годы войны на территории советской администрации. Всего было репатрировано 315 548 человек. См.: Загладин В.В. Франко-советские отношения после Второй мировой войны // СССР — Франция. (Из истории политических, экономических и культурных отношений). М., 1960. С. 22. Согласно официальному Отчёту о работе по репатриации, из Советского Союза было репатрировано французских граждан и военнопленных (*по годам*): 310.091 человек (1945), 3.061 (1946), 157 (1947), 20 (1948) и 3 (1949). См.: Государ-

- ственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд 9526 сч. Опись 6 сч. Дело 932. Листы 135-137.
- ⁶ Цит. по: Полян Павел. Жертвы двух диктатур. М., 1996. С. 379.
- Причем репатриации подлежали только **советские** граждане, тогда как не советские — не подлежали, поэтому огромную роль играли критерии советского гражданства, которыми руководствовались при репатриации западные союзники СССР. Это: (1) или проживание до 3 сентября 1939 г. на территории СССР в его границах до этой даты, (2) или пленение позднее 11 февраля 1945 г. (даты подписания Ялтинского договора). То есть согласно этим критериям, принудительной репатриации не могли подлежать жители Эстонии, Латвии и Литвы, Западной Украины и Северной Буковины, а также старые русские эмигранты, покинувшие Россию до сентября 1939 года. Из этого исходило, например, правительство Великобритании.
- ⁷ Официально индокитайская группа просуществовала с августа 1946 по март 1947 года. См.: ГАРФ. Фонд 9526 сч. Опись 6 сч. Дело 932. Лист 174.
- ⁸ Об этой советской военной миссии стало известно совершенно случайно. В 1999 г. в журнале «Искусство кино» (№№ 1-2) была опубликована повесть В.Л. Вишняка «Случай на станции Хармас», во вступительной части которой сообщалось, что в 1946 г. автор «ездил французским переводчиком во Французский Индокитай». При этом уместно напомнить, что ещё в конце 1960-х — начале 1970-х годов Д.В. Деопик, читавший в ИСАА при МГУ курс лекций по новейшей истории Вьетнама, рассказывал услышанную им от вьетнамцев историю о советской военной делегации, которая побывала в Сайгоне сразу же после окончания Второй мировой войны. На момент опубликования повести В.Л. Вишняк проживал в Англии. Он — почетный ассистент русской кафедры Манчестерского университета, преподаватель русского языка в Манчестерской женской гимназии. Беседа с ним состоялась 27 августа 1999 г. в Москве, во время его краткого приезда в Россию.
- ⁹ С 25 сентября 1945г. начала действовать группа по делам репатриации в Корею, Маньчжурии и Квантунской области.
- ¹⁰ Archives du Ministère français des Affaires Etrangères, fond Asie-Océanie / Indochine (далее — МАЕ / АО / IC), dossier 137. P. 74.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Этот документ хранится в архиве МИД Франции. Однако не ясно, что это — подлинник или только проект документа.
- ¹³ МАЕ / АО / IC, dossier 137. P. 77.
- ¹⁴ Ibid. P. 79.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Repatriation allied prisoners of war and internees.
- ¹⁷ Ibid. P. 82. Возможно, что это только проект телеграммы, так как в документе есть исправления.
- ¹⁸ Ibid. P. 83.
- ¹⁹ Ibid. P. 84.
- ²⁰ Ibid. P. 93.
- ²¹ Ibid. P. 96. Ранее Жан Сентени возглавлял французскую военную миссию в Китае. С декабря 1945 г. он — комиссар Республики в Тонкине и Северном Аннаме (commissaire de la République pour le Tonkin et le Nord Annam).
- ²² Archives d'histoire contemporaine, Fondation nationale des Sciences Politiques, Fond Jean Sainteny (далее — FNSP / JS), 1 SA — 1.
- ²³ МАЕ / АО / IC), dossier 137. P. 97.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ Ibid. P. 109.
- ²⁶ Голубев Константин Дмитриевич — заместитель и 1-й заместитель Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан в 1944-1949 годах.
- ²⁷ МАЕ / АО / IC, dossier 137. P. 109.
- ²⁸ Ibid. P. 124.
- ²⁹ Ibid.

²⁹ Ibid. P. 142.

³⁰ Также об этом см.: Елисеев Ф.И. В Иностранном легионе и в плену у японцев. М., 2005.

³¹ МАЕ / АО / IC, dossier 137. P. 126.

³² «Пятьсот весёлый» — состав, сформированный из солдатских теплушек, в годы войны в них перевозили солдат с фронта на фронт. После окончания военных действий такие составы стали использовать для перевозки штатского населения, чтобы разгрузить напряженный пассажирский поток.

³³ Оригинал телеграммы на французском языке: «Bien arrives 26 Octobre Saigon Adresse hotel Continental — Doubrovin». См.: ГАРФ. Фонд 9526. Опись 134. Дело 423. Л. 129.

³⁴ МАЕ / АО / IC, dossier 137. P. 151; Service Historique de l'Armee de Terre, (Chateau de Vincennes), Indochine (далее — SHAT / IC), dossier 10 H — 4364. Также в Bulletin de renseignements (№ 339. [1947]) со ссылкой на вьетнамский источник сообщалось, что «русский полковник в сопровождении двух офицеров покинул Шанхай в декабре [1946 г.] в направлении Индокитая. Эти русские поддерживают связь с...Вьетминем» См.: SHAT / IC, dossier 10 H — 4364.

³⁵ МАЕ/АО/IC, dossier 137.P.156.

³⁶ Этот факт подтверждается и в воспоминаниях Ф.И. Елисеева: «Японцы спрятали нас [пленных] под брезентом в грузовых машинах, чтобы скрыть от аннамитов, опасаясь их нападения на нас, как на французов, так как они объявили свою полную независимость от Франции См.: Елисеев. Указ. соч. С. 173.

³⁷ Его официальная должность — commandant des Troupes francaises d'Indochine du Sud / Forces Terrestres du Sud Vietnam.

³⁸ SHAT / IC, dossier 10 H — 4364, Bulletin de renseignements, № 3.887 [9.11.1946].

³⁹ SHAT / IC, dossier 10 H — 526.

⁴⁰ Второе бюро — французская военная разведка.

⁴¹ В документах более позднего периода (26 сентября — 25 октября 1947 г.) упоминаются представители русской колонии Хмелев (Hmeleff) из Далата и Жданов (Jdanoff) из Сайгона, которые обращались в Советское консульство в Шанхае относительно их возможного возвращения в СССР. Им был дан ответ, что они опоздали, так как уже установлена дата отъезда — 10 октября. Жданов также спрашивал, можно ли ему вернуться в Маньчжурию, где он работал до войны. Кроме того, Жданов и Хмелев интервьюировались: распространяются ли на них те же правила и условия, которые предоставляются для русских, проживающих в Шанхае. См.: МАЕ / АО / IC, dossier 346. P. 240.

⁴² SHAT / IC, dossier 10 H — 531. Fiche: Saigon, 30.11.1946.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid. Saigon, 17.12.1946.

⁴⁶ В донесении также отмечалось: «Известно, что полковник Дубровин создал сеть информаторов в некоторых подразделениях экспедиционного корпуса, что может быть интерпретировано как недостаток учтивости или нарушение международных дипломатических правил. Более того, деятельность этой миссии — по контактам, которые она ведет с некоторыми подозрительными личностями, постепенно отдаляется от тех целей, которые она официально заявила по прибытии в Индокитай». См.: SHAT / IC, dossier 10 H — 531. Fiche: Saigon, 30.11.1946.

⁴⁷ SHAT / IC, dossier 10 H-531.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ SHAT / IC, dossier 10 H — 531. Note: 9.01.1947.

⁵⁰ Saigon, 17.12.1946. См.: SHAT / IC, dossier 10 H — 531. Также в Bulletin de renseignements (Saigon, 12.12.1946) сообщалось, что среди легионеров в Камбодже циркулируют ложные слухи о том, что посланный в Сайгон советский полковник уже находится в России, и там был казнён легионер русского происхождения, который вернулся на свою родину по согласию французского командования. См.: SHAT / IC, dossier 10 H — 4364.

- ⁵¹ Saigon, 17.12.1946. См.: SHAT / IC, dossier 10 H — 531.
- ⁵² Из рассказа Д.В. Деопика: советские офицеры передвигались по Сайгону на хорошей современной машине белого цвета.
- ⁵³ Он числится в списке русских офицеров в Тонкине как Жан Правосудович (Jean Pravosudovich). В личных данных указано, что он бывший офицер Русской армии, в Иностраннный легион поступил по прямому набору в чине младшего лейтенанта (на момент поступления — лейтенант). См.: Szecsko Tibor. La Legion Etrangere en Indochine, 1919-1941. Paris, 1989. P. 280.
- ⁵⁴ Возможно, это было кафе «Gival».
- ⁵⁵ В.Л. Вишняк в беседе неоднократно называл другую дату, более позднюю. Однако во всех доступных архивных документах зафиксирован день отъезда — 13 января 1947 года.
- ⁵⁶ SHAT / Indochine, dossier 10 H — 531. Как вспоминал В.Л. Вишняк, из Камбоджи полковник Дубровин привез ему и Кузьмину в подарок красивые кхмерские мечи с надписью «Ангор».
- ⁵⁷ По некоторым данным, в середине 1930-х годов в Сайгоне по французскому паспорту (как гражданка Франции) побывала Анна Лазаревна Разумова, кадровый сотрудник Коминтерна.
- ⁵⁸ SHAT / IC, dossier 10 H-531.
- ⁵⁹ SHAT / IC, dossier 10 H-531.
- ⁶⁰ Напомним, что, согласно документам французского МИДа, именно личность В. Вишняка особенно долго и тщательно обсуждалась при оформлении виз советской военной миссии для поездки в Индокитай.
- ⁶¹ Nhom van hoa Macxit — Groupe Culturel Marxiste). О деятельности этой организации в Сайгоне в 1946 г. подробнее см.: Tran Thai Binh. Nhom van hoa Macxit o Saigon 1946 // Xua va nay. 1999,so 68, tr. 6-7.
- ⁶² «Из донесения серьёзного информатора: 30 октября в школе Nam kieu в Тёлоне, прошла 5-я Генеральная консультативная ассамблея Компартии Китая в Кохинкине и Камбодже... По этому случаю была организована встреча в честь членов советской миссии, прибывшей в Сайгон 25 октября. Только один член миссии — лейтенант [Владимир Вишняк?] — присутствовал на этом собрании. Председатель ассамблеи зачитал телеграмму от гонконгской секции Компартии Китая... В ней также указывалось, что гонконгская секция Компартии Китая провела беседу с этой [советской миссией] во время их пребывания в их городе — относительно политических директив, данных Компартией Китая в Индокитае. Советский офицер затем изложил свой взгляд относительно той деятельности, которую должны вести китайские коммунисты в Индокитае против местного Гоминдана...». См.: MAE / AO / IC, dossier 174. Note [11.11.1946].
- ⁶³ SHAT / IC, dossier 10 H-531.
- ⁶⁴ FNSP / JS, 1 SA 1, dossier 2. Дата, правда, не указана, но из контекста можно предположить, что речь идёт о 1945 годе.
- ⁶⁵ FNSP / JS, 1 SA 2, dossier 2. Telegrammes.
- ⁶⁶ FNSP / JS, 1 SA 3, dossier 1. Bulletin de renseignements. No 13. 3 janvier 1946. P. 7. См. также: Dunn Peter M. The first Vietnam War. New York, 1985. P. 28.
- ⁶⁷ MAE / AO / IC, dossier 137.P.90.
- ⁶⁸ Ibid. P.86.
- ⁶⁹ FNSP / JS, 1SA1, dossier 2. Rapport 25.12.1945.
- ⁷⁰ К концу японского господства в колонии росла инфляция. С ноября 1945 г. Индокитайский банк односторонним актом решил изъять из обращения банковские билеты достоинством в 500 пиастров и отказался признавать платёжные векселя Демократической Республики Вьетнам, то есть рассматривать её как преемника колониальной администрации.
- ⁷¹ FNSP / JS, 1Sa1, dossier.Rapport 25.12.1945.
- ⁷² Devillers Philippe. Paris-Saigon-Hanoi: Les archives de la guerre 1944-1947. Paris, 1988. P. 115.

- ⁷³ Телефонный разговор с Филиппом Девийе, 23 октября 2008 года.
- ⁷⁴ И действительно, с января 1946 г. позиция Вьетмина в отношении Франции меняется. Об этом писал Жан Сентени в своей телеграмме от 23 января 1946 года: «[вьетнамское революционное] правительство изменило отношение к французам». Подробнее см.: FNSP / JS, 1SA1, dossier 2.
- ⁷⁵ Телефонный разговор с Филиппом Девийе, 23 октября 2008 года. Он утверждает, что эти сведения были получены от проверенного источника (informateur exelent).
- ⁷⁶ Patti Archimedes L.A. Why Vietnam? Prelude to American Albatros. Berkeley, Los Angeles, University of California Press, 1980. P. 178-181.
- ⁷⁷ Francois Missoffe. Duel rouge. Paris, 1977. P. 35.
- ⁷⁸ Ibid. P. 36.
- ⁷⁹ Szcieszko Tibor. La Legion Etrangere en Indochine, 1919-1941. Paris, 1989. Tr. 280.
- ⁸⁰ Беседы с Ольгой Иосифовной Лаиль состоялись в Москве и Париже в 2007 и 2008 годах.
- ⁸¹ Однажды Ольга Лаиль встретила с ним в поезде, когда ехала к своему французскому мужу в другой город. И этот эпизод она хорошо запомнила по одной весьма прозаической причине. На Соловьёве была красивая шёлковая рубашка. Тогда во Вьетнаме были трудности с европейскими товарами. Ольга Лаиль, молодая и симпатичная девушка, подумала, что из рубашки Соловьёва можно сшить хорошую кофточку. Она набралась смелости и попросила Соловьёва отдать ей эту рубашку. Он несколько не удивился и согласился. О.И. Лаиль вспоминала, что Соловьёв был солидным мужчиной, старше среднего возраста, любитель выпить.
- ⁸² Goscha Christopher. Allies Tardifs: les apports techniques des deserteurs japonais au Viet-Minh during les premieres annees de la guerre franco-vietnamienne // Guerres mondiales et les conflits contemporain. Serie CAIRN. 2001. No 2/3 (202-203). P. 81-109.
- ⁸³ Ibid. P. 90.
- ⁸⁴ Ibid. P. 107.
- ⁸⁵ Ibid.
- ⁸⁶ FNSP / JS, 1 SA 1, dossier 2.

Проведение этого исследования оказалось возможным, прежде всего благодаря поддержке Фонда «Дом наук о человеке» (Fondation Maison des Sciences de l'Homme, Paris), предоставившего грант для работы во французских архивах и библиотеках.

Социально-экономические реформы в Республике Вьетнам в 1955 — 1963 гг. (в рамках программы «государственного строительства» Нго Динь Зьема)

В октябре 1955 г. в Южном Вьетнаме было создано новое государство — Республика Вьетнам. Президентом страны стал Нго Динь Зьем. В истории Южного Вьетнама начался новый этап — этап Республики. В наследство от предыдущего периода — почти 100-летнего французского колониального господства и десятилетия первой Индокитайской войны (1946 — 1954) — молодому государству достался кризис, затронувший все стороны общественной жизни. От того, какие пути по преодолению кризиса выберут руководители республики, и насколько успешными окажутся их усилия, зависел облик создаваемого государства.

Особенность Нго Динь Зьема как лидера вьетнамского государства (в отличие от политических деятелей, находившихся у власти в период Индокитайской войны) заключается в том, что он не ограничился принятием мер по укреплению личной власти, но предпринял попытку кардинального реформирования социальных, политических и экономических структур, существовавших в Южном Вьетнаме к 1955 г. Подчеркивая масштабность стоящих перед ним задач и новаторский характер предполагавшихся реформ, вьетнамский лидер употребил термины «государственное строительство» («*kiến quốc*») и «государственная революция» («*cách mạng Quốc gia*»).

Прежде чем перейти к анализу политики властей по «государственному строительству», необходимо подробнее рассмотреть социально-экономическую ситуацию, сложившуюся к середине 1950-х гг. в Южном Вьетнаме и во многом обусловившую направление реформ президента.

На момент окончания Индокитайской войны положение в экономике в Южном Вьетнаме было весьма тяжелым¹. Этот вывод подтверждается данными наиболее объективного источника по экономическому положению в Южном Вьетнаме середины 1950-х гг. — доклада главы экономической миссии ООН, работавшей во Вьетнаме с ноября 1955 по февраль 1956 г. Основной целью миссии была «подготовка и координация создания и применения национального плана развития экономики»², поэтому особое внимание в докладе было уделено анализу тогдашнего состояния вьетнамской экономики.

Суммируя данные всех собранных источников, можно выделить два основных фактора, обусловивших сложность экономического положения в стране. Первый был вызван последствиями военных действий последних 15 лет (японская оккупация и Индокитайская война). В результате в стране сильно пострадала инфраструктура (разрушены дороги, мосты, железнодорожные пути), серьезный урон был нанесен ирригационной системе, особенно важной для страны поливного рисоводства³. По оценкам миссии ООН «внутренний флот, поставляющий рис на рынки, сократился практически вдвое»⁴, что весьма негативно повлияло на систему снабжения и в свою очередь привело к нехватке этого основного продукта в некоторых районах страны.

Руководство Республики Вьетнам обвиняло коммунистов, широко применявших в годы войны тактику «выжженной» земли, что негативно повлияло на развитие сельского хозяйства. Произошло резкое сокращение пригодных для обработки территорий, сильно снизилось производство риса — основной экспортной культуры Южного Вьетнама. Многие земельные участки оказались заброшенными из-за неспокойной внутренней обстановки. По данным все той же миссии ООН, «районы, производившие до войны миллион тонн риса, давали только 200 тысяч тонн в 1954 г. и менее 100 тысяч тонн в 1955 г.»⁵. Оговоренные решениями Женевской конференции 1954 г. разделение с Севером нарушило традиционные торговые каналы и связи.

Второй фактор носил более глубокий характер. Он заключался в самой структуре экономики Вьетнама, сложившейся в колониальный период, и имевшей целью удовлетворение нужд метрополии, а не всестороннее и гармоничное развитие страны-колонии. В результате колонизации были нарушены пропорции в развитии вьетнамской экономики — лишь несколько ее отраслей, имевших ярко выраженный экспортный характер, дававших максимальные прибыли, получили гипертрофированное развитие⁶. Речь идет, в первую очередь, о производстве риса и каучука. Монокультурная направленность сельского хозяйства активно поощрялась колониальными властями. Те же отрасли, которые занимали сильные позиции в метрополии, не получили должного развития в странах-колониях. В первую очередь, это касается промышленности, чье свободное развитие не поощрялось в колониях; как отмечает крупнейший французский ученый-специалист по экономике стран Индокитая Ш. Робекен, «даже сама возможность этого считалась в странах метрополиях абсурдной и неприемлемой»⁷.

Территориальное распределение отраслей экономики было крайне неравномерным (и поддерживалось колониальными властями), что имело меньшее значение в период существования Индокитайского Союза, но сразу же негативно повлияло на экономическое развитие его отдельных стран после обретения ими независимости. Практически вся существовавшая промышленность была сосредоточена в Тон-

кине, т.е. Северном Вьетнаме. Ее основой была горнодобывающая сфера, в которой на долю Северного Вьетнама приходилось 99% от всей продукции Индокитая в 1923 г. и 83% в 1937 г. (12% обеспечивал Лаос)⁸. Основные предприятия обрабатывающей промышленности также были сосредоточены на Севере, преимущественно в Ханое и Хайфоне. В результате эксперты экономической миссии ООН констатировали, что «доля промышленности Республики Вьетнам скромна даже для аграрной страны»⁹. Вследствие этого большинство промышленных товаров во Вьетнам ввозили из метрополии, что вело к росту цен и снижению жизненного уровня населения.

Помимо слабой промышленности другим существенным недостатком южновьетнамской экономики было практически полное отсутствие национального капитала. К началу Второй мировой войны национальный капитал составлял по отношению к общим капиталовложениям всего лишь 1%¹⁰. Наиболее сильные позиции занимал французский и китайский капитал. Положение китайских торговцев и предпринимателей еще больше укрепилось в колониальный период. Ш. Робекен отмечает, что «рост китайского населения в Индокитае за последние 50 лет свидетельствует о том, что именно китайцам удалось извлечь наибольшую выгоду и наиболее умело воспользоваться французской деятельностью в Индокитае»¹¹. Основная прибыль от экспорта риса также приходилась на долю иностранцев — по правительственным оценкам она составляла 88%, в то время как вьетнамские крестьяне могли рассчитывать лишь на оставшиеся 12%¹². Вьетнамские торговцы, по сути, исполняли роль посредника для иностранных торговых компаний.

Существенной проблемой было распределение земли в Южном Вьетнаме. По данным ООН к 1954 г. около 1 миллиона крестьян были не владельцами земель, а ее арендаторами. Особенно катастрофическая ситуация в плане распределения земли сложилась в дельте реки Меконг, где около 2,5 тысяч землевладельцев (0,025% сельского населения) распоряжались 40% обрабатываемых земель¹³. Уровень ренты за использование земли достигал в некоторых местах 50% от стоимости урожая, что зачастую приводило к разорению арендаторов и грозило серьезным социальным недовольством.

Таков был основной спектр проблем экономического характера, с которыми столкнулись новые власти вьетнамского государства. Стартовый экономический уровень Республики Вьетнам был весьма низким. Руководству страны предстояло преодолеть как непосредственные последствия Индокитайской войны, так и трансформировать вьетнамскую экономику в целом в соответствии с новыми реалиями. Характеризуя общее экономическое состояние страны, Нго Динь Зьем обозначил его одним словом — отсталость, которую считал одним из трех главных «врагов» («*giặc*») Вьетнама — помимо разобщенности и комму-

низма. Задача «государственной революции» мыслилась властями как победа над всеми этими тремя «врагами», и тем самым достижением успеха в основных областях — экономической (победа над отсталостью), политической (победа над коммунизмом) и социальной (преодоление разобщенности, сплочение населения страны общей идеей).

Однако приступить к назревшим преобразованиям Нго Динь Зьему мешала сложнейшая внутривластная обстановка, сложившаяся в стране к моменту его назначения на пост премьер-министра летом 1954 г.

Политическая оппозиция Нго Динь Зьему первоначально возглавлялась профранцузским генералом Нгуен Ван Хинем, а затем политико-религиозными сектами Као Дай и Хоа Хао, а также криминальной группировкой Бинь Сюйен. В этот период столкновения между премьером и оппозиционными силами носили наиболее ожесточенный характер, вылившись в «войну сект»¹⁴, которая в целом была окончена в мае 1955 г. с разгромом отрядов Бинь Сюйен. Именно тогда, по мнению западных аналитиков, власти Нго Динь Зьема угрожала наибольшая опасность, шансы на сохранение им поста премьер-министра минимальны. В западной прессе высказывались опасения, что страна погрузится в хаос, и, может быть, весьма скоро окажется в руках коммунистов. Однако достойный выход премьер-министра из сложившейся, как казалось многим, тупиковой ситуации продемонстрировал всем заинтересованным сторонам, что к власти в стране пришел сильный и волевой политик. Добившись признания авторитета центральной власти, Нго Динь Зьем смог приступить непосредственно к осуществлению «государственного строительства», создания принципиально нового государства во Вьетнаме.

При этом первоочередной и наиболее существенной проблемой президент считал моральное состояние южновьетнамского общества. Он прямо заявлял, что современное ему южновьетнамское общество находится в состоянии «морального кризиса». Этот кризис был вызван многими факторами. Одним из главных была политическая неразбериха времен первой Индокитайской войны. В ее годы на территории Южного Вьетнама французские колонизаторы вели политику по созданию альтернативных ДРВ и подконтрольных Франции государственных образований: в марте 1946 г. ими была создана Автономная Республика Кохинхина, а затем в 1949 г. — Государство Вьетнам во главе с бывшим императором Вьетнама Бао Даем. Однако назвать Государство Вьетнам полноценным государством сложно — у него не было ни Конституции, ни Парламента. Не было даже официального статуса главы государства (президент или император), а потому Бао Дай так и остался лишь «Главой государства» («*Quốc trưởng*»). Как отмечает крупнейший исследователь истории Вьетнама 1940-1950-х гг. французский историк Ф. Девийе, «все в этом государстве было расплывчато, вре-

менно, во всем недоставало идей, инициативы, прочности и определенности»¹⁵. Глава государства был полностью дискредитирован в глазах населения (немалую роль в этом сыграли личные пристрастия Бао Дая, предпочитавшего игорные заведения занятиям государственными делами). Для Нго Динь Зьема, с глубоким почтением относившемуся к институту власти, к фигуре верховного правителя, такая ситуация была неприемлема. В официальных документах Республики Вьетнам особенно подчеркивается его идеал сильного правителя. Нго Динь Зьем заявляет, что «фундаментальный факт в истории нашего государства (и который еще не везде полностью осознан) заключается в том, что наша политическая система основана на концепции управления общественными делами не при помощи народа или его представителей, а при помощи просвещенного правителя и просвещенного правительства»¹⁶. Престиж правительства, доверие населения к властям были для Нго Динь Зьема важнейшим условием выживания нации. И в том числе, поэтому для него было столь необходимо укрепить собственное положение.

Во время своего выступления по случаю провозглашения Конституции Республики Вьетнам 26 октября 1956 г. президент поставил как перед самим собой, так и перед всем вьетнамским обществом следующую задачу: «настало время возродить дух чести и национального достоинства, моральную и интеллектуальную честность, дух самопожертвования, чувство дисциплины, личной ответственности, учтивость в межличностных отношениях, являющуюся выражением уважения как по отношению к другим, так и по отношению к самому себе»¹⁷. Именно при условии возрождения национального достоинства Нго Динь Зьем полагал возможным по-настоящему решить экономические проблемы страны, завершить государственное строительство¹⁸.

Основными факторами, гарантирующими итоговый успех реформ, Нго Динь Зьем полагал следующие:

- Укрепление центральной власти, авторитета власти;
- Революционный дух населения;
- Помощь дружественных государств¹⁹.

Особый интерес представляет второй фактор — революционный дух. Именно в 1954 — 1955 гг. южновьетнамское общество переживало состояние эмоционального подъема, о чем впоследствии вспоминали в своих мемуарах и работах многие южновьетнамские писатели и политические деятели (Доан Тхем, Во Фиен). Это было вызвано, во-первых, только что провозглашенной программой властей по улучшению морального духа страны: пропаганде конфуцианских идеалов и борьбе с пороками. Это был период надежд, вызванных, в том числе, политической властью, их отношением к населению. Сайгон, будучи политическим, экономическим и культурным центром страны, стал сосредоточением этих надежд, или, по выражению Во Фиена «местом доверия»²⁰.

Не меньшую роль сыграло такое важнейшее явление в истории Вьетнама середины XX века как переселение около 1 миллиона вьетнамцев (большинство из которых были католиками) из Северного Вьетнама в Южный. Это переселение существенно повлияло на настроения, царившие в южновьетнамском обществе, способствовал укреплению центральной власти.

Нго Динь Зьем отводил прибывшим с севера ключевую роль в деле государственного строительства, возлагая на них «историческую миссию». Главная причина переселения, по мнению Нго Динь Зьема, также была исторически обусловлена: переселенцами двигало нежелание оставаться в государстве, где у власти находились коммунисты, по соседству с коммунистическим Китаем, что грозило потерей национальной идентичности. Уход с Севера на Юг — это был шаг к единению нации, к выполнению исторической миссии вьетнамского народа. При этом северяне, осознавая свою историческую миссию, должны были являть собой пример, выражаясь языком властей, «образцовых, решительных, просвещенных граждан, достойных быть дисциплинированным авангардом нации»²¹. Нго Динь Зьем выражал уверенность в том, что время покажет правоту его доверия к вновь прибывшим. По замыслу президента переселенцы должны были стать основой военного и административного аппарата страны. Социальный состав северян вполне соответствовал ставившимся перед ними задачами. Они в основном были чиновниками, предпринимателями, а также средними и низшими офицерами бывших франко-вьетнамских военных частей. На Юг отправились в целом обеспеченные слои, таким образом, в результате переселения произошло определенное перераспределение финансовых потоков внутри Вьетнама. Изменилась и демографическая ситуация во всем Вьетнаме. В 1954 г. население всего Вьетнама составляло 25 миллионов человек. Из них 14 миллионов проживали на Севере, 11 миллионов — на Юге. В 1956 г., т.е. после переселения на Юг около 900 тысяч человек, население Северного Вьетнама составляло все те же 14 миллионов человек, в то время как население Южного достигло 12,8 миллионов²².

Свое видение экономических проблем и предполагавшихся для их решения реформ Нго Динь Зьем представил в упоминавшемся выступлении в Туихоа 17 сентября 1955 г.

Можно выделить две основные цели экономической программы главы государства:

- Достижение полной экономической независимости страны;
- Модернизация экономики и повышение уровня жизни населения.

«Только вьетнамцы отвечают за судьбу Вьетнама» — таков был исходный постулат Нго Динь Зьема, определивший приоритет его экономической программы — достижение экономической независимос-

ти. В силу обозначенных выше причин Вьетнам действительно не мог считаться экономически независимым государством. А потому, с точки зрения вьетнамского лидера, не могло быть речи о подлинной независимости страны в целом: «Когда все идет хорошо, иностранные компании с особым рвением занимаются своим бизнесом. При ухудшении же ситуации они ищут возможность развернуть свою деятельность где-нибудь еще. В таком случае наша экономика окажется парализованной, т.к. однажды мы будем не в состоянии заменить их. А потому во имя достижения независимости мы обязаны решительно взять в собственные руки нашу экономику»²³.

Мероприятия по установлению контроля над национальной экономикой были сконцентрированы в первую очередь на ограничении засилья в стране иностранного капитала и развитии национального.

В ноябре 1955 г. правительство Республики Вьетнам денонсировало соглашение по валютным и торговым вопросам с Францией от 30 декабря 1954 г., что означало ликвидацию таможенных привилегий Франции в Южном Вьетнаме. Это повлекло за собой увеличение налогов с французских предприятий и затруднения в переводе их прибыли из Южного Вьетнама.

Декрет №26 от 20 апреля 1956 г., определивший порядок «перехода и уступки недвижимости, предприятий, судов и т.п. лицам иностранного подданства», поставил значительные преграды французскому частному капиталу.

С этой же целью ликвидации засилья иностранного капитала были проведены следующие, во многом связанные между собой, мероприятия. Декрет от 7 декабря 1955 г. предоставлял вьетнамское гражданство без права отказаться от него 620 тысячам китайцев и 200 тысячам кхмерам. А изданный 6 сентября 1956 г. Декрет №53 запрещал иностранцам и иностранным компаниям заниматься 11 профессиями в области торговли, транспорта и рисоочистительного производства. В наибольшей степени этот декрет затрагивал интересы деловых кругов китайских поселенцев. Это было революционное мероприятие Нго Динь Зьема, ведь никто до него не решался затрагивать интересы китайского капитала. При этом стоит отметить ту дипломатичность, которую продемонстрировало правительство в этом вопросе. Не было проведено национализации или иной формы экспроприации китайского капитала, что в свою очередь помогло предотвратить обострение отношений с Китаем²⁴.

Для развития отечественного частного капитала власти предоставили вьетнамским предпринимателям и промышленникам систему очень выгодных кредитов. В первую очередь правительство инициировало широкую программу по созданию обществ сельскохозяйственного кредита. Впервые подобные общества были учреждены во Вьетнаме еще при французах в 1912 г. (и существенно модернизированы в 1925 г.), чтобы помочь крестьянам покупать орудия труда или земель-

ные участки. В 1957 г. сайгонское руководство разработало новую программу кредита (Декрет №67 от 1 апреля). Сами власти так разъясняли основы этой программы: Национальный офис сельскохозяйственного кредита дает ссуды без реальных гарантий (т.е. без залога имущества), требуя от крестьян лишь «морального гарантийного обязательства»²⁵. Целью программы была максимальная интеграция обществ сельскохозяйственного кредита в аграрном секторе экономики страны²⁶. Процентные ставки по кредитам были весьма выгодными — от 6 до 12% в зависимости от срока, на который брался кредит. Более 70% кредитов было выдано крестьянам Центрального Вьетнама, что отражало их большую нужду в дополнительных средствах по сравнению с южанами. К 1958 г. около 300 тысяч семей воспользовались этой кредитной программой. Показатель погашения кредитов был очень высоким — около 95%²⁷.

В рамках достижения второй цели — модернизации экономики — был сделан особый акцент на механизации сельского хозяйства, а также совершенствовании методов ведения торговли.

Ключевое место в правительственной экономической программе занимал вопрос о необходимости индустриализации страны, без которой, по мнению Нго Динь Зьема, не могло идти речи ни о независимости, ни о модернизации экономики. Президент расценивал индустриализацию как «жизненную необходимость» для вьетнамского государства. Несмотря на слаборазвитость промышленности во Вьетнаме и, особенно в его южной части, этот район обладал хорошим потенциалом для ее развития. Еще в колониальный период Ш. Робекен полагал, что среди всех французских колоний Индокитай наиболее приспособлен к индустриализации²⁸. Нго Динь Зьем по совету экономических экспертов ООН решил создавать промышленность с опорой на природные ресурсы. Для более четкой организации и координации экономического развития в 1957 г. был составлен первый пятилетний план, по итогам которого были достигнуты некоторые успехи²⁹. Планирование экономики также стало новаторским шагом в экономическом развитии страны. Приоритет в развитии отдавался легкой промышленности: переработке сахара, производству бумаги и текстиля. Активно возрождалось традиционное ремесленное производство — лаковые и шелковые изделия, корзины, одежда, головные уборы.

Планом также было предусмотрено развитие важнейшей отрасли современной экономики — энергетики. Крупнейшим проектом стало строительство гидроэлектростанции Даним с предполагавшейся мощностью 160 мегаватт. Однако полностью она была введена в эксплуатацию лишь в 1964 г., после падения первой Республики.

В то же время приоритетной для правительства оставалась аграрная сфера национальной экономики. За 9 лет существования первой Республики Вьетнам ее власти осуществили три крупных проекта в зе-

мельном секторе — аграрную реформу, программу «земельного развития» и программу «агрогородов»³⁰. В целом сюда же можно отнести, пусть и с некоторыми оговорками, программу «стратегических деревень». В этих проектах во многом проявился образ мышления руководителей Республики Вьетнам в их деле «государственного строительства».

Преобразования начались с аграрной реформы. Суть первого этапа реформы (1955 — 1956 гг.) заключалась в введении в пахотный клин максимального количества пригодных для обработки земель, заброшенных в годы Индокитайской войны. Начало первому этапу было положено Декретом №2 от 7 января 1955 г. и Декретом №7 (февраль 1955 г.), т.е. ещё до официального провозглашения Республики Вьетнам и вступления Нго Динь Зьема в должность президента. Важнейшей составной частью этих декретов стала регламентация аренды земли. Отныне арендаторам предписывалось в обязательном порядке составлять договоры об аренде земли³¹. В них строго оговаривался размер арендной платы (при этом в целом она была снижена), что значительно улучшало положение арендаторов. В то же время Нго Динь Зьем хотел тем самым обезопасить владения землевладельцев от захвата их крестьянами, которые могли объявить, что это были их земли. В первые послевоенные годы, когда число заброшенных земель составляло от 600 до 800 тысяч га, зачастую возникали трудности в определении истинного хозяина земли. Тем более что многие земли в годы войны были бесплатно розданы крестьянам лигой Вьетминь. Таким образом, перед Нго Динь Зьемом сразу же встала сложная проблема — как защитить интересы землевладельцев (т.е. вернуть назад отобранные у них земли) и не вызвать при этом протеста основной массы крестьянского населения. При этом Нго Динь Зьему приходилось учитывать фактор проведения демократической аграрной реформы в ДРВ.

Второй этап аграрной реформы начался с опубликования 22 октября 1956 г. Декрета №57, ограничивавшего размер землевладений до 100 га. Все излишки должны были выкупаться государством с тем, чтобы затем распродать их крестьянам. Не учитывались ритуальные земли, отводимые для отправления культа предков³². Однако ограничивались лишь те земельные владения, которые были заняты под рис. Если же у землевладельца 100 га были под рисом, а остальная площадь засеяна другими культурами, то эти последние земли не выкупались. Тем самым власти стремились поощрить население к выращиванию различных культур, помимо риса. Это свидетельствует о том, что Нго Динь Зьем стремился устранить сложившуюся в колониальный период монокультурность сельского хозяйства. Устранение монокультурности расценивалось Нго Динь Зьемом в том числе и как ещё один шаг по освобождению от французского колониального наследия и достижения независимости национальной экономики.

Главной целью (имевшей также и политическое значение) реформы было создание в южновьетнамской деревне нового слоя среднего и зажиточного крестьянства, который был бы обязан своим благополучием сайгонским властям во главе с Нго Динь Зьемом.

Однако реформа не встретила широкого одобрения ни среди крупных землевладельцев (которые не хотели отдавать земли, т.к. плата за выкупленные гектары не была эквивалентной реальному с них доходу), ни среди той части крестьян, которые не располагали достаточными средствами, чтобы купить земельные участки. В результате только 40% от количества земли, предусмотренного реформой для передачи (около 20% от всего числа земель под рисом)³³, было реально отдано крестьянам. По официальным данным Республики Вьетнам (которые в целом совпадают с данными американской статистики), землю получили около 120 тысяч ранее безземельных крестьян, что, конечно же, было небольшим числом по сравнению с количеством нуждавшихся в земле. Уже в ходе этой, первой из серии масштабных правительственных программ, руководители Республики Вьетнам столкнулись с серьезной проблемой — недостаточным уровнем подготовки местных чиновников, а порой и их откровенным нежеланием выполнять приказы, полученные из центра. В связи с этим и без того компромиссную реформу осуществить оказалось весьма сложно. Коренных проблем вьетнамской деревни реформа не решила, количество крестьян, оставшихся без собственных наделов, по-прежнему оставалось значительным.

В то же время нельзя оценивать аграрную реформу как однозначно неудавшуюся. Недовольство реформой проявилось в основном в начале 1960 г. — именно тогда по условиям передачи земли от землевладельца бывшему арендатору подошел срок окончательной выплаты за полученный участок. До того же времени по свидетельству американских экспертов население в целом было удовлетворено ходом реформы³⁴. Первый советский журналист, побывавший в Южном Вьетнаме, И. Щедров, в целом критически оценивавший аграрную реформу сайгонских властей, отмечал, что некоторые слои населения были ею удовлетворены, в частности «те, у кого земли не обрабатывались в течение многих лет, а таких было не мало»³⁵.

Вторым крупным мероприятием сайгонских властей в аграрной сфере стала программа Земельного развития — крупномасштабная программа по переселению. Нго Динь Зьем старался всячески подчеркнуть традиционный характер данного мероприятия. Так, президент Республики Вьетнам полагал, что «весь ход вьетнамской истории доказывает, что для человека нет большей чести, чем быть основателем новой деревни»³⁶. В этой фразе отчетливо прослеживается, во-первых, воиерженность самого Нго Динь Зьема традиции, а во-вторых — то значение, которое он придавал традиции для легитимации своей влас-

ти и проводимых мероприятий. Само вьетнамское название этой правительственной программы — «*Dinh điền*» — апеллировало к вьетнамскому историческому термину, который обозначал создание новых поселений и освоение новых земель в ходе «Движения на юг».

Планирование программы началось осенью 1956 г., а ее официальный старт был дан в апреле 1957 г. Ответственным за выполнение программы Земельного развития стал Буй Ван Лыонг, который ранее отвечал за расселение беженцев, прибывших из Северного Вьетнама.

Основными задачами программы Земельного развития были следующие: 1. Переселить жителей густонаселенных равнин Центрального Вьетнама, а также беженцев из Северного Вьетнама в новые центры на ранее невозделываемые или заброшенные земли на плато и в дельте Меконга; 2. Придать большой импульс развитию национальных меньшинств в центральных районах плато. Это были две чаще всего официально декларируемые задачи данной программы. В то же время существовало и несколько других задач, о которых или не заявлялось открыто, или говорилось реже.

Одна из них заключалась в попытке вьетнамизировать вышеуказанные районы и жителей, их населявших. Особый интерес представляет именно эта третья задача, исходящая из общей концепции национализма Нго Динь Зьема. Он справедливо полагал, что между вьетнамцами и жителями плато никогда не было сильной интеграции и должного взаимопонимания. Такая ситуация, с его точки зрения, усугубилась из-за колониальной политики Франции, действующей по принципу «разделяй и властвуй» и стремившейся противопоставить горные народности вьетнамцам. Теперь же у вьетнамцев, по его мнению, появилась реальная возможность в ходе этой программы «основать в духе наших предков новые поселения, которые будут означать новые школы, новые дороги, новые центры духовной и интеллектуальной жизни и распространение нашей вьетнамской культуры на туземных (т.е. районов предгорий) территориях Вьетнама»³⁷.

Другой задачей для сайгонских властей было заселение пустующих территорий. Это должно было предотвратить их захват коммунистами, которые могли бы использовать их в качестве плацдарма для наступления в Южном Вьетнаме. Интеграция горцев в южновьетнамское общество также предполагала, что коммунисты тем самым лишатся возможности влиять на них, использовать их как источник поддержки.

Еще одна важная задача программы Земельного развития заключалась в том, чтобы сплотить население страны, а также создать общество с развитым чувством гражданского долга. С точки зрения президента, «исторически освоение новых земель требовало инициативы, общего коллективного духа, взаимопонимания, дисциплины и самозащиты от воров и бандитов»³⁸. Последнее положение — «самозащита от воров и бандитов» — вскоре получит еще большее развитие в про-

грамме стратегических деревень, здесь же была сделана его апробация. Предполагалось, что именно жители новых поселений во многом возьмут на себя бремя строительства дорог и школ, исходя из столь почитавшихся Нго Динь Зьемом и получивших развитие в философии персонализма понятий «долга», «самопожертвования» и «гражданской ответственности».

Проанализировав задачи программы Земельного развития, можно сделать вывод, что ей отводилась ключевая роль в стратегической программе «государственного строительства» Нго Динь Зьема, создания нового общества. На ее примере хорошо заметно стремление сайгонских властей комплексно решать в рамках единой программы проблемы различных сфер жизни Республики Вьетнам (экономики, общественных отношений, национальной безопасности). Земельное развитие должно было, по замыслу руководства, привести к успехам как экономическим (рост сельскохозяйственной продукции в горных районах, увеличение диверсификации экономики), так и социальным (уменьшение плотности населения в густонаселенных районах Центрального Вьетнама, создание общества с развитым чувством гражданского долга), а также и военно-политическим (недопущение коммунистов в пустыющие горные районы, общая пасификация страны). Руководители Республики Вьетнам были уверены, что достигнутые в рамках Земельного развития успехи значительно усилят государство, что позволит ему еще эффективнее противостоять Северному Вьетнаму.

Следующим масштабным мероприятием стала анонсированная в апреле 1959 г. программа агрогородов, направленная на переселение жителей в дельте Меконга. Одной из главных причин инициирования нового проекта стала ухудшающаяся военно-политическая ситуация в дельте Меконга, где все более активными становились антиправительственные силы. При помощи агрогородов власти рассчитывали укрепить контроль над обширной и стратегически важной территорией. Руководители страны полагали, что население Южного Вьетнама в целом не склонно добровольно присоединяться к коммунистам, что подобное происходит лишь под их грубым нажимом. По мнению руководителей Республики, было достаточно организовать население внутри агрогородов, чтобы оно получило необходимую защиту от коммунистической угрозы. Однако решение проблемы безопасности было не единственной и не самой главной задачей этой программы. Главным оставался ключевой для Нго Динь Зьема вопрос — создания нового общества в Южном Вьетнаме. Так, по мнению американского исследователя Ф. Каттона, объединяя крестьян внутри агрогородов, власти планировали «положить конец физической и духовной изолированности крестьянского населения, которому предстояло понять весь масштаб единства нации, к которой они принадлежат»³⁹. Сами

власти следующим образом определяли цели программы — социальный прогресс, просвещение масс и развитие коллективного духа⁴⁰.

В целом результаты обеих перечисленных программ противоречивы. Их количественные показатели были достаточно впечатляющими. Так, к середине 1959 г. в рамках программы Земельного развития было построено 84 новых поселения с общим населением в 125 тысяч человек, а к концу 1962 г. — 173 поселения с 230 тысячами жителей⁴¹. Общая площадь новых поселений превысила 100.000 га, было построено около 37.500 жилых домов, 138 родильных домов и больниц, 141 начальная школа⁴². К концу 1960 г. было создано 22 агрогорода, переселено 6.954 семьи; общая площадь агрогородов составила 6.602 га⁴³.

Однако эти показатели не должны вводить в заблуждение — программы вызвали недовольство некоторых слоев южновьетнамского общества сайгонскими властями. Главная причина этого видится в некоторой наивности, если не сказать идеализации и утопичности взглядов Нго Динь Зьема. Лидер Республики Вьетнам полагал, что жители Южного Вьетнама будут разделять его собственные взгляды по тем или иным проблемам. Раз они ему казались верными, то, значит, и население должно было понять и принять их. Нго Динь Зьем, своей жизнью доказавший приверженность собственным идеалам «долга» и «самопожертвования», явно переоценил готовность масс следовать им, пусть и для достижения благой и выгодной (но весьма отдаленной) цели. В ближайшей же перспективе участники, затронутые программой Земельного развития, не проявляли к ней никакого энтузиазма. Горные народности не без оснований опасались ассимиляции, многим из них, в частности чамам, при этом предстояло покинуть привычные места жительства. Именно с этим национальным меньшинством у властей произошел наибольший конфликт в ходе реализации программы. Этнические же вьетнамцы опасались районов плато, малоразвитых и вообще традиционно плохо подходящих для вьетнамцев. Особые надежды Нго Динь Зьем возлагал на прибывших с севера беженцев (преимущественно католиков), на их просветительскую роль среди в целом менее образованных южновьетнамских граждан. Однако и северяне не хотели возлагать на себя это бремя.

Программы привели и к заметным разногласиям между РВ и США. Соединенные Штаты, инвестировавшие в них свыше 10 миллионов долларов, требовали непосредственного контроля над их исполнением, что не устраивало руководство Южного Вьетнама. В результате после долгих совещаний в Вашингтоне было принято решение в основном выйти из программы Земельного развития, сохранив участие в ней лишь в виде оказания технической помощи⁴⁴. Это в целом устраивало и сайгонские власти, проводивших программу агрогородов уже в большей степени за счет собственных средств. Однако, хотя здесь и было найдено компромиссное решение, разногласия, возникшие по поводу

программы Земельного развития, высветили проблемы взаимоотношений США и Республики Вьетнам.

Последним крупным мероприятием властей в социальной и аграрной сфере стала анонсированная в начале 1962 года программа стратегических деревень — наиболее масштабная за все время существования первой Республики Вьетнам.

Обращает на себя внимание, что и эту программу власти пытались вписать в общий ход всей вьетнамской истории. Согласно их концепции, стратегические деревни представляли собой третий период в истории страны. Первым, по их мнению, было переселение ста вьетских племен в глубокой древности, вторым — Движение на Юг вьетнамцев в средние века. Третий период как раз должен был начаться с программы стратегических деревень, при помощи которой должна была быть одержана победа над тремя главными «врагами» Южного Вьетнама — коммунизмом, отсталым развитием и разобщенностью и создания на базе южновьетнамского общества целостного общества всего Вьетнама, объединенного в результате похода на север⁴⁵. Нго Динь Зьем подчеркивал, что программа стратегических деревень — это «квинтэссенция наших лучших традиций»⁴⁶.

В общем виде программа имела четыре основные области применения и соответствующие им цели: военную, социальную, политическую и экономическую. При этом, несмотря на внешне милитаризованный характер программы, главной для Нго Динь Зьема была социальная сфера. Стратегические деревни стали новой попыткой руководства Республики Вьетнам решить свою основную задачу — добиться изменения социального порядка. Предоставляя возможность каждому гражданину самому заботиться о своей безопасности, власти надеялись создать тем самым граждански ответственное общество, вовлеченное в государственные дела родины.

В тех районах страны, где проведение программы прошло успешно, правительственными силам удалось существенно потеснить коммунистов, восстановив свой контроль над этими территориями. Как отмечает Д. Пайк, американский исследователь Национального Фронта Освобождения Южного Вьетнама, программа стратегических деревень сделала невозможным использование деревень как базы для партизанских отрядов, вынудила лидеров Фронта покинуть деревни и предложила крестьянам альтернативные социальные и политические организации. Попытки Фронта воссоздать свою систему в стратегических деревнях в целом потерпели неудачу⁴⁷. В результате, по данным американской разведки, численность находящегося под контролем Фронта сельского населения резко упала за время применения программы стратегических деревень — с 24% в июле 1962 г. до 14% в апреле 1963 г.⁴⁸

И все же программа стратегических деревень не увенчалась полным успехом. В марте 1963 г. было заявлено, что только треть создан-

ных поселений отвечают выработанным по отношению к ним критериям и соответственно только там удалось добиться перевеса в противостоянии коммунистическим силам. Причин неудачи в стратегическом масштабе очередной правительственной программы было несколько. Главной из них видится все то же несоответствие между теоретической моделью программы и ее практическим воплощением, которое наблюдалось и ранее. Здесь это несоответствие еще больше увеличилось. Вместо социального характера программа большей частью приобрела сугубо военно-оборонительный. В очередной раз сказалось отсутствие умелых исполнителей идей руководства на провинциальном уровне, т.е. уровне местной администрации.

Подводя итоги, следует отметить следующее. Нго Динь Зьем пришел к власти с готовой экономической программой, которая была важнейшей составной частью его общего замысла «государственного строительства». В существовавших к середине 1950-х гг. социально-экономических реалиях в Южном Вьетнаме приход к власти лидера с подобной кардинальной программой реформ оказал позитивное влияние на настроения в обществе и развитие самого государства. Характерной чертой масштабных правительственных программ в социально-экономической сфере стала попытка комплексного решения различных проблем в рамках одной программы. Модель государственного строительства, предложенная Нго Динь Зьемом, в теории (и некоторое время на практике) была жизнеспособной и явила собой реальную альтернативу уже существовавшим социальным и экономическим реалиям Южного Вьетнама, во многом обусловленным колониальной политикой Франции в Индокитае. Основные экономические показатели возросли, жизненный уровень населения также существенно повысился⁴⁹.

Однако не все мероприятия правительства встретили поддержку среди населения. В качестве своей социальной опоры Нго Динь Зьем видел зажиточное крестьянство и крупных землевладельцев, а потому реформы (в первую очередь аграрная) оказались выгодны именно им. Это не могло не вызвать отторжения среди основной массы сельского населения, чья поддержка в условиях преимущественно аграрной страны чрезвычайно важна. Жителям Республики Вьетнам также были не всегда понятны правительственные программы, в той или иной степени претендующие на изменение южновьетнамского социума — программа Земельного развития, агрогородов, стратегических деревень. Одной из основных причин неудач реализации этих программ видится несоответствие между их теоретической моделью и практическим воплощением.

Сайгонские власти так и не сумели организовать эффективное противостояние тактике действий и развернутой мощнейшей пропаганде Национального Фронта Освобождения Южного Вьетнама⁵⁰, в резуль-

тате которой вся политика руководства первой Республики Вьетнам предстала в совсем ином свете, в том числе, зачастую, и для современных историков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В официальных документах ДРВ и РВ давались различные и весьма противоречивые оценки внутреннего положения в Южном Вьетнаме. Суть этих противоречий сводилась преимущественно к «приукрашиванию» исходного состояния экономики и хозяйства другой стороны и наоборот акцентировании на проблемах своего государства, которые предстоит разрешить его руководству. Общим в оценках как северовьетнамской, так и южновьетнамской сторон было обвинение французского колониального режима в отсталости экономики, что, впрочем, будет отдельно рассмотрено в рамках статьи.

Ср., например, *Economic restoration and cultural development of Democratic Republic of Vietnam (1955 — 1957)*, Ha Noi, 1958; *The economic renovation of Republic of Vietnam. Review horizons*. Saigon, 1960.

² *Report of the economic survey mission of the United Nations and specialized agencies to the Republic of Vietnam*. N.Y., 1956. P. 2.

³ Хотя основные события в ходе первой Индокитайской войны были в Северном Вьетнаме, на Юге страны также велись активные боевые действия. Так, осенью 1950 года ведомые Нгуен Бинем отряды лиги Вьетминь попытались развернуть тотальное наступление на позиции французских частей в Кохинхине.

⁴ *Report of the economic survey mission ...* P. 2.

⁵ *Op.cit.* P. 3.

⁶ О.В. Новакова, П.Ю. Цветов. *История Вьетнама*. Ч. 2. М., 1995. С. 155.

⁷ Ch. Robequain. *The economic development of French Indochina*. L., N.Y., Tor. 1944. P. 269.

⁸ *The economic development ...* P. 252.

⁹ *Report of the economic survey mission ...* P. 14.

¹⁰ О.В. Новакова, П.Ю. Цветов. *История Вьетнама ...* С. 195.

Подробнее о капитале в странах Индокитая в колониальный период см. Ch. Robequain. *The economic development of French Indochina*. P. 137 — 177.

¹¹ *The economic development ...* P. 35.

¹² *The economic renovation of Republic of Vietnam. Review horizons*. Saigon, 1960. P. 7.

¹³ W. Ladejinsky. «Agrarian reform in the Republic of Vietnam» in *Problems of freedom: South Vietnam since independence*. N.Y., 1961. P. 162.

¹⁴ Термин, принятый в западной литературе для обозначения военных действий, ведущихся правительством против сект Као Дай и Хоа Хао, а также криминальной группировки Бинь Сюен в 1954 — 1955 гг.

¹⁵ Devillers Ph. *L'histoire du Vietnam de 1940 à 1952*. P., 1952. P. 458.

¹⁶ President Ngo Dinh Diem's political philosophy. *Review horizons*. Saigon, 1956. P.9.

¹⁷ *Vietnam press*. №299. October, 26. 1956. С. 8.

¹⁸ Подробнее о мероприятиях Нго Динь Зьема по возрождению морального духа страны см. Сюннерберг М.А. «Персонализм как государственная идеология первой Республики Вьетнам (1955 — 1963)», *Материалы Международной научной конференции «Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Актуальные проблемы и перспективы»*. СПб. 2007.; а также Сюннерберг М.А. «Персонализм в идеологии правящих кругов Первой республики Вьетнам (1955 — 1963)», *Вестник МГУ. Серия Востоковедение*. М., 2007.

¹⁹ Эти факторы были перечислены Нго Динь Зьемом во время его речи 17 сентября 1955 г. в Туинхоа, т.е. еще до образования Республики Вьетнам. Именно из этого выступления можно почерпнуть основные сведения об экономической программе вьетнамского лидера.

- Traduction de discours prononcé par M. le President de Gouvernement à Tuy Hoa. Vietnam press, 18 september 1955. P. 6 — 14.
- Major policy speeches by president Ngo Dinh Diem. Press office. Presidency of the Republic of Vietnam. Saigon, 1956. P. 11 — 20.
- ²⁰ Võ Phiến. Hai mươi năm văn học miền Nam, 1954-1975. Melbourne, 1992. tr. 106. (Во Фиен. 20 лет литературы Юга, 1954 — 1975. Мельбурн, 1992. С. 106).
- ²¹ Second anniversary of the refugee movement (Honai, October 11, 1956) in Major policy speeches by President Ngo Dinh Diem. Press office. Presidency of the Republic of Vietnam. Saigon, 1956. P. 34.
- ²² Tổng cục thống kê, niên giám thống kê 1979 (Главное управление статистики, статистический ежегодник, 1979).
- ²³ Major policy speeches by president Ngo Dinh Diem. Press office. Presidency of the Republic of Vietnam. Saigon, 1956. PP. 13-14.
- ²⁴ Этого не удалось избежать руководству СРВ, также попытавшемуся в 1977-1978 гг. ограничить роль частного китайского капитала (в первую очередь банковского), что в результате стало одной из основных причин вторжения КНР в страну в феврале 1979 г.
- ²⁵ «Kinh tế tập san» №6. 1963. tr. 9-10 («Кинь те тап сан» №6, 1993. С. 9-10).
- Подобное условие было применимо только в отношении краткосрочных кредитов, которые, впрочем, составляли основную массу от общего числа (более 90%).
- ²⁶ «Kinh tế tập san» №6. 1963. tr. 9 («Кинь те тап сан» №6, 1993. С. 9).
- ²⁷ Jonas G. Agricultural and land development achievements in the Republic of Vietnam since 1956. N.Y., 1959. P. 9.
- ²⁸ Ch. Robeqain. The economic development ... P. 284.
- ²⁹ Первый пятилетний план оказался и последним в Республике Вьетнам. После свержения Нго Динь Зиема к планированию уже не прибегали, т.к. это было бесполезно в обстановке постоянных военных действий.
- ³⁰ Названия этих программ по-вьетнамски: «cải cách điền địa», «chương trình khu dinh điền», «chương trình khu trừ mật».
- ³¹ Lê Mậu Hãn. Đại cương lịch sử Việt Nam Tập 3. H.N. 2000. tr. 155. (Ле Май Хан. Краткая история Вьетнама. Т. 3. Ханой, 2000. С. 155).
- ³² Вьетнамское наименование данной категории земли — ruộng hương hòa.
- ³³ Всего перераспределению подлежало 698 тысяч гектаров земли, принадлежавшей 2.468 гражданам (включая 433 французов, на долю которых приходилось 262 тысячи гектаров). Подавляющее большинство земель, затронутых реформой, находилось в провинциях к югу и западу от Сайгона.
- ³⁴ См, например, Gittinger, P. Progress in South Vietnam's agrarian reform. Far Eastern survey. January 1960; Jonas G. Agricultural and land development achievements in the Republic of Vietnam since 1956. N.Y., 1959.
- ³⁵ И.М. Щедров. Южный Вьетнам сегодня. М., 1962. С. 144.
- Его оценка аграрной реформы Нго Динь Зьема в целом соотносится с мнением по ней другого советского автора З. Дудник, написавшей работу «Аграрный вопрос в Южном Вьетнаме». Главным выводом З. Дудник было убеждение в том, что аграрные проблемы Южного Вьетнама могут быть решены только в ходе программ, проводимых НФОЮВ.
- ³⁶ Presidency. Toward better mutual understanding. Vol. 1, 2-d edition. Saigon, 1958. P. 30.
- ³⁷ Op.cit. P. 31.
- ³⁸ News from Viet Nam. January 17. P. 4.
- ³⁹ Ph. Catton. Diem's final failure: prelude to America's war in Vietnam. Kansas, 2002. P. 67.
- ⁴⁰ Thông điệp của Tổng thống đọc trước Quốc hội trong buổi khai mạc khóa họp thường lệ ngày 02.10.1961 в «Kinh tế tập san», tháng 11 năm 1961, tr. 7. (Послание Президента, зачитанное перед Национальным собранием на открытии сессии 02.10.1961 в «Кинь те тап сан», ноябрь 1961 г. С. 7).
- ⁴¹ Ph. Catton. Diem's final failure: prelude to America's war in Vietnam. Kansas, 2002. P. 58.
- ⁴² Thông điệp của Tổng thống đọc trước Quốc hội trong buổi khai mạc khóa họp thường lệ ngày 02.10.1961 в «Kinh tế tập san», tháng 11 năm 1961, tr. 7 (Послание Президента, зачитан-

ное перед Национальным собранием на открытии сессии 02.10.1961 в «Кинь те тап сан», ноябрь 1961 г. С. 7).

⁴³ Thông điệp của Tổng thống đọc trước Quốc hội trong buổi khai mạc khóa họp thường lệ ngày 02.10.1961 в «Kinh t? t?p san», tháng 11 năm 1961, tr. 3. (Послание Президента, зачитанное перед Национальным собранием на открытии сессии 02.10.1961 в «Кинь те тап сан», ноябрь 1961 г. С. 3).

⁴⁴ Руководители Республики Вьетнам предполагали даже отказаться от безвозмездной помощи американских технических специалистов и перейти к отношениям работодатель (РВ) — наемный работник (американский специалист), получающий от него жалование.

⁴⁵ Directorate General of Information. Viet Nam's strategic hamlets, 2-d rev. ed. Saigon, 1963. P. 27.

⁴⁶ Vietnam's strategic hamlets, 2-d edition. Saigon, 1963. P. 27.

⁴⁷ Op.cit. P. 115.

⁴⁸ The Pentagon papers. Vol. 2. Chapter 2, «The Strategic Hamlet Program, 1961-1963,» Bos., 1971. P. 157.

⁴⁹ Об успехе сайгонских властей свидетельствуют, в частности, следующие данные, полученные из секретного документа ДРВ, захваченного американскими спецслужбами в апреле 1969 года — Партийный доклад о ситуации в Нам Бо (Южном Вьетнаме) в 1954 — 1960 гг. Обличая «террористическую» сущность политики Нго Динь Зьема, авторы доклада вынуждены признать, что «к 1959 г. противнику удалось установить эффективный административный контроль от центрального уровня до самого низового; наладить четкое взаимодействие в военном аппарате от центрального штаба до народных милицейских дружин. Благодаря этому сайгонские власти контролировали практические полностью всю территорию страны, включая даже самые отдаленные районы. Программа расселения беженцев позволила противнику установить контроль на Восточными джунглями, районом Донг Тхап и У Минь (исторически наиболее трудные для правительственного контроля территории в Южном Вьетнаме). Противник преуспел в применении большинства из своих масштабных программ, чем нанес огромные потери нашей Партии и нашему народу. Можно сказать, что если бы не подняли всеобщее движение протеста в конце 1959 года (имеется в виду принятое на расширенном пленуме ЦК ПТВ решение о переходе к «всеобщему восстанию» на юге страны), то все население Нам Бо оказалось бы включенным в создаваемые Сайгоном агрогорода».

Party account of the situation in the Nam Bo region of South Vietnam from 1954 — 1960. P. 16-17.

Документ, по всей видимости, был составлен в 1961 году. С полным текстом этого документа можно ознакомиться на сайте Электронного вьетнамского архива Техасского университета www.virtual.vietnam.ttu.edu.

⁵⁰ Д. Пайк, автор фундаментального труда по организации и деятельности Фронта, так характеризует его методы и цели: «Неизменной целью Фронта было превращение сельского Вьетнама в море разгневанных крестьян, которое поднялось бы одновременно во всеобщем восстании и смело бы все существующие социальные формы. Таким образом, задачей был не обычный социальный протест, принявший насильственную форму, и не обычные революционные волнения, которые развиваются во всем мире и на которые мызираем с сочувствием, поскольку их причина кроется в низком уровне жизни населения или деспотическом и коррумпированном правительстве. Революционная партизанская война была здесь совершенно иной. Речь шла о привозном продукте, революции извне; ее орудие — недовольство — зачастую создавалось искусственно; ее цель — освобождение — была обманом».

Pike, D. Viet Cong. The Organisation and Techniques of the National Liberation Front of South Vietnam. MIT Press, 1967. PP. 32-33.

Россия — АСЕАН: сотрудничество и перспективы

В Концепции внешней политики РФ, утверждённой Президентом России 12 июля 2008 г., важное место среди наших региональных приоритетов занимает Азиатско-Тихоокеанский регион, обладающий огромным экономическим и ресурсным потенциалом. На его долю (включая страны Северной и Латинской Америки, имеющие выход к Тихому океану) приходится примерно 40% населения планеты, почти 50% оборота мировой торговли, 60% общемирового ВВП и 40% объёма прямых инвестиций в мире. Считается, что в этот регион в XXI в. будет смещаться центр тяжести мировой экономики, вектор торговых и финансово-инвестиционных потоков.

Как подчёркивается в Концепции, в контексте многовекторной внешней политики России АТР имеет важное и всё возрастающее значение¹. Это обусловлено как принадлежностью России к АТР, так и заинтересованностью в использовании его возможностей при реализации программ экономического подъёма Сибири и Дальнего Востока.

Возрастает и геостратегическое значение АТР. В формирующемся многополярном устройстве на первые роли выдвигаются быстрорастущие страны АТР — Россия, Китай, Индия, ведущие государства АСЕАН. Сам регион становится зоной обостряющегося соперничества — за доступ к ресурсам, за расширение позиций на рынках, за политическое влияние. В этой связи академик Е.М.Примаков пишет о складывающейся сегодня «многоцентристской мировой структуре», о необходимости того, чтобы «формирующиеся в Азии полюса многополярного мира» стали «равноправными партнерами США, ЕС, России»².

В настоящее время в АТР идут бурные интеграционные процессы, ядром которых является Ассоциация стран Юго-Восточной Азии. Почти за 42 года своего существования Ассоциация приобрела уникальный опыт коллективной выработки общей линии поведения на международной арене, практики совместного нахождения решений имеющихся проблем на основе принципов консенсуса, взаимопомощи, консультаций, учёта интересов всех участников. Внушительным является экономический потенциал АСЕАН: 570 млн. населения (больше, чем у Евросоюза, объединяющего 27 государств-членов), совокупный ВВП — 1,1 трлн. долл, внешнеторговый оборот — 1,4 трлн. долл. Страны АСЕАН поддерживают высокий экономический рост на уровне 6% в год. В сочетании с дешёвой рабочей силой это делает АСЕАН

весьма привлекательным экономическим партнером для транснациональных корпораций.

Ассоциация достигла значительных успехов в политической области. Всё увереннее звучит голос АСЕАН на международной арене. Члены Ассоциации, как правило, вырабатывают общую позицию на крупных международных конференциях и встречах. К мнению Ассоциации прислушиваются другие страны на различных мировых форумах при решении важнейших вопросов международной политики. Государствами Ассоциации выдвинута и поддерживается концепция создания триединого сообщества АСЕАН к 2015 г. (в сфере политики и безопасности, экономического и социально-культурного сотрудничества). Концепция АСЕАН предполагает создание высокоинтегрированного объединения по типу Евросоюза, имеющего целью формирование общего политического, экономического и культурного пространства в ЮВА.

Не дожидаясь завершения глобальных переговоров по либерализации торговли в рамках Дохийского раунда ВТО, ряд стран АТР пошёл по пути формирования двусторонних и многосторонних зон свободной торговли. Этот фактор можно определить как магистральную тенденцию регионального развития. В свою очередь, страны ЮВА поставили перед собой задачу к 2015 г. сформировать Экономическое сообщество АСЕАН. План создания Экономического сообщества, который предусматривает комплекс мер по обеспечению ключевых экономических свобод, созданию общего рынка и единой производственной базы на пространстве Ассоциации, был подписан на сингапурском саммите в 2007 г. Подобная задача была закреплена в Декларации согласия АСЕАН — 2, где говорилось о необходимости создать «стабильный процветающий и высоко конкурентоспособный регион АСЕАН, в котором существует свободный поток товаров, услуг и инвестиций»³.

Можно с большой долей уверенности говорить о том, что страны АСЕАН сконцентрируются на решении вопросов, связанных с экономическими аспектами интеграции, как составной частью создания Экономического сообщества АСЕАН. При этом при реализации задач, касающихся построения Экономического сообщества АСЕАН, допускается определённый отход от основополагающего принципа консенсуса в принятии решений. В таких случаях может быть задействована формула «АСЕАН минус икс» (или «десять минус икс»), предусматривающая разноскоростную экономическую интеграцию в зависимости от степени готовности к ней стран-членов Ассоциации.

Достигнут значительный прогресс и в организационном плане деятельности АСЕАН, имея ввиду одобренное в 2007 г. на юбилейном саммите в Сингапуре решение о принятии Устава Ассоциации. Вес Ассоциации в региональных делах после вступления Устава АСЕАН в силу значительно возрастает. В международно-правовом плане подпи-

сание и принятие Устава АСЕАН ещё раз подтверждает тот факт, что Ассоциация функционирует как полномасштабная международная организация.

Принятие Устава, с одной стороны, отражает атмосферу взаимного доверия внутри Ассоциации, а с другой стороны, этот шаг — свидетельство того, что государства АСЕАН внимательно относятся к вопросу повышения своего международного авторитета. Надо отметить, что в последние годы под предлогом адаптации к изменившимся международным условиям внутри АСЕАН высказывались идеи пересмотра основополагающих принципов деятельности Ассоциации, в частности, снятия «табу» на обсуждение внутриполитических проблем её отдельных членов и отмены принципа консенсусного принятия решений. Однако подобные идеи не получили практической реализации из-за жёсткой позиции ряда стран, прежде всего Вьетнама, Малайзии и Мьянмы, являющихся принципиальными противниками любого вмешательства во внутренние дела.

Следует подчеркнуть также и тот факт, что сам Устав явился результатом непростого компромисса. Документ представляет собой свод правил, по которым функционирует Ассоциация (включая принципы консенсуса в принятии решений, невмешательство во внутренние дела стран-участниц и др.). Это означает, что на данном этапе планы группы стран — радикальных реформаторов во главе с Сингапуром не были поддержаны большинством участников, в первую очередь, Вьетнамом, Камбоджей, Лаосом и Мьянмой, предпочитающими идти по пути интеграции более размеренно. Таким образом, окончательное институциональное реформирование Ассоциации может занять достаточно длительный срок. К настоящему времени все страны-участницы АСЕАН завершили работу по выполнению внутригосударственных процедур, необходимых для вступления Устава в силу, и 15 декабря 2008 г. на специальной встрече министров иностранных дел стран АСЕАН было официально объявлено о его вступлении в силу.

Продолжается работа по имплементации Устава, главная цель которой — придать его положениям большую конкретику. Речь идёт об оптимизации существующих в рамках АСЕАН институтов и структур, что, по замыслу, направлено на их деbüroкратизацию. В соответствии с Уставом должны быть созданы Координационный совет в составе министров иностранных дел «десятки», министерские советы в области политики и безопасности, в экономической и социально-культурной сфере, Комитет постоянных представителей при АСЕАН, две группы высокого уровня — по урегулированию споров и по выработке полномочий Структуры по правам человека.

Достаточно успешно работает диалоговая форма сотрудничества АСЕАН с другими государствами. АСЕАН является диалоговым партнером девяти стран. Ассоциация взаимодействует в рамках этой фор-

мы сотрудничества с Австралией, Индией, Канадой, Китаем, Новой Зеландией, Республикой Корея, Россией, США и Японией, а также ЕС и ПРООН (Программа развития ООН). Диалоговое сотрудничество осуществляется с помощью специальных механизмов, главными среди которых являются Совместные комитеты сотрудничества (СКС). Основные направления сотрудничества определяются на ежегодных встречах министров иностранных дел стран АСЕАН с партнерами по диалогу, которые проходят в привязке к СМИД (Совет министров иностранных дел) Ассоциации в рамках т.н. постминистерских конференций в форматах «10+10» и «10+1».

Формируется влиятельный центр торгово-экономического взаимодействия в лице механизма сотрудничества АСЕАН + Китай. В более широком субрегиональном разрезе реализуется схема АСЕАН+3 (Япония, Китай, Южная Корея). Именно в рамках последней схемы удалось достичь высокого уровня регионального взаимодействия, главным образом в экономической сфере. Успешное её функционирование — результат усилий тринадцати государств, направленных на проведение согласованных действий в торгово-экономической сфере. Остальным механизмам многостороннего сотрудничества пока ещё только предстоит пройти этот путь, чтобы достичь подобного уровня регионального взаимодействия.

Другими словами, в регионе полным ходом идёт строительство качественно новой модели экономических отношений с минимальными торговыми барьерами, взаимопроникающими производственными цепочками, свободным движением капиталов и услуг.

Заслуживает внимания и та роль, которую государства АСЕАН играют в рамках более широких международных объединений в АТР — АРФ, ВАС, АТЭС, АТПФ, АИПА.

Что касается внутриасеановской экономической интеграции, то её уровень по-прежнему невысок. Страны АСЕАН изначально и до сих пор торгуют больше с другими странами, а не друг с другом⁴. В этой связи, видимо, можно утверждать, что в целом история развития АСЕАН подтверждает тот факт, что основой её функционирования является не экономическая интеграция, а поддержание регионального мира и обеспечение безопасности⁵.

Говоря о проблемах безопасности в регионе, следует отметить, что налицо стремление АСЕАН стать системообразующей структурой по обеспечению безопасности в АТР. В целом ситуация в АТР характеризуется сбалансированностью и относительной стабильностью. Однако вместе с тем, здесь сохраняется значительный конфликтный потенциал, обусловленный как внутрирегиональными узлами противоречий, так и воздействием глобальных военно-политических процессов. Помимо традиционных источников напряжённости, способных дестабилизировать ситуацию, положение усугубляют новые риски и вызовы

(международный терроризм, наркотрафик, пиратство и морской терроризм, другие виды организованной преступности, распространение пандемических заболеваний, климатические изменения, борьба за энергоресурсы).

На этом фоне императивом становится формирование в регионе новой, более совершенной системы межгосударственных отношений и многостороннего политического диалога, которая стала бы надёжной гарантией стабильного и безопасного развития расположенных там государств. Сейчас ключевая роль в создании основ такого международного порядка принадлежит Региональному форуму АСЕАН (АРФ) в составе 26 участников, занимающемуся созданием инструментов своевременного предупреждения и урегулирования конфликтов и ставшему центральной структурой многостороннего сотрудничества в сфере безопасности. Важной составляющей деятельности АРФ является антитеррористическое сотрудничество. Несмотря на разнообразные проблемы, стоящие перед странами региона, АРФ сегодня — единственная организация, которая независимо от экономических, социальных и идеологических различий её участников позволяет проводить открытые и широкие дискуссии по вопросам региональной безопасности, претворять в жизнь идеи превентивной дипломатии, транспарентности и укрепления мер доверия, осуществлять сотрудничество в области предотвращения и ликвидации последствий стихийных бедствий и гуманитарных катастроф. При том, что на данном этапе АРФ является одним из ключевых инструментов межправительственного диалога по проблемам мира и стабильности в АТР по мере своей эволюции он мог бы стать фундаментом для формирования многокомпонентной системы безопасности в регионе в целом⁶.

В последнее время АРФ стал активнее разворачиваться в сторону поиска путей коллективного ответа на вызовы современности — противодействие международному терроризму, обеспечение энергетической безопасности, реагирование на ЧС и др. На министерской сессии форума в Сингапуре в июле 2008 г. Россия выступила с инициативой взять на себя функции сопредседателя Межсессионной встречи АРФ по противодействию международному терроризму и транснациональной преступности в 2010 г. Россия считает целесообразным акцентировать в рамках АРФ проблематику нераспространения и разоружения, других актуальных вопросов безопасности (Китай, например, также поддерживает перевод столь деликатных вопросов из «круга ведения» АТЭС на поле АРФ).

Тесно связано с деятельностью АСЕАН и функционирование с 2005 г. нового межгосударственного объединения — Восточноазиатские саммиты (или АСЕАН+6). Его можно охарактеризовать как новый и достаточно влиятельный механизм межгосударственного диалога стран Азиатско-Тихоокеанского региона по широкому кругу полити-

ческих и экономических проблем, в котором ведущее место отводится АСЕАН. Помимо «десятки» в его состав вошли Япония, Китай, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия и Индия. У ряда его участников есть большое желание превратить данную структуру в новый экономический блок, но пока этот форум не нашёл своей ниши в системе регионального разделения труда.

Государства Ассоциации активно участвуют в работе АТЭС, шесть стран АСЕАН уже являлись хозяевами ежегодно проводимых саммитов АТЭС. АТПФ — ещё один международный форум, в котором активную роль играют государства АСЕАН. Функционирует и Межпарламентская ассоциация стран АСЕАН (АИПА).

Широкое развитие региональной интеграции на открытой, равноправной основе соответствует интересам России на азиатско-тихоокеанском пространстве. Наша страна выступала и продолжает выступать против создания в регионе замкнутых группировок типа планируемого выстраивания «стратегического треугольника» США — Япония — Австралия, тем более с вероятным подключением к нему Индии⁷. Особенно важно, чтобы региональные структуры и впредь формировались по проверенной временем модели — вокруг асеановского ядра или с чётко заявленной опорой на него.

Это можно отнести и к обсуждаемой в настоящее время сравнительно новой идее, выдвинутой премьер-министром Австралии К.Раддом, о создании нового регионального объединения в АТР — Азиатско-Тихоокеанского сообщества. При этом речь идёт о формировании такой региональной структуры, которая занималась бы не только торгово-экономическими, но и политическими вопросами и проблемами региональной безопасности.

Россия стала заметнее в АТР и политически, и с точки зрения экономического присутствия, и в плане участия в различных многосторонних объединениях. С 1994 г. Россия — участник АРФ, в 1996 г. оформила диалоговое партнерство с АСЕАН.

Исторически сложилось так, что наиболее продвинутой сферой российско-асеановских связей является политическая. Ведутся переговоры и осуществляются контакты на различных уровнях (саммиты, встречи министров иностранных дел и др.) Обе стороны, как правило, занимают общую или схожую позиции и активно взаимодействуют в ООН, АРФ, АТЭС и других международных организациях и форумах.

Принципиально важное значение имела встреча на высшем уровне Россия — АСЕАН в декабре 2005 г. в Куала-Лумпуре, которая определила основные направления взаимодействия РФ с АСЕАН на перспективу и подвела под него солидную договорно-правовую базу.

В силу ряда причин имеющийся значительный потенциал торгово-экономических связей России со странами АСЕАН пока реализуется не в полной мере. Это отставание особенно рельефно проявляется

ся на фоне успешно набирающего обороты политического диалога. Так, объём торговли России и АСЕАН вырос с 1,3 млрд. долл. в 2000 г. до немногим более 7 млрд. долл. в 2007 г. (для сравнения: взаимный товарооборот АСЕАН — Китай за этот же срок увеличился с 40 до 190 млрд. долл.). На сегодняшний день удельный вес АСЕАН во внешней торговле России составляет около 1,2%, а российская доля в общем товарообороте АСЕАН — порядка 0,5%.

Государства Ассоциации подчёркивают заинтересованность в продвижении торгово-экономического сотрудничества с Россией, в том числе в контексте формирования Экономического сообщества АСЕАН. Ими на разных уровнях регулярно поднимается вопрос о подключении России к переговорам по заключению соглашения о формировании зоны свободной торговли. Основной задачей углубления взаимодействия в данной области является наполнение его материальным содержанием. При этом основными направлениями видится сотрудничество в области энергетики и энергобезопасности, экологии, науки и высоких технологий, ликвидации последствий ЧС, туризма и культуры, а также в сфере борьбы с терроризмом и транснациональной преступностью. Готовится к подписанию летом 2009 г. на ежегодной встрече государств АСЕАН межправительственное Соглашение о сотрудничестве России — АСЕАН в области культуры. В условиях мирового экономического кризиса вышеуказанные направления сотрудничества представляются ещё более актуальными.

Проблемы подъёма экономики регионов Сибири и Дальнего Востока тесно связаны с развитием связей РФ со странами АТР и, в частности, с государствами Юго-Восточной Азии. Связи этих российских регионов с государствами АСЕАН могли бы быть гораздо более тесными: у обеих сторон есть всё необходимое для взаимовыгодного сотрудничества⁸. Так, асеановские партнеры приветствовали бы инициативу со стороны местных администраций российского Дальнего Востока по налаживанию межрегионального сотрудничества. Обнадёживает, что появилась тенденция выхода российских субъектов хозяйствования на контакты с партнёрами в государствах АСЕАН. Активной поддержки заслуживает деятельность по линии Российского национального комитета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (РНКТЭС). Отечественные корпорации сырьевого, металлургического, телекоммуникационного секторов наращивают здесь своё присутствие. Сложнее обстоит дело с налаживанием связей на уровне среднего и малого бизнеса. Перед государственными структурами наших стран стоит задача сформировать такие условия, которые бы позволили деловым структурам без помех устанавливать контакты и сотрудничать.

Российской стороной подготовлена «дорожная карта» по реализации Комплексной программы действий Россия — АСЕАН до 2015 г. и

межправительственного Соглашения о сотрудничестве в области экономики и развития. Министерское совещание Россия — АСЕАН в июле 2008 г. в Сингапуре определило дальнейшие шаги по продвижению «дорожной карты» в жизнь. Планируются к запуску совместные проекты по линии Финансового фонда диалогового партнерства Россия — АСЕАН (ФФДП), в который российская сторона в 2007 г. осуществила первый взнос в сумме 500 тыс. долл. Эти проекты включают в себя:

- семинар по возобновляемым источникам энергии;
- конференцию по развитию электронной коммерции в сфере малого и среднего бизнеса;
- курсы по изучению русского языка в странах АСЕАН и для туроператоров стран АСЕАН;
- создание Центра АСЕАН при МГИМО;
- создание веб-сайта для бизнес-сообществ России и АСЕАН.

Большинство проектов носит долгосрочный характер. Среди уже реализованных — экспертные семинары по созданию вакцин нового поколения и по возобновляемым источникам энергии. Одновременно прорабатываются новые перспективные направления сотрудничества, в том числе в области биотехнологий.

Что даёт осуществление этих проектов России и АСЕАН? Целью такого рода деятельности для государств АСЕАН является выравнивание уровней экономического развития «новых» и «старых» членов АСЕАН. Для России кооперация с АСЕАН в сфере развития важна и для социально-экономического подъёма Сибири и Дальнего Востока.

Асеановцы проявляют особый интерес к теме энергетического сотрудничества с Россией, в том числе в связи с планами создания к 2015 г. Трансасеановского газопровода и единой энергосистемы АСЕАН, а также повышения роли атомной энергетики и нетрадиционных источников энергии.

В интервью филиппинской газете российский министр иностранных дел Сергей Лавров отмечал, что работа на этом направлении может предполагать реализацию совместных программ и на российской и на асеановской территории. Это касается, в частности, проектов сооружения нефте- и газопроводов из Восточной Сибири к тихоокеанскому побережью, запуска сахалинских объектов и создания объектов энергетической инфраструктуры в странах АСЕАН⁹.

В сфере экономического сотрудничества можно продумать механизм более широкого использования парламентских и иных форумов и движений, которые проводятся и существуют у нас в Сибири и на Дальнем Востоке для максимального интегрирования Сибири и Дальнего Востока в АТР. Россия могла бы, в частности, выступить с инициативой проведения в рамках АТР парламентской конференции по энергетическому диалогу. Усилия по государственной линии должны эффективно дополняться деятельностью неправительственных орга-

низаций. Это способствовало бы формированию позитивного имиджа России и тем самым укреплению духа взаимопонимания и сотрудничества со странами региона. Так, одной из главных целей общественного движения «Восточное измерение» является выведение российских регионов Сибири и ДВ в сферу торгового и экономического сотрудничества с этой группой стран.

К числу наших основных направлений сотрудничества сегодня относятся высокие технологии. Речь идёт о взаимодействии России со странами АТР в области образования, науки и высоких технологий. Россия считает вполне оправданной активизацию сотрудничества государств АТР в инновационной сфере, особенно в развитии нанотехнологий, информатике, науке о жизни, биотехнологии и др.

Российская сторона придаёт большое значение разработке мер углубления гуманитарного сотрудничества в области науки, культуры, образования стран региона. Этой цели отвечало бы расширение научных обменов, проведение совместных конференций, симпозиумов, семинаров с участием деятелей науки, студентов, обучающихся в государствах АТР, организация кинофестивалей, выставок и др.

В этой связи большое значение уделяется развитию концепции межцивилизационного диалога. По инициативе России эта концепция была включена в повестку дня деятельности АТЭС и АРФ и рассматривается как важный инструмент противодействия идеологии терроризма, воспитания нетерпимости к нему. Российской стороной разработан, в частности, проект заявления Председателя АРФ «О развитии межцивилизационного диалога». Специфика АТР, в частности Юго-Восточной Азии, её культурно-цивилизационное разнообразие позволяют отработать здесь модель поддержания в мире межцивилизационного согласия.

В настоящее время создаются условия для многополярного мира. В этом — основа формирующейся новой международной системы. Странам Юго-Восточной Азии, государствам АТР в целом отведено достойное место в структуре этой международной системы. Интересно, что Генсек ООН Пак Ги Мун подтвердил, что принцип многополярности, которого придерживается Россия, весьма близок многосторонности, т.е. тому краеугольному камню, на котором зиждется ООН.

Сегодня страны Юго-Восточной Азии стоят на пороге принятия решения, как вести дела в нынешнем стремительно меняющемся мире, что должно в их политическом поведении подвергнуться переменам, что остаться неизменным, в какую сторону должны быть смещены акценты, что должно быть изъято. Мир стал свидетелем трансформирующихся изменений, появления новых масштабных вызовов. Однако способность стран АТР, государств Юго-Восточной Азии эффективно работать вместе над решением мировых, региональных и двусторон-

них проблем может сохраниться в качестве позитивной силы на благо глобальной стабильности.

При всём внешнем благополучии в регионе, разумеется, решены далеко не все проблемы. Примером этому служат события, произошедшие в апреле 2009 г. в Таиланде, результатом которых явился фактический срыв саммита АСЕАН и встречи лидеров АСЕАН с руководителями Китая, Японии, Республики Корея, других стран и международных организаций. События в Таиланде отделили сложную внутривнутриполитическую и социально-экономическую обстановку в стране. Это неизбежно экстраполируется и на отношения членов Ассоциации друг с другом и с другими государствами.

Для российской стороны является чрезвычайно важным развитие всесторонних отношений с государствами АСЕАН, так как на сегодняшний день АСЕАН представляет собой в дипломатическом плане наиболее продвинутую, в политическом отношении успешную и в институциональном плане наиболее всеобъемлющую структуру за пределами Европы. Не так давно Посол РФ в Индонезии назначен постоянным представителем России в АСЕАН.

В 2012 г. планируется проведение саммита форума АТЭС во Владивостоке. К России впервые переходит председательство в этом региональном объединении. Это накладывает на Россию большую ответственность, вместе с тем даёт ей и стратегический шанс. АТЭС-2012 должен дать мощный импульс устойчивому развитию российского Дальнего Востока и Восточной Сибири, укреплению безопасности в обширном регионе АТР в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. М., 2008. С.21.

² Примаков Е. Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость. М., 2009. С.192.

³ International Affairs. 84:4, 2008. С.736.

⁴ International Affairs. 84:4, 2008. С.740.

⁵ International Affairs. 84:4, 2008. С.742.

⁶ Current History. April 2006. С.159.

⁷ Orbis. Vol.52 N4, Fall 2008. С.682.

⁸ Политический класс. №8 2005. С.50-64.

⁹ Прайм-ТАСС 01.08. 2007.

АСЕАН — Япония в индокитайском ракурсе

К моменту образования АСЕАН внешняя политика Японии была полностью подчинена задаче создания экономически мощного государства. «Основным внешнеполитическим средством реализации этой задачи стала ориентация на союз с США, призванный не только вернуть Японию в систему международных отношений, но и обеспечить ее военную безопасность, а в дальнейшем создать предпосылки для завоевания прочных позиций на рынках мира».

Политика ЕЭС и возросшие экономические противоречия с США еще в конце 1960-х годов подтолкнули Японию к созданию в перспективе собственной экономической сферы в регионе Восточной Азии. При этом Япония обратила свой взор на группу государств Юго-Восточной Азии, объединившихся в Бангкоке в 1967 г. в Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), включившую в себя Индонезию, Малайзию, Таиланд, Сингапур и Филиппины. Уже сам факт уплаты Японией государствам ЮВА репараций стал и формой привязки экономик стран-реципиентов к нуждам ее собственной.

Стремление этих государств к экономической интеграции и политической консолидации диктовалось борьбой за «выживание» в системе мирового хозяйства; за упрочение политической независимости, обеспечение политической стабильности своих режимов и повышение их авторитета и влияния на международной арене. При этом действовал и такой важный фактор, определивший необходимость тесной, прежде всего политической консолидации сил внутри Ассоциации, как стремление сдержать проникновения коммунизма в ЮВА. Следует учесть, что Филиппины и Таиланд принимали участие в американской агрессии во Вьетнаме. По свидетельству крупнейшего американского специалиста по международным отношениям в АТР Р.А. Скалапино, АСЕАН фактически никогда не была нейтральной организацией в строгом смысле этого слова. В экономическом, политическом и стратегическом отношениях она явно тяготела к западным странам и Японии, которая изначально видела в странах АСЕАН силу, противостоящую усилению позиций социализма в ЮВА.

Призывая оказать всемерную поддержку вновь созданному блоку, японская газета «Джапан Таймс» отмечала, что в необходимости согласованных действий небольшие страны Юго-Восточной Азии убеждают два фактора: борьба против подрывной коммунистической деятельности, будь то извне или изнутри, и не менее неотложная задача форсировать экономическое развитие

Действия Японии в этом регионе резко отличались от других направлений ее внешней политики. Если на главном, в отношениях с США, официальный Токио вынужден был держать себя как младший партнер, то в ЮВА он уже выступал в роли «покровителя», часто спекулируя на идее «единства и общности» азиатов и их интересов, стремясь к тем политическим и экономическим выгодам, которые можно извлечь из роли «старшего брата» азиатских стран, вожака «стаи летящих гусей».

В первое десятилетие существования АСЕАН Япония поддерживала довольно тесные связи со странами Ассоциации, но только с каждой в отдельности, не уделяя ей внимания как организации, поскольку считала ее малоэффективной.

Серьезное воздействие на обстановку в ЮВА и на позицию Японии оказала Гуамская доктрина Р.Никсона (1969 г.), основная идея которой состояла в сокращении объема обязательств США и степени их вовлеченности в дела региона, за счет увеличения доли «ответственности» самих азиатских стран. Эта доктрина была напрямую адресована Японии, которой Вашингтон предлагал взять на себя основное финансово-экономическое бремя по обеспечению стабильности и безопасности в регионе, что существенно меняло положение Японии в американо-японском тандеме и выводило ее на широкую политическую арену в Азии.

Одним из инструментов «привязки» стран АСЕАН к японской экономике стала официальная помощь развитию (ОПР), более половины которой направлялось в Восточную Азию, в основном членам Ассоциации.

Оказание безвозмездной помощи и организация технического сотрудничества входило в компетенцию японского МИДа, что лишний раз подтверждало внешнеполитический характер японской ОПР.

Согласно американской формуле «пусть азиаты воюют против азиатов», Япония играла роль своего рода субподрядчика, который отвечал за их тыловое обеспечение.

Поражение в Восточном Индокитае привело к вынужденному сокращению американского военного присутствия в ЮВА, к падению морально-политического влияния США и в значительной степени обесценило систему созданных ими двусторонних и многосторонних блоков и союзов с азиатскими странами. Все это объективно способствовало укреплению позиции Японии в рамках японо-американского союза, повышению степени ее самостоятельности и независимости. Госсекретарь Г.Киссинджер заявлял, что США намерены «предоставить самому важному союзнику в Азии большую роль и положение равноправного партнера, поскольку надежды США на мирную и процветающую Азию в значительной мере зависят от творческого участия Японии в решении многих международных проблем».

Находясь в жесткой связке с США по глобальным межсистемным проблемам внешней политики, Япония в 1970-е гг. начала играть соб-

ственную политическую роль в ЮВА, что неизбежно потребовало пересмотра характера отношений с АСЕАН.

В 1972 г. премьер Сато заявил президенту Индонезии Сухарто, что Япония готова сотрудничать с Ассоциацией. Не случайно из Токио все чаще звучали заверения, что Япония готова не только «учитывать», но и «защищать» интересы асеановской «пятерки», нести ответственность за поддержание в регионе мира и процветания.

Япония стремилась взять на себя часть политической роли, которую играли в Азии США, и использовать в своих целях АСЕАН, призывая ее стать «эффективным барьером на пути дальнейшего распространения коммунистического влияния в Юго-Восточной Азии». Как справедливо отмечает российский исследователь Р.Ш. - А. Алиев, политическая стабильность зависела от «баланса», или равновесия основных сил в регионе, но Токио в эти «основные силы» не включил страны АСЕАН и индокитайские государства. «Они рассматривались и в Токио, и в Вашингтоне как объекты, но, ни в коем случае не субъекты политики

Освобождение Южного Вьетнама и образование СРВ, свержение проамериканского режима генерала Лон Нола в Камбодже и ликвидация монархии в Лаосе, ускорили региональное сотрудничество в рамках АСЕАН, прежде всего в сфере политической, что и было отмечено на первом саммите в 1976 г. на о. Бали. Сингапурская пресса не случайно назвала эту встречу политическим итогом вьетнамской войны, главным из которых стало уменьшение влияния США в регионе.

Оправившись от психологического шока, вызванного событиями в Восточном Индокитае, и продолжая противостоять социалистическим странам этого субрегиона, страны АСЕАН вместе с тем продемонстрировали готовность идти по пути укрепления межгосударственного сотрудничества с ними, дать им другую — отличную от просоветской или прокитайской — перспективу, к чему стремилась и Япония. Принятый в 1976 г. на о. Бали Договор о дружбе и сотрудничестве в ЮВА, предусматривавший возможность присоединения к АСЕАН и других стран региона, фактически был обращен к государствам Восточного Индокитая.

Для усиления своего политического веса и расширения сферы экономического влияния Япония готовилась к роли «посредника» между странами Ассоциации и индокитайскими государствами, подписав с последними ряд экономических соглашений.

На конференции японских послов в ЮВА (март 1976 г. Гонконг) была отмечена жизнеспособность АСЕАН, а также заявлено о готовности к сотрудничеству с этой организацией и со странами Восточного Индокитая на базе мирного сосуществования, как основы японской политики в ЮВА.

Япония надеялась, что мирное сосуществование между АСЕАН и странами Индокитая будет способствовать стабилизации ЮВА и не

поставит Токио перед необходимостью выбора направления своей экономической и политической активности в регионе.

Но ориентация пол-потовской Демократической Республики Кампучии на Китай, отношения с которым у СРВ и СССР оставались напряженными, создала новое соотношение сил в регионе и повлияла на международную обстановку в целом. Это заставило Соединенные Штаты и Японию сделать ставку на АСЕАН как на своего рода «санитарный кордон» против СРВ, что привело, в конечном счете, к резкому повышению уровня связей Японии с членами Ассоциации. Япония стала рассматривать организацию в качестве важного звена в системе региональной безопасности ЮВА.

В ноябре 1976 г. постоянный секретариат АСЕАН предложил начать «широкомасштабный» диалог с Японией. В декабре 1976 г. в Токио нанес визит генеральный секретарь Ассоциации Дарсоно.

Токио посетили президент Филиппин Ф. Маркос, министр иностранных дел Индонезии А. Малик, премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю. Премьер-министр Японии Т. Фукуда, заявив, что этот регион занял в политике Японии «второе место после США», взял курс на развитие контактов с АСЕАН как с Ассоциацией.

Курс Т. Фукуды в отношении АСЕАН нашел полную поддержку в Вашингтоне. В совместном коммюнике, подписанном во время встречи Дж. Картера с премьер-министром Японии в марте 1977 г. в Вашингтоне, АСЕАН впервые упоминалась как региональная организация, на которую возлагались надежды, что она сможет отчасти взять на себя функции развалившихся блоков, хотя бы в идеологическом плане.

Весной 1977 г. был учрежден «Форум АСЕАН — Япония». Занимаясь преимущественно экономическими вопросами, он стал важным и с политической точки зрения, поскольку дал возможность сторонам изложить свои позиции по вопросам, представлявшим взаимный интерес. Япония выразила готовность рассматривать любые предложения АСЕАН.

Тем не менее, новые внешнеполитические планы Японии, цель которых сводилась к приведению политического авторитета страны в большее соответствие с её экономической мощью, требовали активизации внешнеполитической деятельности, что и нашло свое отражение в ходе поездки премьера Т.Фукуды в страны АСЕАН, открывшей новый этап в развитии двусторонних отношений.

«Джапан Таймс» отмечала 26 июля 1977 г.: «Поездка Т. Фукуды в страны АСЕАН будет первым послевоенным шагом Японии, предпринимаемым с тем, чтобы она начала играть политическую роль в этом регионе». Вместе с премьерами Австралии и Новой Зеландии он был приглашен на вторую встречу на высшем уровне стран АСЕАН, которая проходила в Куала-Лумпуре в августе 1977 года и положила начало формированию системы диалогового партнерства Ассоциации с ведущими державами.

По завершении своего визита Фукуда сформулировал 18 августа в Маниле три принципа отношений Японии со странами Юго-Восточной Азии. Первый гласил, что «Япония не будет военной державой и не будет производить ядерное оружие». Согласно второму принципу, Япония обязалась приложить все усилия для укрепления доверия на основе налаживания «сердечных» взаимоотношений со странами АСЕАН не только в экономической и политической, но и в социальной и культурной областях».

В третьем принципе содержалось не только обещание Японии взаимодействовать с членами АСЕАН как равными партнерами и поддерживать их деятельность, направленную на укрепление сотрудничества в рамках самой Ассоциации, но и стремиться к расширению связей со странами Восточного Индокитае, чтобы способствовать тем самым укреплению дела мира в Юго-Восточной Азии в целом.

Таким образом, Токио пытался придать форму сбалансированности развитию отношений со всеми странами ЮВА и действовать в качестве своего рода «связующего звена» между странами АСЕАН и Восточным Индокитаем, что стало неотъемлемой частью политики Японии в последующие годы.

Новым в доктрине было и то, что экономическая тематика в ней тесно увязывалась с политическими вопросами и проблемами безопасности. Токио выступал в роли двуликого Януса: в сфере экономики Япония вносила существенный вклад в развитие стран ЮВА, а в области военно-политической смотрела в сторону США, что и проявилось при реализации третьего принципа доктрины Фукуды. Он касался обстановки в Восточном Индокитае, суть которой состояла в том, чтобы «изолировать» Вьетнам от СССР за счет налаживания экономического сотрудничества с СРВ и оказания ей «в разумных пределах» экономической помощи. Считая при этом полезным вовлечение Вьетнама в сотрудничество со странами АСЕАН и рассчитывая на усиление собственного политического влияния в Юго-Восточной Азии, Япония была готова сыграть роль «честного маклера» в процессе установления тесных контактов между ними.

После ввода в декабре 1978 г. вьетнамских войск на территорию Демократической Республики Кампучии, свержения там режима Пол Пота, провозглашения Народной Республики Кампучии и заключения правительствами СРВ, НРК и Лаоса союзных соглашений, страны Ассоциации осудили агрессию, а японский премьер Охира приостановил оказание помощи, обещанной Вьетнаму.

Поворот Японии и стран АСЕАН к политике конфронтации с Восточным Индокитаем объяснялся укреплением позиций левых сил в регионе. Эти перемены настолько испугали правящие круги Ассоциации и Японии, что они всячески пытались воспрепятствовать им. В то же время руководство АСЕАН и Японии стремились не допустить

открытого вооруженного конфликта, который был не выгоден ни Токио, ни странам Ассоциации.

Поскольку Соединенные Штаты, еще страдавшие «вьетнамским синдромом» дистанцировались от активного вмешательства в дела Кампучии, Япония и КНР выступили в качестве главных партнеров стран АСЕАН.

Так, на XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН осенью 1979 г. министр иностранных дел Японии С. Сонода полностью поддержал требование «асеановцев» о выводе всех иностранных войск с территории Кампучии и созыве международной конференции, в которой могли бы принять участие «все заинтересованные государства». В результате японское предложение, базировавшееся на признании правительства Пол Пота в качестве единственного представителя народа Кампучии, было включено в резолюцию, выдвинутую странами АСЕАН совместно с 30-ю другими государствами и принятой 14 ноября 1979 г. Генеральной Ассамблеей ООН, что, безусловно, способствовало сближению Японии и АСЕАН в политической сфере.

Символично, что новый премьер-министр Японии Судзуки совершил свой первый зарубежный визит не в США, как это было ранее принято, а в страны ЮВА. Это наглядно продемонстрировало сколь активную политику намеревалось проводить японское правительство в ЮВА. «Доктрина Судзуки» предполагала совместную работу и принятие совместных решений Японией и АСЕАН по главным региональным проблемам. Важной целью поездки Д. Судзуки было стремление добиться поддержки членов Ассоциации в организации международной конференции по урегулированию «кампучийской проблемы».

В июле 1981 г. конференция в Нью-Йорке, в ходе которой АСЕАН и Япония координировали свои действия, одобрила план урегулирования. В нем игнорировалось существование НРК, содержался призыв к активной поддержке пол-потовцев и требование вывода вьетнамских войск. В июне 1982 г. при активной поддержке АСЕАН и Японии было создано «коалиционное правительство Демократической Кампучии» (КПДК) в составе трех кхмерских оппозиционных фракций, возглавляемое Народом Сиануком и обосновавшееся в КНР.

Токио считал, что основную моральную, политическую и военную поддержку кхмерской оппозиции должны оказывать страны АСЕАН как ближайшие соседи и государства, наиболее заинтересованные в разрешении конфликта.

Став премьер-министром, Я. Накасонэ сразу же связался по телефону со всеми главами государств — членами АСЕАН и заверил их, что Япония придает «особое значение» отношениям с АСЕАН и надеется на «тесное сотрудничество» с ними.

Япония оказала «помощь» на сумму 140 млн. долл. Таиланду, который будучи «прифронтовым» государством в кампучийском кризисе

был к тому же тесно связан с США и выступал внутри АСЕАН за усиление политической роли Японии в Юго-Восточной Азии. Таким образом, Токио за счет установления «особых» отношений с рядом стран Ассоциации, все более втягивался в азиатскую стратегию Соединенных Штатов, закрепляясь как влиятельная политическая сила в Юго-Восточной Азии и в АТР в целом.

На «эру Накасонэ» приходится и смягчение камбоджийского кризиса, и первые попытки Японии выступить в роли посредника в налаживании переговорного процесса между АСЕАН, странами Восточного Индокитая и оппозиционными кхмерскими группировками, представленными коалиционным правительством

АСЕАН и Япония рассматривали урегулирование в Камбодже как трамплин для экономического и политического продвижения в Восточный Индокитай. Позиции и цели обеих сторон в отношении к этому региональному конфликту во многом были схожи. Они добивались такого урегулирования, при котором достигались бы:

1. «Десоциализация» Камбоджи при обеспечении доминирующего положения в будущем правительстве буржуазно-националистической группировки Сианука в противовес пол-потовцам и правящей в стране Народно-Революционной партии Кампучии (НРПК).

2. Создание нейтральной Камбоджи с тем, чтобы «оторвать» ее от СРВ и, резко ослабив тем самым позиции Вьетнама в качестве одного из социалистических «центров силы» в АТР, одновременно не допустить распространения влияния КНР в Камбодже.

В результате и Япония и АСЕАН значительно укрепили бы свой авторитет на международной арене, в то время как выпадение Камбоджи из сферы «особых отношений» стран Восточного Индокитая могло бы подорвать позиции социализма в ЮВА.

Выражая поддержку политическим шагам, предпринимавшимся правительствами стран Ассоциации для разрешения проблемы Кампучии, Япония стремилась продемонстрировать конструктивный подход и готовность к посредничеству. Первого серьезного успеха на этом пути Япония добилась, отказавшись от поддержки Пол Пота и взяв курс на налаживание диалога между враждующими сторонами. Эта идея нашла отклик у лидеров АСЕАН, которые еще в 1984 г. признали необходимость проведения переговоров с участием всех кхмерских группировок. На совещании министров иностранных дел стран АСЕАН и «стран диалога» в Куала-Лумпуре в июле 1985 г. С. Абэ заявил, что для разрешения проблемы необходимо провести четырехстороннюю встречу представителей стран АСЕАН, КПДК, СРВ и НРК, и намеревался добиваться от США и Китая содействия в ее организации».

Эта японская идея была отражением тенденции, наметившейся в странах АСЕАН, которая заключалась в том, чтобы признать правительство НРК как «национальный элемент» в процессе кхмерского

национального примирения в Кампучии, что означало фактически готовность сесть за стол переговоров не только с представителями СРВ и ЛНДР, но и с правительства Народной Кампучии.

Страны АСЕАН и Япония использовали в качестве основы для переговоров программу из восьми пунктов «коалиционного правительства», предложенную его главой Н. Сиануком в 1986 году, которая была отклонена тремя странами Восточного Индокитая.

Прорыв на пути к урегулированию был достигнут благодаря посредничеству Франции, организовавшей неформальную встречу Сианука и Хун Сена и конструктивному подходу руководства Индонезии, которая выступала в качестве представителя Ассоциации на переговорах с СРВ. В результате двухдневного визита во Вьетнам в июле 1987 года министра иностранных дел Индонезии М. Кусумаатмаджа была достигнута договоренность о проведении неофициальной встречи между представителями НРК и «коалиционного правительства», за которой должна была последовать встреча всех заинтересованных сторон, в том числе и представителей СРВ, Лаоса и стран АСЕАН. Эта договоренность, подкрепленная курсом на «национальное примирение», провозглашенным во второй половине 1987 года правительством НРК, и стала основой будущего переговорного процесса, в котором и АСЕАН и Япония планировали сыграть свою роль.

У Токио к тому времени уже был немалый задел. «Дипломатия созидания» Я. Накасонэ и С. Абэ, ставшая в новой ситуации своего рода развитием доктрины Т. Фукуды была направлена на поиск новых форм и методов сотрудничества между Японией и АСЕАН

Кабинеты Такэсита, Уно и Кайфу в 1987-1991 годах в целом продолжали политику Накасонэ. Развивая достигнутое и выполняя обещанное, они добились явных успехов.

Премьер-министр Такэсита, выступая на встрече глав государств АСЕАН 15 декабря 1987 г., сообщил о намерении Японии и «впредь поддерживать усилия АСЕАН по мирному урегулированию «кампучийской проблемы», а также о стремлении Японии «иметь право голоса» в нем».

Свое участие в урегулировании Токио рассматривал как шанс Японии на выход из замкнутого круга — «экономический гигант и политический карлик».

Сначала АСЕАН, а затем Япония стали авторами различных вариантов урегулирования и предложили свои страны в качестве места проведения встреч конфликтующих сторон. В Индонезии состоялись две такие встречи представителей правительства НРК, 3-х оппозиционных групп, СРВ, ЛНДР и стран АСЕАН, в ходе которых был достигнут реальный успех в вопросе о прекращении огня и выводе вьетнамских частей не позднее 30 сентября 1989 г.

Кроме того резко менялась и международная обстановка: из Афганистана выводились советские войска, были нормализованы советско-

китайские отношения, приближалась к окончанию «холодная» война. Все это создавало благоприятные условия для урегулирования затянувшегося более чем на 10 лет камбоджийского кризиса.

На Парижской конференции по Камбодже 30 июля — 30 августа 1989 года, в которой приняли участие четыре камбоджийские стороны, 19 стран (включая Францию и Индонезию в качестве сопредседателей) и Генеральный секретарь ООН, была выработана общая стратегия, с целью установления мира, однако, соглашения по всеобъемлющему политическому урегулированию не удалось достичь из-за противоречий между кхмерскими сторонами.

Рассматривая ЮВА как зону своих особых интересов, Япония стремилась подключиться к этому диалогу, чтобы не допустить его развития в невыгодном для себя русле, и даже возглавить некоторые направления этого процесса. Свою активность Япония рассматривала как шаг на пути усиления политического влияния в ЮВА и АТР в целом на фоне «ухода» СССР из Восточного Индокитая и тогдашней экономической слабости КНР.

Новый раунд переговоров прошел в Токио в начале июня 1990 г. Несмотря на то, что «красные кхмеры» бойкотировали их, Сианук и Хун Сен подписали соглашение о прекращении огня.

Однако позиция Пекина и резко негативная реакция «красных кхмеров» на результаты токийских переговоров создали тупик.

Лишь новые миротворческие усилия Индонезии, Франции и особенно подключение к этому процессу Совета Безопасности ООН, позволили 23 октября 1991 года в Париже на заключительном заседании конференции по Камбодже подписать Соглашение о всеобъемлющем политическом урегулировании конфликта.

Главными его положениями стали: 1) создание временной администрации ООН в Камбодже /ЮНТАК/ на переходный период, который заканчивался после принятия конституции Конституционной Ассамблеей Камбоджи, избранной путем свободных справедливых выборов, организованных и контролируемых ООН, и преобразования ее в законодательное собрание, после чего будет сформировано новое правительство; 2) незамедлительный вывод из Камбоджи всех категорий иностранных вооруженных сил, советников и военного персонала с оружием и снаряжением; 3) прекращение военной помощи извне всем камбоджийским сторонам; 4) возвращение беженцев, перемещенных лиц и освобождение военнопленных; 5) предоставление Камбодже необходимой экономической помощи для ее восстановления и реконструкции.

Все административные учреждения, органы и ведомства страны были поставлены под прямой контроль ЮНТАК — переходного руководящего органа ООН в Камбодже.

Реализация этого плана совпала с премьерством К.Миядзавы (ноябрь 1991 г. — июнь 1993 г.) и кардинальными переменами в мире: рас-

падом СССР, окончанием холодной войны, ликвидацией американских военных баз на Филиппинах. Эти геополитические перемены позволили как Японии, так и АСЕАН взять курс на повышение собственного политического веса и влияния.

Усилия Японии, направленные на оказание политической и дипломатической поддержки процессу проведения свободных выборов в Камбодже, участие в миротворческих операциях ООН, оказание финансовой поддержки, экономической и гуманитарной помощи восстановлению Камбоджи получили признание в странах Ассоциации.

Японцы были назначены на ключевые посты в ООН, связанные с Камбоджей: заместитель Генерального секретаря ООН Я.Акаса стал его специальным представителем по Камбодже и возглавил переходный руководящий орган ООН в Камбодже — ЮНТАК, а верховным комиссаром по делам беженцев (представлявшим наиболее острую социально-экономическую проблему страны) стала С. Огата.

Принятие Японией в 1992 г. закона об участии сил самообороны в операциях по поддержанию мира (РКО) имело достаточно узкую, прежде всего юго-восточно-азиатскую направленность в связи с завершающим этапом камбоджийского урегулирования. АСЕАН приветствовала решение японского парламента о посылке небольшого контингента сил самообороны в Камбоджу с сугубо невоенными функциями.

13 октября 1992 г. для участия в операциях по поддержанию мира в Камбодже был направлен инженерный батальон. Этот акт стал историческим событием во всей внешней политике Японии со времени окончания второй мировой войны.

Кроме того, в Токио на уровне министров была организована конференция по восстановлению и реконструкции Камбоджи. На ней было принято два основополагающих документа — «Токийская декларация о процессе примирения», которая подчеркивала важность полного претворения в жизнь Парижских соглашений о мире, и «Токийская декларация о восстановлении и реконструкции Камбоджи», предусматривавшая выделение ей в виде экономической помощи 880 млн. долл. США. Было решено создать Международный комитет по реконструкции Камбоджи под председательством Японии. Финансовая помощь Камбодже со стороны Японии составила от 150 до 200 млн. долл. США.

Урегулирование камбоджийской проблемы принесло Японии немалые политические дивиденды. Оно способствовало повышению ее авторитета не только в ЮВА, но и в глазах мирового сообщества. Направление японских сил самообороны для участия в операциях по поддержанию мира продемонстрировало готовность Японии участвовать в миротворческих процессах в качестве равноправного партнера западных держав, а не только экономического донора. Страны АСЕАН смогли убедиться в том, что Япония надежный и сильный региональный лидер, не претендующий, при этом, на военную роль.

Миротворческие усилия и оказание Камбодже помощи, безусловно, способствовали усилению позиций Японии в этой стране. Однако Токио не скрывал готовности распространить свое влияние на весь Индокитай. В 1992 г. Япония возобновила предоставление СРВ официальной помощи развитию. Премьер К. Миядзава в январе 1993 г. выдвинул идею создания «Форума всестороннего развития Индокитай», подчеркнув, что его страна в самой минимальной степени солидарна с политикой США в отношении Вьетнама.

АСЕАН и Япония создали также рабочую группу по экономическому сотрудничеству в Камбодже, Лаосе и Мьянме. Под руководством министров экономики стран АСЕАН она осуществляет сотрудничество и реализует программы помощи для переходных экономик этих государств.

В ходе своего визита в Ханой Т. Мураяма выдвинул «План дружбы между Японией и Индокитаем». Внушительная финансовая помощь, которая сделала Японию одним из бесспорных лидеров среди стран-доноров, свидетельствовала о серьезных и далеко идущих замыслах, направленных на экономическое освоение этого субрегиона в преддверии вступления в АСЕАН стран Восточного Индокитае. В феврале 1995 года в Токио под председательством Японии состоялась правительственная встреча участников Форума по всестороннему развитию стран Индокитай, в котором участвовали представители 25 стран, включая Вьетнам, Камбоджу, Лаос и шесть других стран-членов АСЕАН, а также 8 международных организаций.

Основными вопросам для обсуждения стали развитие стран Индокитае как региона в целом и содействие созданию рыночных экономик в Камбодже, Вьетнаме и Лаосе. Министр иностранных дел П. Коно встретился в Токио со своими коллегами из Вьетнама, Лаоса и Камбоджи для обсуждения их просьбы о помощи, а также роли Японии в установлении ими более тесного сотрудничества со странами Ассоциации.

Не собираясь соревноваться с Японией за влияние в Восточном Индокитае, АСЕАН просто сделала все, чтобы в той или иной форме, как можно скорее вслед за СРВ, принятым в состав Ассоциации в 1995 г., включить ЛНДР, Мьянму и Камбоджу в АСЕАН, куда те стремились вступить, руководствуясь своими собственными интересами.

Учитывая перспективу принятия в Ассоциацию Лаоса, Камбоджи и Мьянмы в 1997 г. о чем заявил президент Индонезии Сухарто, лидеры АСЕАН договорилась с правительством Хасимо о взаимодействии в развитие инфраструктуры бассейна реки Меконг в интересах стран Индокитайского полуострова, отдавая приоритет Лаосу и Камбодже. Однако драматические события в Пномпене летом 1997 г. привели к тому, что страны АСЕАН на 30-ой конференции министров иностранных дел отложили ее прием в члены Ассоциации. Кандидатура Лаоса не вызвала у асеановских партнеров по диалогу никаких проблем. Что же касается Мьянмы, то, учитывая позицию правительства

этой страны в вопросах соблюдения прав человека, в процессе подключения ее к АСЕАН японская дипломатия балансировала между позицией АСЕАН, с одной стороны, и Запада — с другой, высказываясь при этом мягче, чем страны Запада, но тверже, чем АСЕАН. Это должно было помочь Японии усидеть «на двух стульях»: не испортить отношения ни с Западом, ни с Ассоциацией.

В отличие от США и ЕС Япония не призывала Ассоциацию не допускать Мьянму в члены Ассоциации и ее подход к янгонскому режиму был гораздо более терпимым, нежели западных лидеров. Несмотря на просьбы к Токио побудить страны АСЕАН в индивидуальном порядке «надавить» на Мьянму с целью проведения реформ, он не использовал свои связи с «асеановцами» для этих целей.

В Куала-Лумпуре Ю. Икэда поздравил министра иностранных дел Мьянмы в связи с вступлением его страны в АСЕАН и выразил надежду на то, что Мьянма приложит «адекватные усилия» для соответствия стандартам Ассоциации.

Японии при Хасимото смогла сыграть важную роль и в урегулировании внутривосточного кризиса, с которым столкнулся другой претендент на вступление в АСЕАН — Камбоджа.

10 июля 1997 г. после резкого обострения внутривосточной обстановки в этой стране* США приостановили на 30 дней действие своей программы экономической помощи. Данная акция не получила поддержки Токио. Япония, имевшая в Камбодже существенные интересы и сыгравшая важную роль в камбоджийском урегулировании, была весьма обеспокоена сложившейся ситуацией. Для ее анализа были срочно привлечены крупнейшие японские эксперты по Камбодже. Оценки японских специалистов, существенно отличаясь от американских, практически совпадали с асеановскими и сводились к тому, что происшедшее нельзя расценивать как государственный переворот или гражданскую войну. Никаких официальных заявлений о приостановлении оказания помощи Камбодже по политическим мотивам сделано не было. Более того, уже 13 июля 1997 г. премьер-министр Японии Р. Хасимото выразил надежду на то, что «вместо Нородома Ранарита» может быть избран новый первый премьер-министр».

Японские деловые круги, несомненно, предпочитали иметь дело с одной, влиятельной и ответственной правительственной командой. Судя по откликам на события лета 1997 г. большинства японских инвесторов в Камбодже, их симпатии были на стороне второго премьера Хун Сена как более предсказуемого.

Японцы сочли, что их прогноз развития ситуации в Камбодже оправдался, и предприняли шаги к смягчению позиции США. С этой

* Столкновение сторонников первого премьера Н.Ранарита и второго премьера Хун Сена, приведшее к временной эмиграции Н.Ранарита.

целью Ю. Икэда дважды встречался с госсекретарём США, в результате чего Япония и США договорились рассмотреть возможность оказания совместной помощи Камбодже в проведении всеобщих выборов в 1998 году. Ю. Икэда на встрече с министром иностранных дел Камбоджи Унг Хуотом выдвинул в качестве условий признания Токио нового пномпеньского руководства и продолжения японской ОПР соблюдение в Камбодже прав человека, создание конституционного правительства, уважение принципов, заложенных в Парижских договорённостях 1991 г. и проведение в 1998 г. свободных демократических выборов.

Япония взяла на себя также посредническую миссию, предложив в феврале 1998 г. план разрешения внутривнутриполитического кризиса из четырех пунктов:

- отказ принца Н. Ранарита от военного сотрудничества с «красными кхмерами»;
- прекращение огня между правительственными войсками и подразделениями, лояльными Н. Ранариту;
- проведение суда над Н. Ранаритом в кратчайшие сроки и его немедленное амнистирование королем по просьбе семьи принца;
- правительственные гарантии его безопасности и свободы в Камбодже, а также его участия в выборах при соблюдении камбоджийских законов.

Конфликтующие стороны не без поощрения членов АСЕАН приняли все пункты этой программы.

В марте 1998 г. вооруженное противостояние было прекращено, а далее все развивалось по японскому сценарию. Победу на выборах в июле 1998г., результаты которых были признаны ООН, одержала НРП во главе с Хун Сенем. Проведение выборов и формирование нового правительства создало условия для принятия Камбоджи в АСЕАН. Решение об этом было принято на встрече в декабре 1998 г. в Ханое, а официальная церемония прошла в конце апреля 1999 г.

Значительным дипломатическим успехом, достигнутым в Камбодже, для которой Япония является важным финансовым донором, стало предложение, сделанное Хун Сенем Японии в 2000 г., принять участие в диалоге между Камбоджей и ООН по вопросу трибунала над лидерами «красных кхмеров». Само участие в переговорах, как и поиски компромисса между камбоджийским правительством и мировым сообществом по столь щекотливому вопросу, стало для Японии безусловным шансом еще более повысить свой авторитет в Азии.

Помимо оказания Ассоциации таких «деликатных услуг» Япония в период кризиса 1997-1998 гг. подтверждала готовность осуществлять программы двустороннего и регионального сотрудничества с новыми членами Ассоциации для облегчения их полномасштабной интеграции в общий процесс экономического развития. Япония ринулась в Восточный Индокитай. Хотя Вьетнам не был включен в число получате-

лей помощи по плану Миядзава, однако и ему Япония оказывала помощь во время кризиса, ассигновав в декабре 1998 г. 852,5 млн. долл. для проведения экономических реформ.

АСЕАН приветствовала активное участие Токио в мероприятиях по развитию бассейна Меконга и призвала его увеличить вклад в эту программу. После принятия Камбоджи в АСЕАН министр иностранных дел Японии Масахико Коумура на министерской встрече Япония — АСЕАН в июле 1999 г. заявил, что после того, как в состав АСЕАН вошли все страны ЮВА, находящиеся на различных стадиях экономического развития, необходимо сгладить несоответствия и усилить региональную кооперацию путем скорейшей реализации таких проектов, как Зона свободной торговли АСЕАН (АФТА), Инвестиционная зона АСЕАН, чтобы добиться сбалансированного развития региона. Япония обещала способствовать сглаживанию этих различий путем организации центров сотрудничества в области развития человеческих ресурсов, укрепления асеановских департаментов в новых странах-членах организации, поддержки Секретариата АСЕАН и расширения сотрудничества через Фонд солидарности Япония — АСЕАН, основанный в 1999 г.

Рост активности Токио не случаен. В отличие от Китая и Южной Кореи в странах Восточного Индокитая не было столь резко негативного отношения к Японии как к агрессору времен второй мировой войны, так как она освободила их от французских колонизаторов. Привлекателен и образ Японии как модели социального и экономического развития, основного донора. В соответствии с предложенным Японией в 2002 г. Всеобъемлющим экономическим партнерством (ВЭП) странам Ассоциации предоставляется специальный и дифференцированный режим в соответствии с их различным уровнем экономического развития, причем дополнительная гибкость может быть проявлена в отношении стран — новых членов Ассоциации. В одобренной сторонами в октябре 2003 г. на о. Бали рамочной программе предусмотрено создание к 2012 г. Зоны свободной торговли. Эта программа составной частью вошла в ВЭП, и в ней особо подчеркивается необходимость повышения участия четырех стран Индокитая в ВЭП, для чего предусмотрено оказание им технической помощи. Намечены меры для повышения их конкурентоспособности, а для стран, не входящих в ВТО, на принципах взаимности сохраняется режим наиболее благоприятственной нации. Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве было подписано в марте 2008 г. в Токио и вступило в силу осенью 2008 г.

Другим перспективным направлением сотрудничества АСЕАН и Японии является проведение «значимой политики» в отношении стран бассейна Меконга, что составной частью входит в ВЭП. В январе 2008 г. в Токио состоялась встреча министра иностранных дел Япо-

нии с главами внешнеполитических ведомств стран, региона реки Меконг. В ходе встречи отмечалось, что регион готов к реализации крупных инвестиционных проектов, и Япония является долговременным и востребованным партнером в этих проектах.

Стороны констатировали, что помимо финансовой и технической помощи, оказываемой Комиссии реки Меконг, Япония сотрудничает со странами бассейна в других формах, в том числе по линии АСЕАН-Япония, АСЕАН + 3, Восточноазиатского саммита и Сотрудничества в рамках Камбоджа, Лаос, Вьетнам + Япония.

АСЕАН и Япония активно взаимодействует в достижении мирного урегулирования конфликтных ситуаций в странах Индокитая. Токио неизменно выражает надежду на справедливый судебный процесс над «красными кхмерами», направляет своих наблюдателей на выборы в Камбоджу. Япония вместе со странами АСЕАН высказывает свою озабоченность положением дел с правами человека в Мьянме, подчеркивает необходимость диалога правящего режима со всеми группами, имеющими отношение к процессу национального примирения, а также оказания содействия международным сообществом усилиям И. Гамбари, спецпосланника Генерального секретаря ООН по Мьянме, к чему призывал осенью 2007 г. в Сингапуре премьер-министр Я. Фукуда. По мнению Токио для международного сообщества очень важно помочь правительству Мьянмы, если оно действительно готово сделать шаг в сторону демократизации.

На постминистерской конференции в Сингапуре 27 июля 2008 г. в формате АСЕАН+ Япония министры приветствовали « новую доктрину Фукуды », в которой уже Ясо Фукуда, сын автора знаменитой доктрины 1977 г. заявил, что АСЕАН и Япония будут партнерами « вместе думающими, вместе действующими и разделяющими взгляды на будущее ». Он отметил, что ближайшие 30 лет станут годами устранения пропасти в развитии между странами Азии, и Япония в этом окажет государствам-членам АСЕАН всяческое содействие. Содержание обновленной в Сингапуре « доктрины Фукуды » сводится к трем пунктам — преобразование, процветание, усилия, направленные на достижение стабильности и сотрудничества ради будущего.

Министры приветствовали ратификацию Японией соглашения о Всеобъемлющем экономическом партнерстве с АСЕАН, что ускорит ее реализацию.

Таким образом, третий пункт доктрины Такео Фукуды, выдвинутый еще в 1977 г. как перспективное направление японской внешней политики в ЮВА, независимо от того находилось ли оно в латентном состоянии или его реализация активизировалась, практически в той или иной мере присутствовало во всех последующих внешнеполитических установках Токио и через 30 лет вошло в доктрину Ясо Фукуды в отношении уже новых членов Ассоциации.

Юго-Восточная Азия: мифология единства как фактор складывания цивилизационной общности

Цивилизационный метод изучения истории является одним из наиболее распространенных в современной науке. Начиная еще с Тойнби, который полагал, что изучение цивилизаций есть «умопостигаемое поле исторического исследования», этот метод использовался для описания цивилизаций. При этом, надо отметить, что по большей части для анализа уже сложившихся цивилизаций. Сегодня, этот метод становится основой для изучения формирующейся цивилизационной общности в Юго-Восточной Азии. Он способен показать взаимосвязь цивилизационных процессов с глобализацией, а также выявить препятствия на пути становления региональной идентичности.

При этом следует определиться с пониманием ключевого понятия — цивилизации. Если мы принимаем, что цивилизация есть некое сообщество, связанное воедино совокупностью базовых смыслов и объединенное политической или религиозной идеей, то обоснование формирования цивилизации Юго-Восточной Азии требует одних доказательств. Если под цивилизацией мы будем подразумевать определенный уровень материальной и духовной культуры и общественного развития, то — соответственно других. Если же в основу понятия цивилизация кладутся элементы бессознательной симпатии (реципроктности) и альтруизма взаимодействующих сообществ, то — третьих.

Такое разнообразие научных представлений о самом термине «цивилизация» сильно затрудняет изучение вопроса, ибо мы сталкиваемся с использованием одного и того же понятия в разных и подчас мало сопоставимых контекстах. В исследовании я стремился придерживаться первого из названных выше определений цивилизации, ибо, как представляется, это определение в наиболее полной степени выражает саму суть этого понятия в ее историческом контексте.

При анализе исторического пути Юго-Восточной Азии сегодня используют чаще всего два основных подхода.

Сторонники первого исходят из того, что Юго-Восточная Азия — гетерогенный и разьединенный регион, который с незапамятных времен характеризуется цивилизационной мозаичностью. Они видят в нем хаос народов и языков, религий, цивилизаций, экономик и политий. Их общее мнение заключается в том, что с точки зрения историческо-

го развития ЮВА поделена на сферы влияния индийской и китайской культур и в регионе нет единого культурного поля, нет и единого художественного стиля, который в других полнокровных цивилизациях как раз и свидетельствует о цивилизационном единстве. Кроме этого, для ЮВА трудно отыскать некую общую идею, которая должна пронизывать исторический путь мало-мальски заметной цивилизации.

С этой концепцией тесно связаны и некоторые другие, в которых история ЮВА рассматривается как бесконечное противостояние и борьба местных государств, как зона столкновения мировых религий, как историческая сфера китайского либо индийского влияния. Естественно, что сторонники этих концепций даже слышать не хотят о непрерывном существовании особой цивилизации стран ЮВА. Применительно к сегодняшнему дню они обычно заявляют о непрочности объединительных процессов в регионе, о сохранении серьезных противоречий между входящими в АСЕАН странами, о том, что никакой новой юго-восточноазиатской идентичности создать не удастся.

Слабость всех этих концепций состоит в том, что объективная реальность последних сорока лет в истории стран Юго-Восточной Азии не подтверждает этих умозаключений. В эти годы страны ЮВА из мировой периферии превратились в один из наиболее быстроразвивающихся районов мира. Местные элиты сумели сформулировать объединяющие их цели интересы и принципы и на этой основе сделать огромный шаг к взаимной интеграции, мирно разрешив большинство многолетних региональных конфликтов. Без глубинных основ внутреннего единства, полагают сторонники второго подхода — концепции изначальной общей для всех стран ЮВА цивилизационной общности, которых особенно много среди научной и политической элиты стран АСЕАН, достичь таких результатов странами, население которых исповедывает разные, подчас конкурирующие друг с другом религии — (буддизм, ислам и христианство), а тип государственной власти варьируется от демократической республики (Филиппины) до коммунистической (Вьетнам) или военной (Мьянма) диктатуры, невозможно.

В этой связи актуальным представляется рассмотрение вопроса об изначальном духовно-культурном единстве стран региона. Сторонники существования такого единства указывают, что есть нечто общее, что связывает все проживающие здесь этносы.

В сфере экономики — это основанное на ирригации рисовое хозяйство, которым издревле занималось население долин крупных и средних рек в ЮВА.

В социальной сфере, это исключительно сильная община, основанная на общем для всех типе хозяйства — рисопроизводстве. Общинный организм породил чрезвычайно важную и самую многочисленную для всех стран региона социальную группу — свободных крестьян. Юго-

Восточная Азия всегда характеризовалась большой социальной мобильностью, где крестьянин мог стать военным, чиновником, или монахом.

В духовной сфере — это традиции, обычаи, архетипы сознания и особенно культ предков, когда большую часть времени, которое человек общается с потусторонними силами, он общается с предками. Именно от них человек, исповедующий ислам, буддизм или христианство, до сих пор получает главную санкцию на свое поведение. Не менее важным является и общий для большинства народов ЮВА культ духов — хранителей общины. Это уже надсемейный культ, который всегда привязан к определенной деревне — общине и не объединяется в более сложные конструкции. И сегодня среди общих культурно-религиозных доминант культ предков и духов это не просто тип ранней религиозности, но сохранившаяся вопреки всем влияниям основополагающая форма религиозных верований и практик.

Более того, на уровне власти этот культ трансформировался в культ царственных предков, а также в культ сакрализованного, а в некоторых случаях и обожествляемого царя. Культ предков — духов, как и связанный с ними культ обожествляемого правителя, собственно и образуют тот первоначальный общий идейно-духовный субстрат, который можно найти практически повсюду в Юго-Восточной Азии.

Позже на этот субстрат наложились мировые религии (сначала буддизм, потом ислам и еще позже христианство). При этом мировые религии не подавили и не вытеснили традиционные культы, а скорее дополнили их, резко расширив границы мирозерцания и уровень духовной культуры этносов ЮВА. Базовый сакральный слой — культ предков и духов — продолжает и сегодня активно существовать и фиксируется, как правило, в устной форме, как фольклор, миф, народный театр. Мировые же религии, как и связанные с ними литературные и художественные традиции, опираются на письменную практику и строятся вокруг священных текстов. Взаимодействие между этими двумя слоями порождает смешанные формы, сочетающие устную и письменную традиции, и свидетельствует об имманентной способности местных культур к заимствованию нового знания без разрушения старого. Это проявляется и сейчас, когда процесс модернизации, усвоение смыслов западной цивилизации не вытесняет устоявшиеся религиозно-духовные воззрения, а скорее находит свою нишу, определяя поведение в сфере бизнеса и трудовых отношений.

В сфере семейных и деловых отношений общее для всего региона — это и система счета родственников по обеим линиям, и традиционная взаимопомощь в общине, и обыкновение принимать решение после длительного и тщательного обсуждения, в котором участвуют все с намерением не поспорить и доказать свою правоту, а достичь соглашения и компромисса.

Свидетельством исторического единства стран региона можно считать общую для них рыхлость и неустойчивость элит. При всей пышности элитарной культуры, ее статусной символики и атрибутики механизм удержания статуса, наследования не был разработан, а там, где его пытались создать (панджи в яванско — малайском мире, кхлони и комратень ани в Ангорской Камбодже) результат был скорее отрицательным. В исторической ретроспективе можно сказать, что в регионе практически не было аристократии как сословия, династии менялись достаточно часто, и элита формировалась на основе кровнородственной близости к правителю. Элита здесь всегда была иерархией людей близких к власти и служащих правителю. Вся ее собственность была пожалованной в кормление государственной землей или государственным доходным местом (портовые пошлины, сбор податей), право на которые зависело от должности.

В то же время нельзя не задаться вопросом о том, являются ли вышеназванные примеры признаком общей цивилизации или они составляют лишь некий исторический фундамент, который на полноценную цивилизацию никак не тянет. Дело в том, что нельзя отрицать того факта, что в Юго-Восточной Азии традиционные культы так и не трансформировались в некие общие глобальные мировоззренческие и религиозные концепции, которые бы подчеркнули единство и самостоятельность региона. Здесь на их фундамент, как уже отмечалось выше, наложились заимствованные извне мировые религии.

Причины, по которым это произошло, до сих пор остаются предметом оживленных дискуссий, но важен сам факт того, что формирования цивилизации по типу китайской или индийской, способной самостоятельно генерировать новые смыслы и религиозные представления, в ЮВА так и не произошло. Скорее, можно говорить о трех основных типах социально-политической структуры: вьетнамском (феодално-бюрократическом), приморском или малайском (военно-феодалном) и индокитайско-яванском (государственно-патриархальном)¹. В связи с этим, при изучении истории ЮВА и возникает ощущение не до конца построенной цивилизации, некоего дома, в котором строители возвели фундамент, но так не построили верхний этаж.

Кроме того, при всей убедительности сравнений примитивных обществ в различных регионах ЮВА, очевидно, что их только с большой натяжкой можно считать признаками существования общей цивилизации для стран и народов ЮВА. Дело в том, что мы прекрасно знаем, что и культ предков и культ духов хранителей общины и многие другие аспекты из рассмотренного выше единства, совершенно не создают уникальности и неповторимости и даже региональной специфичности Юго-Восточной Азии. Они составляют вполне понятный комплекс представлений, который господствует среди людей на определенном

этапе цивилизационного развития. В принципе везде от Африки и до Америки в разных вариациях мы можем видеть большинство из выделенных нами выше общекультурных черт. Особенно это касается языческой мифологии, выступающей в виде культа предков и культа духов-хранителей общины. Но при этом никому и в голову не придет говорить о том, что на этой основе можно строить фундамент единой цивилизации, объединяющей скажем нилотов Эфиопии и индейцев Центральной Америки.

В современной Юго-Восточной Азии, однако, об этом и говорят и на этой основе обосновывают складывающееся на глазах внутреннее единство. В наиболее влиятельных региональных газетах утверждается, что «народы ЮВА изначально близки и составляют уникальную цивилизацию», указывается также и на то, что «строительство АСЕАН опирается на историческое единство народов региона, разорванное в свое время колонизаторами». Влиятельные и авторитетные в регионе политики формулируют необходимость подтверждения сегодняшних объединительных процессов в прошлом единстве.

В свое время Нурдин Софие — глава центра стратегического планирования Малайзии, в беседе со мной говорил, что слабость ЮВА всегда состояла в том, что народы этого региона не осознавали своего единства и культурной близости, что их не объединяла какая-либо общая цель или религиозная идея. Он утверждал, что если государства ЮВА хотят занять достойное место в мире, эту слабость необходимо устранить и строить будущее по модели Европейского Союза. Для осуществления этой цели, по его мнению, необходимо было «дотянуть» общность ЮВА до полноценной современной цивилизации с общим взглядом на мир, общей идентичностью и общей исторической мифологией, общим пониманием целей и ощущением общей судьбы, общим рынком, общими правилами и установлениями.

Сегодня именно этим и занимается по большей части историческая наука в странах АСЕАН. Парадоксально, но факт сегодня в интеллектуальных кругах стран региона более важным представляется придумать мифологию изначального единства, чем собственно разбирать и исследовать имеющиеся факты. Особенно если они противоположны поставленной политической задаче. В рамках АСЕАН создана и активно действует даже специальная комиссия по историческому наследию, которая все больше берет на себя функцию формулирования и пропагандирования постулатов изначального единства.

Причины такой активности в исторической сфере, очевидного стремления мифологизировать историю ЮВА лежат на поверхности. Налицо откровенный и не скрываемый запрос правящих национальных элит. Эти элиты сделали вполне определенный вывод о том, что только сообща они могут защитить себя в быстро меняющемся мире и только так их голос будет услышан, а интересы приняты во внимание. Для уп-

рочения объединительных процессов им требуется историко-культурная подпорка в виде того, что процесс объединения не является чем-то новым, а есть восстановление того, что и так присуще народам региона и было утрачено из — за вмешательств извне.

На волне такого сочинительства декан школы публичной политики в Сингапуре профессор Махбубани заявляет без ложной скромности, что АСЕАН показывает, каким должен быть завтрашний мир, что процессы формирования общей цивилизации в ЮВА превосходят европейский аналог, ибо «та объединяет страны одной религии — христианства и одной цивилизации давно устоявшейся в Европе». В ЮВА указывает профессор восстанавливается старая и на ее фундаменте растет новая общая для всех стран цивилизация, которая в поисках идентичности преодолевает религиозные различия и исторические противоречия и формирует новый мир, на который будут ориентироваться и другие страны в будущем².

Из всего вышесказанного можно сделать определенный вывод о том, что сегодняшние поиски общей идентичности стран ЮВА, игнорирующие известные факты и успешно формирующие, тем не менее, новую мифологию для стран и народов региона, подтверждают известный тезис Михаила Покровского о том, что «история есть политика, обращенная в прошлое». В современной Юго-Восточной Азии этот тезис особенно актуален, когда за сорок с лишним лет объединительного развития вопрос единства для политиков и интеллектуалов в странах региона считается практически решенным. Как сказал в беседе со мной один кхмерский дипломат — единство наших стран и народов было, это единство есть сейчас, а все попытки утверждать обратное служат целям сорвать процесс нашей консолидации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мосяков Д.В., Тюрин В.А. История Юго-Восточной Азии. М., 2004, с. 60-73.

² Straits Times 6. 09. 2008.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Мосяков Д.В., Тюрин В.А. История Юго-Восточной Азии. М., 2004.
Холл Д.Дж. История Юго-Восточной Азии. М., 1958.
Acharya A. The Quest for Identity. International relations in South East Asia. Oxford University Press, 2000.
Geertz C. Negara the theater state in XIX century Bali . Princeton University Press, 1980.
Wolters O. M. History, culture and region in Southeast Asian perspectives. Cornell University, 1999.
ASEAN: Identity, Development and Culture. Queson City, 1981.
ASEAN: Path to Identity. Bangkok, 1999.

Роль экологического фактора в модернизации стран ЮВА

Когда в странах ЮВА усиливается интерес к решению экологических проблем? Как правило, в трех случаях: при резком обострении экологической ситуации, при росте общественного протеста, под влиянием международного общественного мнения. И наконец тогда, когда возникает осознание того, что перспективы их будущей экономической модернизации и использования преимуществ глобализации зависят от того, насколько они учитывают экологические интересы при осуществлении своей стратегии развития. И эти соображения начинают оказывать все большее воздействие на выбор государством приоритетов развития. О том, насколько серьезными являются экологические вызовы для стран ЮВА можно судить по следующим фактам.

В течение последних 30 лет страны ЮВА утратили больше лесных ресурсов и биоразнообразия, чем какой-либо другой регион мира. Эти экологические потери особенно велики, если учесть, что на долю региона приходится 20% мировых запасов тропических лесов, 35% мангровых лесов, 30% коралловых рифов. Каждый год тропические леса вырубаются на территории, равной Швейцарии. Процесс обезлесения, ежегодный ущерб от которого составляет 8 млрд. долл., распространяется на площади 3 млн. га¹. За последние 60 лет в результате человеческой деятельности 20% плодородной земли в Азии оказалось подвержено деградации, что превышает среднемировой показатель. Экономический рост и увеличение численности населения — два основных фактора, оказывающих воздействие на характер использования водных ресурсов. К 2025 г. ожидается обострение проблемы водоснабжения на Филиппинах и в Индонезии. Как заметил один из высших государственных чиновников Таиланда, «проблемой для стран Азии является не вопрос, будем ли мы развиваться, а вопрос, насколько мы будем ответственными в выборе пути своего развития»².

Ухудшение экологической ситуации в странах ЮВА есть прямой результат проводимой на протяжении последних пятидесяти лет стратегии экономической модернизации в основе которой был положены тезисы «сначала надо стать грязным, а потом думать об охране окружающей среды», «развиваться сейчас, а о чистоте окружающей среды задумываться позже». Как отметил Рай Квон Чунг, руководитель экологической программы ООН в Азии, «страны Азии увлечены только экономическим ростом — деньги, деньги и еще раз деньги. А об экологии забывают»³.

Стоит согласиться с европейским ученым Вервона, который пришел к выводу, что экологическая деградация в регионе есть следствие “социо-политической болезни, симптомом которой является нежелание чем-либо жертвовать ради экономического роста и прибыли”⁴. Такая модель модернизации имеет свои пределы в плане истощения природных ресурсов, ухудшения среды обитания, снижении производительности труда с сопутствующими негативными последствиями как в целом для всей экономики, так и для населения.

Экологические риски промышленного развития в Юго-Восточной Азии имеют общее для всех развивающихся стран происхождение: отсталость материально-технической базы, преимущественное развитие грязных производств, бурный рост мелких и средних предприятий, неэффективная система ценообразования и налогообложения. Экономические потери загрязнения атмосферы и воды оцениваются в среднем в 5% ВВП, произведенного в регионе.

Хозяйственная деятельность в период форсированной экономической модернизации характеризуется повышением спроса на природные ресурсы и резким увеличением объема производства промышленных, сельскохозяйственных и бытовых отходов, величина которых, как правило, коррелируется с показателями экономического роста.

Как показывает опыт и развитых и многих развивающихся стран, дальнейшее функционирование такой модели модернизации чревато еще большим обострением экологической ситуации, снижением темпов экономического роста, ухудшением состояния человеческого капитала.

Выход из этой ситуации видится в изменении традиционного подхода к стратегии развитию и в формировании новой модели, которая определяется либо как модель «зеленого роста», либо «природосберегающего» роста, которая была одобрена министрами экологии стран АТР на конференции в 2005 г.⁵

Принятие этой модели не предполагает снижение темпов экономического развития ради сохранения природы, а означает придание нового импульса процессу модернизации, отличие которого заключается в том, что индустриальная революция должна осуществляться с ориентацией на повышение эффективности использования природных ресурсов и снижение угрозы загрязнения окружающей среды. Одним словом, речь идет об отказе от модели экстенсивного экономического роста.

Однако в отличие, например, от Китая руководители стран ЮВА менее радикальны в своих заявлениях относительно смены модели развития, что, отнюдь, не исключает осознания ими необходимости изменения отношения к охране окружающей среды. И определенные шаги в этом направлении уже предпринимаются. Как заявил премьер-министр Малайзии Абдулла Ахмад Бадави, реагируя на экологические

вызовы современности, «мы должны попытаться, мы не можем говорить, что ничего не можем сделать»⁶.

Реализация концепции природосберегающего роста в качестве своего исходного момента предполагает повышение результативности государственной политики по борьбе с загрязнением окружающей среды, она ведется на протяжении нескольких десятилетий, но, пока желаемого результата не принесла. Причина — общая для всех стран ЮВА — невыполнение законов. Неспособность государства организовать действенный экологический контроль связана со следующими причинами: 1) отсутствие у экологической службы необходимых полномочий; 2) слабость ее материально-технической базы; 3) дефицит финансов и нехватка квалифицированных кадров; 4) слабая координация деятельности между экологическими ведомствами в структуре государственного управления; 5) ограниченный доступ к информации; 6) коррупция среди государственных чиновников. И среди факторов, в той или иной мере «благоприятствующих» правонарушениям в экологической сфере, последний представляет, пожалуй, наибольшую опасность.

Поскольку традиционная политика по борьбе с загрязнением окружающей среды, которая осуществляется в рамках административно-командной системы экологического регулирования (что предполагает установление количественных параметров на выбросы вредных веществ, стандартов качества окружающей среды, введение запрета на использование определенного вида сырья) дает сбой, на передний план выдвигается вопрос использования дополнительных механизмов политики для оказания воздействия на экологическое поведение компаний и населения.

К их числу относится применение экономических механизмов экологического регулирования (например, на Филиппинах и в Малайзии используется система платежей за выбросы сточных вод, в Таиланде введен дифференцированный налог на бензин, в Сингапуре оплачивает проезд по автомагистралям). Однако поскольку использование рыночных механизмов экологического регулирования носит пока ограниченный характер, возникает необходимость в апробации таких новых средств политики, как, например, заключение добровольных соглашений между компаниями и регуляторными органами (эта практика получила развитие в Таиланде применительно к тепловым электростанциям), принятие компаниями добровольных обязательств в сфере охраны окружающей среды.

Большим потенциалом воздействия на экологическую деятельность компаний обладает неформальное регулирование с участием населения и неправительственных организаций. Распространение в обществе информации об экологическом поведении компаний усиливает их готовность к соблюдению экологического законодательства, что компенсирует недостатки административной системы экологического регули-

рования. Опыт развивающихся стран показал, что система неформального регулирования дает позитивные результаты там, где коррупция и слабый экологический контроль снижают эффективность применения более традиционных мер по экологическому регулированию деятельности загрязняющих предприятий. Пока эти программы применяются в ограниченном числе стран ЮВА — в Индонезии (приступила к обнародованию информации о деятельности компаний в экологической сфере в 1994 г.), на Филиппинах (при содействии EcoWatch аналогичная программа стала реализовываться с 1997 г.) и во Вьетнаме (с 2002 г. В Ханое осуществляется программа распространения экологической информации — Vietnam's Environmental Information Disclosure System)) эти модели используются в отношении немногих предприятий, но там, где они осуществляются при поддержке Международного банка развития и реконструкции и национальных институтов, они доказали свою эффективность в повышении уровня экологического сознания администрации и владельцев загрязняющих предприятий. Например, во Вьетнаме была опубликована «Черная» и «Белая» книга, в которых приводится список компаний, зачисленных в категорию «наиболее плохих» и «лучших» по рейтингу их экологического поведения. Рейтинг экологической деятельности компаний осуществлялся и в Индонезии.

После реализации этих программ доля компаний, соблюдающих экологические нормативы, в Индонезии выросла до 61%, на Филиппинах — 58%. Во Вьетнаме этот показатель пока остается низким — всего 24% (в сравнении со 76%, которые не выполняют государственных предписаний о контроле над выбросами загрязняющих веществ)⁷.

Сегодня перед странами ЮВА стоит цель — экологизации экономической деятельности, при этом не столько и не только посредством экологического контроля над деятельностью промышленных предприятий, а прежде всего путем стимулирования последних к энерго-ресурсосбережению на базе использования новейших технологий.

Ведь главная задача, стоящая на пути экологической модернизации стран ЮВА, — в отказе от использования грязных технологий, свойственных ранней индустриализации. Их ускоренный промышленный рост, с одной стороны, при доминировании в структуре экономики грязных производств порождает новые экологические угрозы, с другой, открывает и большие перспективы для осуществления их технологической модернизации на базе развития чистого производства и чистых технологий. Это — новое направление проводимой экологической политики, направленное на повышение эффективности использования природных ресурсов и снижение угрозы загрязнения окружающей среды.

«Чистое» производство обладает целым рядом преимуществ. Оно позволяет компании сократить издержки производства посредством повышения эффективности использования ресурсов и сокращения

производства отходов, получить доступ к дополнительным финансовым ресурсам, улучшить свой экологический имидж и тем самым обеспечить себе преимущества в конкурентной борьбе на рынке, сократить деловые риски, возможные в случае возбуждения судебного иска. Определенный опыт применения практики «чистого» производства в странах ЮВА уже накоплен. Например, проект чистого развития, осуществляемый в провинции Самут Пракан в Таиланде, охватил 423 промышленных предприятия. Общий объем сбережений за период с 2003 по 2007 гг. (после выплаты налогов) для участников программы благодаря сокращению выбросов стоков и энергосбережению составил 10 млн. долл. (в сравнении с инвестициями в проект в 6,5 млн. долл.)⁸.

На Филиппинах сформирована биржа по продаже отходов. Некоммерческая организация The Philippine Business for the Environment организовала систему обмена промышленными отходами с выгодой для каждой стороны — покупатели покупают сырье по низкой цене, а продавцы экономят на утилизации отходов⁹.

В начале 90-х гг. трудно было представить, что инициатива в решении ряда экологических проблем в некоторых странах ЮВА будет исходить от самого бизнеса и не только от крупного, а сегодня — уже и от среднего и даже мелкого.

Государство поддерживает развитие «чистого» производства через снижение импортных пошлин на оборудование по контролю над загрязнением, предоставление налоговых льгот, кредитов, займов предприятиям, внедряющим ресурсно-энергосберегающие технологии.

В ситуации роста энергопотребностей стран ЮВА большой экономический и экологический эффект приобретают вложения в создание и использование энергоэффективных технологий и в развитие возобновляемых источников энергии. Последние тенденции развития на мировом энергетическом рынке, связанные с увеличением спроса на энергоносители, открывают перед бизнесом в странах ЮВА новые возможности для производства биотоплива, источником для которого служит преимущественно пальмовое масло.

Активную роль в развитии новой индустрии занимают компании Малайзии, Сингапура, Индонезии и Таиланда, получающие поддержку национальных правительств и действующие в сотрудничестве с крупнейшими иностранными компаниями. Как заметил президент Индонезии Сусило Бамбанг Юдхойоно, «индустрия производства биотоплива является основным двигателем экономического роста страны»¹⁰. В то же время возможности развития этого бизнеса имеют свои экологические ограничители — под плантации по производству масличной пальмы нередко отводятся лесные территории.

Однако несмотря на определенные успехи развития чистого производства в странах ЮВА темпы внедрения «зеленой» технологии намного отстают от роста экономического производства. Подавляющее

большинство промышленных предприятий не выражает особой заинтересованности в экономии ресурсов при производстве готовой продукции. И их экологическая деятельность в лучшем случае сводится к использованию систем контроля над загрязнением в конце производственного цикла. Многие факторы, стимулирующие развитие «чистого» производства, оказываются в странах ЮВА незадействованными.

В силу слабого воздействия экологических потребностей на формирование рыночного спроса у компаний отсутствует стремление завоевать общественное доверие путем улучшения своего экологического имиджа. Не воспринимается компаниями как реальная угроза и возможность их судебного преследования. Сдерживает развитие «чистого» производства не только отсутствие инвестиций, но и слабая заинтересованность в этом самого государства, сохраняющего приоритетную ориентацию на экономический рост. Руководство стран ЮВА до сих пор не рассматривает «чистое» производство как вопрос национальной политики, а скорее относится к нему как техническому средству решения проблем. В этом и кроется причина того, что экологическая политика по-прежнему не взаимосвязана с промышленной и инвестиционной политикой¹¹.

В то же время интерес бизнеса к экологической проблеме будет возрастать по мере укрепления регулирующей функции государства в экологической сфере в результате роста среднего класса с его потребностями в качестве жизни и расширения процесса глобализации.

Влияние последнего фактора возрастает особенно на ту часть бизнеса, которая ориентирована на внешние рынки и вынуждена приспособляться к его возрастающим экологическим требованиям. Последние, по мнению представителей тайландского бизнеса, будут определять направления торговых потоков в мире¹².

В условиях глобализации воздействие мирового рынка на принятие бизнесом решений относительно охраны окружающей среды в странах ЮВА возрастает. Для того, чтобы выдержать конкуренцию, предприятия вынуждены внедрять технические новшества, повышать качество продукции и услуг и проявлять гибкость в своей производственной деятельности.

Для этих предприятий экологизация их деятельности — это возможность избежать риска — потери доходов, репутации, доли на рынке. При этом прослеживается прямая связь между торговыми интересами страны или компании и корректировкой ее экологической стратегии — чем выше степень ее интеграции в мировую экономику, тем активнее она действует в сфере охраны окружающей среды. Показателем влияния глобализации на экологическое поведение компаний становится принятие ими системы сертификации экологического менеджмента ISO-14000.

Заинтересованность в получении этого сертификата отражает стремление компаний укрепить свои позиции на мировых рынках,

прежде всего на рынках Евросоюза, где предъявляются все более высокие требования к экологическому качеству продукции. В Сингапуре, в Малайзии и в Таиланде создаются соответствующие национальные структуры, подтверждающие выполнение предприятиями взятых добровольных обязательств по экологическому управлению в соответствии с требованиями стандартов ISO-14000. Первый подобный сертификат был получен в Таиланде в 1992 г. В настоящий момент им обладают уже 628 предприятий.

Одним из инициаторов распространения зеленой сертификации в странах ЮВА являются работающие там иностранные предприятия. Например, компания Matsushita запланировала еще в 1999 г. привести все свои заводы в Индонезии в соответствие с требованием стандарта экологического управления¹³.

Первой компанией, получившей сертификацию ISO-14000 на Филиппинах была компания Texas Instruments Inc., которую подтолкнуло к данному действию известие о том, что возможность сохранить свои позиции поставщика японских компаний будет зависеть от получения экологической сертификации. Сегодня международные требования положены в основу действующей в стране национальной системы сертификации¹⁴.

Однако система добровольных экологических обязательств пока не получила заметного распространения в ЮВА. Тем не менее по мере роста среднего класса с его потребностями в качестве жизни и интеграции стран региона в мировую экономику будут создаваться условия, благоприятствующие повышению интереса компаний к своему экологическому имиджу, от которого во многом будет зависеть их положение на рынке. Руководствуясь этими соображениями, машиностроительная и строительная компания SembCorp Industries стала первой промышленной компанией в Сингапуре, заявившей в 2002 г. о своем намерении предоставлять ежегодные отчеты о своей экологической деятельности¹⁵.

Именно интеграция стран ЮВА в мировое хозяйство благоприятствует решению многих экологических проблем посредством привлечения частного иностранного капитала в дорогостоящие проекты инфраструктуры, передачи чистой технологии и использования иностранной экспертизы, а также информации.

Глобализация открывает новые возможности для развития международного экологического взаимодействия как в рамках двухстороннего сотрудничества с развитыми странами, так и участия в глобальных экологических проектах. Присоединение стран ЮВА к международным экологическим соглашениям сулит им немалые экономические и технологические выгоды в рамках осуществления совместных проектов. Соответственно расширяется сфера участия местного бизнеса в экологической деятельности при формировании нового типа партнерских отношений с компаниями из развитых стран.

Если страны ЮВА примут по примеру Японии технико-экономический подход к решению экологических проблем, то это приведет, с одной стороны, к заметному улучшению состояния окружающей среды, с другой, ускорит модернизацию общества. Обращение к проблеме охраны окружающей среды стимулирует технологическую революцию, ускоряет темпы экономического роста, повышает производительность труда.

Естественная детерминированность решения экологических проблем от складывающихся в каждой стране политических, экономических социальных условий развития предполагает глубокое различие между странами региона в их возможностях осуществить экологическую модернизацию.

Но говоря о роли экологии в процессе модернизации стран ЮВА, следует иметь в виду и такой важный момент, как воздействие проблемы охраны окружающей среды на развитие гражданского общества и в целом демократических процессов. Развивающееся в регионе экологическое движение выходит за рамки чисто «зеленой тематики», оперируя понятиями социальной справедливости, равенства возможностей, расширения прав и свобод местного населения, ставит перед обществом задачу поиска путей минимизации экономических и социальных рисков осуществления стратегии экономической модернизации.

По мнению Филиппа Херша, известного антрополога, физическое разрушение окружающей среды является преимущественно социально-политическим вопросом, связанным с проблемой неравенства развития и зависящим от распределения затрат и благ по социальным группам и географическим территориям¹⁶.

Характерной чертой развития экологического движения в странах Юго-Восточной Азии является вовлечение в него представителей малоимущих слоев населения, для которых выступления в защиту природы служат выражением социального протеста, связанного с изменением характера управления природными ресурсами и формы собственности на них. Изъятие у низов сферы контроля над использованием природных ресурсов зачастую сопровождается деградацией среды их обитания.

В экологическом движении бедняков, получившем распространение преимущественно в периферийных районах стран региона, принимают, как правило, участие две категории населения — крестьяне, ведущие натуральное хозяйство, и племена, проживающие в лесных малодоступных районах, которые до последнего времени, сохраняли традиционные формы хозяйственной деятельности и социальной организации. Однако эти периферийные территории, богатые природными ресурсами, представляющими немалую экономическую и политическую значимость для государства, стали объектом экстенсивного экономического освоения, что в корне изменило положение прожива-

ющего там населения и стало причиной возникновения и обострения ресурсных конфликтов.

Конфликты по ресурсам — явление не только сегодняшнего дня. История стран ЮВА изобилует примерами борьбы различных групп населения за доступ к использованию природных богатств. Сегодня же эти конфликты приобрели еще и экологическое содержание по причине истощения и деградации природных ресурсов, что и создает основу для зарождения и развития протестного деревенского экологического движения. Оно возникает в основном в двух случаях. В одном — это ответная реакция на появление реальной угрозы деградации среды обитания вследствие негативного воздействия одного вида хозяйственной деятельности на другой, например, промышленного производства на рыболовство, вырубку леса, строительства плотин на земледелие и т.п. Экологическая составляющая таких протестов, направленных против определенных объектов развития, выражена более четко по сравнению с теми действиями населения, которые вызваны по преимуществу маргинализацией его социально-экономического и политического положения в связи с изменением системы управления природными ресурсами, а уже вследствие этого — с ухудшением экологической обстановки. Это — второй вариант развития протестного экологического движений беднейших слоев населения

Хотя эти социальные движения нередко окрашены в зеленый цвет, однако, в целом они носят более общий характер, будучи по своей идее и задаче связаны с разрешением узловой проблемы — распределения прав собственности, в том числе, и на природные ресурсы, и равного доступа к произведенным экономическим благам. Экологические требования являются вторичными, производными от базовых социально-экономических, но взаимосвязаны с последними, поскольку существование и даже выживание большинства населения зависит самым непосредственным образом от устойчивости экосистемы.

Включение части беднейших слоев населения в экологическое движение опровергает тезис о его исключительной привязанности к среднему классу, который, как показывает опыт развитых стран, является основным носителем идеологии инвайронментализма и генератором экологических инициатив. Хотя и в странах ЮВА перспективы выхода экологического протеста за рамки локального конфликта связаны прежде всего с участием среднего класса в экологическом движении, что зачастую мотивируется не только его озабоченностью разрушением окружающей среды, но и поиском путей демократизации общества.

Инвайронментализм средних городских слоев имеет не столько материальную основу, свойственную бедным группам населения, сколько идеологическую, и отражает определенные идейно-политические предпочтения тех категорий населения, которые очень чутки к проблеме социальной справедливости, равенства и охраны окружающей

среды. Для среднего класса участие в экологических действиях — это не только способ защиты его социальных потребностей качества жизни, но и средство борьбы за свои демократические права.

Участие в экологическом движении, которое развивается в контексте более широких требований за демократизацию политического устройства стран ЮВА, становится для них альтернативной формой выражения своего политического протеста и политического участия, а в ряде стран (Малайзия, а ранее Индонезия) и реализации оппозиционных взглядов в условиях, когда в обществе отсутствуют возможности открытой политической борьбы¹⁷.

В организационном плане инвайронментализм среднего класса ассоциируется, в первую очередь, с деятельностью неправительственных организаций (НПО), получивших заметное развитие в странах ЮВА начиная с 80-ых годов. Становление института неправительственных организаций и расширение его деятельности в развивающихся странах, в том числе и в ЮВА, было связано с осуществлением программ экономической модернизации. Первые неправительственные организации были созданы по инициативе представителей развитых индустриальных стран для оказания помощи бедным слоям населения в развивающихся странах с целью их приобщения к программам развития и оказания им материально-технического содействия. Именно поэтому преимущественное распространение получили те добровольные объединения, которые действовали в сфере местного развития.

Будучи изначально продуктом западной цивилизации, институт неправительственных организаций постепенно приобрел ярко выраженную национальную ориентацию. В характере его деятельности находит отражение расширение сферы реализации гражданских инициатив самого развивающегося общества, которое рассматривает неправительственные ассоциации как форму общественного развития, не находящего адекватного отображения в государственной политике.

В отличие от развитых индустриальных стран обеспечение экологической безопасности в странах ЮВА требует одновременного решения целого комплекса социально-экономических и политических проблем, что и предусматривает расширение сферы деятельности экологических организаций за пределы охраны окружающей среды. Это проявляется в многофункциональном характере деятельности НПО как критиков государственной политики, лоббистов и защитников социальных интересов населения, исполнителей различных проектов, экспертов, преподавателей. Сочетание различных функций, выполняемых НПО, обеспечивает им возможность прямо или косвенно влиять на стратегию развития в направлении ее большей увязки с решением экологических и социальных проблем. Признание со стороны государства их роли в обеспечении экологически безопасного развития является, с одной стороны, осознанием самого факта усиления их влияния в граж-

данском обществе, с другой — необходимости взаимодействия с ними в решении сложных экологических проблем. Как правило, настороженно относясь к критике в свой адрес, государство однако вынуждено обращаться к помощи НПО для мобилизации общественных ресурсов при проведении той или иной программы или для выполнения функций общественного контроля.

Хотя НПО и отводят себе вспомогательную роль в социальном движении, тем не менее, они, представляя нередко наиболее активную часть гражданского общества и обладая немалыми организационными, оперативно-тактическими и информационными ресурсами, способны не только действовать самостоятельно, но и мобилизовывать на экологические акции значительные группы населения. Именно в ответ на такие социальные действия правительства некоторых стран ЮВА были вынуждены ввести ограничения на экологически опасные виды хозяйственной деятельности и ужесточить меры экологического контроля. В последние годы общественное давление становится все более реальной силой формирования государственной экологической политики в Таиланде и на Филиппинах.

В конечном счете, для самой власти становится небезопасно игнорировать социально-экологические последствия программ в сфере развития, вызывающих негативную реакцию общественности, в том числе и мировой. Правительства ряда стран ЮВА, столкнувшись напрямую с массовым недовольством, вынуждены были пересмотреть свои планы по развитию добывающей промышленности, плантационного лесного хозяйства, водного хозяйства и внести в них коррективы с поправкой на снижение их экологических и социальных рисков, оставаясь в то же время верными избранным стратегиям экономического роста. В этом направлении сейчас идет поиск путей реализации программ в субрегионе Меконг.

Неправительственные организации являются не только продуктом развития гражданского общества, но в силу самого характера своей деятельности способствуют расширению его социальных и политических границ, что, бесспорно, усиливает его влияние на процесс формирования экологической политики. В процессе их взаимодействия с другими субъектами социального действия, в том числе и на глобальном уровне, создается основа для реализации новой концепции развития с приоритетными установками на экологические и общечеловеческие ценности — концепции устойчивого развития.

Неправительственные экологические организации, активно действующие во многих странах ЮВА, не только превращают экологический вопрос в предмет широких политических дебатов и тем самым способствуют повышению экологической активности государства, но и добиваются признания права на существование и реализацию альтернативных моделей развития — с ориентацией на интересы широ-

ких слоев населения, как например, интегрального территориального развития на Филиппинах, или экономики разумности в Таиланде при поддержке со стороны государства.

В конечном итоге реализация таких концепций работает в целом на интересы страны, способствуя повышению ее конкурентоспособности путем вовлечения в общенациональный рынок районы, находящиеся на периферии модернизации. Экологические неправительственные организации в любом случае способствуют развитию гражданского общества, пробуждают активность местного населения, усиливают социальную составляющую проектов модернизации.

Современный модернизационный проект, осуществляемый на глобальном уровне в рамках модели устойчивого развития, а в регионе «природооберегающего роста» включает два важнейших компонента — экоэффективность и экосправедливость. Экоэффективность выражается в повышении эффективности использования природных ресурсов на базе современных технологий, экосолидарность — в расширении участия населения в принятии решений и в их реализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ AsianBusiness.com. 01.12.1996.

² Environmental Implications of the Economic Crisis and Adjustment Reforms in East Asia. The World Bank Discussion Paper Series 1, Washington, January 1999, с. 3.

³ International Herald Tribune.04.08. 2006.

⁴ Elliott L. Environment, Development and Security Issues and Responses. 13 Asia Pacific Round Table. 30 May — 2 June, 1999, Kuala Lumpur. с. 12.

⁵ Обеспечение экологически устойчивого экономического роста в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Е/ ESCAP/SO/MCED (05) 7, 3 March 2005.

⁶ The Straits Times. 27.02. 2006.

⁷ World Bank Research Digest. Vol. 1, №1, 2006. с. 7.

⁸ State of the Environment in Asia and the Pacific 2005. ECONOMIC AND SOCIAL COMMISSION FOR ASIA AND THE PACIFIC. Bangkok, 2006. с. 32.

⁹ State of the Environment in Asia and the Pacific 2005. с. 34.

¹⁰ http://www.businessweek.com/print/globalbiz/content/oct2006/gb20061017_901249.htm October 17, 2006.

¹¹ Asian Environment Outlook 2001. Asian Development Bank. Manila, 2000. с. 63.

¹² Far Eastern Economic Review, 05.07.2001.

¹³ The Straits Times, 23 06.1998.

¹⁴ Почти половина национальных стандартов Филиппин соответствует международным стандартам (программа начата в 1993 г.). К 2020 г. г. это соотношение предполагается увеличить до 100%.

¹⁵ The Strait Times. 22.05.2002.

¹⁶ Hirsch P. Environment and Environmentalism in Thailand: Material and Ideological basis. Presented at The Asian Studies Association of Australia Biennial Conference. 13-16 July, 1994, Murdoch University. с.3.

¹⁷ Hirsch Ph. and Warren C. Introduction: through the environmental looking glass: the politics of resources and resistance in Southeast Asia // The Politics of Environment in Southeast Asia. Ed. by Hirsch Ph. and Warren C. L. and N.Y. 1998. с. 2.

Эволюционная модель общественной трансформации в СРВ¹

Главной целью настоящей статьи является обобщение хода и итогов развернутых во Вьетнаме с конца 1980-х гг. глубоких общественных реформ, определение современной модели развития страны. Для этого прослежено проявление в местных условиях закономерностей, присущих переходным странам, и отличий от них, показывающих специфику СРВ².

Предпосылки и приоритеты общественного переустройства

Прежде всего, возникают вопросы, происходит ли здесь трансформация общественного строя, как влияет на нее руководство страны, созрели ли объективные предпосылки для перемен и каким образом отдан приоритет при их проведении.

С конца 1970-х годов командно-административная система СРВ все отчетливее обнаруживала черты упадка и застоя. Директивная плановая экономика, которая была пригодна для решения задач военного времени, не смогла обеспечить поступательное развитие в мирных условиях. Лишь помощь СССР позволяла сохранять экономику страны на плаву, не проводя назревших изменений. Начатые эксперименты рыночного характера отразили осознание как вьетнамским руководством, так и населением необходимости коренной трансформации самой системы.

Наращение кризисных явлений в экономике СРВ отразило чрезвычайную степень ее обобществления, неэффективность директивных методов управления хозяйственными процессами. Централизованная плановая экономика отличалась субъективным и негибким распределением ресурсов, слабыми стимулами роста, неразвитой инфраструктурой, недостаточным информационным обеспечением. Она была фактически изолирована от мирового хозяйства, ограничиваясь связями с далеко не самыми развитыми, но идеологически родственными странами.

Процесс вызревания реформ во многом подтолкнули внешние события. Прежде всего, в КНР проявились положительные результаты рыночной трансформации, которые не могли не привлечь внимания соседней страны со сходной политической и хозяйственной системой. Под воздействием успехов Китая во Вьетнаме начали формироваться

новые экономические взгляды и соответствующие сдвиги в партийно-государственном руководстве.

Распад мировой системы социализма и потеря прежней экономико-политической опоры в лице СССР в конце 1980-х поставили Вьетнам перед принципиально новой реальностью. СРВ, как и другим переходным странам, пришлось сделать окончательный выбор из крайне ограниченного перечня альтернатив развития. Вьетнамское руководство понимало, что, сохраняя командно-административную государственно-распределительную систему, не удастся обеспечить движение экономики вперед. Окончание «холодной» войны и развертывание процесса глобализации ускорили начало реформ.

Все эти факторы предопределили политику обновления (объявлена на VI съезде КПВ в 1986 г.), которая вывела СРВ на рыночный путь развития. Реальное внедрение товарно-денежных отношений началось с конца 1980-х гг., когда правительство приступило к комплексному преобразованию вьетнамской экономики. Но возрождение элементов рыночной системы, заложенных в процессе развития капитализма, в Южном Вьетнаме началось почти на 10 лет раньше с внедрения семейного подряда в аграрном секторе.³

По сути, был открыт путь системным реформам, охватившим социально-экономическую систему в целом, включая все ее подсистемы. Развернулись создание инфраструктуры рынка, изменение отношений собственности (через развитие многоукладного хозяйства), демонополизация и открытие экономики. Правительство Вьетнама провело работу по постепенному дерегулированию экономики, перестройке кредитно-денежной и налоговой политики, реформе производственной сферы, в том числе путем перевода государственных предприятий на предпринимательскую основу. Эти меры обеспечили быструю нормализацию экономического положения, вызвали повышение общей хозяйственной активности и численное увеличение предпринимательских слоев.

Успех рыночных реформ во многом определили внутренние факторы, в том числе выгодное географическое положение, наличие в стране природных богатств, особенно сырьевых ресурсов. Проявились и другие важные предпосылки: трудолюбие, дисциплинированность и неприхотливость вьетнамцев, низкий «стартовый уровень» местной экономики, преобладание аграрного населения. Эти причины обеспечили первоначально высокие темпы роста за счет использования экстенсивных факторов развития. Сказались стремление людей к реформам, сохранение традиций и опыта частного предпринимательства, формирование среди активной части населения индивидуалистического сознания.

Существенную основу для совершения экономического рывка составили уровень образования и профессиональной подготовки рабо-

чей силы, наличие в СРВ системы социального обеспечения, достаточно интенсивное освоение европейского опыта и культуры (через СССР и страны Восточной Европы). По качеству рабочей силы, пригодности социально-культурной среды к нуждам индустриального общества Вьетнам оказался впереди многих развивающихся и даже более развитых стран. Средний вьетнамец, как ключевой фактор производительных сил, был объективно готов к переменам, настроен на них, не очень консервативен, высоко мотивирован, активен. Все это позволило быстро мобилизовать население на поддержку реформ, адаптировать его к законам функционирования рыночного общества.

Используя перечисленные преимущества, руководство СРВ поставило задачу в исторически короткие сроки «подтянуть» Вьетнам до уровня более развитых государств мира⁴. Для этого требуется пройти капиталистическую фазу общественного развития, о чем прямо говорилось в партийной печати на рубеже 1990-х гг.⁵ Но в Программе КПВ, принятой на VII съезде (1991), и в дальнейшем осознанно сохранено положение о возможности миновать капиталистическую стадию развития.

Лидеры СРВ не только не отказались от социалистической перспективы, но и объявили своей целью совершенствование прежней системы путем развития рынка, создания смешанной экономики. Иначе говоря, они сделали попытку привести государственный строй в соответствие с возможностями и потребностями отсталой страны, в которой сохраняется мелкотоварное и натуральное хозяйство. Руководство компартии, взяв курс на формирование «рыночной экономики социалистической ориентации», возвело в ранг официальной политики переход к рыночным отношениям. Преодоление преград на этом пути помогает обеспечить функционирование присущих рыночной экономике законов и преодолеть системный кризис.

Действующая политическая элита выступила инициатором и генератором этих преобразований, что коренным образом отличает процесс трансформации во Вьетнаме. Здесь не произошло, как в большинстве остальных переходных стран, полного разрушения институтов старой политической системы, власть компартии была сохранена как ее стержень. Началась лишь перестройка устаревших порядков по пути ограничения административно-командных методов управления обществом. Она ведется с целью, прежде всего, сохранения существующего строя. Необходимые для этого меры призваны придать последнему больше гибкости, обеспечить доверие и поддержку масс, удалить бюрократические наслоения.

Признавая важность рыночных механизмов для регулирования экономики, перераспределения собственности, развития товарно-денежных отношений, лидеры страны сохраняют за государством высшие функции управления, надзора, воспитания и наказания. Стабиль-

ность политических институтов считается необходимой для обеспечения процесса законотворчества и исполнения законов, представительства граждан и отправления власти. Компартия выступает в качестве главного хранителя моральных и культурных ценностей, высоких нравственных принципов и идеалов, понимаемых как основная сила социализма и альтернатива демократии западного образца.

Выполнения правящей элитой роли и инициатора, и проводника реформ обусловило двойственную природу (дуализм) системы как таковой и самого хозяйственного механизма⁶. В смешанной (двухсекторной) экономике СРВ рыночные институты сочетаются с сильным госрегулированием, включая основные элементы планового механизма, значительную госсобственность. Подобная модель развития объективно противоречива: сосуществование элементов, относящихся к разным общественным системам, затрудняет их совместимость, порождает много непредвиденных, отчасти закономерных последствий. Переход к рынку носит управляемый и подконтрольный партии власти характер, но при этом растягивается на более длительный период, сохраняя многие системные риски и проблемы в экономике.

Формулировка задач трансформации общественного строя СРВ в духе ортодоксального марксизма обусловила неопределенность установок политики обновления и оказала сдерживающее влияние на ход реформ. Вьетнамские коммунисты довольно туманно видят характеристики и будущее реформируемой системы. Поэтому сложно понять, что представляет на практике, а не в решениях партийных съездов «социализм с вьетнамской спецификой». Объективно такая неопределенность оправдана переходным состоянием общества. Оно фактически движется от административно-командной к рыночной системе.

Движение Вьетнама по неизведанному пути обусловило не только противоречивый характер процесса обновления, но и неравномерные темпы, различные результаты преобразований в области экономики, внутренней и внешней политики. Изменения в политической сфере происходили еще медленнее, чем в экономической, поэтому между ними возник разрыв. Если экономическую реформу во многом двигали снизу устремления массы частных предпринимателей, то перестройка политических институтов велась преимущественно в силу необходимости повышения эффективности работы административного аппарата, в том числе под влиянием донорского сообщества и внешних инвесторов, направлялась сверху, строго дозированно.

Руководство страны сделало ставку на поэтапное совершенствование политического устройства СРВ с учетом местной специфики, в том числе ссылаясь на общую «неготовность масс к восприятию радикальных идей»⁷. Осторожные изменения были признаны ЦК КПВ «основным звеном в процессе обновления», важнейшей гарантией успеха политики партии в целом⁸. Курс на ограниченное обновление полити-

ческих институтов получил закрепление в решениях VII съезда КПВ (1991) и в тексте Конституции СРВ, вступившей в силу в 1992 г.

Активное использование социалистической фразеологии, стремление сохранить «командные высоты» в экономике за государством при переходе к рыночной экономике представляются не случайными. КПВ, сделав в 1986 г. заявку на всесторонние реформы, не имела альтернативы. Однако по мере продвижения вперед, достижения значимых экономических успехов и наполнения бюджета стремление властей к ломке прежних порядков стало ослабевать, а идеологическая ангажированность усиливаться.

В противоположном направлении шли набиравшие силу процессы внутри общества. Открытие Вьетнама внешнему миру, доступ населения к информационным потокам из-за рубежа, демонстрационный эффект резко усилили проникновение в страну западных идей, особенно в умы молодежи. Роль основного субъекта в отношениях с государством начала переходить в обществе от коллектива, семьи к индивидууму. Марксизм-ленинизм все меньше стал подходить для обоснования практики, и задача интеграции с внешним миром получила окончательное признание вопреки опасности ее реализации для господствующей идеологии и национального суверенитета.

Образчики и характеристики смешанной системы

Лидеры СРВ, говоря о приверженности социализму, осуществляют де-факто глубокие изменения в характере, формах, направлении развития страны. Подобное поведение в целом характерно для восточной традиции государственности, которой не присущи резкие повороты и поспешные заявления, особенно в случае трансформации общественных устоев. Благодаря этому власти удается избегать несоответствия официальной политики и идеологической доктрины, сохранять за собой свободу маневра.

Руководство страны, объединяя сторонников отличающихся методов преобразования общественного строя, не воодушевлено как российским путем развития, так и западной моделью. Из партийных документов и материалов научных дискуссий на эту тему следует, что оно считает демократические институты, характерные для классического капитализма, не способными преодолевать общественные противоречия и обеспечивать целенаправленное движение по пути прогресса. Несмотря на экономическую неэффективность плановой экономики и подозрительное отношение к капитализму, здесь, тем не менее, видят в развитии рыночного хозяйства кратчайшую дорогу к социализму.

Известный американский политолог Сэмюэль Хантингтон, рассматривая эволюцию обществ переходного типа, подобных вьетнамскому, говорил о «социализме с капиталистическими чертами». К соци-

ализму он относил то, что осталось без глубоких изменений в сфере надстройки, а к капитализму — новые экономические отношения⁹. Фактически это означает возникновение «гибридной» системы, которая обеспечивает развитие рыночной экономики при сохранении прежних институтов и носителей власти.

Собственно, сочетание механизмов социалистического государства с рынком под названием НЭП впервые было опробовано, но не прижилось в советской России в 20-е годы XX в. и часто упоминалось руководством СРВ как образец для подражания. По нашей оценке, оно фактически пытается реализовать теорию конвергенции двух общественных систем и совместить преимущества каждой из них. Некоторые политологи называют данную модель «азиатской», характерной только для стран «третьего мира», ведущей в исторический тупик, поскольку экономическое отставание при ней не уменьшается, а относительно возрастает¹⁰.

Выбор руководством СРВ пути развития не случаен и определяется исторической спецификой страны. КПВ хотела бы сохранить политические устои, созданные в процессе строительства социализма на Севере. В то же время она вынуждена использовать для экономического развития механизмы, которые возникли в период становления капитализма на Юге страны. По сути, тем самым признаны реальная эффективность, перспективность, соответствие объективным законам присущих ему форм собственности, хозяйственной жизни, принципов регулирования экономики. Последние сохранялись в Южном Вьетнаме после 1975 г., несмотря на попытки социалистического переустройства и обобществления. Фактически с середины 1980-х гг. лидеры КПВ перестали мешать переносу элементов рыночной экономики с Юга на Север и прекратили их критику.

В условиях объединения исподволь — с началом широкого общения между жителями страны — с Юга на Север стали распространяться новые экономические и духовные ценности. Коммунисты воспринимают это как «реванш» за военное поражение, указывая, что перенесенные таким путем многие атрибуты прозападного образа жизни, чуждой массовой культуры разлагали более аскетический Север и даже «поглощали» его¹¹. Более глубоко укоренившиеся на Юге традиции, навыки частного предпринимательства, принципы открытости, свободы в обществе получили развитие и на Севере. Это наследие оказалось своего рода «миной замедленного действия» для общественного строя на Севере.

По нашей оценке, опыт Юга дал мощный «демонстрационный эффект» и сыграл решающую роль в выработке политики обновления и переходе СРВ на рыночную модель развития. Стране пригодился уникальный опыт сначала параллельного существования, а затем со вмещения двух общественно-политических систем на одной террито-

рии и при участии смежных поколений однородных этнических групп. Это, пожалуй, самая характерная особенность развития Вьетнама, которая не присуща другим переходным странам за исключением, отчасти, Германии. Наследие периода раздела страны повлияло также на сохранение западного вектора во внешних связях, вестернизацию институтов власти и культуры, другие сферы.

Не случайно одной из ключевых задач современного развития Вьетнама объявлена модернизация, которая понимается как ускоренное преодоление отсталости, создание передовой промышленности и науки, обеспечение устойчивого развития. Глобализация считается одним из важных условий модернизации, хотя позитивно воспринимается главным образом ее экономическое содержание, в то же время многие политические аспекты объявлены неприемлемыми для Вьетнама. В партийной и в научной литературе СРВ пока отсутствует теоретическое обоснование программы модернизации. Она рассматривается в привычном идеологическом ключе, как комплекс мер по строительству социализма или подъему экономики. Иначе говоря, понятие «модернизация» трактуется скорее практически, чем теоретически, хотя потребность КПВ в новых концептуальных подходах с крушением мировой системы социализма и переходом страны на путь рыночных преобразований представляется очевидной.

В СРВ все более применимой на практике становится популярная в Восточной Азии неотрадиционная теория развития, которая выступает своего рода альтернативой теории модернизации и ее новейшего варианта — глобализации. Вьетнам, как и Китай, Сингапур, пытается сочетать положительные стороны традиционности и современности. Российские ученые считают, что сохранение духовных ценностей при строительстве передовой экономики составляют главное «ноу-хау» догоняющего развития ранее отсталых стран Востока¹². Во Вьетнаме важным носителем духовных ценностей стало конфуцианство, сформировавшее основы личностного поведения, взаимодействия граждан и общества, обеспечившее сохранение дееспособности государства. Поэтому именно умелый синтез элементов конфуцианской и западной социокультур, видимо, стал одним из основных условий стремительного экономического подъема Японии, затем новых индустриальных стран (НИС), а сегодня КНР и СРВ¹³.

По мнению западных экспертов, Ханой ориентируется на современную модель развития Сингапура и Малайзии. С более развитыми партнерами в регионе Вьетнам сближает целый ряд факторов, включая использование корпоративных начал в управлении обществом. Страны Восточной Азии интересны КПВ тем, что показывают примеры не только достижений капитализма, но и его успешного приспособления к местным условиям. Сингапур, по свидетельству норвежского исследователя С.Тоннесона, вызывает у вьетнамских политиков

неподдельное восхищение сочетанием политического авторитаризма с экономикой свободного рынка¹⁴.

Чем же привлекает Вьетнам корпоративная организация общества? Административное управление здесь и в обогнавших его странах региона на практике не очень отличается друг от друга. Оно является компромиссным, поскольку за счет ограничения демократии обеспечивает стабильность, контроль над ходом общественного развития¹⁵. На самом нижнем этаже администрации властные полномочия осуществляют лидеры местных кланов, которые играли бы ведущую роль, независимо от характера правящего режима. Право на хозяйственную деятельность признается не только за предпринимателями, но и — де-факто — за представителями власти.

В таком государстве бюрократия через государственные корпорации по сути напрямую участвует в экономических процессах, как имело место в южнокорейских чеболях или клановой экономике малайзийского типа¹⁶. Идет процесс размывания граней государственной и частной собственности, их различия становятся с трудом различимыми, а отдельные сегменты все более сливаются. Своеобразным следствием сращивания власти и бизнеса, подрыва прямой конкуренции выступает развитие нерыночного сектора, установление ограничений на рыночное хозяйство по стратегическим соображениям. В то же время возросшая бизнес-активность государства ведет к формированию влиятельного и имеющего собственные экономические интересы лобби в госсекторе¹⁷. Этот процесс позволил вьетнамской бюрократии установить контакты с ТНК, в том числе с китайскими сетями предпринимателей.

Корпоратизм занимает центральное место также в общественной сфере. При нем происходит «замораживание» естественных форм политической жизни, блокируется развитие институтов общества, которые нацелены на идентификацию, формулирование и защиту политических интересов граждан. Вместо этого общественное пространство структурируется по иным признакам — профессиональным, религиозным, региональным и т.п.

Следовательно, вьетнамское руководство при выборе и проведении реформ опиралось на практический опыт близких по политической культуре стран своего региона. Это подтверждает положение о том, что успешная модернизация не обязательно должна вести к тотальной вестернизации общества. Взяв за основу практику рыночных преобразований в Китае, власти СРВ творчески использовали более ранние разработки других соседей в Восточной Азии, в том числе Японии, НИС. По нашему мнению, здесь кроется один из главных секретов появления нового азиатского «тигра».

Конечно, важную позитивную роль сыграли благоприятные внешние обстоятельства, сложившиеся в последние два десятилетия. К ним

следует отнести прекращение военно-политической конфронтации между двумя блоками, улучшение мировой экономической конъюнктуры (не считая периодов циклических кризисов конца 1990-х гг. и текущего десятилетия), превращение в мировую державу и рост международного влияния Китая. СРВ удачно, в силу общих границ и тенденций развития, «попала в волну» его экономической активности, привлекательности, достижений.

Точно выбранные внешнюю политику и международную ориентацию Вьетнама можно смело отнести к двигателям рыночных реформ, закономерностям процесса трансформации общества. Обеспечена разумная, дозированная открытость и адаптация экономики СРВ к процессам глобализации, информационной революции. Эффективность такой политики состоит в том, что она стимулировала деятельность всех экономических агентов, сопровождалась широкими институциональными изменениями. На основе успехов в формировании благожелательного отношения к Вьетнаму удалось обеспечить обширный приток капиталов и помощи в различных формах, получить необходимые средства для проведения реформ.

Проводя международную интеграцию, СРВ проявляют постоянную заботу о сохранении национального суверенитета. Перед страной встала серьезная геополитическая проблема, как вести себя в отношении соседа-гиганта в условиях ослабления позиций в регионе США и России. Влияние КНР усиливается и грозит ее полным экономическим доминированием. В этом таятся и общая, и конкретная угрозы, в частности, серьезный кризис китайской экономики может больно ударить по местному хозяйственному комплексу. Вьетнам в своих интересах идет на углубление взаимодействия с Пекином, даже некоторый рост зависимости от него.

Одновременно, чтобы сохранить внешнеполитический и экономический баланс, Ханой применяет тактику лавирования, в частности стремится развивать сотрудничество с США, другими силами. Особенно высокую ставку власти СРВ делают на эффективное участие в АСЕАН и новых интеграционных группировках в Восточной Азии (АФТА, КАФТА, АТЭС, АРФ), в целом отдают предпочтение регионализму перед глобализацией. Вьетнам демонстрирует высокую активность на мировой арене, координирует свои усилия с ведущими международными организациями и донорским сообществом, чтобы повысить устойчивость и обеспечить стабильное развитие нации. В 2007-2009 гг. это проявилось во вступлении в ВТО, председательстве в Совбезе ООН от лица его непостоянных членов.

Идя на углубление международной интеграции и извлечение максимальной пользы из внешней помощи, лидеры СРВ рассматривают политическую независимость как принципиальное условие развития государственности и национальной идентичности своей страны. Они

стремятся обеспечивать экономический прогресс, не допуская «заражения» вьетнамского общества чуждыми духовными ценностями. Эти действия, сдерживая политические реформы, приводят к противоречиям с донорским сообществом. При очевидном столкновении интересов двух сторон вьетнамское государство демонстрирует способность проводить свою линию перед лицом сильного давления извне, применяя тактику компромиссов.

Достижения, противоречия и последствия реформ

Проведенные в СРВ за 20 лет (1986–2006 гг.) комплексные реформы принесли безусловный общий успех. Они позволили заложить основы современной рыночной экономики и продвинуться по пути модернизации общества. Произошла коренная перестройка социально-экономической системы, причем в короткие по историческим меркам сроки. Возврат к прежним порядкам стал практически невозможен, что позволяет говорить о необратимости достигнутых в стране перемен. Вьетнам смог добиться в развитии экономики и улучшении жизни населения больших достижений.

Высокие темпы социально-экономического развития СРВ указывают на отсутствие прямой связи между уровнем радикальности рыночных преобразований и их результатами в хозяйственной сфере. Длительность и постепенность трансформации общества и экономики оказались не тормозом, а важным условием формирования рыночных отношений. Можно говорить об определенных преимуществах такого типа трансформации на начальном этапе, в виде меньших социальных и политических издержек, хотя при спаде мировой экономики нерешенность многих задач сказалась негативно.

О выработке верной политики преобразований говорит тот факт, что лидерам Вьетнама удалось сделать переходный период управляемым, приспособиться к внешним влияниям, сохранить стабильность, целостность, суверенитет государства. Успех был обеспечен с помощью разнообразных мер и политических технологий. В качестве важнейшей среди них следует признать сохранение «партийного государства», в котором компартия, удерживая монополию на власть, выполняет как партийно-идеологические, так и государственные функции.

Наличие сильной государственной власти позволило КПВ преодолеть противоречия внутри политической верхушки, выступить инициатором и проводником реформ. Благодаря развитой культуре политического компромисса удалось в ходе выработки и проведения рыночного курса избежать раскола в руководстве. Национальная элита Вьетнама смогла перестроиться в соответствии с вызовами времени, отказаться от государственного иждивенчества, выработать сбалансированные отношения с мировыми центрами силы и с собственными

гражданами. Сильная власть обеспечила необходимые условия развития путем концентрации сил и средств всего общества, приспособления его к меняющейся внешней среде. Этому способствовали также общая традиционная послушность и доверие населения к правящей элите, прежде всего к компартии, проявленная государственной властью способность к политической мимикрии и эволюции.

Важно, что эта политика отличалась прагматизмом, не была излишне идеологизированной. Власти СРВ отказались от контрпродуктивных для социально-экономического развития установок, даже если они соответствовали господствующей идеологии, и использовали рыночные решения, характерные для совершенно иного идеологического арсенала. Следовательно, качество политической элиты (компетентность, гибкость, внутреннее единство) во многом предопределило успех реформ и осуществление регулирующей роли государства, несмотря на типичные для него на Востоке явления (коррупция, наличие клановых отношений и т.п.)¹⁸.

Курс на всестороннее обновление вьетнамского общества, хотя предусматривал лишь некоторую перестройку и улучшение прежней системы, привел к изменению вектора развития страны в целом. Проведение рыночных реформ повлияло на внутривластную ситуацию, положение отдельных социальных слоев и классов, внешнюю ориентацию СРВ — она перешла к сотрудничеству с ведущими экономическими державами мира. Фактически здесь начал формироваться новый общественный строй смешанного типа, доминирующими элементами которого выступают государственный капитализм и корпоративная организация власти.

Распространение рыночной экономики и ее достижений начало менять расклад политических сил во Вьетнаме, способствуя укреплению позиций сторонников рыночной системы. Вместе с тем, рост разрыва в уровнях развития передовых регионов и периферии, города и деревни, сохранение основ централизованной экономики, действие инерционных механизмов директивного управления обеспечили устойчивое влияние консерваторов во вьетнамском руководстве. Поддержание такого баланса имеет большое значение. Оно предохраняет страну от силовой смены политического строя, внутреннего взрыва при возникновении кризисных явлений в экономике или обострения до крайних форм социальных противоречий.

Особенно важной представляется трансформация правящей партии. КПВ, возникшая как авангард трудящихся, со временем стала выражать интересы среднего и зажиточных слоев населения, по сути, превратилась в общенациональную партию. Произошел поворот в реальных приоритетах, установках партии, переход от ортодоксально коммунистических взглядов на фактически социал-демократические позиции. КПВ ограничивает доступ в свои ряды и, соответственно,

к командным высотам представителей частного капитала. Вместе с тем она настойчиво выращивает бизнес элиту в своих рядах, упреждая возможный «перехват власти» прежним противником.

СРВ постепенно превращается из государства авторитарного типа в парламентскую республику с однопартийным строем. Здесь в первую очередь реализованы экономические свободы, наиболее востребованные вьетнамским населением и привнесенные в общество с утверждением рыночных отношений. С опозданием получили развитие электоральная и парламентская формы демократии, гражданские свободы типа свободы слова, вероисповедания и передвижения.

К достижениям переходного периода следует отнести большую открытость власти и создание предпосылок формирования гражданского общества в виде неправительственных общественных организаций и укрепления судебной системы. Более радикальные политические изменения, связанные с утверждением демократии западного образца, пока оказались не востребованы. Для этого должны созреть основные внутренние условия в виде правовой грамотности, демократического сознания и опыта, повышения общественной самодеятельности. Такие изменения невозможны без дальнейшего отхода КПВ от жесткого контроля над общественной жизнью, расширения политических прав и свобод граждан.

Значительные ограничения демократических институтов в СРВ следует рассматривать не как аномалию, несоответствие «передовым» образцам, а как типичную черту стран, в которых отношения государства и общества основаны на патернализме. Эта особенность — вопреки теориям современной политологии — не мешает политическому механизму Вьетнама действовать эффективно, хотя поддерживает остатки авторитаризма.

Вьетнамское руководство пытается совместить экономический рост с социальной справедливостью. На это указывают меры властей по смягчению территориальных различий, ограничению бедности и голода, подъему села, расширению системы социального страхования. Достигнуты неуклонное сокращение масштабов и глубины абсолютной бедности, стабилизация и даже некоторое снижение показателей относительной бедности. Во многом таких результатов удалось добиться за счет активной социальной политики и поддержки малого предпринимательства. По индексу развития человеческого потенциала Вьетнам вошел в группу стран со средним уровнем развития.

В целом вьетнамская модель развития выгодно отличается социальной ориентацией и вследствие этого социальной интеграцией. В результате формирование рыночной экономики СРВ проходит не столь болезненно, как в других переходных странах. Государство в пределах возможного стремится оптимизировать действие рыночных сил. Сохранение социальной поддержки, наряду с помощью родственников

из-за рубежа помогает многим семьям пережить трудные времена, создать необходимые накопления.

Реформирование социальной сферы имело большое не только социально-экономическое, но и идеологическое значение. Как известно, ставка на рыночные механизмы регулирования социальной сферы при сохранении государственной поддержки присуща социал-демократам, а не коммунистам¹⁹. Следовательно, в этой сфере в СРВ также можно наблюдать действие механизмов двух систем.

Конечно, Вьетнаму за 20 лет преобразований не удалось избежать ошибок, политика реформ проводилась не всегда последовательно и продуманно. Это обусловлено отсутствием опыта, внутренними и внешними трудностями, объективной невозможностью сразу выработать и быстро реализовать четкую стратегию развития. Страна впервые в истории решала задачу перехода от административно-командной к современной рыночной экономике, преодоления наследия прежней системы хозяйствования.

О противоречиях системы смешанного типа говорит выявленная сложность сочетания экономического роста с эффективностью развития, социальным равенством, экологическим равновесием, сохранением прежних ценностей ориентаций и каналов социальной мобильности. В частности, произошло углубление имущественной дифференциации, неравномерности этнического, гендерного и территориального развития, религиозно-этической конфронтации. Широкий размах приобрели внутренняя и внешняя миграция, безработица, социальные пороки.

Поскольку государству пришлось отказаться от целиком уравнительного распределения общественных благ, приватизация части социальных услуг поставила в более выгодное положение зажиточное меньшинство. Это привело к росту социальной напряженности, массовых протестных движений в беднейшей части общества, осложнило перспективы экономического роста.

Подобная ситуация, впрочем, типична для переходных стран, она связана с углублением интеграции в мировую экономику. Здесь кроется серьезное противоречие между внешнеполитическим курсом СРВ и намерением нивелировать диспропорции внутри общества. Вместе с тем усиление неравенства, происходящее с очень низкого уровня, в известной степени стимулирует развитие экономики. Оно способствовало увеличению частных сбережений и инвестиций, активизировало конкуренцию, задействовало мотивационный механизм и демонстрационный эффект.

Структурные реформы и увеличение доходов отдельных групп граждан неизбежно породили серьезное социальное расслоение. Социальный состав вьетнамского общества начал обретать типичные для рыночной экономики черты. Выделились узкие элиты и растущая про-

слойка маргиналов, заново сформировался средний класс. Современное развитие, связанное с научно-техническим прогрессом и информационными технологиями, существенно повлияло на положение рабочей силы, трансформировало общественные отношения и институты, усилило поляризацию населения.

Предприниматели превращаются в ведущую социальную силу, в то время как значительная часть населения (за исключением тех, кто живет натуральным хозяйством) перешла в разряд наемных работников. С упрочением экономических позиций объективных противников социализма у них соответственно растет потребность в политическом представительстве. Пока они оттеснены от власти и наверху общества нарастает конкуренция двух правящих элит — новой технократической и старой бюрократической.

Несмотря на проведение рыночных реформ, для вьетнамской экономики характерна общая несбалансированность и невысокая эффективность, что вызвано глубинными факторами. По-прежнему остаются преобладающими вложения в физический, а не человеческий капитал, экстенсивные факторы экономического роста. Модель, взятая Вьетнамом на вооружение, имеет в большей мере мобилизационный, а не инновационный характер, над интеллектуальными компонентами производительных сил все еще довлеют индустриальные. При сохранении таких акцентов развития экономические успехи СРВ в будущем поставлены в зависимость от повышения, прежде всего, капиталоемкости производства. Слабые места в финансовой и других системах, как показала практика, преодолимы в относительно короткие сроки, а на «облагораживание» и модернизацию составляющих экономического роста требуется гораздо больше времени и усилий.

Позиции Вьетнама в сравнении с другими странами мира

Оценка результатов рыночных реформ в СРВ была бы неполной без их комплексного рассмотрения в системе международных количественных сопоставлений. Для начала обратимся к методике Всемирного банка, которая применяется для сравнений такого рода²⁰. Она определяет продвижение в 4-х сферах внутренней политики по сравнению с максимальными показателями, достигнутыми другими слаборазвитыми странами. Всего отслеживается 20 показателей в трех основных сферах. Из них 4 характеризуют уровень макроэкономического управления, 6 — ход структурных изменений, 5 — успехи в обеспечении социального равенства, последние 5 — эффективность государственного аппарата в целом. Изменения выявлены за 1998-2002 гг. и измеряются удаленностью значений этих показателей от центра гистограммы

Следуя расчетам ВБ, мы видим, что к 1998 г., т.е. по завершению первых этапов преобразований, наиболее ощутимый эффект принес-

ли меры по перестройке механизмов макроэкономического управления и поддержанию социального баланса. В обеих сферах Вьетнам превзошел средние показатели стран Азии с низким доходом и попал в разряд 20% наилучших в данной группе стран. Наоборот, отсутствовало заметное продвижение структурных реформ в экономике и улучшении работы государственных органов. По этим показателям СРВ не дотянула до среднего уровня других стран своей группы.

Спустя 4 года Ханюю удалось достичь еще большей эффективности макроэкономического управления (почти до максимальных значений). Также отмечен прогресс в проведении структурных реформ, особенно во внешней торговле и финансах. Вместе с тем, показатели, отражающие сдвиги в структуре экономики, оставались низкими. В других сферах изменения были скромнее, в некоторых вообще отсутствовали. Вьетнам по-прежнему достойно выглядел в части реализации мер по ограничению бедности и решению социальных проблем. В административной сфере произошли подвижки только в вопросах бюджетирования, для решения же остальных предстоит много сделать.

На наш взгляд, во многом указанные выводы позволяет дополнить новая методика, предложенная специалистами МГИМО МИД РФ в рамках проекта «Политический атлас современности». Достижения различных стран оценены и сопоставлены в нем на основе данных статистики за 2003–2005 гг. по пяти ключевым сферам как внутренней, так и внешней политики, от которых зависит положение каждой страны в современном мире²¹. Первая среди них отражает *качество государственности*, указывая на уровень независимости, суверенности и способности государства обеспечить эффективное функционирование и воспроизводство институтов общества. Вторая сфера дает понимание *масштаба угроз и вызовов*, исходящих из внешней и внутренней среды, которые способны осложнить отправление власти. Третья сфера показывает имеющиеся у государства ресурсы *воздействия на международную среду* для решения своих национальных задач. Четвертая сфера раскрывает качество реализации государством *социальных функций*, а пятая — институциональный потенциал для *демократического развития*.

Каково же положение СРВ в мире, определенное взаимосвязанной системой индексов, которые «измеряют» успехи в этих сферах? Среди 192 стран по первому параметру Вьетнам занял 85-е место (индекс 5,35 при максимально возможном значении 10), что свидетельствует о достаточной *эффективности государства* при наличии определенных ограничений в осуществлении самостоятельной национальной стратегии развития. Основанием для такой оценки служит, с одной стороны, большой объем внешнеэкономической помощи, а с другой длительность государственных традиций и политическая стабильность. В той же группе находится ряд стран Юго-Восточной и Южной Азии.

По параметру *безопасности* СРВ также оказалась в середине общего рейтинга — на 91-м месте (индекс 3,90). Этот результат показывает, что страна сталкивается с разнообразными, но не чрезвычайными угрозами. К ним относятся быстрый рост населения, эпидемии, территориальные споры с соседями, несбалансированная внешняя торговля, нарушение экологического равновесия, чреватые потерей устойчивого характера развития. В то же время отсутствует терроризм как ведущая угроза. Показательно, что многие страны Восточной Азии, прежде всего, Япония и Китай, стоят близко к Вьетнаму по уровню угроз: в этом раскрывается сходство стоящих перед ними проблем.

По рейтингу *потенциала международного влияния* СРВ располагается довольно высоко — на 27-м месте (индекс 0,62), хотя и сильно отстает, по очевидным причинам, от ведущих держав. Это отражает ее лидирующие позиции в региональном измерении, особенно в АСЕАН, активную роль в ООН, немалый военный потенциал и пока не раскрытые экономические возможности. В данном измерении отчасти подтверждается зависимость степени международного влияния от развития государственности.

По параметру *благополучия в социальной сфере* Вьетнам закономерно оценивается ниже среднего мирового уровня, занимая 112-е место (индекс 1,98). Основанием для такой оценки выступают низкие подушевые доходы и социальные расходы при довольно высоких показателях образования, продолжительности жизни и т.п. Рядом расположились Китай (выше), Индонезия, Индия, КНДР (ниже). Притом, как установили авторы Атласа, по качеству жизни лидируют успешные страны развитой демократии и, наоборот, автократии смещены к нижним позициям.

Самые низкие баллы из всех рассмотренных аспектов СРВ набрала по *уровню развития демократии* (177-е место, индекс 0,70). Следом стоят Китай и КНДР, т.е. Вьетнам расположился в группе стран с явно недостаточными институциональными основами демократии. Хотя здесь нет таких явлений как неконституционная смена власти, гражданские войны, но достаточно других признаков авторитаризма. Это отсутствие демократических традиций и конкуренции при выборах органов власти, слабое представительство групп и интересов населения, недостаточное влияние парламента на формирование органов власти. Сравнение избранных параметров подтверждает, что Ханой сделал выбор в пользу строительства независимого государства в ущерб развитию демократического потенциала (обратная связь этих двух факторов, выявленная исследователями МГИМО, очень сильная — более 90%).

Таким образом, Вьетнам по этой классификации входит в группу недемократических режимов с крепкой государственностью, стабильными условиями развития, активной внешней политикой (к предста-

вителям той же группы относятся Египет, Иран, Пакистан, Сирия, Алжир, Венесуэла). В комплексных рейтингах обращает на себя внимание близость ряда параметров СРВ с более развитыми странами своего и соседних регионов. Это позволяет сделать два вывода: проведенные здесь рыночные реформы принесли положительные результаты. Вьетнам вступил на траекторию эволюции стран одного с ним социокультурного ареала, ввиду общности традиций и характера государственной власти. В целом на основе широких международных сопоставлений мы получили свидетельство того, что СРВ уже позиционируется в мировой системе координат выше, чем предполагает уровень социально-экономической зрелости вьетнамского общества. И это говорит в пользу избранной лидерами Вьетнама модели развития.

Различия в оценке сходных параметров общественной эволюции СРВ в двух упомянутых методиках могут объясняться тем, что в первом случае они определяются относительно среднего уровня модернизирующихся стран Востока, а во втором — общемирового уровня.

Дилеммы и перспективы развития

Подводя итоги проведенного анализа, можно утверждать, что из двух известных вариантов системной трансформации Вьетнамом был выбран эволюционный, а не радикальный путь преобразования прежней системы и построения рыночных отношений. В отличие от политики «шоковой терапии», характерной для стран Восточной Европы и России, здесь происходят постепенные изменения. Осуществление реформ сверху, не в форме революции, сопровождаемой сменой политических элит, а под контролем прежней номенклатуры, представляет собой важную особенность, по сути, исключение, как и в КНР, среди переходных стран. Так удастся обеспечивать стабильность общества в период глубоких перемен, саму возможность их спокойного проведения и завершения в оптимальные сроки.

Наряду с противоречиями и нечеткостью своего внешнего облика общественная система Вьетнама обладает определенными достоинствами. Она способна объединять усилия и интересы частного и государственного секторов, сочетать насилие с расширением свобод и информации, использовать административный и военный ресурсы для противодействия внешним угрозам. Более того, принуждение с помощью бюрократических уловок и манипулирования свободами власти СРВ делают более терпимым, а патриотические символы используют, чтобы парировать популистские требования. При подобном режиме, как показывает опыт ряда стран Востока, политическая либерализация не обязательно сопровождает экономические реформы и, как правило, заметно отстает от них.

Может ли сохраняться подобное общественное устройство в условиях завершения переходного периода и становления рыночной экономики? Ответ на этот вопрос исключительно важен для самого Вьетнама, а также теории и практики развития многих отсталых и периферийных стран.

Наш важнейший вывод состоит в том, что по мере укрепления рыночных институтов экономика постепенно теряет свои социалистические атрибуты и формы, как и общество в целом. Эти фундаментальные сдвиги показывают, что стратегия конвергенции двух общественных систем, фактически избранная СРВ, в конце концов, не выводит на «третий путь», наоборот, социалистические элементы постепенно вытесняются капиталистическими. Завершение перехода к рыночной экономике открывает перспективу и возможность мирной смены общественно-политического строя.

Опыт Вьетнама может быть полезен для государств и переходного типа, и «третьего мира», которые решают сегодня задачи подъема экономики и интеграции в мировое хозяйство. Он показывает пример стратегии развития, которая открывает возможность минимизации социальных бедствий, в том числе сокращения бедности населения. Подтверждена важность не только сохранения общественных институтов, через которые проводится такая стратегия, но и недопущения чрезмерной концентрации власти и богатства в руках правящего класса. Это позволило избежать типичной ситуации, когда политическая элита мало заинтересована и не мотивирована защищать граждан от социальных издержек перехода к рыночной экономике.

Такая практика соответствует популярной кейнсианской теории и последним экономическим концепциям типа институционализма. Они предполагают, что создание организованного рынка и корпоративной социальной ответственности, государственное регулирование деловой активности помогают исправлять стихийно возникающие диспропорции, гарантируя социально-экономический прогресс, политическую стабильность. Пример Вьетнама наглядно подтверждает это предположение. Сравнение доминирующих на Западе и альтернативных моделей помогает оценить преимущества и слабые стороны стратегии развития стран переходного типа.

Некоторые общие черты и различия между этими моделями очевидны, хотя нуждаются в более детальном анализе. Вьетнам, успешно использовал опыт развитых стран в отношении экономической либерализации и международной интеграции. Однако западные модели, которые применяются со времен второй мировой войны, перестали обеспечивать устойчивое развитие европейской и американской экономических систем. Следовательно, есть основание подвергнуть критике и пересмотру основные теоретические постулаты этих моделей, особенно неолиберальной, которая показала свою полную несостоятельность в обстановке глобального кризиса 2008-2009 гг.

Возможно, следует согласиться с теми, кто активно призывает выработать новую модель мирового развития на основе главных элементов неокейнсианской и неоклассической теорий²². Исследование реформаторской политики Вьетнама, концептуально и опытным путем подтвердило, что новые смешанные модели работают лучше. Оно выявило большой потенциал политических и социальных институтов, которые поддерживают эгалитарные формы капитализма в обществах переходного типа. В частности, во Вьетнаме наблюдается парадоксальное совмещение особенностей, традиций и механизмов двух общественных систем, их преобразование в систему гибридного типа. Это произошло в результате 20 лет конвергенции между централизованной плановой экономикой социалистического образца и восточноазиатской специфической формой капитализма²³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья написана в рамках гранта РФФИ № 09-02-00645 а/В «Сравнительный анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме»

² При проведении сравнений использовано обобщение российскими исследователями практики рыночных реформ в различных частях мира. Наиболее репрезентативно такое сопоставление по бывшим социалистическим странам проведено, на наш взгляд, Фридманом Л.А. и Бельчуком А.И., а по развивающимся Мельянцевым В.А. С учетом опережающего хода преобразований в КНР особенно полезным оказалось изучение китайского опыта, что позволили сделать труды Гельбраса В.Г., Островского А.В.

³ Beresford, M. Economic Transition, Uneven Development, and the Impact of Reform // *Postwar Vietnam: Dynamics of a Transforming Society*. Ed. by Hy V. Luong. Singapore, ISEAS, 2003, p.62.

⁴ *Tạp chí công san* (Ha-noi), 1989, № 10, tr.26-27; 1989, № 12, tr.5-9

⁵ *Nhan dan* (Ha-noi), 31.03.1990.

⁶ Те же черты характерны и для современного Китая, см. подробнее: Бельчук А.И. Системные реформы в России и других постсоциалистических странах // Фридман Л.А., Бельчук А.И. Россия в окружающем мире. М., 2006, с. 319-320.

⁷ *Nhan dan*, 31.03.1990.

⁸ *Tạp chí công san*, 1989, № 5, tr. 14.

⁹ С.Хантингтон называет такой порядок социализмом в политической сфере, см.: Huntington, S. *The third wave: Democratization in the late 20th century*. Oklahoma, 1993.

¹⁰ См., например: Илларионов А. Другая страна // *Коммерсант*, №10/17, 23.01.2006 — www.kommersant.ru/doc.html?docId=642781.

¹¹ Цит. по: Мурашева Г.Ф. История и политика. К вопросу о политической культуре Вьетнама // Юго-Восточная Азия: идеология и религия. М. 2001, с.183.

¹² См. подробнее: Власова О. Теория развитого капитализма // *Эксперт*, №7, 20.02.2006.

¹³ Le Minh Tam. *Su thoa dang cua sac giai phap xu ly tranh chap cua WTO. Chuong trinh giang day kinh te Fulbright nien khoa 2003-2004*. Ha-noi, 2003, tr.21.

¹⁴ См. Tonnesson S. *The Layered State of Vietnam // State Capacity in East Asia: Japan, Taiwan, China, and Vietnam*. Ed. by Kjeld E. and Young S. Oxford, 2001, p.299.

¹⁵ См. подробнее: Apter, D.E. *China and Vietnam: Viable Socialism in a Market Economy // State Capacity in East Asia: Japan, Taiwan, China, and Vietnam*. Ed. by Kjeld E. and Young S. Oxford, 2001, p.270.

¹⁶ Painter, M. *The Politics of Economic Restructuring in Vietnam: The Case of State-owned Enterprise «Reform» // Contemporary Southeast Asia, Vol. 25, № 1, April 2003, p.20.*

- ¹⁷ Fforde, A. and De Vilder, S. *From Plan to Market: The Economic Transition in Vietnam*. Boulder, 1996, p.81-82.
- ¹⁸ Важность этого фактора для развивающихся стран, вступивших на путь рыночных реформ, признают многие исследователи, см., например: Мельянцева В.А. Развивающиеся страны: рост, дифференциация, экономический вызов // Вестник Московского Университета. Серия 13 — Востоковедение, № 2, 2006, с. 14, 36.
- ¹⁹ См. Бельчук А.И. Системные реформы в России и других постсоциалистических странах, указ. соч., с.263-264.
- ²⁰ См. Ngan hang The gioi va Ngan hang Phat trien Chau A. Viet Nam: thuc hien cam ket. Bao sao phat trien 2003. Ha-noi, 2003, p.iii.
- ²¹ См. Мельвилль А. Россия в мировых рейтингах: перезагрузка // Эксперт, 2006, № 43, с.24-30.
- ²² Помимо западных политиков типа президента Франции Саркози такие идеи отстаивают и серьезные ученые. Например, экономист из Вьетнама Ле Во Фьонг Май посвятила этой теме докторскую диссертацию, которую защитила в 2008 г. в Университете Кардифа под руководством проф. П.Минфорда.
- ²³ См. подробнее: Mazyrin V.M. // Mo hinh 20 nam doi mmoi cua Viet Nam / www.bbc.co.uk/vietnamese/vietnam/story/2008/12/081229_mazyrin.shtml

Вьетнам в интеграционном пространстве АСЕАН

АСЕАН за более чем 40 лет своего существования прошла несколько этапов интеграции. Начало этого процесса можно отнести к 1967 г., когда под воздействием целого ряда причин возникла сама Ассоциация, пять членом которой — Сингапур, Таиланд, Индонезия, Малайзия и Филиппины решили общими усилиями справляться с вызовами времени. Тогда пять разных стран ЮВА объединились для противостояния внешним вызовам, но в первую очередь для сдерживания, как они называли, «коммунистической угрозы», исходящей от Китая и Вьетнама¹.

На рубеже XX -XXI вв. АСЕАН в новых геополитических и геоэкономических условиях снова встала перед необходимостью более тесной и глубокой интеграции, теперь уже с участием Вьетнама.

У Вьетнама исторически сложилась своя «интеграционная» традиция. Он в течение веков выступал в качестве центрообразующего ядра, вокруг которого группировались мелкие и слабые страны на Индокитайском полуострове, среди которых Вьетнам был ведущей политической силой. «Центрообразующий импульс», — по выражению известного американского востоковеда Р. Скалапино, — «встроен в многовековую историю Вьетнама и обусловлен жизненно важными интересами его национальной безопасности»².

Современное понятие «интеграция» вполне применимо к ситуации в прошлые века, когда Лаос и Камбоджа были в той или иной зависимости от Вьетнама (Камбоджа в 20–30-е гг. XIX в. была частью Вьетнама), и в новейшей истории, когда под эгидой компартии Индокитая с центром в Ханое спланировались силы национально-освободительного движения.

И, наконец, интеграционные процессы шли в полную силу в 70–80-е гг. — в эпоху «холодной войны», когда Вьетнам выступал за объединение трех стран Индокитая в некий политико-экономический союз. Тогда во вьетнамской политической литературе даже существовало представление о возможности межгосударственного устройства в ЮВА в формате мирного сосуществования двух групп стран: АСЕАН и трех стран Индокитая.

Обладая богатым историческим опытом, Вьетнам в новом геополитическом контексте как никакая другая страна органично ощущает себя в актуальном интеграционном пространстве АСЕАН. Стремление Вьетнама в АСЕАН и практические шаги в 90-е гг. определялись, прежде

всего, изменениями геополитической позиции Вьетнама, потерей им мощного союзника в связи с распадом СССР (дек. 1991 г.), а также экономическими мотивами в связи с проводившимися в стране реформами *дой мой* и уже готовившемся переходом к курсу на индустриализацию и модернизацию, о чем официально будет объявлено в 1996 г. на VIII съезде КПВ как о программе превращения Вьетнама «в основном в индустриальную страну в 2020 г.»³.

В июле 1992 г., когда Вьетнам вместе с Лаосом на 25-й встрече министров иностранных дел АСЕАН в Маниле сделал свой первый шаг на пути официального вступления в Ассоциацию, подписав Договор АСЕАН о дружбе и сотрудничестве (ТАС) и став членом-наблюдателем, он безусловно учитывал содержание документов 4-й асеановской встречи в верхах в Сингапуре (январь 1992 г.), основные положения которых отвечали его национальным интересам. В Сингапурской декларации 1992 г. речь шла о более высоком уровне политического и экономического сотрудничества, а также сотрудничества в области безопасности.

Лидеры АСЕАН договорились учредить АФТА-зону свободной торговли Ассоциации через ускоренное снижение тарифов⁴. Для Вьетнама также было важно, что в Сингапурской декларации подчеркивалось твердое намерение развивать более тесные связи и даже играть активную роль в выполнении международных программ по развитию Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Было заявлено, что «шестерка хотела бы предоставить Вьетнаму, Лаосу и Камбодже более широкие возможности в области международного сотрудничества, нежели Китай»⁵. Вьетнаму, который уже 6 лет шел по пути реформ «дой мой» и строительства рыночной экономики, в условиях изоляции и опоры на собственные силы, присоединение к АСЕАН давало возможность пользоваться преимуществами экономического сотрудничества с более развитыми странами АСЕАН.

Три принципа рамочного соглашения, подписанного в Сингапуре, открывали для Вьетнама перспективу сотрудничества с зарубежными странами, участия в различных программах и проектах, а также возможность сотрудничества с АСЕАН по пяти конкретным направлениям — в торговле, промышленности, энергетике, разведке и разработке природных богатств, а также в сельском, лесном и рыбном хозяйстве, в финансово-банковской сфере, транспорте и туризме.

Внутри АСЕАН тем временем определилось направление на сближение с Вьетнамом вплоть до включения его в Ассоциацию. Таким образом, 1992 г. явился поворотным моментом в отношениях Вьетнама и АСЕАН. Он показал обоюдную заинтересованность сторон в интеграции Вьетнама в Ассоциацию, за которым должно было последовать присоединение Лаоса, Камбоджи и Мьянмы.

В АСЕАН, где не было единства по вопросу приема Вьетнама, победила линия «ангажирования» стран Индокитая в рамках единой ре-

гиональной структуры, которая должна была придти на смену противостояния двух «блоков» в регионе. АСЕАН исходила из того, что интегрированная региональная экономика будет способствовать политической сплоченности региона.

«Процесс глобализации также диктовал необходимость региональной интеграции. В марте 1991 г. начал создаваться общий рынок в Южной Америке. Маастрихтский договор ЕС был накануне подписания. Свободная зона торговли Северной Америки была почти образована. Стремительно развивалась экономика Китая. В Индии начались реформы. АСЕАН должна была или интегрировать свою региональную экономику или проиграть в конкуренции за инвестиции и рынки» — писал видный филиппинский политик Р. Северино⁶.

Преодолев сомнения относительно присутствия стран Индокитая в Ассоциации как «блок в блоке», АСЕАН показала, что готова принять Вьетнам без всяких предварительных условий. К тому же АСЕАН, принимая в свой состав Вьетнам, который «географически находится в регионе, но политически — не его часть»⁷, не нарушала ни одного из своих фундаментальных принципов. Один из них — «невмешательство» на практике помимо прочего предполагал, что «политическая система государства никогда не должна быть основанием, от которого зависит прием в члены АСЕАН»⁸.

Взяв курс на модернизацию, Вьетнам, как член АСЕАН, безусловно, рассчитывал на поддержку тех стран в Ассоциации, которые, как и он, отвергают основной тезис глобалистики, отождествляющей модернизацию с тотальной вестернизацией⁹. До Мьюй, бывший в то время Генеральным секретарем ЦК КПВ, во время визита в Малайзию в марте 1994 г., заявил, что Вьетнам будет учиться у Малайзии ее успешному проведению индустриализации. Малайзия со своей стороны обещала помочь в автомобилестроении, электронике, нефтегазовой отрасли, а также в сельском хозяйстве¹⁰.

Вьетнам, вступая в АСЕАН, также хотел в известном смысле отождествить себя с АСЕАН, чтобы повысить свою привлекательность для внешнего мира, а также получить новые геополитические точки опоры в радикально изменившейся международной обстановке¹¹. Не в последнюю очередь учитывалась перспектива нормализации отношений с США: вхождение в АСЕАН, безусловно приближало это событие. И, наконец, как член АСЕАН Вьетнам приобретал больший вес в своих взаимоотношениях с Китаем, отношения с которым были только-только нормализованы (1991 г.).

Для АСЕАН вступление Вьетнама в группировку означало помимо прочего приток свежих жизненных сил и укрепление роли Ассоциации как важного субъекта региональной и мировой политики, которую она стала постепенно утрачивать сразу после урегулирования камбоджийской проблемы. Вьетнам производил выгодное впечатление

целеустремленностью, твердой уверенностью в правильности выбранного пути, а также первыми наметившимися успехами в реформах «дой мой» и рыночной экономике¹².

Конечно, при вхождении Вьетнама в АСЕАН не исчезало имманентное несовпадение фундаментальных интересов Ассоциации и новой страны-участницы. В частности, Вьетнам шел в АСЕАН, чтобы использовать преимущества нового статуса для развития по «рыночному пути социалистической ориентации» и укрепления своих геополитических и геоэкономических позиций. Лидеры стран — основателей АСЕАН рассчитывали через вовлечение Вьетнама во все структуры, связанные с АСЕАН, со временем получить трансформированную страну с либеральной экономикой с последующими политическими реформами буржуазного толка.

Но оставался главный и не менее фундаментальный общий для Вьетнама и АСЕАН интерес — обеспечение мира, стабильности и безопасности в ЮВА усилиями «единого в своем разнообразии» региона. Уже 17 октября 1994 г. Вьетнам официально заявил о своем желании вступить в АСЕАН, а до этого в Бангкоке 7 июля 1994 г. он был среди участников учредительного заседания Регионального форума АСЕАН (АРФ), в компетенцию которого входили проблемы безопасности не только в ЮВА, но и во всем АТР.

Вьетнамский журналист Нгуен Нгок Чьонг назвал решение присоединиться к АСЕАН «одним из наиболее важных шагов, которые Вьетнам предпринимал за 50 лет своего беспокойного опыта». Что касается АСЕАН, то ее приверженность принципам, изложенным в Баллийском договоре о мире и сотрудничестве, убедили вьетнамское руководство, что их примут, как полноправных и равных партнеров, не взирая на те или иные различия¹.

Вьетнам был принят седьмым членом АСЕАН 28 июля 1995 г. и уже на законных основаниях участвовал на очень важном 5-ом саммите АСЕАН в Бангкоке в декабре 1995 г., где все 10 стран региона ЮВА подписали Договор о ЮВА как Зоне свободной от ядерного оружия, несмотря на недовольство США¹⁴. Став членом Ассоциации Вьетнам включился в работу и очень быстро стал играть важную роль во всех ее структурах¹⁵. Уже в июле 1997 г. при активном содействии Вьетнама Лаос и Мьянма стали членами АСЕАН.

При участии Вьетнама на втором неформальном саммите АСЕАН в Куала-Лумпуре в декабре 1997 г. был принят важный документ «Видение АСЕАН в 2020». В этом документе АСЕАН подтвердила решимость повышать экономическое сотрудничество через стратегию экономического развития в соответствии с чаяниями народа каждой из стран, направленными на сбалансированный и устойчивый рост при опоре на силы каждого государства в регионе в целом. В документе особенно подчеркивалась необходимость сокращать разрыв в уровне раз-

вятия между странами-членами АСЕАН¹⁶. На саммите в Куала-Лумпуре были подтверждены цели АСЕАН — продвигать региональное сотрудничество в ЮВА в духе равенства и партнерства и таким образом вносить вклад в мировой прогресс и процветание в регионе.

В документе «Видение АСЕАН в 2020» АСЕАН представляла как «сообщество помогающих друг другу стран, связанных узлами партнерства в динамичном развитии, где экономическое сотрудничество осуществляется через такие стратегии экономического развития, которые преследуют цель сбалансированного и устойчивого роста, национальной и региональной стойкости». Взаимопомощь рассматривалась в документе как неперемное условие экономического сотрудничества.

Программа «Видение АСЕАН в 2020» получила свое развитие в ходе 6-го саммита АСЕАН в декабре 1998 г. в Ханое, который занимает особое место как в становлении Вьетнама в качестве действующего члена этой Ассоциации, так и в плане продвижения самой АСЕАН в направлении интеграции. Ханойский саммит собрался в разгар серьезного финансово-экономического кризиса, и лидеры АСЕАН искали пути и способы его преодоления, а также намечали перспективы развития. В этих условиях девизом саммита и темой дискуссий стали «Солидарность и сотрудничество во имя мирной стабильной АСЕАН и равномерного повсеместного сбалансированного развития»¹⁷.

Кризис 1997–98 гг. стал серьезным испытанием для АСЕАН. Он подорвал ее международный имидж и выявил слабость организационной модели АСЕАН — страны АСЕАН показали свою разобщенность и даже антагонизм друг к другу. «Кризис подчеркнул ограничители асеановского пути и асеановской идентичности ... АСЕАН представляла себя как мощный политико-экономический блок, понимая политические выгоды такого образа в мире. А кризис показал, что АСЕАН нуждается в реформах», — писал канадский специалист по АСЕАН Шон Нарин¹⁸.

Кризис ослабил АСЕАН по трем позициям. Во-первых, он пошатнул уверенность членов ассоциации в ее собственных экономических успехах, что придавало авторитет и вес в международных делах. Во-вторых, неспособность АСЕАН отвечать на кризис вредила ее образу надежного экономического института. В-третьих, с кризисом пришли проблемы, с которыми организация не могла справиться, не нарушая норм асеановского пути, в частности, принципа невмешательства и т.д.¹⁹

Но с другой стороны для АСЕАН в целом азиатский финансовый кризис стал стимулом для расширения экономического сотрудничества не только среди ее членов, но также и в более широком восточно-азиатском контексте. В частности, это привело к формированию механизма АСЕАН+3, который в итоге приобрел форму партнерства по диалогу АСЕАН с Китаем, Японией, Южной Кореей, а впоследствии и к Восточноазиатскому саммиту 2005 г.²⁰

Развивая идеи «Видения АСЕАН 2020», а также более ранних документов 5-го саммита в Бангкоке 1995 г., где сотрудничество по социальному и гуманитарному развитию было поставлено в один ряд с экономическим и политическим развитием, Ханойский саммит также уделил этим аспектам большое внимание, и об этом особенно много говорили вьетнамские участники встречи. Кризис в регионе, подчеркивали во Вьетнаме, выявил необходимость устойчивого развития в регионе, которое требует справедливого решения социальных вопросов, политической стабильности, максимального сочетания международного сотрудничества с развитием внутреннего потенциала стран АСЕАН²¹.

Задаче консолидации АСЕАН перед лицом внешних вызовов и планам на будущее была посвящена речь Фан Ван Кхая, бывшего в те годы премьер-министром СРВ. В его речи нашел отражение вьетнамский взгляд на региональную интеграцию как часть процесса глобализации, которая открывает дополнительные рынки и прибавляет партнеров для развития, а также как способ защиты от негативных сторон глобализации, соревнования с которой не выдерживают слабые экономики. Короче, Фан Ван Кхай подавал регионализм как шанс устоять под натиском глобализации. «Богатый совокупный потенциал стран АСЕАН в сочетании с сотрудничеством с заграницей обеспечит возможность провести каждую из стран АСЕАН и весь корабль АСЕАН через шторм и продолжить движение в 21 век» — говорил представитель Вьетнама. В речи вьетнамского премьера нашли отражение моменты, связанные непосредственно с финансовым кризисом 1997–98 гг. и меры по его преодолению. Фан Ван Кхай, учитывая уроки кризиса, подчеркивал необходимость обеспечения продовольственной безопасности в регионе ЮВА, и предлагал «в условиях глобализации преодолевать кризис совместными усилиями на трех уровнях: национальном, региональном и глобальном».

Защищая интересы Вьетнама и других новых членов АСЕАН, Ханой подчеркивал, что эти страны находятся на начальном этапе интеграции в региональную и мировую экономику и поэтому имеют право осуществлять все меры, связанные с либерализацией торговли, инвестиций, услуг, финансов, темпами, соответствующими уровню развития их экономик²².

В речи Фан Ван Кхая прозвучала критика в адрес АСЕАН, которая «сформировала механизмы сотрудничества в обстановке благоприятного развития, но не построила механизмы реагирования на кризисные ситуации». Вьетнам выразил надежду, что «АСЕАН извлечет уроки из этого кризиса и выработает механизмы прогнозов, превентивных мер и механизмы управления негативными тенденциями... и т.д.»²³. Фан Ван Кхай особенно выделил тот факт, что не только страны АСЕАН существенно разнятся по уровню развития, но и внутри самих стран АСЕАН еще отсутствует сбалансированное развитие всех районов и социальных

групп. В связи с этим он подчеркнул актуальность идеи равномерного сбалансированного повсеместного развития, которая стала девизом Ханойского саммита.

В качестве практических шагов в направлении сокращения разрыва в уровне развития стран региона Фан Ван Кхай предложил обратить внимание, в частности, на обширный район в субрегионе реки Меконг — богатый, но слабо развитый. Это район Центрального Вьетнама, Центрального Лаоса и Северо-восточного Таиланда.

Инициатива Вьетнама по развитию этого района полностью укладывалась в проект образования коридора Восток—Запад, к которому уже были привлечены многие страны региона²⁴. Эта программа экономического сотрудничества на территории с бедным многонациональным населением вдоль коридора Восток—Запад с целью преодоления разрыва в развитии, предложенная Вьетнамом, была включена в Ханойский план действий²⁵.

Документ Ханойского саммита 1998 г. — «Ханойский план действий» — был нацелен на претворение в жизнь программы «Видение АСЕАН в 2020». Он предлагал различные программы сотрудничества в важных областях с целью усиления экономических связей в АСЕАН, развития субрегионов, в том числе упомянутого бассейна Меконга, чтобы обеспечить повсеместное сбалансированное развитие.

В целом в документах Ханойского саммита — Ханойском плане действий и Ханойской декларации — получили отражение все основополагающие установки АСЕАН, а также новые, возникшие в связи с вступлением Вьетнама, Лаоса и Мьянмы в Ассоциацию.

«Вместе с другими странами-участницами АСЕАН Вьетнам полон решимости выполнять план действий АСЕАН и вносить вклад в солидарность и сотрудничество, вести АСЕАН в 21 век для успешного осуществления «Видение АСЕАН в 2020» — писала «Нян зан» в дни саммита²⁶.

Лидеры АСЕАН обязались бороться за преодоление разрыва в уровне развития стран АСЕАН, разрыва в развитии между отдельными регионами стран ЮВА через программы сотрудничества в субрегионах. Конкретно речь шла о проекте развития экономического коридора Восток—Запад, включающего строительство железной дороги Сингапур — Куньмин (КНР).

Для Вьетнама особенно важным был тезис декларации о Региональном форуме АСЕАН (АРФ) как механизме диалога по вопросам политики и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также о сохранении и увеличении ключевой роли АСЕАН в АРФ.

В декларации также нашел отражение подход Вьетнама к проблеме Южно-Китайского моря, где продолжается латентный конфликт в связи со спором о принадлежности группы островов архипелага Спратли, в котором принимают участие Китай, Тайвань, Вьетнам,

Филиппины, Малайзия и Бруней. Вопросы Южно-Китайского моря лидеры АСЕАН предлагали решать мирным путем в соответствии с международным правом, включая Морскую конвенцию 1982 г. ООН и Декларацию АСЕАН о Южно-Китайском море 1992 г.

Декларация Ханойского саммита обязывала АСЕАН преодолевать проблемы, связанные с излишней взаимозависимостью стран региона. «Мы выведем региональное сотрудничество АСЕАН на новую высоту для эффективного противостояния вызовам, которые возникают из-за все возрастающей взаимозависимости в АСЕАН и из-за интеграции в глобальную экономику» — говорилось в 5-ом пункте Декларации. Как следовало из текста документа, преодолевать излишнюю внутрирегиональную взаимозависимость предстояло путем вовлечения в интеграционный процесс стран Северо-Восточной Азии через структуру АСЕАН+3²⁸.

Создавалось впечатление, что в конце 90-х гг. несмотря на официальные заявления внутриасеановская интеграция не во всем и не всеми членами АСЕАН была понята и принята сразу. Как ко многому обязывающая, она настораживала многих в АСЕАН²⁹. Соответственно и во Вьетнаме на VIII съезде КПВ в июне 1996 г. речи о региональной интеграции не было, а ставилась задача «всемерно укреплять отношения с соседними странами и со всеми странами в АСЕАН»³⁰.

Важно, что в Ханойской декларации были вновь перечислены основные принципы деятельности АСЕАН — как то: взаимное уважение, суверенитет, невмешательство во внутренние дела друг друга, а также принятие решений через консенсус, диалог и консультации, как обеспечивающие успехи АСЕАН в деле мира и стабильности в регионе, способствовавшие быстрому экономическому росту и социальному развитию в странах АСЕАН за прошедшие годы. «Мы и впредь будем искать способы увеличивать связи между собой» — говорилось в декларации³¹.

Независимо от отношения лидеров разных стран АСЕАН к интеграции и степени их готовности ее принять, объективный ход событий мировой политики, и прежде всего подъем Китая и Индии неизбежно ставили проблему более глубокой интеграции в повестку дня работы АСЕАН.

Задача укрепления внутрирегиональных связей, сформулированная в Декларации Ханойского саммита, получила развитие на 4-ой неформальной встрече в верхах в Сингапуре в ноябре 2000 г., где лидеры АСЕАН выступили с программой, получившей название «инициатива интеграции АСЕАН».

Целью инициативы было, прежде всего, сокращение разрыва в развитии между странами АСЕАН через оказание помощи новым, менее развитым членам Ассоциации. Для реализации инициативы в ноябре 2001 г. был разработан рабочий план, нацеленный на программы и проекты в 4-х приоритетных сферах, а именно: инфраструктура, включая

энергетику, трудовые резервы, информационные технологии, подтягивание новых участников АСЕАН до уровня, позволяющего участие в региональной экономической интеграции³².

Инициатива интеграции АСЕАН полностью соответствовала интересам Вьетнама и остальных стран Индокитая, т.к. предполагала масштабную помощь со стороны АСЕАН. Ответом Вьетнама стали решения IX съезда КПВ в апреле 2001 г., где ставился вопрос об инициативной эффективной, международной и региональной интеграции как направлении внешней и внешнеэкономической политики СРВ.

«Инициировать международную и региональную экономическую интеграцию при максимальном развитии внутреннего потенциала, защиты независимости и социалистической ориентации, защиты национальных интересов. Повышать эффективность и качество сотрудничества со странами АСЕАН, вместе строить ЮВА как безъядерный регион мира, стабильности, сотрудничества и развития»³³.

Важное значение для дальнейшего развития интеграции в АСЕАН и укрепления позиции в ней Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и Мьянмы имели итоги 34-ой встречи министров иностранных дел стран АСЕАН в июле 2001 г. в Ханое. Принятое там Ханойское заявление ставило в качестве первоочередной задачи интеграции сокращение разрыва в развитии между странами АСЕАН, для чего предлагалось принять ряд эффективных мер, направленных на преодоление негативного воздействия глобализации.

В Ханойском заявлении были перечислены все программы АСЕАН последних лет, а именно «Видение АСЕАН в 2020» (1997), Ханойский план действий (1998), Инициатива интеграции АСЕАН (2000), в которых были намечены меры по борьбе с бедностью и нищетой и выражалась решимость АСЕАН через взаимопомощь объединить усилия с целью сокращения разрыва в развитии между странами-членами АСЕАН и между АСЕАН и другими регионами мира во имя устойчивого и динамичного развития региона и всех его народов.

«Мы приложим особые усилия для стимулирования развития новых членов АСЕАН — Камбоджи, Лаоса, Мьянмы и Вьетнама сделав упор на развитие инфраструктуры, трудовых ресурсов, информационных технологий и телекоммуникаций»... «Мы полностью поддерживаем все меры, направленные на оказание помощи этим странам интегрироваться в АСЕАН как единую региональную экономику, включая зону свободной торговли АСЕАН (АФТА), зону инвестиций АСЕАН, либерализацию торговли услугами» — говорилось в Заявлении³⁴. При этом имелось в виду, в частности, через реализацию проекта развития бассейна Меконга вовлечь эти страны в процесс интеграции уже на более сбалансированной основе развития. Последнее отвечало интересам Вьетнама, который через реализацию проекта «Меконг», например, мог использовать интеграционный потенциал АСЕАН и внешних

партнеров для развития инфраструктуры в стратегически важных районах страны³⁵.

Идея региональной интеграции получила развитие на VII саммите АСЕАН в Брунее в ноябре 2001 г., который проходил под девизом «Ускоренная интеграция и будущее развитие АСЕАН». Лидеры АСЕАН подтвердили Ханойский план действий как важный компонент в процессе реализации программы «Видение АСЕАН в 2020», приняли решения активизировать интеграцию в АСЕАН, особенно в экономике, сосредоточиться на вопросах сокращения разрыва в уровне развития стран АСЕАН и оказании помощи новым членам Ассоциации.

Премьер-министр Фан Ван Кхай, представлявший Вьетнам на саммите, обсудил с лидерами АСЕАН реализацию Ханойского плана действий, подчеркнув необходимость «крепить солидарность и сотрудничество стран АСЕАН в сложных международных условиях — региональных и глобальных — где происходят непростые перемены, влияющие на страны АСЕАН и Ассоциацию в целом». В области торгово-экономического сотрудничества Фан Ван Кхай считал необходимым перед лицом «ударов» со стороны мирового и региональных рынков поднять показатель внутрирегиональной торговли с 20% до 25%³⁶.

В соответствии с ранее принятыми лидерами АСЕАН программами по сокращению разрыва в развитии стран АСЕАН Фан Ван Кхай подчеркнул необходимость ускорить этот процесс, сосредоточившись на трех приоритетных областях: развитии инфраструктуры, подготовке трудовых ресурсов и информационных технологий. Среди программ развития субрегионов (например, бассейна р. Меконг) Фан Ван Кхай предлагал, прежде всего, сконцентрировать усилия на проектах в области транспортных перевозок, т.е. на строительстве сети шоссежных дорог, железной дороги Сингапур — Куньмин, системе складов и портов. Фан Ван Кхай также считал необходимым активизировать внутренние инвестиции наряду с активизацией поступления их извне³⁷.

Ситуация с иностранными инвестициями к этому времени осложнилась в связи с финансовым кризисом, в результате чего, как отмечалось в докладе Азиатского банка развития, их основной поток направился в Китай и в целом в регион Восточной Азии. Странам АСЕАН предстояло повысить свою инвестиционную привлекательность, о чем в частности, и говорилось на встрече министров финансов 10-и стран АСЕАН в столице Мьянмы в апреле 2002 г.³⁸

Впоследствии, оценивая Ханойский план действий, реализация которого рассматривалась на VII-ом саммите в Брунее, группа австралийских и других специалистов указывали на такие его недостатки как отсутствие какого-либо внятного механизма финансирования его различных инициатив и проектов, а также то, что некоторые предложения, выдвинутые отдельными странами не прошли через консенсусную процедуру или тщательный отбор, и от них позже пришлось отказаться³⁹.

Но в итоге многие сошлись во мнении, что Ханойский план существенно пошел на пользу региону, несмотря на определенные трудности и недостатки. В частности, официальные лица из «новых» стран-членов АСЕАН признавали осязаемые выгоды от его реализации в области модернизационной политики, большего доступа к информации и знаниям и т.д.

Сотрудничество в этих областях считается новыми участницами АСЕАН серьезным вкладом в процесс сокращения разрыва в развитии членов АСЕАН. Были отмечены такие его позитивные стороны как более тесные политические и экономические связи, включая торговлю, туризм, инвестиции и возросшую региональную безопасность, более открытые дискуссии по вопросам региона, а также более тесную связь в рабочих программах АСЕАН и т.д. Ханойский план действий (ХПД) укрепил стабильность в регионе и повысил способность справляться с конфликтами и кризисами.

Регион также смог быстро ответить на эпидемию SARS (атипичная пневмония) на коллективной основе и через соглашение о единых мерах контроля в задетых эпидемией странах, в большей степени благодаря линиям коммуникаций и координации, которую обеспечил ХПД.

Авторы исследования провели большое количество интервью с официальными лицами и экспертами в регионе, а также изучили много различных докладов, аналитических материалов и других документов по ХПД и пришли к следующим выводам: 1) координация в планировании тех или иных направлений деятельности в регионе недостаточна, как на уровне стран, так и в регионе в целом; 2) региональные инициативы нуждаются в включении в планы развития стран, для большей вероятности их исполнения; 3) эксперты отметили, что значительная часть ХПД остается нереализованной из-за нехватки финансовых ресурсов. Эксперты пришли к выводу, что ХПД достиг многого даже при ограниченных финансовых средствах.

Интервью в регионе выявили широко распространенное мнение, что страны-члены АСЕАН должны демонстрировать приверженность общему делу интеграции, не полагаясь на внешние поступления от партнеров по диалогу, а мобилизуя внутренние ресурсы АСЕАН⁴⁰.

Тема региональной и международной экономической интеграции была главной на восьмой встрече лидеров АСЕАН в Пномпене в ноябре 2002 г., в организации которой Вьетнам принимал самое активное участие.

Выступая в Пномпене, премьер-министр СРВ Фан Ван Кхай вновь сосредоточился на способах преодоления разрыва в уровне развития стран АСЕАН, как условия интеграции, настаивая на увеличении числа проектов, связанных с программами Вьетнама, одной из слабых сторон в АСЕАН, предлагал создавать преференции для вьетнамского экспорта и т.д. Фан Ван Кхай считал возможным просить страны Вос-

точной Азии увеличивать инвестиции и помощь Вьетнаму, активизировать строительство экономического коридора Восток — Запад длиной 1500 км, идущий из Мьянмы через Таиланд, Лаос во вьетнамский порт Дананг⁴¹.

В обращении к странам Восточной Азии (а в Пномпене состоялись встречи АСЕАН+3 и АСЕАН+1) можно усмотреть неудовлетворенность участием в интеграционном процессе в регионе этих структур, из-за чего некоторые эксперты называют их «клубами, где говорят, но не достигают реальных результатов»⁴².

Отвечая на вопросы журналистов, Фан Ван Кхай заявил, что Вьетнам своим участием во встрече лидеров хочет внести вклад в дело укрепления солидарности АСЕАН, расширения интеграции внутри Ассоциации и вне ее, поднять роль Ассоциации чтобы использовать шанс и противостоять вызовам быстро глобализующегося мира. Он выделил три важных вопроса саммита:

1. АСЕАН должна продвигать региональную интеграцию особенно в экономике, сужать разрыв в развитии стран, помогать новым членам через эффективную реализацию всех договоренностей, соглашений: АФТА, зона инвестиций АСЕАН, Ханойский план действий, и все проекты по уменьшению разрыва в развитии, по строительству ж/д Сингапур — Куньмин, энергосетей, газопроводов, треугольников, четырехугольников развития, в их числе — субрегиона Меконг, коридора Восток — Запад, треугольника развития Вьетнам — Лаос — Камбоджа.

2. АСЕАН должна расширять и углублять сотрудничество с внешним миром, сохранять единство и быть руководящей силой во всех структурах сотрудничества в регионе, особенно в АРФ, АСЕАН+3, АСЕАН+1. Надо создавать основу для продвижения к созданию более широких форм регионального сотрудничества в Восточной Азии⁴³.

3. АСЕАН должна продолжать усилия по сохранению мира, региональной стабильности, в том числе вместе с Китаем стремиться к скорейшей выработке договоренностей по Восточному (Южно-Китайскому) морю, а именно — Своду правил поведения в Восточном море.

В Пномпене также состоялась Первая встреча шести стран, занятых в проекте экономического сотрудничества в субрегионе р. Меконг (3.11.2002), — Китая, Мьянмы, Таиланда, Лаоса, Камбоджи и Вьетнама, где их руководители приняли общий план развития субрегиона «стоимостью» в несколько млрд. долларов сроком на 10 лет. В этот план входят 11 программ, среди которых — создание коммуникационных сетей в регионе, развитие рынка труда и туризма и т.д.⁴⁴

Настаивая на необходимости оказания помощи новым членам Ассоциации в преодолении разрыва в уровне развития среди стран АСЕАН как условия интеграции, Вьетнам, будучи ответственным субъектом этого процесса, приложил много сил к построению так называемого Треугольника развития, призванного мобилизовать внутрен-

ние ресурсы трех стран Индокитая — Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. На встрече в верхах АСЕАН в Пномпене вьетнамской стороной «треугольник развития: Вьетнам, Лаос, Камбоджа» упомянут как уже действующая форма субрегионального сотрудничества.

«Страны «восточно-индокитайского треугольника» выступают за сохранение принципов особой солидарности, за единый подход в рамках АСЕАН по политическим и часто экономическим вопросам, хотя этот факт, естественно, не афишируется. Фактически все три страны Восточного Индокитая по-прежнему выступают со своих единых позиций, несмотря на то, что это вызывает настороженность у некоторых членов АСЕАН, рассматривающих такие отношения как “субрегиональный сепаратизм”»⁴⁵.

«Внутри АСЕАН Вьетнам уже принят как лидер новых и менее развитых членов организации» — писала газета «Стрейтс Таймс» в марте 2007 г. Действительно, вьетнамские официальные лица подчеркивают, что внутри АСЕАН Вьетнам «защищает интересы новых стран-членов АСЕАН — Вьетнама, Лаоса, Мьянмы и Камбоджи, что повышает его престиж»⁴⁶.

В это же время в дипломатических кругах АСЕАН сформировалось мнение, что некоторые «старые» члены АСЕАН озабочены тем, как Вьетнам формализовал эту подгруппу стран и решил ее возглавить. Их беспокоит гипотетическая вероятность того, что «ведомая Вьетнамом подгруппа недемократических и авторитарных режимов может стать клубом в клубе». Вьетнамские дипломаты, в свою очередь, парируют это предположение, утверждая, что цель подгруппы в Индокитае «ликвидировать разрыв в развитии стран АСЕАН, а не становиться осью зла и разрушать единство Ассоциации»⁴⁷. Можно представить, что «треугольный» формат интеграции сталкивается с трудностями, о чем можно судить по чрезвычайно скудной информации о его развитии.

Правительство СРВ поддержало идею образования сообщества АСЕАН к 2020 г., выдвинутую на 9-ой встрече АСЕАН в верхах в октябре 2003 г., принимало участие в разработке вьентьянской программы действий 2004 г., приоритетной целью которой было построение Сообщества на трех столпах — в области политики и безопасности, экономики и социокультурной сфере как стратегического приоритета АСЕАН.

Вьентьянская программа действий принятая на 10-м саммите АСЕАН в ноябре 2004 г., в подготовке которой Вьетнам принимал самое активное участие, стала продолжением и конкретизацией Ханойского плана действий 1998 г. и была нацелена на реализацию Концепции создания Сообщества АСЕАН к 2020 г. Инициатива включения социокультурной сферы в качестве одного из 3-х «столпов» асеановского сотрудничества в Сообществе принадлежала Вьетнаму⁴⁸. Учитывая изменения в расстановке сил в мировой политике, вызовы глобализации,

Вьетнам поддержал решение АСЕАН на 11 саммите в декабре 2005 г. в Куала Лумпуре о перенесении срока создания Сообщества на 2015 г.

Х съезд КПВ в 2006 г. принял решение «выполнять все обязательства по Зоне свободной торговли АСЕАН и активно участвовать в процессе строительства экономического сообщества АСЕАН»⁴⁹.

На 13-ом саммите АСЕАН в ноябре 2007 г. в Сингапуре интеграция (прежде всего экономики) была названа жизненно важным делом для АСЕАН, а принятие Устава — жизненно важным для интеграции.

Вьетнамское информационное агентство (ВИА) среди десяти самых значительных мировых событий 2008 г. назвала встречу министров иностранных дел стран-членов АСЕАН в Джакарте 15 декабря того года, где они собрались в преддверии 14-го саммита АСЕАН (февраль-март 2009 г.) в Таиланде и подписали документ о вступлении Устава АСЕАН в силу. Вьетнам, принимая участие в подготовке и утверждении Устава, отстаивал сохранение в нем базовых принципов Ассоциации — национального суверенитета и невмешательства стран во внутренние дела друга.

* * *

Как следует из вышесказанного, преодоление разрыва в уровнях социально-экономического развития новых и старых членов АСЕАН рассматривалось лидерами этой организации как условие успешной интеграции. От саммита к саммиту, начиная с конца 90-х гг. и начала 2000-х в документах Ассоциации повторяется эта тема, из-за чего может создаться впечатление об отсутствии прогресса в этом вопросе. «Достижения АСЕАН за последние 40 лет в регионализме довольно фрагментарны. Делается много смелых заявлений в будущем времени, много риторики, но мало достижений по существу» — считает филиппинский ученый Ноэль Морада⁵⁰.

На некоторых позитивных «фрагментах» успех был сделан акцент в статье. Понятно, что завершение такого амбициозного регионального проекта как создание экономического Сообщества АСЕАН к 2015 г., зависит от потенциала и реального вклада каждой из стран-участниц Ассоциации. Что касается Вьетнама, то он не первый год придерживается идеи о прямой зависимости силы АСЕАН и ее шансов преодоления диспаритета в развитии стран-участниц, а следовательно и строительства Сообщества АСЕАН, от потенциала каждой из стран. Сам Вьетнам, который до последнего времени оставался второй по динамичности развития экономикой Азии после Китая, считает, что делает много как по преодолению разрыва в развитии между странами, так и в процессе экономической интеграции в ЮВА в целом⁵¹.

Бывший в 2007 г. Генеральным Секретарем АСЕАН Онг Кенг Йонг летом 2007 г. назвал быстрое экономическое развитие Вьетнама движущей силой ускорения интеграции АСЕАН в ближайшие 10–15 лет.

«Это будет самым большим вкладом Вьетнама в семью АСЕАН» — сказал он⁵².

Вьетнамская экономика последние годы отличалась высоким динамизмом. Ее рост в 2001—2005 гг. равнялся 7,5%, в 2006 г. — 8,2%, в 2007 г. — 8,5% и в 2008 г. — от 6,5 до 7%. Улучшилось качество жизни населения. Индекс бедности населения упал с 60% в 1993 г. до 13,1% в 2008 г. и Вьетнам достиг почти всех целей, поставленных Программой Цели развития тысячелетия ООН⁵³.

В то же время во Вьетнаме считают, что экономическая интеграция, как основа образования Экономического сообщества АСЕАН идет медленнее, чем позволяет потенциал стран-членов Ассоциации и чем того требуют обстоятельства — необходимость конкуренции с возвышающимися Китаем и Индией, а также сотрудничество с ними и другими странами на равных. Премьер-министр СРВ Нгуен Тан Зунг в речи на саммите по бизнесу и инвестициям в ноябре 2007 г. в Сингапуре, проходившем в рамках 13-го саммита АСЕАН, отмечая важные успехи АСЕАН в торгово-экономической либерализации и экономической интеграции внутри Ассоциации, обратил внимание на отсутствие «радикального прорыва в торгово-экономических отношениях внутри АСЕАН». Только 25% от общего объема торговли приходится на долю торговли между странами-членами АСЕАН — сказал он⁵⁴.

В этих условиях Вьетнам считает правильной нацеленность АСЕАН на развитие отношений с развитыми странами-партнерами, чтобы через торгово-экономическое сотрудничество и создание зон свободной торговли с ними обеспечить более широкую интеграцию в регионе. В этом контексте возрастает роль партнерского сотрудничества по формуле АСЕАН+3 (Китай, Япония, Ю. Корея), а также АСЕАН+1, что подразумевает сотрудничество АСЕАН + Китай, АСЕАН + Япония, АСЕАН + Ю. Корея, АСЕАН + Индия. Такие формы сотрудничества предполагают тесную сплоченность стран внутри самой Ассоциации. Тесная сплоченность стран внутри Ассоциации была бы более достижимой, если бы она имела яркого сильного лидера. В регионе сейчас «с ослаблением Индонезии возникли проблемы преемственности лидерства в АСЕАН, на которое могут претендовать другие ее члены» — пишет Н.П. Малетин⁵⁵.

Легко можно вообразить, что на роль лидера в регионе по многим своим характеристикам в перспективе может претендовать Вьетнам. Тем более что вьетнамские руководители обладают сильной политической волей, которой не хватает руководителям других стран Ассоциации, что, по мнению экспертов, тормозит интеграционный процесс. Именно сильная политическая воля высших руководителей, как черта политической культуры последних десятилетий вьетнамской истории, обеспечила стране, наряду с другими факторами, исторические победы, включая образование СРВ.

Но если (гипотетически) «поставить» Вьетнам в центр регионализма в ЮВА, то обязательно активизируются разные не столько центростремительные — сколько центробежные силы, как внутренние, так и внешние, от чего дело интеграции в целом может пострадать. К тому же пока неясно как далеко в интеграции готов пойти сам Вьетнам (и не он один!) с его концепцией неприкосновенности национального суверенитета и абсолютизацией принципа невмешательства во внутренние дела друг друга.

В целом на наш взгляд, несмотря на некоторые успехи, вопрос ускоренной глубокой интеграции АСЕАН остается открытым, а вероятность построения Сообщества АСЕАН на 3-х столпах к 2015 г. весьма неопределенной, особенно в условиях охватившего весь мир экономического кризиса.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пять стран-основателей АСЕАН, по словам известного сингапурского ученого и политика, Томи Коха «едва знавшие друг друга... объединились, т.к. были обеспокоены, что пламя войны во Вьетнаме перекинется через его границы и охватит регион». The Sunday Times. 18.11.2007.
- ² Мурашева Г.Ф. Вьетнам и мир (К вопросу о факторах формирования внешней политики СРВ). Восток 2004. № 5, с. 74.
- ³ Документы IX съезда КПВ. X.2001, с. 85.
- ⁴ <http://www.mofa.gov.vn.>
- ⁵ Н.П. Малетин. АСЕАН: четыре десятилетия развития. М. 2007, с. 103–104.
- ⁶ The Straits Times. 8.08.2007.
- ⁷ R.W. Mansbach. Southeast Asia in transition. Seoul. 1976, p. 29–30.
- ⁸ E. Beukel. ASEAN and ARF in East Asia's Security Architecture: the Role of Norms and Powers. DIIS Report 2008; 4, p. 22.
- ⁹ Во Вьетнаме в ноябре 1995 г. была опубликована статья тогдашнего премьер-министра Малайзии д-ра Махатхира, полная неприязни к западной цивилизации, западным ценностям и к правам человека в западном понимании. «Нян Зан», 2.11.1995.
- ¹⁰ Far Eastern Economic Review. 7.04.1994, № 14, с. 13. Далее FEER.
- ¹¹ Подробнее см. Н.П. Малетин. Указ. соч., с. 106–107.
- ¹² В мае 1994 г., находясь в Сингапуре на конференции на тему «АСЕАН, Вьетнам и Китай», Во Ван Кьет, бывший тогда премьер-министром СРВ, говоря о сложном положении слабона развитых стран, которых научно-техническая революция ставит перед опасностью «отстать как в гонке, где тот, кто не очень ловок сойдет с дистанции после нескольких кругов...», сказал: «Мы не намерены быть вытесненными с дистанции». FEER 1994, № 22, с. 21.
- ¹³ FEER 1995, № 26, с. 33; Значительно позже, оценивая позицию АСЕАН, другой специалист по ЮВА писал: «Принятие Вьетнама — по большому счету, позитивное явление, особенно с учетом истории Вьетнама как главного антагониста АСЕАН». Shaun Narine. Forty Years of ASEAN: a historical review. The Pacific Review, v. 21, № 4, December 2008, p. 418.
- ¹⁴ Комментируя работу Саммита в Бангкоке, ж. FEER отмечал в конце 1995 — начале 1996 гг., что «Ассоциация все еще разделена взаимными подозрениями и подходами к Китаю и США. Объединяющим фактором стало осознание того, что ЮВА оставлена наедине с собой и в полной неопределенности относительно Китая и Японии. Отсюда вытекала сформулированная на Саммите цель сделать зону АСЕАН таким же взаимосвязанным «Сообществом» как Европа». FEER Dec. 28 — Jan. 4 1996, № 1, с. 16.

- ¹⁵ В июле 1997 г. На 29-ой встрече м.и.д. АСЕАН в Куала Лумпуре Вьетнаму было поручено курировать отношения АСЕАН с Россией и Н. Зеландией. Нян Зан. 14.12.1998.
- ¹⁶ Нян Зан. 17.12.1997.
- ¹⁷ Нян Зан. 17.12.1998.
- ¹⁸ Shaun Narine. Forty Years of ASEAN: a historical review. *The Pacific Review*, v. 21, № 4, December 2008, с. 420.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Noel M. Morada. ASEAN at 40: Prospects for Community Building in Southeast Asia. *Asia — Pacific Review* 2008, v. 15, № 1, с. 39.
- ²¹ Нян Зан. 13.12.1998.
- ²² Нян Зан. 16.12.1998.
- ²³ Фан Ван Кхай на открытии 6-го саммита АСЕАН напомнил вьетнамскую поговорку «огонь испытывает золото, беды испытывают силу». «У нас достаточно оснований считать, что АСЕАН преодолет вызовы, быстро выйдет из кризиса, продолжит сбалансированное и устойчивое развитие». Нян Зан. 16.12.1998; Куан дой нян зан. 16.12.1998.
- ²⁴ Нян Зан. 16.12.1998.
- ²⁵ Vietnam's Urgent Issues. Files on Vietnam, 09—10/2003, с. 39.
- ²⁶ Нян Зан. 20.12.1998.
- ²⁷ «Это было также проявлением решимости Вьетнама и его способности участвовать в деле развития АСЕАН абсолютно «на равных» со всеми остальными участниками Ассоциации во имя национальных интересов и интересов других народов в Сообществе АСЕАН». Нян Зан. 14.12.1998.
- ²⁸ Нян Зан. 17.12.1998; D.M. Jones and M.L.R. Smith. Making Process Not Progress. ASEAN and the Evolving East Asian Regional Order. *International Security*. V. 32 № 1 Summer 2007, p. 163.
- ²⁹ Достаточно сказать, что само понятие «интеграция» не сразу вошло в лексику лидеров АСЕАН. Филиппинский политик и дипломат Р. Северино в статье «Экономическая интеграция — высший приоритет» писал в августе 2007 г. о том, что «в АСЕАН 25 лет избегали слова интеграция и лишь в январе 1992 г. В Сингапуре приняли историческое решение интегрировать региональную экономику» (*Straits Times*. 8.08.2007). Надо уточнить, что на Саммите в Сингапуре в январе 1992 г. термин «интеграция» не употреблялся, а говорилось лишь об усилении регионального сотрудничества и начале процесса образования АФТА.
- ³⁰ Документы 8-го съезда КПВ. X.1996, С. 62, 79, 121 (вьет. яз.).
- ³¹ Нян Зан. 17.12.1998.
- ³² Н.П. Малетин. Указ. соч., с. 212; Подробно см. Denis Hew. Towards an ASEAN Economic Community by 2020: Vision or Reality? Viewpoints. ISEAS, Singapore. <http://www.ISEAS.edu.sg>
- ³³ Документы 9-го съезда КПВ. X.2001, с. 120—121 (вьет. яз.).
- ³⁴ Нян Зан. 24.07.2001.
- ³⁵ Нян Зан. 5.08.2001.
- ³⁶ Нян Зан. 6.11.2001. С этой целью предлагалось использовать многие формы обмена товарами, включая бартер.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Нян Зан. 7.04.2002; Вьетнам, как страна с высокой политической стабильностью и дешевой рабочей силой, стал, например, привлекательным для тайваньского капитала. После финансового кризиса 1997 г. инвестиции из Тайваня во Вьетнам превысили таковые в Таиланд, Малайзию и Филиппины, и Вьетнам стал главным получателем, на долю которого пришлось $j = 1/3$ от общей суммы тайваньских инвестиций в ЮВА в 1997—2007 гг. (*Asian Survey*, v. XLVIII, № 2 March—April 2008, p. 268).
- ³⁹ An Assessment Study on the Progress of ASEAN Regional Integration: The Hanoi Plan of Action towards ASEAN Vision 2020. REPSF Project № 03/006b: Final Report — Executive Summary. October 2004.
- ⁴⁰ Там же.

- ⁴¹ Куан дой нян зан. 5.11.2002.
- ⁴² Maaike Heijmans. The Future of East Asian political economy: China, Japan and regional integration IIAS Newsletter 2007, № 44, с. 23.
- ⁴³ Нян Зан. 5.11.2002. Более широкое сотрудничество в Восточной Азии, к которому призывал Вьетнам, впоследствии приобрело формат Восточноазиатского Саммита, впервые состоявшегося в 2005 г.; в 2002 г. вьетнамские участники саммита внесли много других конкретных предложений. Например, организовать совещание на тему возможности для новых членов АСЕАН начать участвовать в Зоне Свободной торговли АСЕАН — Китай позже, а именно через 15 лет по сравнению с 10–12 годами для старых членов. Вьетнам также предложил учредить в Ханое исследовательский центр АСЕАН по современному Китаю с помощью Китая и других стран. Нян Зан. 6.11.2002.
- ⁴⁴ Нян Зан. 5.11. 2002.
- ⁴⁵ Н.П. Малетин. Указ. соч., с. 263.
- ⁴⁶ The Straits Times. 6.03.2007; Из интервью министра труда СРВ Чыонг Динь Туйена газете Лао Донг. Vietnam's Urgent issues. Files on Vietnam. 09–10/2003, с. 39.
- ⁴⁷ The Straits Times. 06.03.2007.
- ⁴⁸ <http://www.mofa.gov.vn>
- ⁴⁹ Документы X съезда КПВ. X.2006, с. 204 (вьет. яз.).
- ⁵⁰ Noel M. Morada. Op cit., с. 52.
- ⁵¹ Во Вьетнаме поставлена задача «бороться за то, чтобы его технологический потенциал к 2010 г. достиг уровня передовых стран в регионе в некоторых областях». Документы X съезда КПВ..., с. 98.
- ⁵² <http://www.mofa.gov.vn>
- ⁵³ Из речи вице-премьера СРВ Нгуен Синь Хунга на втором вьетнамском экономическом Форуме, прошедшем в Ханое 19 сентября 2008 г. Outlook, V, № 57, Sept. 2008, с. 6.
- ⁵⁴ Нян Зан. 19.11.2007.
- ⁵⁵ Н.П. Малетин. Указ. соч., с. 263.

Вьетнам: поиск культурной идентичности в новых политических реалиях

Возвращение в Юго-Восточную Азию

Новые политические условия, прежде всего, окончание «холодной» войны, распад СССР и всей системы социалистического содружества, в которую был интегрирован и Вьетнам, необходимость выхода из международной изоляции, в которой оказался Вьетнам, особенно после установления торгового эмбарго США, — все это потребовало от руководства КПВ/СРВ пересмотра прежней политики и выработки новой, в том числе, путем нормализации отношений со странами Юго-Восточной Азии.

В результате вьетнамское руководство успешно справилось с возникшими трудностями и сумело достаточно быстро вывести страну из первоначального шокового состояния, вызванного распадом СССР, укрепив в кратчайшие сроки отношения с соседями по региону. Вступление Вьетнама в июле 1995 г. в АСЕАН ознаменовало его «возвращение» в Юго-Восточную Азию, но и поставило на повестку дня все те проблемы экономического, политического и культурного свойства, которые вытекали из его нового состояния в качестве члена АСЕАН.

Стоит отметить, что вступление Вьетнама в АСЕАН — это возможность определения идентичности страны как части региона ЮВА, чему предшествовала целая стадия подготовительных действий со стороны вьетнамского руководства.

В географическом отношении Вьетнам расположен на стыке двух частей ЮВА — морской и континентальной, а также на пересечении двух региональных цивилизаций — Юго-Восточной Азии и конфуцианской с центром в Китае. Но в течение длительного времени он (Вьетнам) был практически вырван из своего естественного окружения. Поэтому не будет ошибкой утверждать, что осознание Вьетнамом себя частью региона ЮВА представляет собой не переход на некий новый путь, но, скорее, это возвращение к своему историческому прошлому, на путь дальнейшего развития и утверждения идентичности Вьетнама, в первую очередь, его культуры.

Исторически Вьетнам стал частью региона ЮВА с XVII в., когда вьетнамцы, завершая свой «марш на юг», вышли к берегам Сиамского залива и дельте Меконга, постепенно превращая г. Сайгон в крупный торговый центр и порт в южной части Индокитайского полуострова,

имевший обширные внешнеторговые связи с соседями из Юго-Восточной Азии, а также с первыми европейцами, появившимися в этих новых открытых ими морях и землях. Известны многочисленные факты, свидетельствующие о торговых связях порта Сайгон в XVIII в. с Макао, Манилой, Батавией (Джакартой), Бангкоком, Пондишери (Индия)¹.

Именно с этого времени в геополитическом отношении Вьетнам прочно занял свое место среди стран ЮВА. Поэтому утверждение — «Вьетнам — часть ЮВА» есть осознание им себя, которое проявляется во всей истории Вьетнама нового и новейшего времени.

Идея культурной близости народов Юго-Восточной Азии давно высказывалась учеными. Такие французские историки как А. Масперо, П. Мюс очертили древнюю «муссонную зону», обладавшую, по их мнению, культурной общностью. В этот обширный регион они включали Индию, Индокитай, Индонезию, ее «океаническую бахромку» и Южный Китай. В Индонезии зародилась идея создания АСЛИ(И), то есть «подлинной» (таково первоначальное значение слова асли) Федерации стран Азии и Австралии. Все это проходило на фоне формирования на Западе понятия «Юго-Восточная Азия»².

В настоящее время в некоторых странах Восточной (или Большой) Азии как отмечается многими востоковедами, происходят аналогичные процессы в виде новой волны обращения к системе традиционных ценностей. Например, ученые США, характеризуя Японию, причисляют ее, так же как и все страны региона Юго-Восточной Азии, к Дальневосточной буддийско-конфуцианской цивилизации, причем общие культурно-исторические корни стран данного обширного региона они видят в китайской цивилизации³.

Но японские ученые осмысливают исторические и культурные корни своей страны и нации в целом иначе, утверждая идею о том, что Япония и все остальные страны Восточной и Юго-Восточной Азии принадлежат к океанической культуре, кроме Китая, который относится к континентальной культуре. То есть, среди политической и интеллектуальной элиты Японии господствует вполне оформленное убеждение, что в Восточной и Юго-Восточной Азии существует не одна, а две различные по типу азиатские культуры⁴.

Японские ученые не одиноки в такой интерпретации проблемы идентичности нации. Им вторят вьетнамские коллеги — этнографы, историки, также тяготеющие к идее интегрирования Вьетнама и народов, его населяющих, в сообществе народов Океании и Австралии. Все более популярным становится в научных кругах Вьетнама термин и понятие «Океаническая цивилизация», призыв: «Мы с вами одной крови!»⁵.

Все эти инновации — яркое свидетельство озабоченности проблемой поиска культурной идентичности стран не только региона ЮВА, но и шире — АТР через проявление этноцентризма как противовеса

нивелирующему процессу глобализации в культурной и духовной сферах при одновременном культурном противостоянии Китаю, так как его влияние на АСЕАН огромно. Этот поиск происходит и на национальном уровне.

Поиск культурной идентичности в историческом прошлом.

Кризис идентичности, начавшийся во Вьетнаме в середине XIX в. и выразившийся в неспособности династии Нгуен защитить свою страну от иностранного (французского) завоевания, а так же в сотрудничестве (предательстве по традиционным национальным понятиям) с завоевателями, продолжался весь колониальный период. После 1865 г., когда были захвачены три провинции Южного Вьетнама, правивший в то время император Ты Дык не осмеливался больше проводить главную сакрально-политическую церемонию вьетнамского государства — культовое жертвоприношение Небу и Земле, связанное с началом весны и ритуальными молитвами о благополучии, процветании нации и хорошем урожае, так как в глазах всего народа он лишился Мандата Неба на управление государством и подданными⁶.

Поиск идентичности и сохранения национальной самобытности стал центром интеллектуальных усилий вьетнамской старой и новой элиты в области политики и художественного творчества. Но главное стремление к сохранению самобытности проявлялось в антиколониальном национализме, составившем основное содержание франко-вьетнамских отношений в колониальный период.

Исходя из конкретных исторических событий не только Вьетнама, но и других стран Востока, совершенно очевидно, что сутью «азиатской драмы» в колониальный период стал именно «кризис идентичности», а крупнейшей проблемой с точки зрения культурологической — преодоление этого кризиса и восстановление идентичности. Очевидно также, что ход истории стран Юго-Восточной Азии определялся глубокими структурными процессами взаимодействия традиционного и нового, что придает им характер движения качелей⁷. Поиск самобытности велся всеми странами региона ЮВА, но наибольшим своеобразием этот процесс отличается во Вьетнаме, испытывавшим на себе сильное влияние китайской цивилизации и культуры, в том числе и в период колониальной зависимости.

Обращаясь к истории Вьетнама новейшего времени, необходимо подчеркнуть особенность развития страны не только после 1945 г. — года достижения независимости, но с более раннего времени, — с начала 1930-х годов, когда во Вьетнаме начали происходить процессы ускоренной трансформации общества.

Прошло почти сто лет напряженного ожидания и борьбы всей вьетнамской нации, пока появился новый вождь и легитимный прави-

тель — Хо Ши Мин, который восстановил самое ценное для каждого вьетnamца — независимость и саму вьетnamскую государственность. В глазах всей нации — он законный правитель, обладающий харизмой, его авторитет никем не оспаривается. Указанные качества усиливаются тем, что сама концепция национальной независимости, справедливо считающаяся центральным нервом традиционной мысли Вьетнама, была сформулирована как восстановление «законной преемственности власти» от древних вьетnamских правителей — королев династии Хунгов периода до китайской зависимости⁸.

Ставший характерным для Вьетнама с начала 1990-х годов ментальный возврат к «славному» историческому прошлому, к далекому «золотому» веку вьетnamской истории с его якобы существовавшим идеальным обществом, где правители заботились о благе народа, является, по сути, важным аспектом самоидентификации вьетnamской нации.

Уже в глубокой древности у вьетnamцев сложились обычаи и привычки, перешедшие в исторические традиции нации, в частности стойкое сопротивление и выживание, сохранение вьетnamской государственности. Включение исторической мифологии в историческую канву, апеллирование к далекому прошлому носит не случайный характер: тем самым удлиняется история вьетnamского государства (на 2000 лет), обосновывается древность зарождения вьетnamского этноса⁹, а древняя вьетnamская цивилизация и культура практически уравнивается по времени возникновения с китайской¹⁰.

С 1995 г. руководство КПВ официально включило в число особо важных праздников День поминовения королев Хунгов (Хунг-вьонгов). С этого времени этот день стал своеобразным общенациональным культовым праздником. В 2000 г. поминальный храм королев Хунгов посетили первые лица партии и государства — генеральный секретарь КПВ Ле Кха Фиеу и Председатель Национального собрания СРВ Нонг Дык Мань¹¹, что красноречиво говорит о политической значимости этого восстановленного культа древних полумифических правителей в современном Вьетнаме.

Это возвеличивание исторического прошлого через реанимацию культа правителей понадобилось также, в том числе, для решения сложных актуальных задач, возникших на рубеже XX—XXI веков в результате сложившейся новой для Вьетнама геополитической и экономической ситуации. Вьетнамское общество переживает переходный период, что составляет его главное своеобразие на данном этапе развития. В такие переломные моменты общество апеллирует к базисным духовным национальным ценностям, прежде всего, к национальной культуре и к традиционным религиозным и этическим ценностям¹².

Культ харизматического вождя

В ряду указанных действий — обращение и возвеличивание национальных духовных ценностей, — одно из первых мест в современном Вьетнаме занимает все укрепляющийся посмертный культ Хо Ши Мина — харизматического вождя независимого Вьетнама. Руководство страны во все возрастающем объеме прибегает к идеологии Хо Ши Мина как к одному из базовых средств, цементирующих ставшее уже достаточно социально разнородным вьетнамское общество (особенно это относится к молодым поколениям, не знавшим героического почти 30-летнего периода войн Сопротивления, полных лишений и жертв, но служившими основой для утверждения и легитимации власти КПВ, начиная с 1945 г.).

В своих идеологических воззрениях Хо Ши Мин умело адаптировал основные положения марксизма-ленинизма к вьетнамской цивилизации. В своем Завещании, отрывки из которого еще раз прозвучали на IX съезде КПВ, он подчеркивал, что вьетнамский путь развития должен быть национальным, вьетнамским. Одна из главных идей Завещания звучит как легитимация священного принципа великого национального единения и сплочения¹³, что означает, по сути, отказ от демократического плюрализма.

Самобытность — многослойное понятие, но вместе с тем и сквозное, связывающее все слои общества в определенную идейно-культурную схему¹⁴. Одни из наиболее глубоких и устойчивых слоев самобытности относятся к ряду институтов и идей, свойственных традиционным азиатским обществам Дальневосточной цивилизации, восходящим к доколониальному периоду. В настоящее время, на рубеже XX и XXI веков, под влиянием новых вызовов времени — глобализации и императива модернизации произошло их заметное усиление, что являлось адекватной реакцией таких стран как Вьетнам, переживающих переходное состояние развития.

Этот всплеск интереса к прежним обычаям, праздникам, народным верованиям и т. д. подкрепленный пристальным вниманием к идейно-религиозному комплексу и традиционной национальной культуре в целом означает, по сути, озабоченность данного общества возникшей угрозой утраты своей культурной и национальной идентичности. И в прославлении и возвеличивании образа харизматического вождя — Хо Ши Мина, в возрастании его посмертной славы ясно прослеживается указанная выше тенденция. Достаточно сказать, что образ Хо Ши Мина возведен в статус духа-покровителя нации, что во Вьетнаме после 1945 г. установилась эра Хо Ши Мина¹⁵ (по аналогии с эрами правления вьетнамских правителей), ему воздвигнут на центральной площади г. Ханоя — столицы СРВ погребальный мавзолей, что, наконец, происходит сакрализация его образа не только в госу-

дарственно-политическом отношении¹⁶, но и в чисто религиозном — на уровне буддизма (в многочисленных буддийских пагодах установлены бюсты Хо Ши Мина).

Все эти почести в старом Вьетнаме воздавались только законному монарху. Стоит отметить, что этот культ в его восстановленном традиционном виде не был навязан «сверху», он начал реализовываться «снизу» и власти не только не препятствовали этому, но всячески поощряли сакрализацию образа вождя в духе традиционной государственной идеологии Вьетнама, особенно четко обозначившейся во время империи Дайнам и правления династии Нгуен (первая половина XIX в.).

С большой степенью уверенности можно утверждать, что все вьетнамцы чувствуют себя ментально лучше и спокойнее, когда в стране опять появился дух-покровитель нации. Это верование самое устойчивое и древнее во Вьетнаме, в него верят все — и члены КПВ, и предприниматели, и диссидентствующие представители творческой интеллигенции — художники, писатели и пр. В глазах всей нации Хо Ши Мин — законный правитель, его верховенство неоспоримо, равного ему нет и не будет в обозримом будущем. И если процесс эрозии традиционных ценностей во Вьетнаме в некоторых сферах зашел достаточно далеко, то в отношении почитания образа вождя в духе национальных традиций (а не в контексте коммунистической идеологии, что следует отметить) эта тенденция только усиливается. Поэтому посмертный культ Хо Ши Мина оказывает мощное цементирующее идеологическое воздействие на современное вьетнамское общество, одновременно тесно связанное в сознании масс с КПВ и ее руководящей ролью.

Поиск национальной идентичности

Во второй половине XX в. Вьетнам был одной из немногих стран в мире, прошедших через многочисленные войны, которые, хотя и классифицируются в мировой истории как локальные, но оказавшие решающее влияние на судьбы и состояние вьетнамской нации и вызвавшие бурную и неоднозначную реакцию мирового сообщества. Одним из главных последствий двух войн Сопrotивления (против Франции и США) во Вьетнаме стал интенсивный рост национального самосознания, перешедший на рубеже веков (XX и XXI) на качественно иной уровень.

Но после окончания войны в обществе ощущалась настоятельная потребность в обновлении марксистской идеологии в направлении ее адаптирования к новым вьетнамским реалиям в целом, а также для выполнения новых задач, связанных с государственным строительством в мирных условиях. Императивность этих идеологических изменений усиливалась глобализацией — новым политическим и экономическим фактором эпохи наступившего XXI века.

В этой связи руководство КПВ/СРВ выдвинуло и включило в свой идеологический арсенал новый тезис, утверждающий, что в процессе современного социально-политического развития Вьетнама на новой основе — рыночной экономики, — традиционный социально-культурный и религиозный комплекс может выполнять интеграционные функции, удерживая общество от распада¹⁷.

По мнению вьетнамского руководства культура во Вьетнаме в новых условиях тесно связана с «вопросом поддержания социальной стабильности, национальной безопасности, общим развитием материальных и моральных условий всего общества»¹⁸. И только партия, как подчеркивается во всех многочисленных публикациях центральной и местной прессы¹⁹, в состоянии защитить национальные культурные ценности, выступая в качестве главного и наиболее надежного гаранта и оплота морали и традиции нации. Эта стратегия морализации КПВ направлена на укрепление ее руководящей роли в стране и претензии на то чтобы оставаться единственной силой, способной объединить и сплотить все вьетнамское общество. Эти два качества — единство и сплоченность объявлены руководством страны главной идейно-социальной ценностью. Тот факт, что именно КПВ инициировала политику «обновления» дает руководству Вьетнама возможность утверждать, что партия, якобы еще раз доказала свою жизнестойкость, способность адекватно реагировать на новые и сложные вызовы времени, что, в свою очередь, является неопровержимым доказательством ее руководящей роли в качестве единственной и законной силы вьетнамского общества.

Поэтому первые люди партии и государства включились в эту кампанию. Так, ближайший соратник Хо Ши Мина и бессменный премьер-министр ДРВ-СРВ в период с 1954 по 1986 г. Фам Ван Донг выпустил в 1994 г. небольшую книгу — «Культура и политика обновления», в которой он, апеллируя к авторитету самого Хо Ши Мина, отмечает, что вождь вьетнамского народа благосклонно относился к культуре предков на семейном и национальном уровнях²⁰.

Традиционные верования и культурная идентичность

Выше мы упоминали о многочисленных слоях самобытности культуры. Подчеркнем, что массовые народные обряды, обычаи, верования, национальный язык составляют наиболее сохранившиеся компоненты культуры таких стран, как Вьетнам, пока еще почти не затронутые влиянием массовой культуры западной цивилизации, этой самой большой опасностью в условиях «мирного иностранного вторжения» (официальная политическая риторика).

Известно, что жизненная сила нации лучше всего проверяется на культурно-религиозной сфере общества. В связи с определением и по-

ниманием современного состояния развития Вьетнама как переходного, новый фундамент построения вьетнамского общества следует искать в политике возвращения вьетнамских властей к разрешению и восстановлению практики старинных верований, подвергшихся модернизации со стороны значительно обновленного в последние десятилетия буддизма (особенно в Южном Вьетнаме), вплоть до ассимиляции им культа духов-покровителей.

В настоящее время культ предков и героев-покровителей нации — самое древнее и самобытное верование вьетнамцев, переживает настоящий расцвет. В годы политики «обновления» отмечается его широкая практика, как в городской, так и сельской среде в многочисленных культовых местах поклонения, во многих из которых происходит ремонт и восстановление этих культовых мест, пребывавших много лет в запустении. Именно культу предков в настоящее время во Вьетнаме отводится роль главного «заслона» в деле защиты нации от экспансии низкопробной массовой культуры Запада²¹. В многочисленных научных публикациях последнего времени, посвященных культу предков и его роли, подчеркивается его уникальность как единственно исконного национального верования вьетнамцев и поэтому обладающего возможностью защитить современное вьетнамское общество от культурной вестернизации и не только сохранить в нации приверженность традиционным ценностям, но и заново возродить их²². Поэтому в научных публикациях о культе предков авторы настойчиво стремятся поднять это древнее народное верование на более высокий уровень, придав ему статус главной государственной религии²³, хотя он по своей сути ею не является по ряду основополагающих признаков, определяющих понятие религии как таковой. Необходимо подчеркнуть, что эта тенденция опоры на культ предков и определенной его идеализации поддерживается на высоком партийном уровне и связана с давней властной традицией вьетнамских правителей, опиравшихся на выстроенную ими же систему традиционных ценностей, где главенствующую роль играл культ предков²⁴. В настоящее время этот культ рассматривается также с точки зрения символов и основ национальной идентичности на местах. Достаточно сказать, что влияние и значимость буддийских пагод и их посещаемость заметно возросли (особенно это относится к г. Хошимину) в силу приобщения к ним культа предков: многочисленные семьи помещают теперь в пагодах погребальные урны с останками своих скончавшихся родственников²⁵. Но произошел и обратный процесс: культ предков — народное верование приобщился к буддизму — мировой религии, что способствовало повышению его общественного статуса в глазах тысяч и тысяч вьетнамцев. В этой связи необходимо констатировать, что вьетнамская среда в целом в очень большой степени проникнута идеями буддийской духовности, буддийскими ценностями²⁶.

По отношению к буддизму и католицизму — двум мировым религиям, существующим во Вьетнаме, в годы политики «обновления» наблюдается заметная либерализация и терпимость. Но и внутри организационных структур этих религий — их церквей в прошедшие годы происходили серьезные изменения. Для буддизма стали характерны процессы модернизации обрядов и распространение обновленного буддизма. В 1981 г. ханойские власти способствовали созданию нового объединения буддистов, так называемой, Новой буддийской церкви, которая была признана официально и вошла в состав Отечественного фронта Вьетнама, как и все культурные ассоциации Вьетнама.

В настоящее время наблюдается большое оживление в буддийской общине. Уже в 1990-е годы впечатляло количество пагод, многочисленность паломничеств и собраний верующих по воскресным утрам в современных буддийских пагодах, особенно в Южном Вьетнаме. Улучшение экономического положения в стране позволяло проводить в пагодах ремонт, обновление и модернизацию буддийской иконографии. Реставрация, а также строительство новых пагод не редко проводились за счет финансовых поступлений из-за границы. Уже в 1996 г. существовали процветающие буддийские монастыри в форме коллективных предприятий, использовавших многочисленную рабочую силу, куда стекались толпы народа, чтобы послушать наставления и поучения видных настоятелей²⁷. Это та духовная ниша, которая заполняется буддизмом после провозглашения политики «обновления», и это явное оживление в то же время стало возможным как следствие процесса обновления буддизма в Южном Вьетнаме в период 1950—1970 гг.

Диалог и стремление к взаимопониманию установились у властей Ханоя с католической церковью Вьетнама. Провозглашение политики «обновления» также вызвало определенную реакцию и изменения в этой конфессии. Ее высшие иерархи во главе с кардиналом пытаются использовать благоприятную ситуацию, сложившуюся для католической церкви в результате известных решений II-го Ватиканского собора (1962—1965 гг.). Стремясь действовать вместе со всей нацией в русле обращения к своей самобытности и поиска идентичности, вьетнамская католическая церковь практикует в настоящее время методы адаптации и интеграции католиков в состав вьетнамской нации. С этой целью вьетнамское католическое духовенство старается применять и использовать во время церковных служб некоторые элементы народного творчества: вьетнамские фольклорные песни, шествие с цветными флажками, паланкинами и др.

В целом, в вопросе национальной культуры Вьетнама и ее развитии в настоящее время четко прослеживается тенденция сохранения культурного наследия, выявления его многообразия, в том числе и через привлечение культуры малых народностей, ее популяризации пу-

тем организации многочисленных выставок их ремесел, прикладного искусства (вышивки, различные изделия и т. д.)²⁸.

Особенно ярко указанная тенденция проявляется в многочисленных исследованиях вьетнамских историков, археологов, этнографов культурных очагов на местах, выявление их локальных особенностей. Например, изучение развалин крепости Тханглонг, укрепленного района Ан Тоан Кху — «столицы» Сопrotивления во время войны против Франции в провинции Тхайнгуен, изучение обычаев и верований народностей провинции Донгтхап и др. Отдельная тема — сохранение и изучение культурного наследия провинций дельты Меконга в эпоху индустриализации и модернизации. Результаты всех этих исследований публикуются в различных сборниках со значимыми названиями, такими как «Изучение истории Вьетнама. Задача сохранения и развития культурного национального наследия»²⁹.

В формате этой же темы — сохранение культурного наследия происходит усиленное собирание и систематизация фольклора, особенно национальных меньшинств в минимальной степени подвергшихся влиянию китайской культуры, в том числе у народности мыонгов — ближайшей по культуре к собственно вьетнамскому этносу. Было издано десять томов фольклорных записей мыонгов, что следует отметить как уникальное явление в национальной культуре Вьетнама последнего времени.

Происходящие процессы очень значимы и требуют адекватного осмысления, так как они свидетельствуют о формировании культуры единой вьетнамской нации, которое стало возможным и получило особенно интенсивное развитие после провозглашения политики «обновления». Уже на рубеже XX и XXI веков один из наиболее авторитетных исторических журналов Вьетнама «Изучение Юго-Восточной Азии», издающийся в Ханое научно-исследовательским институтом с аналогичным названием, только в пяти номерах поместил 26 статей, посвященных проблемам изучения культуры малых австронезийских народностей, проживающих во Вьетнаме на Центральных горных плато, а также истории культуры Чампы и культуре различных народов ЮВА³⁰. Явление беспрецедентное, особенно если принять во внимание, что данное издание специализируется на социально-экономических и политических проблемах стран АСЕАН.

Этот своего рода взрыв, исследований вьетнамских ученых, был вызван новыми политическими и экономическими реалиями XXI века. В то же время, повышенный интерес к проблемам народных верований, фольклору, религиям, в целом — к проблемам культуры, выражающий озабоченность в отношении сохранности культурного наследия, неразрывно связан с утверждением самобытности и традиционности национальной культуры Вьетнама, ее идентичности.

Новое вьетнамское общество

Существует еще один немаловажный аспект исследуемой проблемы. После провозглашения политики «обновления» настроение в обществе кардинально изменилось. На смену аскетическому и суровому существованию всей нации, когда каждый человек ощущал себя мобилизованным в условиях длительной и жестокой войны, пришло чувство удовлетворения достигнутой военной победой (30 апреля 1975 г.), символом которой стало воссоединение страны, а также стремление воспользоваться результатами этой победы.

Оставляя в прошлом привычки военного времени, вьетнамское общество (и старшее, и молодое поколение) утверждает иной образ жизни. Последние два десятилетия во Вьетнаме были отмечены массовыми публичными проявлениями различных сторон национальной самобытности в той ее части, которая характеризуется национальными праздниками, церемониями, шествиями и т. д. Во Вьетнаме стало популярным и модным отмечать различные годовщины, памятные даты с организацией пышных и многочисленных церемоний, с шествиями под музыку в национальных костюмах по главным улицам больших городов, таких как Ханой, Хошимин, Дананг и др. Особенно выделяются на этом фоне похоронные церемонии по буддийскому обряду. Шествие растягивается на несколько улиц под барабанную дробь и мелодию флейты, все уличное движение останавливается, и это принимается всеми без возражения.

Наряду с традиционными обычаями в жизни вьетнамского общества стали чрезвычайно популярны такие современные реалии, как футбол, особенно если речь идет о чемпионате стран АСЕАН. Победа вьетнамской сборной в матче с командой Таиланда (в Бангкоке) отмечалась с размахом почти национального праздника: с государственными флагами СРВ на каждом мотоцикле — основном виде уличного транспорта во Вьетнаме.

Массово отмечаются все праздники, несмотря на то, что они не носят общенационального характера. Ярким примером может послужить католическое Рождество (25 декабря) в Хошимине, когда практически все такси, украсились красными рождественскими флажками при подавляющем большинстве нехристианского населения.

Новой приметой времени стало заимствование зимней атрибутики (в стране, расположенной в климатической зоне тропиков) при праздновании Нового года по европейскому календарю, католического Рождества. Стоит отметить, что еще в начале 1990-х годов в Ханое не придавали этим праздникам никакого значения. В XXI веке уже принята в полном объеме вся новогодняя европейская символика: украшенные елки, «Санта-Клаусы», на улицах разноцветные гирлянды лампочек, которыми увешаны большие тропические деревья. В город-

ской среде также интенсивно перенимается европейская мода в одежде, прическах. Новым и характерным стало массовое использование электронной техники: компьютеров, мобильных телефонов. На месте прежних убогих мастерских по починке велосипедов открыты современные мастерские по обслуживанию мобильных телефонов. Все это — приметы повышения уровня жизни населения, что служит важным фактором сохранения социальной стабильности в обществе. Вместе с тем эти приметы свидетельствуют об интенсивном процессе вестернизации, особенно широко охватившем городскую молодежь. Но самобытные черты национальной культуры способны воспроизводить себя в абсолютно новых жизненных формах, поскольку массовая вестернизация не затрагивает глубин общественного сознания. И это может служить гарантией сохранения в будущем своеобразия вьетнамской цивилизации.

Самым главным новым явлением, на наш взгляд, характеризующим формирующееся новое общество Вьетнама, стало ярко выраженное стремление вьетнамцев к самовыражению и самоутверждению не только в области культуры, но и в повседневной жизни, причем это относится к самым различным общественным социальным группам населения — богатым и бедным, предпринимателям и представителям интеллигенции. Это самовыражение происходит во всех сферах общественной жизни, в том числе и через гадания, гороскопы и шаманизм, широко распространившиеся в современном Вьетнаме. Представляется, что все это — последствия 30-летней войны, когда личные устремления, личная жизнь были загнаны глубоко внутрь, а вся нация, захваченная одной идеей и целью — добиться победы, достигла такого уровня сплоченности, какой редко встречается в мировой истории.

В настоящее время во вьетнамском обществе наступила реакция. Маятник национального сознания качнулся в другую сторону. Это стремление к самоутверждению и самовыражению можно выразить примерно следующими словами: «Мы всех победили, изгнали всех врагов, война кончилась, наша страна вновь воссоединилась, и мы здесь хозяева, мы у себя дома. Мы стали жить богаче и хотим жить еще лучше».

Лозунг, сформулированный партией в начале политики «обновления» в 1990-е годы, «богатая нация, сильная страна» был воспринят правильно, несмотря на то, что в традиционной системе ценностей вьетнамского общества богатство, имущество и деньги сами по себе не имели сколько-нибудь определяющей социальной ценности, в исторической традиции не было установки на создание богатого и процветающего государства. Наибольшим авторитетом пользовались моральные качества человека, знание и мудрость учителей. Но в условиях рыночной экономики появились возможности «делать» свой малый или большой бизнес и тем самым «обогащаться» и жить лучше. Подавляющая масса

самодеятельного населения Вьетнама, как в городе, так и в деревне (где проживает 73 процента населения страны) занята именно этим.

Выработка новых концепций развития

Новые политические реалии, тесно увязанные с экономическими проблемами рыночной экономики, поворот к которой таит в себе много неизвестного, ставят перед руководством страны сложные задачи.

Для решения этих задач, руководству КПВ необходимо выстроить всю вертикаль власти, на вершине которой находится сама партия. Этой цели служит обращение к духовному наследию, традиционному менталитету, основанному на древних верованиях и культуре предков. В конце 1990-х годов, непосредственно после финансово-экономического кризиса 1997—1998 гг., характерной чертой эволюции власти во Вьетнаме стал рост антизападных и националистических настроений. На политико-идеологическую авансцену вышли идеи организации политической жизни государства на основе принципов традиционализма и прагматизма с тем, чтобы на их основе стабилизировать политическое положение в стране и создать условия для продолжения экономического роста³¹.

Кроме того, во Вьетнаме в настоящее время рассматривается вопрос о возможном переименовании страны из СРВ в ДРВ и названия компартии из КПВ в ПТВ, как это было при жизни Хо Ши Мина. В отношении Конституции Вьетнама происходят теоретические и политические дискуссии в аналогичном ключе: из принятых в независимом Вьетнаме (с 1945 г.) четырех Конституций, лучшей признается первая, 1946 г. составленная при непосредственном участии Хо Ши Мина и принятая при его жизни в первый год существования ДРВ³².

Необходимость реализации новых, во многом непривычных задач требует от партии выработки неких новых концептуальных политических положений. Одно из них — наблюдаемая в политике КПВ тенденция создания некоего синтеза основ марксизма с национальными культурными традициями. Эта новая тенденция политики КПВ в области национальной культуры осуществляется конкретно через официальную организацию — Институт по изучению религий Вьетнама, созданный в 1993 г., то есть всего через несколько лет после объявления политики «обновления». Целью деятельности этого Института является, в том числе, попытка осуществить соединение марксизма с традиционными идеологиями Вьетнама, в частности, с идеологией Хо Ши Мина³³.

Другая, не менее важная задача — способствовать изучению религий Вьетнама с позиции толерантности и компромисса. Более того, ставится задача привлечь в союзники КПВ буддизм и католицизм — две мировые религии, существующие во Вьетнаме, чтобы с их помощью противостоять суевериям и предрассудкам, широко распространенным в настоящее время среди массовых слоев населения³⁴.

Усилия КПВ по соединению официальной марксистской доктрины с традиционной национальной идеологией и культурой, можно рассматривать как средство защиты своей самобытной цивилизации от негативных явлений, которые сопровождают положительные результаты рыночной экономики и общества потребления.

Обращение на высшем партийном и государственном уровне к национальным традициям и историческому прошлому происходит также в русле выработки новой концепции развития страны. Упомянутый выше культ древних королей Хунгов с его возведением в государственный праздник — отнюдь не случайное и не единичное явление. Оно несет в себе задачу идеологического обеспечения и преемственности легитимности власти КПВ, встраиваясь в программу подобных мероприятий партии.

Уже в 1990-е годы одной из иностранных фирм было разрешено субсидировать восстановление древнего конфуцианского храма литературы (Ван Миеу) в Ханое, а также погребального Мавзолея императора Минь Манга, расположенного в некрополе под открытым небом в окрестностях бывшей столицы империи Дайнам Хюе. Один из американских банков предоставил на эту реставрацию 50 тыс. долл.³⁵

Другой, пример из этого же ряда. Когда в 1997 г. во Франции скончался последний император династии Нгуен Бао Дай, находившийся там с 1955 г., то официальная историография СРВ не обвинила его, как это было все предыдущие десятилетия, в том, что он был главным виновником раздела страны в 1954 г., но представила его как жертву колониального режима Франции. Более того, было сказано, что в глубине души Бао Дай оставался патриотом своей родины и передал символические знаки императорской власти — меч и печать представителю Лиги Вьетминь в 1945 г.³⁶

Наконец, в 1997 г. состоялось торжественное перезахоронение в земле Вьетнама останков мятежного императора Зюи Тана, сосланного французскими властями в Африку³⁷.

Все это — свидетельства восстановления национальной истории и культуры, символизирующие преемственность традиционной государственной идеологии современным руководством КПВ/СРВ. Известно, что после 1945 г. произошла полная смена политической, а отчасти и культурной элиты страны. Но, как свидетельствуют факты, несмотря на радикальный модернизм интеллигенции Вьетнама начала XX века, к которой принадлежал Хо Ши Мин, у оставшихся его соратников и многих тысяч партийных кадров явственно проявляются в нынешний переходный период развития вьетнамского общества следы и черты социокультурного наследия старых концепций конфуцианского позитивизма.

Современная правящая политическая элита Вьетнама соотносит некоторые положения этих концепций с современной государствен-

ной доктриной, применяя их на практике. Особенно ярко это проявляется в отношении культуры. Государственная идеология в прошлом, исходя из присущих ей взглядов непогрешимости ее постулатов, рассматривала все остальные явления в мире с прагматической точки зрения — в зависимости от их полезности или вредности для государства³⁸. Поэтому конфуцианские ученые прошлого рассматривали воздействие культуры только как процесс воспитания, или же как развлечение, но не как нечто критическое, способное поставить под сомнение основы политического режима или легитимность правящих династических кругов. Такой взгляд на культуру многое объясняет в политике КПВ в этой области в настоящее время.

Те существенные изменения и новые явления в общественной жизни Вьетнама, о которых было изложено выше, требуют своего осмысления и определенных выводов.

После многих десятилетий тяжелых войн и господства командно-административной экономики, приведшей страну к экономическому и финансовому кризису, Вьетнам стремится радикально изменить свое положение, стать благополучным, относительно богатым, стабильным и престижным государством, имеющим многочисленные внешние контакты и принятым в международное сообщество.

Для достижения этих целей руководство Вьетнама с начала 1990-х годов перешло к политике экономических реформ, направленных на развитие рыночных отношений.

Однако изменение экономической ситуации неизбежно повлекло за собой трансформацию всех других, так называемых «надстроечных» сфер: идейно-политической, культурной, научной, религиозно-конфессиональной. Иначе говоря, Вьетнам переживает в настоящее время переходное состояние во всех сферах общественной жизни.

Это новое, переходное состояние породило многие новые явления, прежде всего, апелляцию к базисным духовным ценностям включающим традиционные религии и верования и этические принципы, что привело к их бурному распространению в настоящее время. В то же время происходит формирование новых политических мифов с элементами «возврата к славному прошлому». Таким образом, идеология, на которую опирается руководство Вьетнама, повернута в прошлое с тенденцией его возвеличивания, что дает определенную рефлексию в проводимой политике, особенно у той группы руководства, которую условно можно назвать консерваторами. Именно эта группа в наибольшей степени тормозит проведение либеральных рыночных реформ, высказывая опасение и пугая остальных непредсказуемыми последствиями развития рыночных отношений во Вьетнаме.

Тем не менее, необходимо отметить, что за два последних десятилетия политика в области не только экономики, но и религии и культуры в целом характеризуется терпимостью и склонностью к компро-

миссам. Критика проводимой политики допускается лишь только в том случае, если она не затрагивает основ государственной идеологии, так же как и основ легитимности правящей КПВ.

Политика терпимости и компромисса со стороны КПВ по отношению к буддийской сангхе и католической церкви Вьетнама обусловлена традиционной мотивацией, близкой по духу к государственной идеологии администрации Вьетнама в первой половине XIX в. Главный аргумент заключается в том, что деятельность буддийской общины, как и католической церкви, обладающей четкой организацией, способствует укреплению морали и сплочению многочисленных верующих — главной задачи руководства КПВ.

Обращение к национальным традициям и историческому прошлому, о которых говорилось выше, стало важной составляющей идеологии поиска культурной идентичности нации, доминирующим вектором которой является обеспечение стабильности общества на что, как было показано, направлены главные политические усилия руководства Вьетнама.

В целом сочетание основ определенных современных политических теорий с национальными культурными традициями может в будущем трансформироваться в новую динамичную национально-культурную доктрину.

Резюмируя, следует отметить, что начиная с 1990-х годов, усилия и активность такой динамичной нации, как вьетнамская, впервые за многие десятилетия оказались направлены на конструктивную, созидательную деятельность, на рост материального благосостояния населения, а также на установление многочисленных внешних контактов.

Поэтому, несмотря на пока еще сохранившийся в социально-экономическом развитии заметный разрыв в сравнении с такими развитыми странами региона ЮВА, как Сингапур, Малайзия, Таиланд, Вьетнам претендует на роль одного из лидеров в регионе в силу потенциальных возможностей, заложенных в развитии страны и нации.

За два десятилетия проведения политики «обновления» Вьетнам претерпел существенные изменения, что в большой мере повлияло на расстановку сил на Индокитайском полуострове и в регионе ЮВА в целом, в дальнейшем же это влияние Вьетнама будет возрастать.

Национальные традиции вошли в соприкосновение с внешними влияниями и в процессе этого взаимопроникновения будет формироваться новая вьетнамская цивилизация.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Manguin P.-Y. Les Portugais sur les cotes du Vi?t-nam et du Champa. Etude sur les routes maritimes et les relations commerciales d'apris les sources portugais. PEFEQ, LXXXI, Paris, 1972.

- ² Lombar D. «De l'histoire coloniale à l'histoire national: le cas de l'Indonesie». // Первый советско-французский симпозиум по Юго-Восточной Азии. «Новое обретение культурного наследия в контексте националистического движения и деколонизации в Юго-Восточной Азии» (Доклады). М., 1989 г. С. 204.
- ³ Мосяков Д.В. Процессы региональной консолидации в Восточной и Юго-Восточной Азии и японо-китайские отношения. // Юго-Восточная Азия в 2001 г. М., ИВ РАН, 2002 г. С. 51.
- ⁴ Мосяков Д.В. Ук. соч. С. 51.
- ⁵ Титаренко М. Выступление на конференции «Российско-вьетнамский круглый стол». М., 28.03.2000 г. Интересная деталь: именно японские специалисты построили в Ханое новый Музей этнографии, снабженный самым современным оборудованием.
- ⁶ Langlet Ph. L'historiographie d'Etat au siècle des Nguyễn. Paris. EFEO, t. XIV, 1990, P. 6—7 (Résumé).
- ⁷ Агаджанян А.С. Преемственность и изменения в Юго-Восточной Азии (проблема самотытного развития). // Первый советско-французский симпозиум по Юго-Восточной Азии. М., 1989 г. С. 184.
- ⁸ Никитин А.В. Универсальные характеристики традиционной вьетнамской мысли. // Универсалии восточных культур. М., 2001 г. С. 259.
- ⁹ Цветов П.Ю. Короли Хунги: от историографической проблемы к государственному культу. // «Восток», № 4. С. 110.
- ¹⁰ В подобных трансформациях национальной истории Вьетнама в современной вьетнамской историографии можно увидеть скрытый вызов имперской идеологии Китая и всему комплексу вассально-сюзеренных отношений Китая и Вьетнама в историческом прошлом, включая тезис имперской идеологии Китая о всеохватывающем культурно-идейном влиянии китайской цивилизации на «умиротворенный» Юг. Российские ученые относят существование первого вьетнамского государства Ванланг к более позднему времени — не позднее середины первого тысячелетия до н.э. — Деопик Д.В. История Вьетнама, ч. I, М., 1994 г. С. 32.
- ¹¹ Цветов П.Ю. Ук. Соч. С. 110.
- ¹² Новакова О.В. Религиозная жизнь вьетнамского общества и католическая церковь в XXI в. (проблемы интеграции и адаптации). // Индокитай на рубеже веков (политика, идеология). М., МГУ, 2001 г. С. 138.
- ¹³ Завешание Президента Хо Ши Мина. // Хо Ши Мин. Избранное. Воспоминания о Хо Ши Мине. М., 1990. С. 220—222.
- ¹⁴ Агаджанян А. С. Ук. Соч. С. 184.
- ¹⁵ Заявление Генерального секретаря ЦК КПВ Ле Кха Фиеу, занимавшего этот пост в конце 1990-х годов, на встрече с представителями иностранных делегаций в Ханое на I-й Международной научной конференции «Изучение Вьетнама-I», участницей которой была и автор данной статьи. Ханой, 1998 г. июль.
- ¹⁶ В Посольстве СРВ в Москве — официальном государственном учреждении Вьетнама в 2008 году сооружен небольшой алтарь с бронзовым бюстом Хо Ши Мина и всей ритуальной утварью, необходимой для алтаря культа предков, в данном случае для алтаря духа — покровителя нации.
- ¹⁷ Thời báo kinh tế Việt-Nam. Hà Nội, 21.01.1999 г.
- ¹⁸ Thời báo kinh tế Việt-Nam. Hà Nội, 21.01.1999 г.
- ¹⁹ Nhân dân, Quân đội nhân dân, Lao Động 01.02.2000 г.
- ²⁰ Phạm Van Động. Văn hóa và đổi mới. Hà Nội, 1994. Tr. 75.
- ²¹ Đặng Nghiêm Vạn. Le cult des ancetres comme une religion. // Etudes vietnamiennes. Hà Nội, № 3, 1996 и др.
- ²² Данг Нгием Ван. Глобализация: проблема защиты и развития национальной культуры Вьетнама. // Материалы конференции «Вьетнам на пороге XXI в.: проблемы и новые вызовы времени», Ханой, 2000, сентябрь. С. 6. (На правах рукописи. На вьетн. яз.).
- ²³ Đặng Nghiêm Vạn. Le cult des ancetres comme une religion. // Etudes vietnamiennes. Hà Nội, № 3, 1996.

- ²⁴ Никитин А.В. Универсальные характеристики традиционной вьетнамской мысли. // Универсалии восточных культур. М., 2001. С. 265.
- ²⁵ Langlet Ph. et Quach Thanh Tâm. Introduction a l'histoire contemporaine du Viêt-Nam (de la réunification au néocommunisme — 1975—2001). Paris, 2001. P. 179.
- ²⁶ 80 процентов вьетнамцев считают себя так или иначе приобщенными к буддизму. — Langlet Ph. et Quach Thanh Tâm. Ibid. P. 117.
- ²⁷ Langlet Ph. Et Quach Thanh Tâm. Introduction... P. 179.
- ²⁸ Одновременно это стало и хорошим бизнесом: налажена широкая продажа этих изделий в качестве сувениров для иностранных туристов.
- ²⁹ Sử học Việt-Nam với nhiệm vụ bảo tồn và phát huy di sản văn hóa dân tộc. Th. Ph. Hồ Chí Minh, 2008.
- ³⁰ Nghiên cứu Đông Nam Á. Hà Nội, 1999, №№ 4, 5; 2000, №№ 1, 2; 2001, № 1. Причем в журнале № 2 за 2000 год данной теме было посвящено целых девять статей!
- ³¹ Мосяков Д.В., Тюрин В.А. История Юго-Восточной Азии, М., 2004 г. С. 448—449.
- ³² Пресс-конференция бывшего директора Института экономики Академии наук СРВ Ле Виня на международной конференции «Евровьет-VI», Гамбург, июнь 2008 г. Запись автора данной статьи.
- ³³ Langlet Ph. et Quach Thanh Tâm. Introduction... P. 183.
- ³⁴ Langlet Ph. et Quach Thanh Tâm. Ibid. P. 179. В этой новой тенденции отчетливо прослеживается преемственность исторических традиций государственной идеологии Вьетнама XIX в., когда атеизм КПВ зачастую совпадает с так называемой позитивистской мудростью конфуцианцев, которые так же как и коммунисты, особенно не терпели различные гадания, суеверия, предрассудки и т.д., так как они вносят хаос и беспорядок в иерархически обустроенный космос и социум. — Никитин А.В. Универсальные характеристики традиционной вьетнамской мысли. // Универсалии восточных культур. М., 2001. С. 256.
- ³⁵ Langlet Ph. et Quach Thanh Tâm. Introduction... P. 176.
- ³⁶ Langlet Ph. et Quach Thanh Tâm. Ibid. P. 176.
- ³⁷ «Xưa và nay», № 42, июль 1997 г.
- ³⁸ Никитин А.В. Ук. соч. С. 265.

Традиционные формы легитимации власти в политической жизни современной Камбоджи

Неотъемлемой частью политического процесса современной Камбоджи является выборность высших органов власти, которая рассматривается в качестве главного показателя легитимности правящих элит. Летом 2008 г. в Камбодже в пятый раз проводились всеобщие выборы в Национальное собрание, которые завершились уверенной победой Народной партии Камбоджи (НПК). Правящая НПК постоянно уделяет повышенное внимание подготовке и проведению выборов, а также их соответствию международным стандартам. Весь пятнадцатилетний опыт существования Королевства Камбоджа свидетельствует о том, что эта демократическая процедура весьма импонирует правящей элите во главе с премьер-министром Хун Сенем, считающей выборы необходимым и надежным способом легитимации их власти как внутри страны, так и на международной арене.

Однако возникает вопрос о том, можно ли в Камбодже рассматривать проблему легитимности лишь с точки зрения итогов избирательных кампаний, в узкой двухмерной, рациональной плоскости — легитимный/нелегитимный. На наш взгляд, к ней следует подходить как к явлению более сложному и емкому, многоплановому и комплексному, ведь само понятие власти относится одновременно и к сфере политики и к сфере культуры.

Восприятие власти в Камбодже традиционно имело очень мощную культурно-религиозную основу, включавшую и мифологию, и религию, и ритуал, и политический опыт как таковой, что создавало особую форму и высокую степень ее авторитета. Только лишь взгляд на власть через призму традиционной культуры, позволяет понять какая именно власть, в какой степени и для кого является ценностью и каково взаимоотношение между властью и престижем, властью и моралью, властью и сакральностью. Следует признать, что в Камбодже именно традиционные источники легитимации делают власть настоящему авторитетной, наполняют ее символическим смыслом национальной ценностной системы, приводят в соответствие с массовыми стереотипами властных отношений. Обращение к традиционным формам легитимности, как правило, становится особенно актуальным в периоды быстрой политической и экономической модернизации, когда в обществе резко усиливается социально-экономическая дифференциация.

С конца 1990-х годов в Камбодже наблюдается ярко выраженное стремление руководства НПК и, прежде всего Хун Сена, к дополнительной легитимации власти через нормы и понятия традиционной политической культуры. Характерно, что все более уверенные победы Народной партии Камбоджи на выборах сопровождаются активными усилиями самого премьер-министра предстать перед страной в образе традиционного лидера, обладающего сильной энергией покровительства.

Высшим источником власти традиционного правителя в Камбодже издавна считалась его праведность, которая включала три составляющих: 1. Крупные подношения буддийской сангхе; 2. Участие в ритуальном процессе; 3. Соблюдение моральных заповедей. Все эти три признака «праведности» присутствуют в поведении Хун Сена.

Религиозную ситуацию, которая наблюдается в настоящее время в Камбодже, можно уверенно назвать буддийским ренессансом. Причем, начался он еще в 1989 г., за 4 года до образования нового государства — Королевства Камбоджи¹. Отправной точкой процесса возрождения стало публичное покаяние тогдашнего премьер-министра Государства Камбоджа — Хун Сена, который во время одного из официальных мероприятий в провинции Кампот встал на колени перед монахом и попросил прощения за то, «что правительство проводило ошибочный курс в отношении религии», подразумевая те многочисленные ограничения, которые накладывались на верующих и монахов в 1980-е гг.² Затем последовало провозглашение буддизма государственной религией в 1990 г. и создание Министерства по делам культов и религии в 1992 г. В тот период подобные шаги Хун Сена были обусловлены, прежде всего, стремлением снять с себя обвинения в «провьетнамской ангажированности» и показать, что после того как вьетнамские войска³ покинули страну, камбоджийцы смогут жить в соответствии со своими традиционными ценностями, в первую очередь — буддизмом, и он, как истинный кхмер, берет курс на их возрождение.

После 1993 г. с началом определенного экономического подъема в стране буддийский ренессанс выразился, в первую очередь, в крупномасштабном религиозном строительстве. За 15 лет в Камбодже было построено 1200 монастырей, в среднем, 80 монастырей в год⁴. Около тысячи было вновь отремонтировано. При этом нельзя не отметить поразительную щедрость, с какой Хун Сен финансирует развитие сангхи. Так, в начале 2003 г. и 2008 г. в преддверии выборов он каждый месяц открывал по 6-7 монастырей, которые были восстановлены или заново построены преимущественно за его счет. Выступая в июне 2003 г. в пагоде Чампей в провинции Кампонг Чханг, Хун Сен заявил: «Это — 46-ая пагода, которую я открываю с начала этого года»⁵. Церемонии открытия новых монастырей сопровождались дарением сангхе крупных (по местным масштабам) сумм денег в размере от 2 до 15 тыс. долл.⁶

Щедрые пожертвования на религиозное строительство не прекращались и после выборов. В 2005 г. Хун Сен выделил из личных средств 110 тыс. долл. на программу восстановления монастырей, общей стоимостью в 600 тыс. долл.⁷ В 2008 г. в монастыре провинции Кандаль он председательствовал на открытии 93 метровой статуи сидячего Будды, возведение которой обошлось более, чем в 2 млн. долл.⁸ При этом немалая часть расходов была покрыта из личных средств Хун Сена. В целом высокий уровень подношений сангхе характерен для значительной части политической элиты НПК. От премьер-министра не отстают его заместитель Сок Ан, председатель Сената Чеа Сим, бывший министр внутренних дел Хок Лунди⁹ и др. Эмблема НПК и личная монограмма Хун Сена красуются на многих пагодах страны. В храмах устанавливаются стелы с именами главных дарителей. В результате, активная поддержка буддизма верхушкой НПК стала важным элементом политического имиджа партии. По мнению американского кхмеролога Дж. Леджервуд, на всеобщих выборах 2003 и 2008 гг. НПК настойчиво позиционировала себя как «партия буддизма»¹⁰.

В кхмерской религиозной традиции именно строительство монастыря приносит наибольшее количество религиозных заслуг. Религиозная заслуга — *бон* — это тот ценностный критерий, который по-прежнему служит для основной массы камбоджийского населения важным средством идентификации себя и других, определения своего статуса в социальной иерархии, структурирования общественного поведения в целом. Чем большими религиозными заслугами обладает человек, тем более высокое место уготовлено ему в традиционной иерархии. Именно поэтому «зарабатывание заслуг» — это всегда публичный акт, особенно если это касается политических деятелей. Камбоджийский политолог Оун Пун, анализируя культурно-политические традиции кхмеров, сохранившие свою актуальность до наших дней, отмечает, что концепция религиозных заслуг по-прежнему оказывает влияние на политическую жизнь страны. «Руководители Камбоджи, — пишет он, — это люди, имеющие “заслуги”... Чем более ответственный пост занимает человек, тем большими “заслугами” он обладает. Данная установка — важнейший фактор, способствующий процветанию патернализма власть предержащих над простым народом Камбоджи»¹¹.

Храмы, построенные на деньги Хун Сена, как правило, имеют очень богатое внешнее убранство и обильно декорированы золотом, что является дополнительной демонстрацией высокого духовного и политического статуса дарителя.

Хун Сена все чаще называют, в том числе и представители буддийской сангхи, — *монух миен бон*, что подразумевает человека, обладающего большим объемом религиозных заслуг, позволяющем ему «трансформировать» общество. При этом под трансформацией подразумевается восстановление «нарушенного» традиционного — гармо-

низированного порядка, что всегда входило в функции традиционного правителя.

Хун Сен все более демонстративно позиционирует себя как патрона буддийской сангхи. Денежные подношения монашеской общине со стороны Хун Сена по своим суммам, интенсивности дарений, а главное их разрекламированности, намного перекрывают религиозную благотворительность короля, традиционного покровителя буддийского монашества.

Казалось бы, что независимо от политических амбиций Хун Сена и его соратников по партии, подобная широкомасштабная религиозная благотворительность серьезно укрепляет в обществе позиции как монашества, так и буддизма в целом, что идет на благо обществу, где в течение нескольких десятилетий насилие было нормой жизни. Однако, в реальности, социально-политические последствия столь щедрых дарений далеко не однозначны. Стремительный рост численности монастырей резко обострил проблему дефицита подготовленных монашеских кадров, особенно руководящего состава. В результате, многие храмы возглавляют слабо разбирающиеся в буддийском учении, плохо знакомые со своими обязанностями и малоавторитетные у мирян *меваты*¹², а некоторые монастыри и вовсе остались без настоятелей. По признанию сотрудников Министерства по делам религии и культов «в стране строится слишком много монастырей и лучше бы затрачиваемые на это денежные средства направить на другие нужды буддийской сангхи»¹³.

Огромные денежные вливания ведут, по общему мнению, к коммерциализации сангхи и резкому имущественному расслоению среди монастырей. Монастыри, построенные на денежные подношения политической элиты, как правило, относятся к числу очень состоятельных. Недаром в народе их прозвали «*вуат сетхей*» — «монастыри — богачи»¹⁴. Традиционно в Камбодже, как и в любой другой буддийской стране, существовала социально-имущественная дифференциация монастырей, среди которых имелись как крупные, богатые, так и бедные, захолустные. При этом имущественное положение монастыря определялось многими факторами, обуславливающими его привлекательность для верующих и «дарителей». Среди них — древность храма, наличие буддийских реликвий, собрание религиозных текстов, ученость и моральный облик монахов, выгодное месторасположение и д.т.

В наши дни финансовая состоятельность монастыря в решающей степени зависит от личных предпочтений политической элиты. Издавна в Камбодже существовало неписаное правило, что монастырь, особенно богатый, значительную часть средств тратил на обучение своих монахов и приобретение священных текстов. В современных условиях это особенно важно, так как буддийская сангха Камбоджи пока не смогла восстановить свой интеллектуальный потенциал, фактически пол-

ностью уничтоженный в период правления режима «красных кхмеров». Однако сейчас основная часть средств, полученных в качестве дарений, тратится, главным образом, на внешнее убранство храма. «В таких храмах даже подсобные помещения выложены золотом», — говорят, посмеиваясь по этому поводу, сами кхмеры¹⁵.

Внешняя роскошь современных храмов вызывает раздражение у старшего поколения камбоджийцев, в памяти которых живы воспоминания о храмовой архитектуре 60-х годов прошлого века. Они с горечью говорят о забвении культурных национальных стандартов, о «кричащем стиле» новоделов, противоречащем кхмерской религиозной традиции, для которой характерны деревянные храмы, окрашенные в мягкие приглушенные тона, со скромным, внутренним убранством¹⁶.

По мнению многих рядовых камбоджийцев, политическая элита «монополизировала» зарабатывание религиозных заслуг в своих собственных целях. Как уже говорилось ранее, именно строительство монастыря занимало верхнюю ступень в иерархии «благих деяний». Обычно денежные подношения камбоджийцев на строительство храма были невелики. Они строили монастырь «всем миром»: кто-то давал стройматериалы (песок, дерево, кирпичи), кто-то приносил рис, который использовался в качестве денежного эквивалента для обмена на недостающие стройматериалы¹⁷, кто-то сам работал на стройке. Именно такое совместное действо и порождало чувство «крестьянской солидарности» и «национального единства», воспитывало дух взаимопомощи. Кхмерская элита, придерживаясь этой традиции, жертвовала на возведение храмов незначительные суммы¹⁸, оставляя рядовым кхмерам «нишу» в зарабатывании заслуг через строительство монастыря.

В настоящее время, по утверждению многих рядовых камбоджийцев, партийные и государственные боссы — *неак тхом* — постепенно вытесняют из их духовного мира важнейшую составляющую — участие в строительстве монастыря¹⁹. Дело в том, что монастыри, в большинстве своем, не нуждаются в скромном по размеру вкладе простого кхмера. Получая крупные суммы денег от политической верхушки²⁰, они предпочитают закупать на них необходимые стройматериалы и нанимать профессиональных рабочих. Возможность быстро получить крупную сумму денег на нужды монастыря приводит к тому, что духовенство, подчас, само ищет влиятельных денежных покровителей среди правящей партии, активно зазывая их к себе, для участия во всевозможных религиозных церемониях. Как правило, монахи объясняют это тем, что приход «высокопоставленного члена НПК гарантирует им не только крупную сумму денег, но и покровительство со стороны местных властей»²¹.

Коммерциализация буддизма крайне негативно сказывается на моральном облике части буддийского монашества. Нередко миряне нелюбезно отзываются о поведении духовенства: «Сейчас монахи

изыскивают любые способы, чтобы получить деньги, и самый надежный путь — пригласить на церемонию в монастырь высокопоставленного чиновника. Сегодня многие кхмеры видят в пагоде не храм, а место, где «делают деньги»²².

Выступая в декабре 2008 г. на XVII Всекамбоджийском буддийском конгрессе, премьер-министр вынужден был признать, что в обществе растет недоверие к буддийской сангхе, так как «часть монахов используют буддизм для личного обогащения»²³. Камбоджийский политолог Чеа Ваннат, основываясь на результатах социологических опросов, указывает на рост конфликтов между мирянами и монахами, так как, по ее словам, в условиях быстрого экономического роста и влияния процессов глобализации «монахи больше думают о собственном благополучии, а не об учении Будды»²⁴.

Однако, критикуя монахов за нарушения буддийских предписаний, обвиняя их в нечестности, миряне все же продолжают их поддерживать материально, объясняя это тем, что они поклоняются не конкретному монаху, а сангхе в целом и Будде, которого она представляет. Вот, к примеру, признание одной камбоджийской крестьянки, отражающее позицию многих верующих: «Мы знаем, что монахи не всегда честны, но я все равно несу им подношения. Ведь через монаха я делаю подношение Будде. А уж честен ли монах — это его дело. Я «заработаю заслугу» даже, если монах заберет мое подношение себе, а не использует на благо храма»²⁵. Подобная религиозная практика в современной Камбодже свидетельствует об усилении прагматизма и резком ослаблении традиционно очень важной морально-этической составляющей в отношениях между монахами и мирянами.

Наглядным свидетельством снижения значимости моральных предписаний как для части духовенства, так и для мирян стало появление на улицах Пном Пеня высокопоставленных монахов в сопровождении телохранителей. Монах из крупного столичного монастыря Ват Ботум, сам пользующийся услугами телохранителя, объясняет это так: «Иногда люди не относятся к нам с той долей уважения, как того требует монашеский сан, и нападают на нас. Когда же у нас есть телохранители, мы можем чувствовать себя спокойно»²⁶. Однако, по мнению рядовых жители столицы, монахи стали пользоваться услугами охранников, так как боятся воров, потому что носят с собой дорогие мобильные телефоны и крупные суммы денег²⁷.

Щедрый денежный патронаж буддийской сангхи со стороны правящей партии во главе с Хун Сеном объективно ведет к политической ангажированности части буддийского духовенства, особенно его руководством. Так, глава сангхи Камбоджи Теп Вонг далеко не всегда соблюдает принцип невмешательства в политику, открыто отдавая предпочтение Народной партии Камбоджи. В одном из интервью газете «The Phnom Penh Post» он откровенно заявил: «...в стране есть партия-

хозяин, которая правит. Другие партии — это просто гости. Только партия-хозяин возрождает и защищает буддизм. Партии-гости разрушают национальную идентичность кхмеров»²⁸. Выступая на Всекамбоджийском буддийском конгрессе, министр по делам культов и религии Мин Кхин особо отметил вклад духовенства в победу НПК на всеобщих выборах летом 2008 г. По его словам, 20 тыс. монахов, участвовавших в выборах, проголосовали за НПК²⁹.

Активно «зарабатывая религиозные заслуги», политическая элита намеренно актуализирует концепцию кармы, которая традиционно имела широкое хождение среди рядовых кхмеров. Первенство в публичном отстаивании жизненности концепции кармы принадлежит Хун Сену, который стремится к тому, чтобы она по-прежнему формировала ценностный климат камбоджийского общества. Так, выступая на открытии очередной буддийской пагоды, Хун Сен заявил: «Существует мнение, что именно из-за того, что кхмеры верят в карму, их страна такая бедная. Но мы бедные из-за неверной политики. А как же можно не верить в карму? Мы должны верить, что наши хорошие поступки создадут нам хорошую карму»³⁰.

В своих публичных выступлениях премьер-министр нередко соотносит результаты политической деятельности разных государственных лидеров с их кармой. В качестве примера лидеров, заслуживших плохую карму своей разрушительной политикой, он называет Лон Нола и Пол Пота. Так, вспоминая режим «красных кхмеров», Хун Сен заключает: «Пол Пот разрушил религию, и какую карму он заслужил? Его постигла чудовищная смерть»³¹.

Свой же жизненный путь он представляет как пример кармы рядового камбоджийца, который достиг столь высоких политических вершин только благодаря прижизненным «заслугам». Рассмотрение жизненного пути Хун Сена в традиционных понятиях кхмерской культуры имеет важные социальные последствия. Оно несколько смягчает кармическую предопределенность человека, вселяет определенную надежду на возможность добиться ощутимых успехов уже в этой жизни, мотивирует необходимость активных действий «здесь» и «сейчас». В то же время в соответствии с кхмерскими представлениями, «заработать» такую карму своими прижизненными усилиями под силу лишь человеку, обладающему особыми способностями — умом, проницательностью, работоспособностью. Все это вместе закрепляет за Хун Сенем репутацию человека с экстраординарной жизненной энергией.

Хун Сен позиционирует себя как государственного деятеля, заботящегося о моральном облике своих подчиненных. Он призывает чиновников воздерживаться от несправедных дел, что служит залогом их хорошей кармы. Снижение уровня насилия в обществе премьер-министр напрямую увязывает с усилением влияния буддизма, который «доходит до сердца каждого». Повышение эффективности работы пра-

вительства Хун Сен объясняет тем фактом, что высокопоставленные чиновники стали более тщательно следовать принципам буддизма, который учит людей «вершить только добрые дела»³².

Хун Сен постоянно подчеркивает, что буддизм — это главный маркер национальной идентичности кхмеров. В этом отношении столь мощная поддержка буддийской сангхи со стороны премьер-министра представляет собой устойчивую демонстрацию его истинно кхмерской идентичности и патриотизма, в противовес обвинениям в провьетнамских настроениях, которые и по сей день раздаются в его адрес со стороны оппозиции.

Важнейшая составляющая образа традиционного правителя — поддержание ритуала и участие в нем. Известный ученый-кхмеролог Д. Чэндлер, анализируя правление короля Анг Дуонга (1848-1860), отмечал, что подданные традиционно оценивали короля, по тому, «как он умел организовать церемонии, связанные с определением границ сельскохозяйственного года, ритуалы по награждению чиновников статусами и должностями, а также ритуалы в отношении брахманских божеств, местных духов и буддийской сангхи»³³.

С учетом этой традиции правящие круги страны в 1990-е гг. заметно усилили внимание к всевозможным буддийским праздникам, возведя многие из них в ранг государственных. Так, *Бон катхен* и *Бон пхюм бен*³⁴ ныне официально являются выходными днями. Политическая элита во главе с Хун Сенем призывает к тщательному соблюдению церемониальной стороны праздничных торжеств и их строгому соответствию кхмерским обычаям.

Хун Сен выступил инициатором возрождения ряда добуддийских праздников, связанных с определением границ сельскохозяйственного года и будущим урожаем. Так, к примеру, носивший еще в 60-е гг. XX в. локальный характер, праздник возжигания свечей — *сомрок тиен*³⁵ — в ходе которого предсказываются сроки и обильность выпадения осадков, а значит и перспективы будущего урожая, сейчас отмечают на государственном уровне. Празднование проходит в столице около Королевского дворца, и Хун Сен — неперменный организатор и участник подобных торжеств. Иностранные журналисты на таких мероприятиях нередко задаются вопросом, верит ли сам Хун Сен в эти ритуалы? Однако главная цель участия в них Хун Сена не имеет никакого отношения к его вере или неверию. Премьеру в данном случае важно продемонстрировать качества традиционного правителя, который является «организатором жизненного пространства» своих подданных и благодаря своей праведности способен посредством специальных ритуалов «усмирять» духов вод и земли, направляя их силы на процветание страны.

Праздник поминовения усопших — *Бон пхюм бен* — камбоджийцы отмечают, как того требует традиция, пятнадцать дней. В течение

этих двух недель они еще до рассвета — в 4 — 5 часов утра приносят в храм угощения, специально приготовленные для душ своих умерших родственников, а вечером вновь приходят в храм, чтобы до глубокой ночи слушать заупокойные молитвы монахов. Столь длительные праздничные торжества, подчас, вызывают определенную озабоченность у работающих в Камбодже западных экономических экспертов, отмечающих «неспособность камбоджийцев соотнести свои культурные традиции с реальностью современного мира»³⁶. Указывая на резкое падение производительности труда в ходе двухнедельных праздников, они советуют кхмерам «в интересах экономического развития страны сократить празднование Бон пхтюм бена до одного дня»³⁷. Однако с каждым годом Бон пхтюм бен отмечается все с большим размахом. Кхмеры твердо убеждены, что именно церемонии, совершаемые ими в честь духов усопших, гарантируют спокойствие и процветание камбоджийского общества в будущем³⁸. Камбоджийцы признаются, что им «приятно уже с раннего утра видеть толпы людей в храмах»³⁹.

Как для политической элиты, так и рядовых камбоджийцев праздники являются удобным поводом продемонстрировать свою приверженность буддизму и кхмерским традициям. По неофициальным данным Министерства по делам культов и религии на организацию Праздника Воды⁴⁰ правительство ежегодно тратит около 400 тыс. долл., а подношения сангхе во время празднования Бона катхена превышают 6 млн. долл.⁴¹

В традиционном кхмерском обществе иерархическая значимость чиновника определялась титулом, которым его награждал правитель. Система титулов была очень разветвленной и сложной. Обращение к чиновнику только по имени без полного титула каралось высоким штрафом. С восстановлением монархии в 1993 г. были возрождены и ее функции по награждению чиновников титулами, в чем явно прослеживается стремление к сакрализации властных структур. Численность носителей высших титулов в настоящее время значительно расширилась не только по сравнению с годами правления Н. Сианука, но даже с доколониальным и колониальным периодами. Так, титул *самдеть* (его величество) — высший титул в феодальной Камбодже, где его обладателями были не более 5 человек, как правило, наиболее авторитетные члены королевского дома, занимавшие важные административные посты, и особо выдающиеся главы буддийской сангхи, сейчас имеют более десятка чиновников. И их число входят: сам Хун Сен, а также председатель Народной партии Камбоджи, председатель Сената Чеа Сим, и почетный председатель НПК, председатель Национального собрания Хенг Самрин. В конце 2007 г. Хун Сен был награжден еще одним титулом XIX в. — *самдеть акке моха сена падей тетьо* — могущественный военачальник. Слово — тетьо, которое переводится как могущественный, в кхмерском языке подразумевает могущество, ос-

нованное на авторитете. Столь высокий титул означает признание королем особых государственных заслуг премьер-министра.

Традиционно значимость титула отражалась и в его длине. Сейчас Хун Сен имеет титул по количеству составляющих его элементов, равный титулу короля-отца Нородома Сианука. Комментируя свое награждение, Хун Сен, в частности, сказал: «Я не мог даже мечтать о таком высочайшем титуле, который даровал мне король, титул, которым не награждался ни один камбоджийский чиновник в XX в. Я совершил невероятное восхождение от храмового мальчика⁴² до “тетью”⁴³. Так как единственным носителем этого титула в стране является Хун Сен, то его часто называют просто самдеть тетью⁴⁴, а такое раньше было позволительно только в отношении Н. Сианука, которого в 1960-е гг. называли *самдеть аэ* — (папа-принц). Одновременно с Хун Сенем высокими титулами XIX в. король награждал еще двух партийных боссов НПК — Чеа Сима и Хенга Самрина.

Сам Хун Сен не может даровать титулы, так как это право принадлежит только королю, но он выступает инициатором награждения традиционными титулами. Так, в 2006 г. по его предложению главе буддийской сангхе — Теп Вонгу, преданному стороннику премьер-министра, был дарован титул «Великий верховный патриарх», титул, введенный в 1857 г. королем Анг Дуонгом и впоследствии упраздненный французами⁴⁵. Возрождение религиозного титула времен Анг Дуонга достаточно символично, так же как и то, что Хун Сен много жертвует на восстановление монастырей в окрестностях старой столицы Удонга. В этом просматривается стремление Хун Сена соотнести свою деятельность в религиозной сфере с реформами Анг Дуонга по возрождению буддийской сангхи.

В 2003 г. пресс-служба премьер-министра выступила с официальным заявлением о том, что «Хун Сен — не королевской крови». Позднее разъяснили, что подобное заявление понадобилось потому, что «многие кхмеры считают Хун Сена реинкарнацией самого великого Ангкорского монарха Джайявармана VII»⁴⁶. Крайне сомнительно, что подобное мнение действительно имело хождение среди населения. Скорее опровержение имело своей целью, во-первых, заронить эту идею среди кхмеров, а во-вторых, показать, что роль традиционного правителя может выполнять человек не королевского происхождения. Впоследствии Хун Сен неоднократно в публичных выступлениях прямо или косвенно «намекал» камбоджийцам, что часть из них ставит его вровень с Джайяварманом VII и Нородомом Сиануком. Так, в 2008 г. во время посещения Технологического института, премьер сказал: «Группа студентов выступила с инициативой присвоить мне титул Великого государственного деятеля. Я был этим просто шокирован и объяснил им, что такого титула достойны правители уровня Джайявармана VII и Нородома Сианука»⁴⁷.

Стремление премьер-министра соотнести себя с кхмерскими монархами прослеживается и в очевидном копировании им манеры политического поведения Н. Сианука в 50–60-е гг. XX в. Как и Н. Сианука, Хун Сена отличает необыкновенная мобильность (постоянные поездки по стране, способность в течение одного дня оказываться в разных провинциях страны). По примеру Н. Сианука, Хун Сен лично присутствует при введении в строй даже самых малых экономических или социальных объектов, (мостов, дорог, каналов, медпунктов, школ и т.д.) и участвует во всех сколь-либо значимых мероприятиях государственного уровня. Выступая на открытии буддийской пагоды в провинции Такео в начале июля 2003 г. премьер сказал, что за полгода он совершил 83 рабочих поездки по стране. Следует заметить, что такая интенсивность встреч с населением сохраняется на протяжении всех пятнадцати лет пребывания у власти в Королевстве Камбоджа⁴⁸. В среднем в месяц у Хун Сена бывает около 15 поездок по провинциям. Примечательно, что в его бытность на посту премьер-министра Народной Республики Кампучия в 1985–1989 гг. подобный стиль руководства был для него нехарактерен.

Хун Сен подражает и сиануковской манере общения с населением. Как Н. Сианука в 1960-е гг., Хун Сена сейчас можно увидеть по колено в воде на рисовом поле, с лопатой в руке на строительстве канала, с банкой, собирающим сок гевеи, везущим старика в инвалидной коляске, спускающимся на вертолете посреди кхмерской деревни и всегда в обнимку с простыми камбоджийцами. Подобно Н. Сиануку, Хун Сен виртуозно овладел тщательно разработанной социальной риторикой на тему «маленького человека». Премьер постоянно публично подчеркивает, что «говорит с кхмерскими крестьянами на одном языке» и что «только бедные могут понять бедных», подразумевая, что он сам выходец из бедной крестьянской семьи. В своих выступлениях Хун Сен часто вспоминает детство, когда родители отдали его в храм, а положение «храмового мальчика» у кхмеров ассоциируется с бедностью и многодетностью. Хун Сен призывает своих соратников по партии никогда не забывать «вкус бедности»⁴⁹.

Хун Сен блестяще использовал «политический конек» Н. Сианука — благотворительность, в частности, строительство за свой счет объектов социального назначения (школ, библиотек, больниц, ирригационных сооружений), которые называют его именем. В прежние времена в Камбодже было принято присваивать различным учреждениям социального назначения имена видных кхмерских монархов и, в отдельных случаях, членов королевской семьи. Теперь же Хун Сен опережает королевскую семью, как по суммам благотворительных вкладов, так и по числу объектов, носящих его имя. Так, в 1998 г. личные подарки Хун Сена, выделенные на развитие социальной сферы оценивались в 25 млн. долл.⁵⁰ Согласно данным его пресс-службы, только за

один месяц 2004 г. личные подарки Хун Сена составили 170 тыс. долларов наличными, 58 школьных зданий, 5 мостов, 400 т. риса, 130 тонн цемента, 320 швейных машин, а также всевозможная техника: компьютеры, принтеры, телевизоры⁵¹.

Как при Н. Сиануке, так и при Хун Сене наблюдается безмерная персонификация любых достижений страны. Все успехи в экономической, социальной и внешнеполитической сферах связываются только с личным вкладом премьера. Это облегчает насаждение в массах идеи о неспособности какого-либо другого политического деятеля возглавить государство в случае ухода Хун Сена с поста премьер-министра и опасности в связи с этим вакуума власти, чреватой утратой политической стабильности и снижением темпов экономического роста.

С начала 2000-х гг. в Камбодже можно заметить постепенное возвышение жены премьера — Бун Рани. В последние 3-4 года она сопровождает Хун Сена во время большинства его встреч с населением. Все чаще они совместно выделяют личные средства на финансирование социальной сферы, а построенным объектам наряду с именем премьера, присваивается и ее имя. Символично, что она возглавляет «Красный крест», который в прежние времена возглавляла супруга Народома Сианука — Моник Сианук — теперешняя королева-мать. В последнее время в сферу общественных интересов первой леди страны все чаще попадают нормы общественной морали, традиционным блюстителем которых является король. Бун Рани выступает с резкой критикой добрых сексуальных отношений, призывает убрать с телевидения слишком сексуально одетых ведущих, провести инспекцию всех ночных клубов и т.д. Она — постоянный участник ежегодных конференций, которые проводит Национальный комитет по продвижению моральных ценностей. Социальная активность Бун Рани сравнима только с общественной деятельностью Моник Сианук в 50–70-е гг. XX в.

Наконец, Хун Сен подобно Н.Сиануку стремится предстать перед обществом разносторонней личностью. Общеизвестно, что Н.Сианук — художественно одаренная натура. Он писал сценарии к фильмам, выступал в качестве режиссера и сочинял музыку. В 1967 г. на Московском кинофестивале за музыку к фильму «Тень над Ангкором» он получил почетный приз. В 1990-е гг. Хун Сен начал писать песни, которые, как правило, социально ориентированы⁵². Рассказывая в них то о «храмовом» периоде своего детства, то о страданиях жены, разлученной с мужем при «красных кхмерах», то о возведении моста в провинции Кандаль, он постоянно подчеркивает тесную связь своей личной жизни с судьбой страны.

Тяга Хун Сена к традиционным формам легитимации власти объясняется как объективными, так и субъективными факторами. В первую очередь, это — склонность преобладающей части политической элиты к абсолютизации традиционных составляющих политической культу-

ры, таких как — патронажно-клиентельные отношения, патерналистский характер верховной власти, система статусной иерархии, приверженность концепции кармы и их консервации в качестве основы отношений между властью и гражданами. Премьером также движет желание сохранить поддержку той, достаточно значительной части сельского электората, которая испытывает сильную приверженность традиционным ценностям.

Обращаясь к многовековому культурно-религиозному наследию в условиях новой социально-экономической и политической реальности, Хун Сен рассчитывает в какой-то мере смягчить последствия от стремительной вестернизации (пусть даже довольно поверхностной), которой подверглась страна за последние годы, и тем самым несколько погасить социальное недовольство в обществе, а также противостоять влиянию процессов глобализации, размывающих национальную самобытность.

Нельзя не учитывать и личные амбиции Хун Сена, в частности, его желание персонифицировать все политическое пространство страны, как это когда-то удавалось Н.Сиануку. Достичь подобной цели только через демократическую процедуру выборов в камбоджийском обществе едва ли возможно, для этого необходимо использовать ценностные установки традиционной политической культуры, сохраняющие высокий авторитет у населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Королевство Камбоджа образовано в сентябре 1993 г.

² Преах Бхикху Водано Сопхан. История кхмерского буддизма. Пном Пень. 2005 (на кхмерском языке).

³ В 1979–1987 гг. на территории Камбоджи находилось около 150 тыс. вьетнамских войск, вывод которых осуществлялся поэтапно и окончательно завершился в 1989 г.

⁴ Buddhism in Cambodia. // Cambodia Report. Special Issue. Vol. II, N.2, 1996; The Phnom Penh Post, 18.12.2008.

⁵ Hun Sen. Selected Address at the Inauguration of a Buddhist Temple in Pagoda of Champei Kompong Tralach District, Kompong Chhnang Province. 21.06.2003. // www.cnv.org.kh

⁶ Подсчитано по материалам: www.cnv.org.kh

⁷ Harris I. Entrepreneurialism and charisma. // Expressions of Cambodia. Ed. Leakthina Chau-Pech Ollier and Winter T. London and New York, 2006. С. 174.

⁸ Hun Sen. Selected Comments at the Inauguration of the Buddhist Statue in the Tuol Prah Raja Pagoda in Kandal Province. 27.02.2008. // www.cnv.org.kh

⁹ Хок Лунди умер в ноябре 2008 г.

¹⁰ См.: Ledgerwood J. Ritual in 1990 Cambodian Political Theatre. // At the Edge of the Forest. Ithaca, New York. 2008, С. 215.

¹¹ Оун Пун. Противоречия и трудности продвижения Камбоджи по демократическому пути. Пном Пень. 1993 (на кхмерском языке). С. 7.

¹² Меват — глава монастыря; См.: Pong Pheakdey Boramy. The Practice of Cambodian Buddhism before the 1970 and Today. A Comparative Case Study of Tep Pranam Pagoda. Phnom Penh. 2004.

¹³ Ledgerwood J. Buddhist Practice in Rural Kandal Province, 1960 and 2003. // People of Virtue. Ed. Kent A. And Chandler D. Copenhagen. 2008. С.159.

- ¹⁴ Pong Pheakdey Boramy. *Op. Cit.*, С. 42.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Kent A. Purchasing power and pagodas: The Sima monastic boundary and consumer politics in Cambodia. // *Journal of Southeast Asian Studies*, N 38, 2007. С. 344.
- ¹⁷ В 60-е годы XX века во многих кхмерских монастырях создавался так называемый «строительный фонд», средства которого монахи использовали на ремонт, реконструкцию или расширение монастыря. Как правило, крестьяне после сбора урожая делали вклад в этот фонд рисом.
- ¹⁸ См.: Бектимирова Н.Н. Буддийская сангха в независимой Кампучии. М., 1981.
- ¹⁹ Kent A. *Op. Cit.*, С.348-349.
- ²⁰ Следует отметить, что значительные средства на храмовое строительство поступают также из кхмерских диаспор из-за рубежа. Часто богатые кхмеры-эмигранты, желая помочь стране, хотя и видят наглядное применение своим пожертвованиям и выделяют деньги на сооружение конкретного монастыря.
- ²¹ См.: Kent A. *Op. Cit.*
- ²² Kent A. *Op. Cit.*, С. 350.
- ²³ The Phnom Penh Post. 18.12. 2008. В своем выступлении, не называя имен, Хун Сен привел в пример факт, когда настоятель монастыря на денежные подношения мирян купил себе автомобиль.
- ²⁴ The Phnom Penh Post. 19.12.2008.
- ²⁵ Nissen Ch.J. Buddhism and Corruption. // *People of Virtue*. С. 285.
- ²⁶ The Phnom Penh Post. 22.09.2008.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ The Phnom Penh Post. 15-28 December, 2006.
- ²⁹ The Phnom Penh Post. 19.12.2008.
- ³⁰ Hun Sen. Selected Address during Inauguration of the Buddhist Temple in the Prey Rumduol Pagoda, Svay Teap District, Svay Rieng Province. 13.01.2003.// www.cnv.org.kh
- ³¹ Hun Sen. Selected Address at the Inauguration of a Buddhist Temple of the Chak Andet Pagoda Bati District, Takeo Province. 16.03.2003. // www.cnv.org.kh
- ³² Hun Sen. Selected Comments at the Inauguration of the Buddhist Hall in Pagoda of Sovanmuni of Phnom Penh. 07.04.2006. // www.cnv.org.kh
- ³³ См.: Chandler D. Facing the Cambodian Past: Selected Essays 1971-1994. Chiang Mai, 1996.
- ³⁴ Бон Пхтюм Бен — праздник поминовения усопших; Бон Катхен — крупнейший буддийский праздник, во время которого традиционно собирают средства на нужды сангхи.
- ³⁵ В ходе церемонии на бамбуковые палки привязывают крупные восковые свечи, и по очертаниям расплавленного воска, ачарья предсказывает перспективы выпадения осадков и будущего урожая. В церемонии участвуют баку, которые читают заклинания о ниспослании дождя, обращенные к брахманским божествам.
- ³⁶ The Phnom Penh Post. 12-25 October, 2001.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Кхмеры считают, что души людей, умерших насильственной смертью, а также тех, чьи тела по какой-либо причине не были кремированы в присутствии монахов, могут вернуться и мстить живым, насылая на них всевозможные невзгоды. Данные поверья кхмеров приобрели особую актуальность после правления режима «красных кхмеров», когда погибло более 1,5 млн. человек. Многие камбоджийцы напрямую связывают рост криминогенной обстановки в стране с «возвращением» душ убитых при «красных кхмерах». Примечательно, что бывшие руководители режима «красных кхмеров», в частности, Нуон Чеа и Кхиеу Самфан, которые в настоящее время находятся под стражей и выступают в качестве обвиняемых в преступлениях против человечности, оказались «большими приверженцами» этого праздника, упраздненного ими же в период нахождения у власти. Так, родственники Нуон Чеа и Кхиеу Самфана обратились к властям с просьбой отпустить их домой на время праздников, чтобы они смогли сходить в пагоду и отметить Бон протюм бен, который, по словам родных, Нуон Чеа и Кхиеу Самфан регулярно отмечали до их ареста.

- ³⁹ The Phnom Penh Post. 23 September — 6 October, 2005.
- ⁴⁰ Праздник Воды празднуется в начале ноября и посвящен повороту вод реки Тонлесап.
- ⁴¹ The Phnom Penh Post. 16–29 October, 1998.
- ⁴² Хун Сен в детстве в течение года жил в монастыре в качестве храмового мальчика. Традиционно бедные многодетные семьи, не имеющие возможности отдать ребенка в школу, отправляют его на какое-то время в монастырь, где он находится на содержании у монахов и получает начальное образование.
- ⁴³ Hun Sen. Selected Comments at the Inauguration of Female Dormitory at the Cambodian Institute of Technology. 12.12.2007. // www.cnv.org.kh
- ⁴⁴ См.: Росмей Кампучия (на кхмерс. яз.)
- ⁴⁵ Бектимирова Н.Н., Дольникова В.А. Альтернативные пути демократизации на примере Камбоджи и Таиланда. М., 2009. С. 140.
- ⁴⁶ См.: Ledgerwood J. Ritual in 1990..., С. 219.
- ⁴⁷ Hun Sen. Selected Comments at the Inauguration of Female Dormitory at the Cambodian Institute of Technology. 12.12.2007. // www.cnv.org.kh
- ⁴⁸ Хун Сен занимает пост премьер-министра Королевства Камбоджа с 1993 г. В 1985–1990 гг. занимал пост премьер-министра Народной Республики Кампучии, в 1990–1993 гг. — премьера Государства Камбоджа.
- ⁴⁹ Hun Sen. Selected Comments at the First Meeting of the Fourth Legislature Cabinet. 26.12.2008. // www.cnv.org.kh
- ⁵⁰ Бектимирова Н.Н., Дольникова В.А. Камбоджа и Таиланд: тенденции политического развития. М., 2007. С. 85.
- ⁵¹ См.: www.cnv.org.kh
- ⁵² Он является автором более ста песен.

Дольникова В.А.,
Липилина И.Н.

Кризис власти в Таиланде: политические и социальные особенности

Политический кризис 2006–2009 гг. в Таиланде, отмеченный небывалым обострением политической борьбы и открытым столкновением противоборствующих сил, фактически расколовшим общество, резко выделяется на фоне реалий политической жизни последних десятилетий и выходит далеко за рамки таиландских традиционных форм выражения недовольства существующей властью. Причем возник он после довольно продолжительного периода сохранения относительной политической стабильности, когда в условиях модернизации экономики и существенных сдвигов в политической сфере уже с начала 1990-х гг. наметилась устойчивая тенденция постепенной демократизации политической системы, укрепления парламентских институтов, повышения роли политических партий и общественных организаций. На волне этих процессов стали возможны изменения в расстановке общественных сил и приход к власти одного из наиболее успешных представителей крупного бизнеса Таксина Чиннавата и созданной им партии «*Тхай рак тхай*» (ТРТ)¹, деятельность которых и явилась причиной возникновения современной кризисной ситуации².

Образование этой партии в конце 1990-х гг. происходило в условиях выхода страны из финансовых потрясений 1997 г., когда еще сильны были чувства разочарования в деятельности сформированного Демократической партией правительства, не сумевшего предотвратить резкий спад в экономике и допустившего, по мнению определенных националистически настроенных предпринимательских кругов, излишнее вмешательство в разработку антикризисных мероприятий иностранного капитала и международных организаций. Лозунги и политическая риторика ТРТ затрагивали наиболее актуальные проблемы того времени и соответствовали настроениям и надеждам самых широких слоев населения.

Программа партии определяла как долгосрочные экономические задачи, включающие развитие финансового рынка и различных форм национального предпринимательства, реструктуризацию финансов и образовавшейся в годы кризиса государственной и частной задолженности, приватизацию части государственных предприятий, так и широкообещающие популистские меры, которые и обеспечили ей мас-

совую поддержку на общенациональных выборах. Эти меры включали и программу «деревенских фондов», в соответствии с которой государство выделяло на поддержку деревни значительные финансовые средства³, и снижение стоимости медицинских услуг для низкодоходных групп городских и сельских жителей, и борьбу с потреблением наркотиков и наркоторговлей, и некоторые другие социальные мероприятия, способствующие повышению уровня и качества жизни населения.

Успех партии в значительной мере был также связан с популярностью ее лидера, Таксина Чиннавата — подполковника полиции в отставке, доктора криминалистики, магистра информатики, владельца крупнейшей в ЮВА телекоммуникационной империи «Chinnavat Corporation». Высокий уровень профессионализма и успехи Таксина в организации крупного бизнеса вызвали уважение избирателей и порождали надежды на его успешную деятельность в качестве главы правительства. Его предвыборные обращения к широкому кругу тайландской общественности, умение находить контакт с представителями различных социальных групп, ораторское искусство, постоянные выступления в СМИ и поездки по стране — во многом способствовали успеху предвыборной кампании возглавляемой им партии⁴.

В результате партия ТРТ одержала убедительную победу на выборах 2001 г., получив 40,6% мест в парламенте, а после слияния с партией *Серитхам* (партии Свободы), принесшей ей дополнительно 14 мест и обеспечившей большинство в парламенте, смогла сформировать правительство, которое возглавил ее лидер — Таксин Чиннават. Позже к ней присоединились партия «*Кхуам ванг май*» (Новой надежды) и «*Чат паттхана*» (Национального развития), и в результате на долю возглавляемой ею коалиции приходилось 327 из 500 депутатских мест. Кроме того, одна из старейших и влиятельных партий — *Чат тхай* (Национальная), получившая 41 место в парламенте, формально не вошла в коалицию, но фактически поддерживала ее по всем принципиальным вопросам. Находившаяся у власти к моменту проведения выборов, партия *Прачатхунат* (Демократическая) получила 128 мест. Прочное большинство в парламенте создавало условия, при которых правительство Таксина могло осуществлять свою деятельность без опасений, что те или иные его решения могут быть заблокированы оппозицией в лице Демократической партии⁵.

Популярность ТРТ постоянно росла, и неуклонно увеличивался ее численный состав. Существуют различные оценки количества ее членов: от 1 млн. в период ее формирования до 3,82 млн. человек в 2001 г. К концу 2005 г. ее численность определялась в пределах от 8,5, а, по некоторым источникам, и до 15 млн. человек. При этом примерно 2,5 — 3 млн. из них сохраняли свое членство в других партиях⁶. Ее победа на выборах была обеспечена популистским характером выдвигаемых лозунгов, гигантскими финансовыми затратами и активными ме-

тодами воздействия на избирателей с использованием современных форм предвыборной борьбы.

Разработанная новым правительством программа, продолжая намеченную предыдущим кабинетом линию на преодоление последствий кризиса конца 1990-х гг., оказалась весьма успешной. Она способствовала увеличению темпов роста ВВП с практически нулевых показателей в 1997-1999 гг. до 6,7% в 2004 г. и 6,1% в 2005 г., сокращению внешней задолженности (доля внешнего долга в ВВП сократилась с 60% до 31%, а коэффициент его обслуживания с 21 до 10%) и значительному росту частных инвестиций⁷. К 2005 г. практически полностью была реконструирована финансово-банковская система страны и увеличились объемы кредитования частного сектора. Постепенно восстанавливалось доверие к экономике Таиланда как внешних, так и внутренних инвесторов и повышалась степень ее конкурентоспособности в масштабах региона Юго-Восточной Азии и мирового хозяйства в целом.

Уже на протяжении первых лет стали проявляться результаты тех мер, которые были направлены на повышение уровня и качества жизни малообеспеченных групп населения. Так, финансируемые правительством банки давали крестьянам возможность получить трехлетнюю отсрочку на выплату имеющейся у них задолженности или ликвидировать ее по пониженным процентным ставкам. Создаваемые на местах комитеты предоставляли населению займы за счет выплачиваемых правительством средств. Эта схема распространялась не только на крестьян, но и на низкодоходные группы городского населения. Одновременно началась реализация программы по предоставлению дешевых медицинских услуг населению: уже к маю 2003 г. ею смогли воспользоваться 46,6 млн. человек. В стране началась широко освещаемая в СМИ настоящая «борьба» с бедностью, в которой премьер, обладавший неординарными данными публичного политика, принимал самое активное участие. Эта кампания принесла определенные положительные результаты. По официальным данным, за период 2000-2003 гг. доля населения, получавшего доходы ниже официальной границы бедности, сократилась с 13,5 до 8%. Уже одно это обстоятельство, безусловно, создавало позитивный имидж оказавшимся у власти политическим силам и обеспечивало им поддержку многочисленных групп населения страны⁸.

Приход к власти правительства Таксина отражал серьезные изменения в структуре таиландского бизнеса. В условиях преодоления последствий экономического кризиса и реорганизации финансовой и банковской системы значительно укрепились позиции крупнейшей корпорации страны. Представители этих структур стали проявлять все больший интерес к участию в политической деятельности. Они активно боролись за власть, используя при этом эффективные современные

политтехнологии. Однако, если в экономике Таксин и руководство ТРТ продолжали начатый прежним правительством курс на интенсивное развитие и модернизацию хозяйства и поощрение не только крупного, но и среднего и мелкого предпринимательства, то в политической сфере они постепенно отходили от укрепившихся в 1990-е гг. либерально-демократических принципов. В характере их руководства и деятельности постепенно начинают проявляться некоторые авторитарные черты, и прежде всего это касалось самого Таксина. Он все более настойчиво демонстрировал намерение управлять страной как одной из структур крупного бизнеса с присущим ей принципом единоначалия и безоговорочным исполнением принятых решений. В публичных выступлениях Таксин начал отождествлять себя с Генеральным директором, выполняющим функции по управлению корпорацией — государством. Это стремление к отождествлению государства с собственной корпорацией даже получило в оппозиционно настроенных к Таксину кругах определение «таксинизации» страны⁹. Подобные притязания Таксина на роль высшего менеджера противоречили традиционным представлениям тайцев о верховной власти, в основу которой были положены моральные принципы и ассоциировались прежде всего с личностью монарха. Этим воспользовались недовольные его политикой круги, которые стали обвинять его в излишней прагматичности и неуважении к королю.

Со временем авторитарный стиль в характере деятельности премьера все более усиливался, несмотря на то, что сама победа Таксина стала возможна именно благодаря усилению в тайландском обществе на протяжении предшествующего десятилетия либерально-демократических тенденции и постепенному и мучительному отходу от авторитаризма. Таксин Чиннават практически подчинил себе деятельность новых независимых политических институтов, созданных на основе конституции 1997 г. На правах главы исполнительной власти Таксин под лозунгом реформирования административного аппарата значительно усилил власть над бюрократией и получил возможность выдвигать преданных ему людей на ведущие позиции в наиболее важных государственных структурах¹⁰.

Целый ряд печатных изданий, телевизионных каналов и определенная часть телекоммуникационной системы страны оказалась под контролем или испытывали значительное давление со стороны правительства и поддерживающих Таксина предприятий корпоративного бизнеса. Последние, как правило, находились в сфере влияния или практически принадлежали членам семьи действующего премьера. Все это не могло не вызывать недовольства со стороны тайландской интеллигенции, определенных военно-бюрократических кругов и самого короля Пхумипона Адульядета. Усилилась критика деятельности Таксина со стороны оппозиционных политических сил, прежде всего

Демократической партии, которая стала все сильнее звучать как в стенах парламента, так и на страницах неподконтрольных ТРТ СМИ. Недовольство в обществе вызывало использование Таксином и членами его семьи властных полномочий для укрепления собственного бизнеса и допускаемые им злоупотребления своим положением¹¹. Коррупционные скандалы, неспособность правительства стабилизировать положение в южных провинциях страны и ликвидировать действовавшие в этих районах террористические исламистские группировки¹², многочисленные нарушения закона со стороны властей, повлекшие значительные человеческие жертвы при проведении мероприятий в рамках борьбы с наркотиками — все это настраивало общественное мнение против правительства и самого Таксина. В то же время с его стороны предпринимались попытки пресечения открытых выступлений в СМИ против него и возглавляемого им правительства¹³.

В таких условиях неоднократно возникала угроза роспуска парламента, однако Таксин до некоторого времени находил способы не допустить этого и продолжал проводить политику укрепления исполнительной власти при сохранении парламентских институтов. При этом он стремился сохранять определенный демократический имидж, и это позволяло ему опираться на поддержку различных кругов таиландского общества¹⁴.

Несмотря на возрастающую негативную реакцию со стороны различных социальных и политических групп на деятельность Таксина, популярность премьера и возглавляемой им партии в сельских районах оказалась столь мощной, что обеспечила ему абсолютную победу на очередных парламентских выборах в феврале 2005 г. ТРТ получила 61% депутатских мандатов, то есть 377 из 500 мест в парламенте. На долю партии *Прачатхипат* (Демократической) приходилось 18%, *Чат мхай* (Национальной) — 11,4%, *Махачон* (партия Великого народа) — 8,3% мест¹⁵. Впервые в истории парламентаризма в Таиланде у премьера появлялась возможность с опорой на созданный из его соратников однопартийный кабинет продолжить укрепление исполнительной власти и сохранить руководящие позиции в подчиненных ему бюрократических структурах. Однако именно это и подтолкнуло оппозиционно настроенные к Таксину силы к объединению и активизации своих действий, что в свою очередь привело к обострению политической борьбы, последствия которого не преодолены вплоть до настоящего времени.

Непосредственным поводом для начала массовых выступлений послужила продажа Таксином значительного пакета акций принадлежавшей ему корпорации Shin Corporation на сумму \$ 1,9 млрд. сингапурской компании, причем сделка была совершена без уплаты налогов в государственную казну. Первое выступление оппозиции состоялось 4 февраля 2006 г. по инициативе Сонтхи Лимтхонкуна, медиамагната, руководителя одного из крупнейших и влиятельнейших издатель-

ских домов «*Пхутяткан*», который незадолго до этого входил в ближайшее окружение Таксина. Под лозунгами «Спасения отечества» на улицу вышли около 50 тыс. человек с требованиями отставки правительства. В ходе этих протестных выступлений складывается постоянно действующее массовое объединение *Пхантхамит праачон пхья прачатхипатай* (Альянс народа за демократию)¹⁶. Эта структура, не являясь политической партией, создавалась как одна из многих действующих в Таиланде неправительственных организаций. В состав его руководства вошли самые разные по своему социальному положению и политическим взглядам деятели. Ведущую роль в этом объединении, помимо Сонтхи Лимтхонкуна, стал играть присоединившийся к Альянсу Тямлонг Симьянг, бывший мэр Бангкока, основатель партии *Пхаланг тхамм* (Справедливой силы), лидер массовых народных выступлений против восстановления режима военной диктатуры в начале 1990-х гг. В состав руководителей Альянса также вошли Сомсак Косайсук, глава профсоюза государственных предприятий, наиболее яркий противник политики Таксина по вопросу приватизации энергетического хозяйства страны; Пхипхон Тхонгчай, известный общественный политический деятель, последовательный сторонник демократического развития страны, глава многочисленных фондов и общественных организаций, в том числе Комитета за демократию, и Сомкиат Пхонгпхайбун — координатор деятельности Альянса на периферии, где начинают создаваться собственные структуры и проводятся самостоятельные протестные акции¹⁷.

Массовая база Альянса также была весьма неоднородной. В него входило около 30 общественных организаций, отражавших интересы различных слоев населения, ряд известных общественных деятелей, представители военно-бюрократических кругов, члены королевской семьи и близкие к королю группы. Таким образом, спектр политических взглядов представленных в этом объединении сил, включал, как наиболее консервативные, так и либерально-демократические позиции. Причем с самого начала руководство Альянса видело в растущей популярности Таксина угрозу незыблемости института королевской власти в стране, поэтому в качестве основного лозунга они выдвигали поддержку короля Пхумипхона Адульядета, что обеспечило вовлечение в борьбу против правительства Таксина многочисленных групп населения¹⁸.

Значительную роль в придании выступлениям Альянса демократического характера сыграло участие в нем такого последовательного борца с военной диктатурой как Тямлонга Симьянга и его поддержка со стороны ряда руководителей Демократической партии. Находясь на положении оппозиционной фракции в парламенте, именно эта партия инициировала запрос в Конституционный суд о легитимности совершенной семьей Таксина сделки по продаже принадлежавшей ей ком-

паний¹⁹. Судебные разбирательства по этому запросу были назначены на конец февраля 2006 г. Однако 24 февраля, не дожидаясь рассмотрения дела, Таксин распустил парламент и назначил новые выборы на апрель. Тем временем выступления противников Таксина продолжали нарастать, чему во многом способствовала активная организационная и финансовая деятельность Альянса²⁰.

Демократическая партия заявила об отказе участвовать в выборах. В знак протеста против роспуска парламента ее поддержали Национальная и партия Великого народа, которые ранее выступали союзниками ТРТ. В такой напряженной обстановке победу на выборах вновь одерживает ТРТ. Она получает 61,1% голосов и лидирует в Северном, Северо-Восточном и Центральном (за исключением Бангкока) районах. В Столичном округе и на Юге, где наиболее прочные позиции занимала Демократическая партия, выборы оказываются практически сорваны, так как среди поданных там бюллетеней преобладают бланки с пометкой «не голосовал». В результате, партии, бойкотировавшие выборы, подают в суд петицию о признании выборов недействительными, а ТРТ в свою очередь обвиняет эти партии в срыве голосования и нарушении закона²¹.

Тем временем протестные выступления не только на улицах Бангкока, но и во многих провинциальных городах набирали такую силу, что представляли серьезную угрозу для сохранения политической стабильности в стране. Пользуясь поддержкой своих многочисленных сторонников, Альянс объявляет о бессрочной манифестации, которая может прекратиться только после ухода Таксина в отставку. В последовавшем за этим телевизионном выступлении Таксин выразил готовность, несмотря на абсолютную победу, во имя сохранения политической стабильности и единства нации пойти на уступки. Он заявил, что временно уходит от дел и передает полномочия премьер-министра своему заместителю Чатчаю Ваннасатхи²².

Накал массовых выступлений в результате такого шага несколько снижается, однако Альянс по-прежнему настаивает на выдвигаемых им требованиях. Тем временем по запросу политических партий о законности прошедших выборов Конституционный суд удовлетворяет иск и назначает новые выборы на октябрь 2006 г.

В этот период при некотором спаде митинговой активности масс в ряде близких к Альянсу СМИ развертывается полномасштабная кампания, призванная подорвать доверие к Таксину среди тех слоев населения, которые и составляли его опору на протяжении всех этих лет — то есть не искушенных в перипетиях политической борьбы, но глубоко и искренне преданных королю и монархии рядовых граждан. Против Таксина выдвигают обвинения в неуважении к королю и в антимонархических устремлениях и действиях. В частности ему пытаются инкриминировать участие совместно с бывшими руководителями Ком-

мунистической партии Таиланда (КПТ) в разработке планов по свержению монархии и установлению «коммунистической» республики при сохранении авторитарного режима его личной власти²³. Это дело даже начинает рассматриваться в суде, однако за недоказанностью постепенно сходит на нет.

Подобные действия не только не ослабляют авторитет Таксина, но, наоборот, способствуют сплочению и активизации сил и деятельности его сторонников. В результате, к началу сентября накал политической борьбы вновь обостряется, и на улицах столицы и многих провинциальных центров выступления противоборствующих сторон возобновляются с новой силой. При этом особую остроту ей придает именно растущее сопротивление сторонников Таксина, которое приобретает все более организованные формы. Дело в том, что несмотря на негативные тенденции в деятельности возглавляемого им правительства, Таксин и руководимая им партия ТРТ безусловно представляли собой новую силу, отражавшую интересы тех слоев населения, которые были связаны с наиболее современными видами деятельности и активно участвовали в различных областях интенсивно развивающейся национальной экономики. Среди его сторонников выступали и некоторые группы интеллигенции, интеллектуальной элиты, профессуры и студенческой молодежи. При этом поддержка или неприятие Таксина в этой среде были мотивированы в большей степени не приверженностью определенным политическим взглядам, а субъективными факторами, которые практически невозможно точно идентифицировать. Массовую поддержку Таксина обеспечивали ему те низкодходные слои городского и сельского населения, которые успели получить определенные экономические выгоды от проводимой им социальной политики. Среди сторонников Таксина были и влиятельные структуры тайландского бизнеса, создающего свои собственные политические организации, проявляющего различные формы общественной активности, и нередко выступающего в защиту Таксина и ТРТ.

Все это привело к тому, что участвовавшие в противоборстве силы характеризовались большим разнообразием социальных приоритетов, политических взглядов и устремлений, отсутствием четкого размежевания создаваемых ими общественных структур и ожесточенной борьбой за обеспечение массовой поддержки организуемых ими протестных выступлений.

К осени 2006 г. создалась такая напряженная ситуация, которая могла привести к общему политическому взрыву и экономическому хаосу. К этому времени обозначилась позиция одного из наиболее авторитетных политических лидеров Таиланда — Према Тинсуланона, председателя Тайного Королевского совета, который обладал большим влиянием в самых различных слоях общества и пользовался доверием короля. Прем, высказывавший определенное недовольство деятельно-

стью Таксина и его правительства в предыдущие годы, на этот раз открыто поддержал организационные структуры Альянса и предпринял реальные шаги для решения сложившейся кризисной ситуации. В результате близкие к Тайному совету военные группировки совершили 19 сентября 2006 г. военный переворот и захватили власть в свои руки²⁴.

Существуют различные оценки политического характера этого переворота. По мнению некоторых тайских исследователей, он значительно отличался от всех предыдущих тем, что был предпринят не в интересах какой-то конкретно существующей военно-бюрократической группировки, а был вызван необходимостью восстановления политической стабильности в стране. Он был осуществлен и поддержан роялистски настроенными, близкими к королю группами высшего военного командования страны. Действия военных были практически одобрены королем. Во всяком случае, с его стороны не последовало никаких официальных заявлений с их осуждением. Существовали, вероятно, определенные контакты и с руководством Альянса. Во всяком случае, после этого последовало заявление Альянса о прекращении им массовых выступлений.

Поддержка переворота со стороны близких к королю политических кругов сказалась на процессе перехода власти к военным и на характере установленного им режима: само выступление происходило мирным путем²⁵, военные власти не прибегли, в отличие от предыдущих периодов, к силовым подавлениям оппозиционных сил, роспуску политических партий и массовым репрессиям. Тем не менее, принятое сразу же после переворота официальное заявление свидетельствовало о том, что военные ставили задачу не только не допустить возвращения Таксина и его партии во властные структуры, но и создать законодательным путем такие условия, при которых оказалось бы невозможным усиление выборных институтов и их соперничество с традиционным центром власти, связанным с королем и его ближайшим окружением. Постановлением военной хунты была отменена конституция 1997 г., распущен парламент и Сенат, введен запрет на политические выступления и ограничена деятельность СМИ. В то же время лидеры переворота пообещали принять в течение года новую конституцию и провести на ее основе всеобщие выборы²⁶.

Несмотря на мирный характер захвата власти и заявления военных о том, что они руководствовались необходимостью восстановления конституционного порядка (группа переворота именовала себя как Комитет по восстановлению конституционной монархии), сам факт выступления военных и возвращение их к власти вызвал весьма негативную реакцию в различных слоях тайландского общества. Это недовольство выразалось в самых разнообразных формах и способствовало усилению общественной активности. Несмотря на действующие ограничения на политические выступления, в стране начали склады-

ваться новые объединения, выступающие против открытого вмешательства военных в политику. При этом подобная позиция не обязательно предполагала симпатии к Таксину, в данном случае неприятие военных объединяло как его сторонников, так и противников²⁷.

Как это ни парадоксально, но установление военного режима повлекло усиление в обществе демократических тенденций. За 15 лет, прошедших со времени последнего военного переворота, и последовавшего вслед за этим открытого выступления против него объединившихся в борьбе за сохранение конституционного строя и парламентских институтов общественных сил, в условиях интенсивной модернизации экономики и общества сформировались новые социальные группы, заинтересованные в утверждении либерально-демократических принципов в политической жизни страны. Определенная часть этих либерально настроенных слоев населения примыкали к Альянсу, так как поддерживали его неприятие авторитарных методов в деятельности Таксина. В то же время активное сотрудничество Альянса с военными вызвало неоднозначную реакцию со стороны его сторонников. Произошла значительная активизация тех либеральных сил, которые в ответ на установление военного режима стали формировать собственные организационные структуры и движения на более широкой социальной и политической основе, чем только поддержка Таксина Чиннавата. Таким образом, с приходом к власти военных противостояние в стране не только не было преодолено, но возникла новая политическая ситуация, способствовавшая его дальнейшему обострению. Более того, на протяжении 2007 г., то есть того периода, когда военные фактически оставались у власти, происходило укрепление и политическое оформление противоборствующих сил²⁸.

В целом отношение к перевороту со стороны Альянса не было однозначным. Часть его руководства считали недопустимым силовое решение политического кризиса, однако не выступили с его осуждением. Более того, руководители Альянса заявили о формальном роспуске организации, а некоторые его лидеры вошли в состав сформированной группой переворота Совета национальной безопасности, который после создания переходного правительства во главе с отставным генералом Сураютом Чуланом, членом Тайного Совета, сохранял за собой право координировать действия правительства. Таким образом, руководство Альянса практически участвовало в деятельности установленных военными властных структур. При отсутствии видимой активности сохраняли свою организационную основу и те общественные организации, которые входили в его состав до переворота. Об этом свидетельствует тот факт, что Альянс возобновил свою деятельность сразу же после всеобщих выборов в конце 2007 г.²⁹

Результатом переворота явилось укрепление и организационное оформление той части либерально настроенных слоев общества, кото-

рые выступали против возвращения страны в эпоху авторитарных режимов и решения сложных политических проблем с помощью военной силы. Осенью 2006 г. складывается движение *Неуруам прачатхипатай кхаплай пхадеткан* (Демократический фронт по свержению диктатуры), который, несмотря на введенный запрет на массовые выступления, организует на улицах Бангкока многочисленные акции протеста. С самых первых выступлений участники Фронта использовали красный цвет в качестве отличительного знака своего движения, который в противовес желтому цвету сторонников Альянса должен был олицетворять объединение сил всего народа, всей нации и тем самым подчеркивал массовый характер его социальной поддержки³⁰.

Поводом к очередному взрыву общественной активности стало принятие в конце мая 2007 г. решения Конституционного суда о роспуске ТРТ и запрете на политическую деятельность ее активистов и организованное военными обсуждение в течение июня-июля на всенародном референдуме проекта новой конституции. Именно это и привело, в конечном счете, к объединению сил, выступавших в защиту Таксина и запрещенной партии ТРТ, и тех организаций, которые стояли во главе протестных выступлений против военных властей, в массовое движение *Неуруам прачатхипатай тотан пхадеткан хэнгчат* (Национальный демократический фронт против диктатуры). Среди его сторонников оказались представители самых различных слоев общества, которые выступали против правительства Сураюта и стоящей за ним военной группы. В его руководство вошли 14 человек, в том числе такие известные в стране общественные деятели как Тьян Дитха-апхичай, бывший член Национального комитета по правам человека, выведенный из его состава в связи с открытыми выступлениями против военного режима, Вира Мусикпхон, писатель, журналист, Чиннават Хабунпхат, телевизионный продюсер, Адисон Пхианкет, один из активистов студентческого движения 1970-х гг., организатор и участник ряда неправительственных организаций³¹.

Информация о составе Фронта и его деятельности довольно ограничена, несмотря на то, что он обладает собственными изданиями — *Прачатхат* (Глас народа), *Прача тхай* (Тайский народ), *Лок ван ни* (Мир сегодня), представленными и в онлайн-виде, и своим кабельным телевизионным каналом. Судя по характеру имеющихся данным, его поддерживали представители либерально настроенной интеллектуальной элиты, лидеры различных неправительственных организаций, леворадикальных объединений, профессиональных сообществ, не входящих в национальное объединение профсоюзов, студенческая молодежь, средние и мелкие предприниматели. В то же время значительную часть его сторонников составляли активные борцы за возвращение Таксина и восстановление партии ТРТ, которые опирались на сохранившиеся после запрета партии ее организационные структуры и рас-

полагали огромными финансовыми возможностями стоящих за ними представителей крупного бизнеса и прежде всего самого Таксина³².

Основной задачей возникавших под эгидой Фронта объединений было сохранение парламентских институтов, восстановление конституции 1997 г. и ликвидация авторитарных принципов организации власти. Требования не допустить установления авторитарного правления выдвигались и руководством Альянса, стремившегося сохранить демократический имидж своей организации. Однако конкретные действия отдельных входивших в ее состав лидеров нередко выходили за рамки сложившихся конституционных форм политической борьбы. Они не исключали возможности использования армии и совершения военного переворота для выхода из возникшей кризисной ситуации и достижения политической стабильности. Таким образом, вероятно, позиции Фронта на тот период носили более демократический характер, чем политические приоритеты лидеров Альянса. Что касается определенного сходства конкретных лозунгов и требований, а также реальной деятельности этих объединений, то они во многом определялись особенностями исторически сложившейся в Таиланде политической культуры и воздействием как современных, так и традиционных факторов.

К традиционным факторам следует отнести, прежде всего, влияние иерархических связей и клиентельных отношений как на межличностном уровне, так и в области формирования властных структур. Этим во многом объясняется всевластие бюрократии, присущий ей и поддерживающим ее силам крайний консерватизм, и постоянное соперничество борющихся за власть военно-бюрократических клик. Сюда же относится и отсутствие, в условиях сохранения страной политического суверенитета, массового буржуазного национально-освободительного движения, на базе которого формировались демократические традиции во многих азиатских странах — бывших колониях. Все это в той или иной степени воздействовало на расстановку сил, на формы и методы развернувшейся политической борьбы. Это воздействие проявлялось в организационной слабости и рыхлости сложившейся партийной системы, когда даже самые крупные и влиятельные партии создавались в результате объединения различных групп вокруг авторитетных лидеров, которые в конечном счете и определяли их политические приоритеты и направления их деятельности. Именно это затрудняло процесс размежевания политических сил и создавало условия, когда на стороне противоборствующих объединений выступали сходные по своим целям и задачам группы, когда наблюдалась практика перехода из одной организации в другую и существовала возможность создания новых временных союзов для достижения конкретных политических целей³³.

Определенные признаки раскола общества в зависимости от степени либерализма политических взглядов обнаружилились непосред-

ственно сразу же после прихода военных к власти, однако в полной мере они проявились летом 2006 г. в ходе обсуждения и принятия новой конституции страны. Сама подготовка этого проекта, которая была начата военными сразу же после переворота, вызывала недовольство различных политических сил. Дело в том, что к разработке нового закона была привлечена ограниченная группа специалистов, отобранная и назначенная военными без участия, в отличие от работы над предыдущей конституцией, представителей широких слоев населения страны, политических партий и общественных организаций. В связи с этим практически все существующие на тот момент политические партии, в том числе и Демократическая, пытались убедить военное руководство в необходимости учесть их предложения и придать работе над конституцией более открытый публичный характер. В целях придания процедуре принятия этого заведомо непопулярного закона более легитимного характера, военное руководство вынесло его на общенациональный референдум. Несмотря на то, что он проводился под жестким контролем со стороны военных властей, только 57% его участников высказались в поддержку предложенного проекта. Таким образом, около 10 млн. граждан страны, где более 60% населения составляли сельские жители, для которых характерно лояльное отношение к существующей власти, выразили свое несогласие с действиями военных³⁴.

Наибольшей критике подвергались те статьи новой конституции, которые фактически перечеркивали многие демократические завоевания 1990-х гг. и которые предусматривали: возвращение к назначаемому Сенату; сокращение числа депутатов, избираемых на основании прямых выборов; возможность назначения премьер-министра в случае отсутствия консенсуса по его кандидатуре и др.³⁵ Однако наибольшую опасность для стабильного развития страны в рамках представительной демократии сторонники Фронта и ряда других политических организаций видели в тех положениях, которые допускали использование в решении политических проблем механизмов, выходящих за рамки конституционных принципов. Речь идет о 309-й статье, в которой признавались легитимными все действия военных, и 237-й, в соответствии с которой появлялась возможность в судебном порядке распустить под тем или иным предлогом любую политическую партию и лишать ее активистов права заниматься политической деятельностью в течение пяти лет. Последнее нововведение, уже однажды использованное военными по отношению к ТРТ, даже было охарактеризовано в независимых СМИ как «судебный coup d'état». Отмена этого положения и стала важнейшим пунктом среди выдвигаемых Фронтом политических требований.

После ратификации королем и введения в силу новой конституции в стране наблюдалось значительное оживление политической активности. Оно было связано с необходимостью прохождения проце-

дуры регистрации политических партий. Именно в этот период на обломках распущенной ТРТ образовалось значительное число новых небольших партий, которые создавались соратниками, родственниками или просто симпатизирующими Таксину деятелями. В этом как раз и проявилось то, насколько новым явлением в политической жизни Таиланда явилась созданная Таксином партийная организация в виде ТРТ. Даже в условиях непрекращающейся направленной против нее кампании она сумела сохранить свои организационные структуры в Бангкоке и в периферийных центрах страны. Что касается самого Таксина, то, несмотря на фактическое изгнание его из страны в связи с обвинениями в злоупотреблении властью, он по-прежнему оказывал значительную финансовую и моральную поддержку отстаивающим его интересы силам. Одной из таких партий стала партия *Пхаланг праачон* (Народной силы) под руководством Самака Сунтхаравета, открыто объявившей себя правопреемницей распущенной ТРТ, и поддержанной Таксином, скрывающимся на тот момент от тайландского правосудия в Лондоне³⁶.

Партия Народной силы выдвинула программу, содержащую все основные положения, с которыми в свое время выступал Таксин и ТРТ, в том числе сокращение бедности, поддержка сельского населения, развитие медицинского обслуживания, расширение инфраструктурного хозяйства на периферии. В качестве идеолога партии выступил личный советник Таксина, его друг и соратник Мин Кхуан. Поддержка Таксина определила быстрый рост популярности партии. Если летом 2007 г. по опросам общественного мнения в стране лидировала Демократическая партия, то уже осенью впереди оказалась партия Народной силы. Не помешали этому и неоднократные попытки военных властей дискредитировать эту партию в глазах народа — против нее выдвигались обвинения в неуважении к королю. Однако под давлением общественности эти обвинения после обращения в Избирательную комиссию были полностью сняты³⁷.

В таких условиях в декабре 2007 г., после неоднократного переноса сроков проведения, состоялись выборы в парламент, в которых приняли участие 12 партий, в том числе и старейшие, имеющие огромный политический опыт партии — Демократическая и Национальная. Сами выборы, как и предвыборная кампания, проходили под жестким контролем вооруженных сил. Более 200 тыс. военных и полицейских были сосредоточены в местах расположения избирательных участков. Были зафиксированы случаи прямого давления на избирателей, голосующих за партии протаксиновского блока. В результате выборов 7 партий, 5 из которых были сформированы при прямой или косвенной поддержке Таксина, прошли в парламент. Победу одержала партия Народной силы, которая получила около 50% голосов. При этом в Северном и Северо-восточном районах за нее проголосовали многочисленные под-

держивающие Таксина низкодоходные слои сельского населения. Да и в Бангкоке, где сосредоточено более половины всего городского населения страны, она получила поддержку значительной части столичных жителей, которые приобрели определенные выгоды благодаря проводимой кабинетом Таксина социальной политике. Демократическая партия, набравшая менее 40%, имела перевес в столице и южных провинциях³⁸.

Таким образом, выборы декабря 2007 г. не решили основного вопроса, который был главной причиной совершенного военными переворота. Сохраняя ведущие позиции в созданных ими властных структурах на протяжении достаточно длительного времени, военные так и не смогли ослабить влияния тех общественных и политических сил, которые выступали в защиту Таксина. С победой партий, в той или иной степени поддерживающих опального лидера, стало очевидно, что традиционные методы разрешения сложных политических ситуаций в новых условиях не приносят ожидаемых результатов, и что дальнейшее развитие общества невозможно без участия ранее пассивных широких масс населения, без учета их предпочтений и их выбора.

В январе 2008 г. в результате объединения прошедших в парламент сторонников Таксина была создана коалиция, куда помимо партии *Пхаланг праачон* (Народной силы) вошли такие партии как *Чат тхай* (Национальная партия), партия *Пхья Пхэндин* (Родной земли), *Руамтай тхай чат паттхана* (Объединенная партия национального развития), *Прачарат* (Власти Народа) и *Матчима тхунатай* (Срединного пути). Коалиция, таким образом, включала 315 из 480 депутатов парламента и получала право формировать правительство, куда вошли бывшие активисты ТРТ, сторонники, выдвиженцы и даже многочисленные родственники Таксина. Новый кабинет возглавил лидер партии Народной силы, известный с 1970-х гг. политик Самак Сунтхаравет, журналист, телеведущий, бывший активист Демократической партии, занимавший в разное время высокие государственные посты³⁹. Назначение Самака объяснялось главным образом его личными связями, которые он сумел установить непосредственно с Таксином в период его нахождения на посту мэра Бангкока в 2000-2004 гг. В то же время то, что он, будучи вполне самостоятельной политической фигурой, никогда не входил в ближайшее окружение бывшего премьера и не был его активным сторонником, должно было снизить сложившееся напряжение в обществе. Однако этого не произошло, деятельность нового кабинета тут же вызвала взрыв недовольства со стороны оппозиционно настроенных сил и прежде всего возрожденного Альянса народа за демократию. К тому же неэффективное руководство Самаком деятельностью правительства на фоне ухудшения общих экономических показателей, вызванного значительным оттоком иностранных инвестиций в связи с неопределенной политической ситуацией в стране, давало ос-

нование оппозиционно настроенным силам для активизации протестных выступлений. Таким образом, уже первая половина 2008 г. ознаменовалась значительным обострением политической борьбы и дальнейшим усилением противостояния оформившихся к этому времени общественных групп, объединенных соответственно в два массовых движения: Альянс народа за демократию и Национальный демократический народный фронт против диктатуры, «желтые» и «красные». По словам одного из руководителей Фронта Тярана Дитхапхичая, в 2008 г. поляризация общества достигла наивысшей точки: «В тайландском обществе наступил глубокий раскол. Оно разделилось на «желтых» и «красных». Такого не было еще никогда: почти в каждой семье есть противники, например, муж — «красный», жена — «желтая». То же самое в учреждениях, университетах. Доходит до абсурда: на каком-нибудь мероприятии люди объединяются — «желтые» отдельно, «красные» — отдельно, и не общаются между собой, а если начинают разговаривать, то скатываются ко взаимным обвинениям. В этом расколе и кроется главная опасность нынешнего конфликта»⁴⁰.

К маю 2008 г. нарастание митинговой активности и переход обеих сторон к более радикальным формам борьбы привели к их непосредственным стычкам на улицах столицы и других городов. К этому времени в стране сложилась крайне сложная ситуация, которая заключалась в том, что политическое противостояние затрагивало не только общественные, но и государственные структуры. В представительных органах власти — правительстве и парламенте — преобладали те силы, которые ориентировались на Таксина и его окружение. В то же время руководящий состав силовых ведомств, включая командование Вооруженными силами и полицией, высшие судебные инстанции (Конституционный суд, Национальный комитет по борьбе с коррупцией), в которых были представлены в основном назначенцы времен военного режима, занимали последовательную антитаксиновскую позицию. Подобное размежевание лишало действующее правительство возможности использования легальных мер для нормализации обстановки, и в то же время создавало опасность нового выступления со стороны военных, практически неподконтрольных гражданским властям. Во всяком случае, информация о готовящемся военном перевороте периодически появлялась на страницах национальных СМИ.

В течение лета наибольшая активность проявлялась со стороны Альянса. К этому времени он представлял собой хорошо организованную структуру со своими офисами, собственным телеканалом и разветвленной службой безопасности. Финансирование Альянса осуществлялось представителями крупного бизнеса и позволяло регулярно оплачивать, обеспечивать одеждой и питанием, выступающих на его стороне демонстрантов. Размеры ежедневных выплат каждому из них, по свидетельству очевидцев, колебались в пределах 300-800 бат⁴¹.

Фронт представлял собой менее организованную общественную силу и объединял те группы и слои населения, которые поддерживали действующее правительство и выступали против возвращения военной диктатуры. При этом формально оба движения позиционировали себя сторонниками сложившейся в стране представительной демократии, которая означала сохранение выборной системы и парламентских институтов. Однако со стороны руководителей Альянса, после того, как новые выборы в очередной раз показали сохраняющуюся в обществе популярность Таксина, все более настойчиво стали звучать призывы отказаться от прямой и всеобщей выборной системы, в связи с тем, что народ к такой форме демократического устройства еще не готов. Вместо этого они предлагали различные варианты формирования парламента, в том числе: половина его членов избирается, половина — назначается королем; 30% избираются по территориальному принципу, 70% — выдвигаются от профессиональных союзов⁴². Подобные предложения подвергались в свою очередь резкой критике со стороны Фронта и расценивались его сторонниками как противоречащие демократическому развитию страны.

При всей разноречивости имеющихся данных о социальном составе и реальных задачах противоборствующих сил, по той информации, которая содержится в печатных органах и в различных онлайн-овых изданиях, можно судить об основных линиях, по которым происходило их размежевание.

Сторонники правительства и Фронт опирались главным образом на те группы населения, на которые были рассчитаны социальные программы, в свое время разработанные и осуществляемые командой Таксина. В свою очередь основную поддержку Альянсу оказывали наиболее обеспеченные городские слои, представители национальной буржуазии, наиболее консервативно настроенные бюрократические структуры. В то же время на разных сторонах «баррикад» нередко оказывались близкие по своим взглядами и социальной принадлежности группы, которые использовали зачастую похожие или даже сходные политические лозунги. Массовый же характер выступлений обеих сторон обеспечивался значительными денежными вливаниями со стороны стоящих за ними финансовых структур. По мере коммерциализации экономики, складывания влиятельных олигархических структур и усиления роли представителей крупного бизнеса в политической жизни появлялись неограниченные возможности вмешательства денег в политику и финансовой поддержки противоборствующих объединений, которые выражались в привлечении к участию в демонстрациях и других массовых мероприятиях многочисленных маргинальных групп населения. Все это в полной мере проявилось в острой политической борьбе, развернувшейся в этот период.

В середине 2008 г. Альянс возобновил массовые акции протеста и другие формы борьбы с действующим правительством. После неудавшейся попытки вынесения премьеру импичмента в рамках парламента, они в конечном счете добились отставки премьера на основании вердикта Конституционного суда. Самаку, как государственному служащему, инкриминировали получение денег со стороны частных лиц за ведение нескольких кулинарных программ на телевидении.

Назначенный в сентябре после продолжительных консультаций с представителями Демократической партии, единственной оппозиционной фракцией в парламенте, на пост главы кабинета Сомчай Вонгсават поначалу воспринимался как подходящая фигура, поскольку обладал, по отзывам политических обозревателей, гибкостью, умением находить компромиссные решения и договариваться с противостоящей стороной⁴³. К тому же на протяжении своей карьеры он всегда занимался конкретной административной работой в государственных органах и никогда активно не участвовал в политической борьбе. Однако и он в конечном итоге вызвал неприятие Альянса, так как был связан родственными узами с Таксином, а его жена входила в свое время в руководство распущенной ТРТ.

Осенью 2008 г. произошло окончательное размежевание сил — Альянса и Национального фронта, и их противостояние буквально вылилось на улицы Бангкока и крупнейших городов страны. Именно в это время со стороны Альянса последовали крайне решительные действия. Сначала его сторонники блокировали работу периферийных аэропортов, стали перекрывать важнейшие пути железнодорожного сообщения, угрожая повсеместным отключением подачи воды и электричества, и наконец взяли в осаду здание правительства, а затем и международный аэропорт Суваннапхум. Последняя мера особенно сильно ударила по экономике страны — туристическая отрасль терпела колоссальные убытки⁴⁴. Попытки Сомчая остановить эскалацию напряженности с привлечением полиции и армейских подразделений путем введения ЧП в районах, захваченных демонстрантами, не дали никакого результата — силы правопорядка практически саботировали распоряжения правительства. Действия Альянса, парализовавшие международное сообщение, вызвали недовольство значительной части населения, во всяком случае на тайландских сайтах более 70% пользователей осудили подобные меры.

Под давлением Альянса Конституционный суд на основании обвинений в коррупции действующего кабинета вынес решение о роспуске партий, составляющих основу парламентской коалиции — *Пхаланг праачон* (Народной силы), *Чат тхай* (Национальной) и *Матчима тхунатай* (Срединного пути) — и запрещения их лидерам участвовать в политической жизни в течение 5 лет. Тем самым перспектива нового объединения сторонников Таксина оказалась значительно ослаблена.

Инициативу в поиске возможных путей выхода из сложившейся ситуации взяла на себя партия *Пхья пхэндин* (Родной земли), которая заявила о себе как о правопреемнице распущенной Народной силы. Она предложила ряд кандидатур из числа депутатов, занимавших наиболее нейтральные позиции. Руководители Фронта также призывали представителей сохранившихся в парламенте партий создать правительство на базе широкой коалиции, то есть с привлечением всех задействованных в затянувшемся конфликте сил. Это в свою очередь вызвало острую межпартийную борьбу в парламенте, сопровождавшуюся закулисными переговорами и взаимными публичными упреками и обвинениями в СМИ. Все это завершилось при поддержке Альянса победой Демократической партии. В результате право на формирование кабинета получил ее лидер Апхисит Ветчатива.

Профессиональный политик, возглавляющий Демократическую партию с 2005 г., выходец из профессорской семьи, получивший блестящее образование в области философии, экономики и политологии в Великобритании и окончивший Чулалонгкорнский университет в Бангкоке, Апхисит Ветчатива является представителем нового поколения тайландских политиков, придерживающихся либеральных, демократических взглядов. Однако парадокс заключается в том, что именно он, неизменно возглавляя оппозицию Таксину в парламенте, в начале 2006 г. обращался с призывом к королю использовать свои полномочия и отправить премьера в отставку. Король публично отклонил такой вариант решения конфликта, мотивируя свой отказ тем, что подобная мера противоречила бы принципам демократии, которые положены в основу организации государственной власти в стране. Затем, уже в конце 2008 г. Апхисит при выдвижении в парламенте его кандидатуры на пост главы правительства воспользовался поддержкой такой достаточно консервативной силы, как Альянс, и на важнейшие министерские посты назначил его активистов. При этом он подчеркивал, что он и возглавляемая им Демократическая партия сохраняют свою самостоятельность и не зависят от какой-то внешней силы. Назначение Апхисита было всемерно поддержано королем, который при утверждении его кандидатуры выразил надежду на то, что новый премьер наконец сумеет преодолеть затянувшийся кризис. Таким образом, Демократическая партия, которая всегда отстаивала свою политическую обособленность и выступала в качестве оппозиции любым авторитарным и диктаторским режимам, пришла к власти с помощью крайне неоднозначного по своим позициям и применяемым средствам объединения. Это означало фактическую победу политических сил, поддерживающих Альянс.

На первых порах победа Апхисита и Демократической партии были благоприятно восприняты в определенных кругах тайландской общности. И действительно, с декабря прошлого года после избрания нового премьер-министра обнаружались признаки некоторой стабили-

зации политической ситуации в Таиланде. В свою очередь некоторые лидеры Фронта также выразили готовность искать пути для поиска компромисса. Однако очень скоро в его руководстве возобладали те группы, которые считали основной целью развернувшейся борьбы возвращение к власти Таксина.

Начиная с февраля 2009 г. период относительного затишья на политической сцене закончился очередным взрывом митинговой активности сторонников Фронта. Первоначально они выдвигали общедемократические задачи, которые сводились в основном к восстановлению положений и норм конституции 1997 г. В то же время их требования непосредственно были направлены против усиления политической власти лидеров Альянса. Конкретно они выражались в стремлении оказать давление на вновь избранного премьера и добиться вывода из состава кабинета представителей Альянса и возбуждения против них уголовного дела в связи с причинением огромного материального ущерба, нанесенного экономике страны в результате многодневного блокирования международного аэропорта Суваннапхум.

Постепенно спектр политических задач Фронта значительно сужается, и на первый план выступает борьба в защиту Таксина. Это было связано прежде всего с активизацией деятельности бывшего премьера и расширением масштабов оказываемой им финансовой поддержки его сторонникам. Материалы национальных СМИ этого периода свидетельствуют о непрекращающихся контактах Таксина с руководством Фронта и участниками массовых акций. Благодаря современным средствам телекоммуникации Таксин, даже находясь в эмиграции, фактически возглавил протестные выступления и в своих многочисленных видео- и телефонных обращениях с присущим ему ораторским искусством говорил о необходимости добиваться отставки нынешнего кабинета и проведения новых выборов. В одном из таких публичных выступлений Таксин призвал собравшихся перейти к решительным действиям, вплоть до свершения «народной революции», и обещал «вернуться на родину и непосредственно возглавить борьбу в том момент, когда она достигнет наивысшего накала»⁴⁵. В результате этого сторонники Фронта и действовавших в его рамках объединений блокировали в курортном городе Паттая подъезды к месту проведения очередного саммита стран АСЕАН и тем самым парализовали его работу, а затем возобновили осаду дома правительства в Бангкоке. Эти действия нанесли значительный урон международному политическому имиджу Таиланда и негативно сказались на состоянии его экономики⁴⁶.

В этих условиях, опираясь на поддержку стоявших за ним военно-бюрократических кругов, Апхисит пошел на довольно жесткие меры. В Бангкок были стянуты армейские и полицейские подразделения, которым был отдан приказ о применении силы для подавления массовых беспорядков. В результате последовавших за этим прямых столк-

новений военных частей с демонстрантами, несмотря на то, что военные ограничились применением полицейских мер подавления, более 100 человек получили ранения и двое были убиты. Использование силовых методов, повлекших человеческие жертвы, накалили обстановку до предела и вызвали еще большее обострение противостояния, готового принять неуправляемые формы. Митинговая активность и уличные столкновения нарушили нормальную жизнь в столице и вызвали недовольство ее населения. Это особенно остро ощущалось в канун празднования традиционного Нового года, *Сонгкрана*, с приходом которого политические распри обычно заканчивались временным примирением враждующих сторон. Многие жители Бангкока, в том числе участники конфликта, покидали город на период праздника. Это несколько стабилизировало ситуацию. Наиболее близкие к Таксину группы, входящие в состав Фронта, по-прежнему пытались мобилизовать людей на продолжение массовых акций, но были вынуждены отказаться от радикальных действий. С этого времени в стране сохраняется политическое спокойствие. Однако основные причины противостояния не устранены, и по-прежнему действуют организационные структуры противостоящих сил. В связи с этим дальнейшее развитие событий может принять самые неожиданные и непредсказуемые формы.

События 2006-2009-х гг. позволяют сделать некоторые выводы. В основе переживаемого Таиландом политического кризиса лежит противоборство двух тенденций, отчетливо проявившихся на протяжении последних десятилетий: постепенно набирающий темпы процесс демократизации общественной и политической жизни страны, укрепление демократических институтов и сохранение влияния традиционной элиты и наиболее консервативных форм организации власти. В реальной жизни эти тенденции не проявляются в чистом виде, и это находит отражение в конкретных формах организации и деятельности противоборствующих сторон.

В частности в деятельности Альянса под демократическим фасадом сохраняется значительное влияние монархической и консервативной среды, а представления его руководства о формах и методах демократической трансформации общества отличаются крайней ограниченностью. Что касается Фронта, то при всей, казалось бы, либерально-демократической риторике его лидеров, на практике объединение его сторонников происходит вокруг сильной харизматической личности, каким является Таксин Чиннават. При этом на характере действий сторон сказываются и традиционные факторы, которые воздействуют на всех без исключения участников политической борьбы.

Однако в современных условиях эти традиционные факторы не остаются неизменными. В настоящее время, несмотря на сохраняющийся огромный авторитет в таиландском обществе короля Пхумпхона Адульядета, происходит постепенное ослабление, связанное

с преклонным возрастом и ухудшающимся состоянием здоровья, его реальной власти и влияния на происходящие политические процессы. Так, в отличие от предыдущих периодов возникновения в стране кризисных ситуаций, в 2006-2009 гг. король ни разу не выступил публично в качестве арбитра и таким образом непосредственно не способствовал установлению политической стабильности⁴⁷. Правда не поддержал он и военных, хотя именно ему приписывали авторство переворота. В связи с этим, представляется, что развернувшаяся политическая борьба отражает происходящую в правящих кругах перегруппировку, которая имеет долгосрочный характер и связана, вероятно, с будущей расстановкой сил в королевском доме⁴⁸.

Обнаруживаются и признаки сокращения роли военно-бюрократической элиты в политической жизни страны. Дело в том, что захват власти военными в 2006 г. не только не привел к разрешению кризиса, но и вызвал дальнейшее обострение борьбы и активизацию общественного движения, направленного против военного режима за утверждения либеральных принципов. Негативная реакция значительной части населения на совершенный военными переворот подтвердила, что страна уже прошла достаточно большой путь в сторону демократизации политической системы и попытки вернуть ее к авторитаризму и диктатуре вызывают активное противодействие со стороны самых разных слоев населения.

События последних лет происходили в условиях усиления экономических и социальных позиций различных группировок представителей крупного бизнеса и их ожесточенной борьбы за политическое преобладание в стране. При этом они не ограничивались легитимными формами политической деятельности в рамках существующих парламентских структур, а использовали свои огромные финансовые возможности для организации выступлений в Бангкоке и периферийных центрах страны. Именно широкое привлечение денег в политику определяло непримиримый и массовый характер выступлений противоборствующих сил. При том, что для значительных групп населения участие в протестных акциях становилось своеобразной формой дополнительного заработка. В то же время это происходило в условиях безусловного роста общественно-политической активности различных социальных групп населения, который был обусловлен укреплением либерально-демократических тенденций. С этой объективной реальностью вынуждены считаться все участники политического процесса.

Сложившаяся в настоящее время в определенном смысле тупиковая ситуация требует новых решений и достижения политического компромисса, который необходим для успешного развития страны на путях экономического и социального прогресса, с участием всех противоборствующих сил. Политический кризис в Таиланде не носит уникального характера. В нем отражаются общие закономерности современного

развития стран, где демократическая трансформация происходит в условиях интенсивного процесса капиталистической модернизации при сохранении традиционных особенностей организации общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Название партии может трактоваться по-разному, возможно несколько вариантов перевода: «Таиланд любит тайцев», «Тайцы любят Таиланд» и «Тайцы любят тайцев».
- ² Phongpaichit P., Baker C. Thaksin. The Business of Politics in Thailand. Bangkok, 2004. P.62-94.
- ³ Каждая деревня (*мубан*) получала от государства 1 млн. бат (чуть более 20 тыс. \$ США); что касается медицинского обслуживания, то был выдвинут лозунг «30 бат за визит к врачу», в соответствии с которым для беднейших категорий населения предусматривалось значительное сокращение расходов на лечение.
- ⁴ См.: Ххит йанг Таксин Чиннават (Думать как Таксин Чиннават). Бангкок 2003.
- ⁵ Матичон. 15-22 февраля 2001.
- ⁶ Mc Cargo D., Pathmanad U. The Thaksinisation of Thailand. Copenhagen, 2005. P. 71-116.
- ⁷ Phongpaichit P. Opt. Cit., P.99-101.
- ⁸ Phongpaichit P. Opt. Cit., 100-110// Mc Cargo D. Opt. Cit., P. 208-233.
- ⁹ Впервые термин «таксинизация» был использован Касиеном Течапхира в журнале «Фа диау кан» за январь-март 2004 г // Bowornwathana B. Thaksin' model of Government Reform. Asian Journal of Political Science. V.12, N.1, June 2004, P.136-151.
- ¹⁰ Бектемирова Н.Н., Долникова В.А. Камбоджа и Таиланд: тенденции политического развития (1980-2000). М., 2007. С. 209-218.
- ¹¹ Несмотря на принятый в Таиланде закон, по которому высшие государственные служащие после вступления в должность имеют право только на 5% всех имевшихся в их владении активов, Таксин и члены его семьи в период нахождения его на посту премьер-министра не прекращали активно заниматься бизнесом. Первый скандал, связанный с его предпринимательской деятельностью, произошел сразу же после его победы на выборах в 2001 г., когда Конституционный суд рассматривал правомерность его избрания. Во все последующие годы, хотя формально он не являлся главой принадлежавших ему корпораций, но фактически продолжал руководить ими. Об этом свидетельствует многочисленная публицистическая и памфлетическая литература, которая появлялась в стране. Например: книга Копсака Сапхавасу «Ма рутяк Таксин Чиннават» (Знакомьтесь — Таксин Чиннават), в которой рассказывается о наиболее крупных коммерческих сделках, совершенных Таксином в эти годы.
- ¹² С января 2004 г. в трех провинциях Южного Таиланда Наратхиват, Паттани и Яла с преимущественно мусульманским населением активизировали террористическую деятельность исламистские организации, добивающиеся создания независимого государства. Жесткие действия властей привели к еще большему обострению обстановки в регионе. На тот момент количество жертв с обеих сторон приближалось к 2 тыс. человек.
- ¹³ Одним из таких наступлений Таксина на СМИ можно считать закрытие еженедельной аналитической телевизионной программы Сонтхи Лимтхонкуна, выступавшего с резкой критикой в адрес премьера.
- ¹⁴ Матичон. 2-9 декабря 2005.
- ¹⁵ www.ect.go.th. // Тхайрат. Февраль 2005.
- ¹⁶ www.panthamitr.com // Матичон. 6-12 февраля 2006.
- ¹⁷ Thailand: Calming the Political Turmoil. Asia Briefing № 82. 22 September 2008.
- ¹⁸ В качестве опознавательного знака принадлежности к движению Альянс использовал желтый цвет, который символизировал день рождения короля Пхумипхона Адульядета. Позже в тайландских СМИ активисты Альянса стали называться «желтыми».
- ¹⁹ См.: Ххам тхалэнган пид кхди. Пхак прачатхипат. (Заявление Демократической партии о закрытии дела). Бангкок. 2007.

- ²⁰ Матичон. 21–28 марта 2006 // Тхайрат. Март 2006.
- ²¹ Кхам тхалэнганкан... Opt. Cit С. 32-45
- ²² Тхайрат. Март — апрель 2006// www.taksin.net
- ²³ Впервые о якобы имеющихся планах по низвержению монархии в Таиланде поведал на страницах СМИ Сонтхи Лимтхонкун, который назвал их «Финляндским планом премьеры» // www.nationmultimedia.com.
- ²⁴ Тхайрат. 20 сентября 2006.
- ²⁵ Весь мир обошли кадры, на которых народ встречает танки на улицах Бангкока с улыбками и цветами.
- ²⁶ См.: Пхон ек Сонтхи Бунъяракклин: пхунам раттхапрахан. (Генерал Сонтхи Бунъяракклин. Лидер переворота). Бангкок. 2007.
- ²⁷ Nation. September 2006// Прачатхай. Сентябрь 2006. К примеру, на митинге 22 сентября звучали лозунги: «Нет — Таксину. Нет — перевороту».
- ²⁸ В Бангкоке и провинциальных центрах начинают создаваться различные объединения, выступающие против военного режима, например: «Общество 19 сентября против диктатуры», «Альянс против диктатуры», «Общество Чула за свободу», «Общество студентов Чиангмая за демократию» и др.
- ²⁹ Пхутяткан онлайн. Октябрь 2006.
- ³⁰ Ратхасапха тхай. Декабрь 2006.
- ³¹ Прачатхай онлайн. Июль 2007// www.prachatouch.com.
- ³² www.prachatai.com. // www.dailywoldtoday.com.
- ³³ Бектемирова Н.Н., Дольникова В.А. Альтернативные пути демократии на примере Камбоджи и Таиланда. МГУ, 2008. С.174-184
- ³⁴ Jaran Ditapichai Never happened in Thai history. Democratic Institution Foundation. Bangkok. 2008.
- ³⁵ www.prachatouch.com
- ³⁶ www.ppp.or.th.
- ³⁷ Матичон . Ноябрь-декабрь. 2007.
- ³⁸ www.ect.go.th.
- ³⁹ www.parliament.go.th.
- ⁴⁰ «Желтые» и «красные». Огонек. 2008. №50.
- ⁴¹ Thailand: Calming the Political Turmoil. Opt. Cit. С. 5
- ⁴² www.thairath.co.th/online
- ⁴³ Матичоню Сентябрь. 2008.
- ⁴⁴ Потери в связи с блокадой аэропорта оценивались в \$ 4,2 млрд.
- ⁴⁵ www.taksin.net
- ⁴⁶ По прогнозам МВФ, рост ВВП в 2009 г. не превысит 2%.
- ⁴⁷ Речь идет о годах борьбы с военной диктатурой в 1973-1976 гг., периоде противостояния населения военному режиму в начале 1990-х и массовых волнениях в результате кризиса 1997 г.
- ⁴⁸ A right royal mess. The Economist print edition. 4 Dec 2008.

Демократия по-тайски. Эволюция политической системы Таиланда в XX в.

Современная политическая система Таиланда переживала фазу активного становления и трансформации на протяжении всего XX века, следуя параллельно экономическому развитию страны по капиталистическому пути¹. Появлялись и расширялись новые классы и социальные группы, у которых возникали свои собственные политические интересы, требовавшие реализации. Толчком к началу этого процесса послужили реформы сиамских королей середины — конца XIX в.² В традиционной структуре государственного управления Сиама руководящая роль принадлежала представителям наследственной аристократии и, прежде всего, принцам королевского дома, чей круг был достаточно широк как следствие существования института королевских наложниц. К традиционной элите принадлежали также потомки правителей приграничных областей, вошедших в сиамское государство, и крупнейшие торговцы, тесно связанные с властью имущими. Реформы королей Рамы IV и, особенно Рамы V, затронули самые разные стороны жизни тогдашнего сиамского общества, включая государственный аппарат, государственно-территориальное управление, армию, образование и здравоохранение, судебную систему и т.д. Для успешного функционирования новых государственных структур требовалось значительное увеличение современно образованных кадров. Сиамское государство направляло молодых тайцев для обучения в Европу с тем, чтобы они привнесли новые знания и современные навыки в управление страной и способствовали ее развитию. Обновление, а более точно — полная перестройка системы государственного управления пришли в противоречие с политической системой общества, где принятие решений продолжало оставаться в руках наследственной знати. Таким образом, реформы, начатые сиамской традиционной элитой, привели к появлению новой социальной группы, бросившей ей вызов. При жизни короля Чулалонгкорна (Рамы V), который сам был инициатором и двигателем реформ, противоречие между аристократией и новым чиновничеством удавалось держать под контролем. Однако после его смерти в 1910 г., при его приемнике — короле Вачираваде (Раме VI, 1910 — 1925 гг.), ситуация изменилась. Причиной тому было несколько общественно-экономических факторов. Во-первых, сам король был менее сильной личностью, не имел столь широкой поддержки, даже в придворных кругах, как его отец, и был не в силах, подобно предшествен-

нику, успешно контролировать политическое поле страны. То же самое справедливо по отношению и к следующему королю, его преемнику, Прачатипоку (Рама VII, 1925 — 1934 гг.). И Рама VI, и Рама VII стремились продолжать реформы, однако, как отмечал Ф.Риггс, «их правление было отмечено падением эффективности института монархии из-за отсутствия у этих королей того динамизма и компетентности, которые отличали их предков»³. Во-вторых, развитие капиталистических отношений в Сиае постепенно формировало новые классы со своими экономическими и политическими интересами. Зачастую предприниматели-капиталисты еще не выступали как самостоятельная политическая сила, поскольку им удавалось в определенной мере использовать в своих интересах традиционные механизмы взаимодействия с властью, основанные на иерархии и системе обмена услугами. Объективно выразителями поднимающегося класса буржуазии стали молодые европейски образованные гражданские чиновники и офицеры младшего и среднего звена. У представителей этой части сиамского общества, которых условно по аналогии с царской Россией можно было бы назвать «разночинцами», имелись и свои групповые интересы, поскольку и в гражданской, и в военной карьере они не могли преодолеть барьера, закрывавшего для них путь на верхние ступени служебной лестницы, которые все еще занимались представителями традиционной элиты. Проблема карьерного роста существовала и для военных более старшего поколения, что сделало возможным союз между этим двумя группами сиамского общества. Одновременно стали численно увеличиваться профессиональные группы, такие как журналисты, врачи, юристы, люди творческих профессий, которых относят к интеллигенции. В формировании протестного потенциала роль играли не только личные амбиции и групповые интересы. Не следует сбрасывать со счетов и идейный фактор — часть тайских студентов, обучавшихся в Европе, прониклась передовыми идеями демократии и парламентаризма, социальной справедливости, социализма. Социалистическая революция в России, распространение идей Сунь Ятсена также оказали влияние на формирование мировоззрения будущих революционеров 1932 г. Часть из них искренне стремилась улучшить жизнь простых людей, совершенствовать политическую систему страны на благо всего общества.

Таким образом, развитие капиталистических отношений в Сиае, демократические и социалистические идеи, пришедшие, как из Европы, так и из Азии, составили основные предпосылки для буржуазной революции 1932 г. Главной движущей силой этой революции были молодые, европейски образованные разночинцы. Кризис, который переживала экономика страны, вызывал недовольство населения политикой правительства. Поэтому бескровный переворот, совершенный Народной партией (*Кхана ратсадон*) 24 июня 1932 г., получил достаточно широкую поддержку, во всяком случае, в столице.

События 1932 г. по праву называют революцией, поскольку их результатом было изменение политического строя страны. Состав Народной партии был весьма разношерстным. Среди ее членов были представители гражданских служащих, офицеры армии и военно-морского флота, торговцы. Поэтому разногласия внутри Народной партии были неизбежными. В первую очередь они коснулись судьбы такого государственного института как монархия. Среди части членов Народной партии, придерживавшихся демократических и левых взглядов, существовало убеждение в том, что монархия должна быть устранена, а Сиам должен стать республикой. Правые традиционалисты, прежде всего из офицеров среднего звена, не разделяли республиканских настроений. В результате достигнутого консенсуса после революции 1932 г. в стране была установлена конституционная монархия. Прерогативы короля были сильно урезаны и оказались во многом декоративными. Была принята первая конституция Сиамы, создан новый институт законодательной власти — парламент, сформировано правительство. Особенность политического развития Таиланда состояла в том, что парламент появился в стране ранее, чем сложилась система политических партий. Политическая борьба велась между отдельными группировками, пришедшими в политику в результате революции 1932 г. Особую группу интересов составляли военные, к 1938 г. они стали доминирующей силой в правительстве, которое возглавил Пхибун Сонгкхрам.

После второй мировой войны в Таиланде начали создаваться политические партии. Не имея идеологически выдержанных политических программ, отделений на местах, массового партийного членства, они формировались вокруг яркого лидера с целью участия в парламентских выборах и получения депутатских мандатов. Так, существовала партия Пхибуна Сонгкхрама *Тхамматипхат*, партия Пхибуна Сонгкхрама и Пао Сианона *Сери Манангасила*, партия Сарита Тханарата *Саханхум* и др. Членский состав этих партий был неустойчивым. Переход из одной партии в другую, из одной партийной парламентской группы в другую, включая «покупку» депутатов, стали обычной практикой политической жизни Таиланда. Такие партии, как правило, распались так же быстро, как и создавались. Исключением является Демократическая партия, которая действует с 1945 г. По своей политической ориентации Демократическая партия является правоцентристской и промонархической, выступает за развитие буржуазной демократии по европейскому образцу, а также за сохранение тайских традиционных ценностей, является оплотом традиционных элит, включая придворные круги, наследственную знать. В рядах Демократической партии находились такие видные тайландские политические и общественные деятели, как Кхуанг Апайвонг, братья Сени и Кыкрит Прамоты и др.

Все политические партии современного Таиланда, участвующие в парламентской деятельности, представляют интересы правящих классов. Их особенности и отличия друг от друга определяются принадлежностью членов каждой из партий и, особенно, их руководства, к той или иной политико-экономической группе интересов, их региональной базой, личными связями и воззрениями того или иного партийного лидера⁴.

В период после Второй мировой войны повысилась роль института монархии, он превратился в элемент, цементирующий таиландское общество и обеспечивающий легитимность исполнительной власти в лице сменявших друг друга правительств и военных хунт. Возвышение роли монархии связано с осознанной политикой военных, особенно с личностью военного диктатора Сарита Тханарата. Хотя король по конституции не вмешивается в политику, стоит выше нее, его моральный авторитет, советы и посредническая миссия в кризисные политические моменты таиландской истории XX века способствовали сохранению существующей политической системы. То политическое значение, которое таиландская монархия приобрела в Таиланде во второй половине XX века, во многом связано с личностью короля Рамы IX, Пумипхона Адульядета, который объективно выражал интересы традиционной знати. Однако его роль была шире и значительнее. Как глава государства король стремился к сохранению стабильности и политического консенсуса, и в кризисные моменты он действовал именно в этом направлении. Более того, в соответствии с буддийскими представлениями о королевской власти король Пумипхон Адульдет расценивал свой монарший сан как «служение» и старался оказывать помощь малоимущим, главным образом крестьянам. Совершая ежегодные поездки по стране король, сопровождаемый представителями местных властей, военных и полиции, медиками, специалистами сельского хозяйства, делал акцент на решении проблем крестьян на уровне сельской общины. Он инициировал программы по внедрению в сельскохозяйственное производство передовых технологий, перспективных сельскохозяйственных культур, развитию мелиорации и т.д.

Таким образом в годы после Второй мировой войны Таиланд сформировался в виде конституционной монархии, где король — глава государства с минимальными правами и максимальным авторитетом. Законодательная власть представлена двухпалатным парламентом, где Сенат в разные периоды был либо полностью, либо частично назначаемым. Нижняя палата парламента — Национальная Ассамблея формируется по результатам всеобщих парламентских выборов. Теоретически парламентское большинство формирует кабинет министров. На практике, как правило, голосов победившей на парламентских выборах партии недостаточно, и депутаты договариваются о коалиционном правительстве. Правительство ответственно перед парламентом и

может быть отправлено в отставку через вотум недоверия в парламенте. Следует подчеркнуть, что эти, западные по происхождению, формы буржуазной демократии на тайской почве наполнялись национальным содержанием. Традиционная политическая культура таиландского общества включала такие элементы, как: непререкаемый статус королевской власти в обществе, достаточно строго выстроенную вертикаль межличностных отношений в обществе, систему обмена услугами (патрон-клиент). Что касается высокого социального статуса королевской власти, то, как было уже сказано, он был использован военными. Отношения патрон-клиент проявили себя в формировании политических партий вокруг некоего «большого человека» (*пху яй*). Особенно наглядно традиционный обмен услугами и лояльностью между индивидами с разным социальным статусом проявился в предвыборных кампаниях в провинции, где откровенно велась покупка голосов избирателей (в форме прямых денежных подачек, раздачи подарков, организации угощения, обещаний содействовать в выполнении местных социальных и коммунальных проектов).

Для политической системы Таиланда, сложившейся в период после Второй мировой войны, было характерно чередование периодов конституционного правления и власти военных хунт. Но и те, и другие представляли силы поддержки существующего строя. Высший генералитет приобретал состояния, используя свои властные полномочия для покровительства крупным предпринимателям. Становясь председателями и членами советов директоров банков и компаний, обменивая свою политическую поддержку на капитал, они сами становились капиталистами и представляли в политике свои собственные интересы и интересы своих коллег по бизнесу. Это соответствовало представлениям, утвердившимся в тайском традиционном обществе о том, что высокий государственный статус дает возможность приобрести богатство. Таким образом происходило сращивание военных и крупного капитала. Причем сформировались отдельные группы влияния, включавшие представителей генералитета (зачастую выпускников одного года Военной академии Чулачомклао), политиков и высших гражданских служащих, банкиров и бизнесменов. Такие группы были связаны внутренней лояльностью, основанной на общих политических и экономических интересах. Армия, помимо своей главной функции — обороны страны, стала играть особую роль в обществе как политическая сила, которая принимала активное участие в постоянной борьбе между различными группами элит, между авторитаризмом и парламентаризмом. В первые 25 лет после окончания Второй мировой войны в политической жизни страны в основном доминировали военные, при этом авторитаризм в политике соответствовал этапу создания фундамента для дальнейшего бурного экономического роста. В научных кругах «ротация» парламентаризма и военного правления получила название «не-

стабильной стабильности». Такой порядок чередования у власти политических элит в целом обеспечивал устойчивость политической системы страны. Время от времени столкновения между элитами разрешались насильственными действиями, хотя, как правило, стороны расходились довольно мирно. В то же время такая практика слабо учитывала интересы других классов и социальных слоев общества, включая рабочих, крестьян, значительную часть мелкой буржуазии и интеллигенции, поскольку ни одна из парламентских партий не представляла их интересы. Это не исключало попыток отдельных партий и политиков апеллировать к крестьянской массе, к населению провинций в ходе предвыборных кампаний с целью добиться поддержки электората. Некоторые из депутатов, получив место в парламенте и доступ к определенным финансовым средствам, реализовывали отдельные проекты помощи крестьянам и «лицам с низкими доходами».

Не имея возможности влиять на политику правительства посредством парламентской деятельности, разные группы населения стали развивать внепарламентские формы политического участия в борьбе за свои права. Рабочие создавали профсоюзы. Крестьяне — свои региональные организации для решения коммунальных и экологических проблем. Разнообразные неправительственные организации объединились в Ассамблею бедных, суть деятельности которых — совместные действия по защите прав обездоленных.

На самом левом фланге находилась Коммунистическая партия Таиланда. Лишь однажды она имела возможность принять участие в парламентской деятельности. Находясь на легальном положении в 1946–1948 гг. компартия участвовала в избирательной кампании, провела своего представителя в парламент. Вскоре Коммунистическая партия Таиланда была полностью вытеснена с политического поля и ушла в джунгли, чтобы возглавить вооруженную партизанскую борьбу против существующего режима. В сентябре 1961 г. КПТ на своем третьем съезде приняла стратегию народной войны, (которую она вела вплоть до начала 1980-х годов) опирающуюся на принцип: партия — армия — народный фронт.

Общественное движение протеста против существующего социально-политического и экономического строя активно проявилось в ходе так называемой «студенческой революции» 1973–1976 гг. В студенческой и профессорско-преподавательской среде университетов, где имелись возможности и интерес к изучению демократических, социалистических, коммунистических учений, зародилось движение за политическое и социальное переустройство общества. Студенческое движение привело к созданию Национального студенческого центра Таиланда (НСЦТ), который организовывал многотысячные демонстрации студентов с требованиями отставки «клики Тханома-Прапата-Наронга». Интересы студенчества включали широкий спектр по-

литических и социальных проблем. Студенты выступали против за- силья военных в политике, за развитие демократии, за социальную справедливость, против проамериканского внешнеполитического курса страны за ее большую самостоятельность на международной арене. Студенческие активисты вели поиск «тайского пути развития», они хотели «нести демократию» в народ, пытались найти контакт с рабочими, с профсоюзами. Для подавления студенческих манифестаций власть применила военную силу, в результате чего имели место жертвы. Однако часть национальной элиты при поддержке короля предпочли пожертвовать военной кликой Тханома Киттикачона — Прапхата Чарусатиена, которые были вынуждены подать в отставку и бежать из страны. Руководство Национального студенческого центра Таиланда стремилось играть роль стороннего арбитра и источника общественного влияния на правительство. Но не будучи политической партией, НСЦТ не мог участвовать в парламентских выборах. Не имея опоры в армии он не мог радикально изменить власть. Это предопределило судьбу студенческой революции. Студенты в начале 1970-х годов являлись выразителями интересов среднего городского класса. Поэтому первоначально они получили широкую поддержку жителей столицы. Однако по мере радикализации студенческого движения, особенно когда часть лидеров НСЦТ сделала заявку на выражение интересов рабочих и крестьян и на политическое сотрудничество с профсоюзами и крестьянскими организациями, силы реакции организовали в 1976 г. кровавую бойню на территории Тхаммасатского университета.

Несмотря на поражение, влияние студенческой революции на политический облик современного Таиланда трудно переоценить. Некоторые исследователи считают, что для демократического развития Таиланда студенческая революция 1973 г. сделала даже больше, чем буржуазная революция 1932 г. События 1973-1976 гг. продемонстрировали, что для активной политической жизни пробудился значительный слой таиландского общества, а именно — студенчество, среди которого были выходцы как из среднего класса, так и представители богатых и знатных семей. Студенческое движение было разгромлено, преследования вынудили многих студенческих лидеров уйти в джунгли, где они присоединились к отрядам Компартии Таиланда.

В 1980-е годы студенческое движение не играло существенной роли в большой политике. В этот период военные продолжали оставаться влиятельной силой. Свою политическую роль они реализовывали в различных формах: генералы занимали посты министров и премьер-министров, как, например, ген. Прем Тинсуланон, ген. Чатичай Чунхаван; предпринимали попытки военных переворотов, как, например, офицеры среднего звена, которых в прессе называли «младотурками». Политическая активность военных вызывала противодействие со стороны либеральной интеллигенции и гражданских политиков, которые

вели борьбу против авторитаризма, за укрепление принципов парламентаризма. Эта борьба велась прежде всего в сфере идей — в прессе, в выступлениях политических деятелей, в научных дискуссиях в университетах. Делались попытки внести поправки в конституцию с целью ее демократизации и снижения политической роли военных. Чатичай Чунхаван, ставший премьер-министром в 1988 г. в результате победы на парламентских выборах партии «*Чхам Тхай*», лидером которой он являлся, заявил, что его коалиционное правительство будет работать весь четырехлетний период и, что «военные не переступят порог своей сферы ответственности»⁵.

Однако представление о том, что военные, как политическая сила, ушли из политики, оказалось иллюзией. Через три года именно военный переворот (совершенный без кровопролития) вынудил правительство Чатичая Чунхавана уйти в отставку. Временное правительство, задачей которого было организовать и провести парламентские выборы, возглавил гражданский политик, бизнесмен и дипломат Анан Паярачхун. Проведенные выборы привели к назначению на пост премьер-министра бывшего главнокомандующего сухопутными силами генерала Сучинды Крапраюна. Таким образом, оба последних премьер-министра вновь были назначены, а не избраны. При этом фигура генерала Сучинды, а также меры по ограничению демократии, принятые после переворота, вызвали отторжение в политизированной части общества, выступавшей против вмешательства военных в политику.

В мае 1992 г. в Бангкоке прошли демонстрации с требованием отставки Сучинды Крапраюна и внесения поправок в конституцию 1991 г. Эти протестные действия были самыми массовыми после студенческой революции 1973 г., в них участвовали не только студенты и преподаватели университетов, но и представители рабочего класса и городских низов, среднего класса и даже предприниматели. Эти массовые акции продемонстрировали, что в демократизации политического строя в Таиланде, а также в более справедливой социальной политике серьезно заинтересованы широкие слои городского населения, относящиеся к разным классам и социальным группам. Уличные демонстрации были жестоко подавлены властями, в результате чего среди манифестантов были убитые и раненые. Таким образом конфликт между авторитарной и демократической тенденциями разрешился массовым кровопролитием. Сучинда под давлением общественности был вынужден уйти в отставку. После выборов 1992 г. коалиционное правительство возглавил лидер Демократической партии Чуан Ликпай.

В 1980-1990-гг. в политику стали активно приходиться разбогатевшие выходцы из провинции. Они принимали участие в выборах в представительные органы власти разного уровня, становились депутатами парламента, министрами и возглавляли правительство. Нувориши более не хотели покупать покровительство высших чиновников, генерали-

тета и бангкокских политиков, предпочитая прямо конвертировать свои капиталы во власть.

На протяжении 1990-х годов в обществе активно обсуждался назревший вопрос о необходимости проведения в стране политических реформ, включая разработку новой, более демократичной, конституции. Возглавив во второй раз правительство в ноябре 1997 г., то есть в период финансового кризиса в стране, Чуан Ликпай обещал наряду с осуществлением антикризисной экономической политики провести реформу политической системы.

Процесс разработки и принятия конституции 1997 г., 16-ой по счету в истории Таиланда, стал важным этапом в развитии демократии. В работе над текстом конституции принимали участие видные юристы-правоведы и политические деятели страны. Абсолютно новым было то, что в предварительном обсуждении проекта Основного закона были привлечены широкие слои общества: в столице и в провинциях проводились лекции, семинары, дискуссии, в конституционную комиссию поступали предложения от граждан. В новой конституции были изменены принципы формирования законодательной власти — Сенат впервые стал полностью выборным. Предполагалось, что это сможет изменить соотношение политических сил, поскольку назначаемый в прошлом Сенат всегда считался прибежищем консервативных сил. Были впервые созданы такие институты, как Конституционный суд, Центризбирком, Комиссия по борьбе с коррупцией и другие. Центризбирком должен был следить за соблюдением избирательного законодательства в ходе проведения предвыборных кампаний и выборов. Комиссия по борьбе с коррупцией призвана была искоренить финансовые злоупотребления в сфере политики. Конституция содержала широкий спектр демократических положений, касающихся прав человека. С конституцией 1997 г. демократические силы связывали большие надежды. Первую проверку на практике новая конституция прошла в апреле 2000 г., когда были проведены выборы в Сенат. В ходе этих выборов благодаря усилившемуся общественному контролю и надзору специально созданных по новой конституции государственных органов были обнаружены многочисленные нарушения, в результате чего пришлось проводить переголосования в 29 избирательных округах, где были вскрыты факты подкупа избирателей. Так, например, в провинции Самутпракан некоторые кандидаты выдавали наличные деньги избирателям на празднование тайского нового года — *сонгкрана*; в провинции Трат избирателей доставляли на участки на специально нанятых кандидатами в депутаты автобусах и т.п.⁶ В конечном счете состав избранного парламента разочаровал приверженцев демократии, поскольку он не слишком отличался от прежнего. Среди сенаторов, по-прежнему, было много представителей известных семейных кланов, имеющих обширные связи во властных структурах, бизнесе и среди политиков⁷.

В условиях финансово-экономического кризиса, в 1997 г., на политическую сцену в стране вышла партия «*Тхай рак Тхай*», созданная в 1998 г. крупным магнатом в сфере телекоммуникаций и бывшим подполковником полиции Таксином Чиннаватом. Многие наблюдатели обратили внимание на тот факт, что партия Таксина смогла в условиях кризиса предложить обществу широкую политическую программу, отвечавшую чаяниям самых разных социальных слоев тайландского общества, включая бизнесменов и трудящихся. Эта программа способствовала консолидации общества, что было крайне востребовано в тот момент. Партия предлагала мобилизующие стимулы для развития экономики и гарантировала незыблемость социально-экономической системы. Особенно важным было то, что программа «*Тхай рак Тхай*» содержала меры помощи крестьянам. Таксин обещал в течение 6 лет покончить с проблемой бедности в стране. (Заметим, что этого, в конечном счете, сделать не удалось.) В результате парламентских выборов 6 января 2001 г. партия «*Тхай рак Тхай*» получила 254 из 393 мест в парламенте⁸. Этот феноменальный успех давал возможность партии Таксина, сформировать правительство большинства. Это было абсолютно нетипично для страны, где, как правило, в результате парламентских выборов создается коалиционное правительство, поскольку победившая на парламентских выборах партия не в состоянии сформировать однопартийный кабинет министров. Тем не менее Таксин пригласил в свое правительство представителей других партий, что дополнительно укрепило его позиции в парламенте. Партия Таксина Чиннавата «*Тхай рак Тхай*» три раза подряд одерживала убедительную победу на парламентских выборах: в 2001, 2005, 2006 гг., что само по себе является уникальным явлением в политической жизни Таиланда. На выборах 2005 г. партия Таксина получила поддержку деловых кругов, поскольку его правительству удалось добиться экономической стабильности, вернуть доверие иностранных инвесторов. Меры правительства Таксина Чиннавата в сфере экономики, направленные на помощь гражданам с низкими доходами, обеспечили партии «*Тхай рак Тхай*» широкую поддержку жителей бедного севера и северо-востока страны, которые составили постоянную и устойчивую базу поддержки «*Тхай рак Тхай*». Однако эта экономическая политика правительства Таксина вызвала недовольство населения столицы. Сомнительная с точки зрения законности предпринимательская деятельность членов семьи Таксина Чиннавата, а также личные черты характера Таксина, его неумение и нежелание позитивно реагировать на критику в СМИ способствовали тому, что у премьер-министра появилось много противников. Неизменные победы на парламентских выборах сделали Таксина Чиннавата и его партию доминирующими силами тайландской парламентской политики. «*Тхай рак Тхай*» практически отстранила от участия в политике Демократическую партию, старейшую

партию страны, которая, оставаясь в оппозиции и имея недостаточное представительство в парламенте, была лишена возможности оказывать влияние на правительство. Поскольку за каждой партией стоят интересы определенных элит, то шестилетнее пребывание «*Тхай рак Тхай*» у власти нарушило баланс, который поддерживался сменой у власти различных политико-финансовых кланов. Демократическая партия представляет интересы старых элит — наследственной знати, промонархических кругов, части генералитета. Возможно поэтому в вину Таксину ставили намерение устранить монархию и установить республиканский строй. Доминирование в политике Таксина Чиннавата и его партии «*Тхай рак Тхай*» означало победу новой элиты, представлявшей стремительно разбогатевших бизнесменов, устремившихся к кормилу власти и не желавших передавать его кому бы то ни было. Они имеют крепкие связи с международным капиталом и стремятся вписаться в глобализирующийся мир. Национализм для них имеет значение постольку, поскольку защищает их финансово-экономические интересы. В государственном управлении их принцип — не государственничество, а прагматический «менеджеризм». Недаром Таксин говорил, что управлять государством все равно, что управлять большой компанией. В политике эта новая элита проявляет большую напористость, не останавливается перед крупными финансовыми затратами. Все это делается на качественно новом уровне по сравнению с политиками старой школы.

В результате социально-политических изменений в Таиланде к концу XX в. — началу XXI в. сложилась парадоксальная ситуация — избранные в соответствии с конституцией и избирательным законом депутаты формируют правительство. Но это правительство не признается значительным сегментом таиландского общества. В 2005–2006 гг. имели место многотысячные и многомесячные массовые протестные демонстрации по типу «оранжевых революций». К слову сказать, демонстранты были одеты в желтые майки (желтый считается в Таиланде цветом короля Пхумипхона Адульядета). Однако противники правительства Таксина Чиннавата не могли добиться своих политических целей, действуя строго в конституционном поле. Это нашло подтверждение на выборах 2006 г., когда вновь победила «*Тхай рак Тхай*» Таксина Чиннавата.

Парламентская демократия не смогла разрешить политической коллизии, в результате оппозиция рискнула обратиться к непарламентским методам. Вновь созданная неправительственная организация Народный союз за демократию организовал массовые демонстрации протеста. Одновременно было начато уголовное преследование Таксина Чиннавата и его жены Потчаман по обвинению в недеklarировании, а следовательно — в сокрытии доходов, в злоупотреблении служебным положением при приобретении земельного участка

в столице, уклонении от налогов, махинациях по продаже акций телекоммуникационной компании «Шин корп.» сингапурской компании «Темасек» в 2005 г. В обстановке непрекращающегося общественного давления Конституционный суд по жалобе Демократической партии признал результаты выборов, проведенных в апреле 2006 г., недействительными в связи с многочисленными нарушениями закона. Новые выборы назначили на 15 октября 2006 г. Однако было очевидно, что они не решат проблемы, поскольку на каждом новых парламентских выборах побеждала партия Таксина Чиннавата при опоре на свою массовую базу — крестьян Севера и Северо-Востока. Противники Таксина пытались объяснить эту поддержку тем, что «Таксин всех подкупил». При этом они игнорировали тот факт, что правительство Таксина сформулировало программу, отвечавшую интересам крестьян, и оказывало им реальную помощь.

Демократическая система страны, как оказалось, на практике не работает. Тупиковая ситуация вынудила часть политической элиты, связанную с королевским двором, прибегнуть к испытанному инструменту разрешения политического кризиса — к вмешательству армии. В результате 19 сентября 2006 г. был совершен военный переворот. Совет национальной безопасности, состоящий из генералов, возглавил главнокомандующий сухопутными войсками генерал Сонтхи Буньяраткалин. Правительство возглавил ген. Сурают Чуланон, бывший главнокомандующий сухопутными войсками и член Тайного совета при короле. Правительство Сураюта Чуланона, сформированное военными, постоянно подвергалось критике и со стороны либерально-демократической оппозиции, и со стороны сторонников Таксина Чиннавата. Первые требовали отставки правительства и возвращения в конституционное русло, а также ухода военных из политики. «Военные вернулись, они сейчас везде» — говорили в обществе. Вторые, то есть сторонники Таксина, выражали протест в форме массовых уличных акций. Через год военные обещали провести парламентские выборы. В связи с выборами актуальным оставался вопрос, как не допустить победы сторонников Таксина Чиннавата, поскольку военный переворот не разрешил проблем, вызывавших политическое противостояние элит. Для нейтрализации Таксина и его сторонников были задействованы такие инструменты как продолжавшееся уголовное преследование Таксина и его жены, а также запрет партии «*Тхай рак Тхай*». Дело о нарушениях со стороны разных партий в ходе избирательной кампании в апреле 2006 г. рассматривалось в Генеральной прокуратуре, а позднее в Конституционном суде, которые констатировали многочисленные нарушения со стороны «*Тхай рак Тхай*». Демократическая партия, согласно расследованию, проведенному генеральной прокуратурой, также допустила многочисленные нарушения. Однако Демократическая партия и ее лидер Апхисит Ветчачива были оправданы, а «*Тхай рак*

Тхай» распущена. Таксину Чиннавату и более чем сотне руководящих партийцев было запрещено заниматься политикой в течение 5 лет.

Проведенные в декабре 2007 г. парламентские выборы вновь подтвердили, что баланс политических элит в отношении к власти не восстановлен. Демократической партии не удалось получить большинство голосов, а победу одержала «*Паланг Прачачхон*» — Партия власти народа (ПВН) во главе с Самаком Сунтхараветом⁹, созданная специально под выборы 2007 г. и объединившая сторонников Таксина Чиннавата. В результате переговоров 20 января 2008 г. было сформировано коалиционное шестипартийное правительство в составе «*Паланг Прачачхон*» и пяти мелких партий. Иными словами, у власти опять оказались сторонники Таксина Чиннавата. В оппозиции осталась одна парламентская партия — Демократическая, которая подала иск в Верховный суд о роспуске «*Паланг Прачачхон*» как «партии-ставленника Таксина». Народный союз за демократию (выступавший против Таксина) продолжал свою массовую активность на улицах, теперь уже против правительства Самака, прибегая к блокированию и захвату государственных учреждений, включая здание правительства, а также аэропортов. С 26 августа противостояние правительству приобрело особую интенсивность. Было объявлено чрезвычайное положение. На улицы вышли и сторонники Таксина (в красных майках), что привело к столкновению 2 сентября. При этом армия старательно уклонялась от разгона уличных демонстраций.

9 сентября Конституционный суд вынес постановление о невозможности для Самака Сунтхаравета исполнять обязанности премьер-министра, и он подал в отставку. Исполняющим обязанности председателя правительства был назначен Сомчай Вонгсават. 17 сентября голосованием в Национальной Ассамблее (парламенте) он был избран на этот пост. Однако после того как Конституционный суд распустил партию «*Паланг Прачачхон*» в связи с допущенными ею махинациями во время выборов и запретил руководству распущенной партии заниматься политической деятельностью, Сомчай ушел в отставку. Переходное правительство возглавил Чаоварат Чанвиракун.

Таким образом были устранены политические противники Демократической партии. 2 декабря парламентским голосованием на пост премьер-министра был выбран лидер Демократической партии Апхисит Ветчачива, который сформировал правительство. Однако протестные акции, теперь со стороны сторонников Таксина Чиннавата, продолжались. Ими был сорван саммит АСЕАН в Паттае. Волнения охватили 29 провинций. 12 апреля правительство ввело чрезвычайное положение в столице и прилегающих провинциях, вывело на улицы Бангкока войска. В результате столкновений пострадали более 90 человек, травму получил премьер-министр Апхисит Ветчачива. 13 апреля было объявлено, что ситуация находится под контролем прави-

тельства, а лидеры оппозиции призвали своих сторонников разойтись по домам.

В целом, подводя итог политическому развитию тайландской демократии с момента ее установления в 1932 г., можно сделать следующие выводы. Политическая система страны на протяжении последних 60 с лишним лет прошла большой путь, она развивалась в борьбе между тенденциями авторитаризма и демократии. В целом ее генезис адекватно отражал социально-экономическое состояние общества в тот или иной период. Особенностью политической системы Таиланда является весомая роль, которую в политической жизни играли военные. Как следствие периоды демократического правления чередовались с властью военных хунт, что соответствовало в целом стадии создания экономических предпосылок для бурного экономического роста страны и существенного участия государства в экономическом развитии. На каждом новом этапе развития общества в политическую жизнь страны включались новые игроки: обуржуазившаяся наследственная знать, высшее офицерство и генералитет, крупный бизнес, городской средний класс, разбогатевшие предприниматели из провинции. Попытки отстранить военных от политики, в целом закончились неудачей.

К концу XX в. и в начале XXI в. представители новой элиты, ориентированной на процессы глобализации, стали проявлять большую политическую активность. Борьба между старыми и новыми элитами приобрела особенную остроту, преодолеть которую парламентская система в Таиланде не смогла, поскольку оказалась неспособной обеспечить баланс политических элит. Она также не отвечает запросам среднего городского класса, стремящегося к созданию гражданского общества. Наконец, сложившаяся политическая система не представляет интересы социальных низов — рабочих и крестьян, которые все активнее выступают в защиту своих прав. Кризис представительной демократии вынудил представителей традиционалистских элит прибегнуть к помощи испытанной силы — военных. Наряду с этим политические противники стали использовать нетрадиционные технологии «оранжевых революций» с вовлечением широких масс в уличные политические акции; остается открытым вопрос, будет ли участие граждан в массовых манифестациях способствовать политизации населения и осознанию гражданами страны своих собственных интересов или организаторы этих акций воспользуются ими в интересах той или иной элиты. Сформируется ли широкая, может быть общенациональная потребность в изменении политической системы и в каком направлении оно пойдет.

В момент тяжелого политического кризиса, который переживает Таиланд, определенными силами из-за рубежа ведется пропагандистская работа по подрыву престижа тайландской монархии, как одного из структурообразующих элементов тайландского государства, что мо-

жет привести к его ослаблению. Представляется, что политическая коллизия в Таиланде не разрешена, а политическую систему Таиланда ожидают новые испытания. Возможно они будут связаны с проблемой преемственности монархии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Социально-экономическое развитие Таиланда исследовалось в работах Ребриковой Н.В.: Ребрикова Н.В.. Очерки новой истории Таиланда (1768-1917), М., Наука, 1966; Ребрикова Н.В.. Очерки новейшей истории Таиланда, М., Наука, 1960.

² Реформы короля Чулалонгкорна рассматривались в работе Мельниченко Б. Н. Социальные реформы в Таиланде в конце XIX — начале XX в. М., ЛГУ, 1976.

³ Fred W. Riggs, Thailand. The Modernization of a Bureaucratic Polity. Honolulu, 1966, С. 93

⁴ См. Работы: Калашников Н.И. Эволюция политической системы Таиланда, М., Наука, 1987; Зубов А.Б. Парламентаризм в Таиланде. М., Наука, 1982

⁵ Donald F. Cooper. Thailand. Dictatorship or Democracy? London, Minerva Press, 1995, С. 325

⁶ The Straits Times, Singapore, 17.04. 2000

⁷ The Far Eastern Economic Review, Hong Kong, 03.02.2000

⁸ The Economist, 13.01.2001

⁹ The Straits Times, 21.03.07

Политическая культура и политические реформы в современной Индонезии

В контексте данной статьи под политической культурой понимаются отношения между властью, обществом и индивидом и, в первую очередь, субъективное видение этих отношений каждой из «вершин» предлагаемого треугольника, степень и характер приятия и восприятия ими своего места в политическом процессе, взгляд на происхождение власти.

Как известно, Индонезия представляет собой полиэтничное, поликультурное, полиправное и полицивилизационное государство: достаточно сравнить современные уровень и качество развития, например, яванцев или батаков и некоторых почти первобытных племен Папуа (индонезийская западная часть остова Новая Гвинея). Девиз «Единство в многообразии» на гербе страны есть лаконичное отражение объективной реальности. В этой гетерогенности заложен широкий спектр взглядов на общество, власть и место личности в обществе и государстве. Представим себе, как отличаются между собой подходы к этой проблеме, заложенные в официальных законах, в культуре разных этносов, обычном праве и законах ислама. Нередко эти различные взгляды синкретично вмещаются в мировоззрение даже не просто одной партии, но отдельно взятого человека, гражданина, порой же ставят человека или общину перед крайне трудным выбором.

Проблема не стала легче, а может быть, в чем-то и усложнилась после падения военно-авторитарного режима «нового порядка» в 1998 г., когда ослабла жесткая хватка репрессивного аппарата и люди оказались перед хотя бы относительной свободой выбора, будучи лишены устойчивых навыков пользования свободой.

По мнению индонезийского исследователя Б.Аденли-Рисакотта, его соотечественники одновременно существуют как бы в трех мирах или измерениях: современность, религия и культура предков. Из трех основных правовых институтов в Индонезии — светское право, религиозные законы и обычное право — последнее является определяющим. Конфликты между этими структурами порождают насилие, от которого, по, возможно, завышенной оценке автора, только в 1998-2003 гг. погибло до 100 тысяч человек¹. Известный антрополог Нильс Мюльдер вскоре после падения «нового порядка», в разгар порожденной этим событием эйфории, писал, что доминирующая в Индонезии яванская политическая культура несовместима с идеей гражданского общества,

поскольку она основана не на знании, морали, демократическом порядке и равенстве, но на желании «плыть по течению»². Подобных высказываний можно привести множество: индонезийцы в массе своей склонны к критической самооценке³, хотя менее охотно воспринимают критику со стороны. Действительно, традиционной яванской культуре присущи синкретизм, стремление к гармонии, основанной на иерархичности и патриархальности, отсутствие идеи состязательности и гласности, необходимых компонентов демократии. В общении наиболее достойными считаются принципы «умей распознавать косвенные признаки, умей прочитывать намеки» и «лучше уступить, чем ввязываться в конфликт» (*tanggap ing sasmita, lantip ing panggraita, ewuh rakewuh, legawa*). Эти уточненные правила с трудом вписываются в практику современной политической борьбы. Предпринимательство и торговля считаются не вполне совместимыми с высокой духовностью. (Параллельно, однако, существует и так называемая мусульманско-предпринимательская культура, распространенная в ряде регионов Явы, Суматры и других островов).

Яванская культура предполагает, что властитель наделен небесной благодатью, он должен отличаться бескорыстием и вносить в жизнь народа гармонию, почитаемую высшей целью. Из этого мистического отношения к власти проистекают два противоположных, но диалектически единных следствия — завышенные ожидания по отношению к ее носителям и правовой нигилизм в случаях, когда эти ожидания не оправдываются. Позднейший пример: череда природных бедствий, постигших Индонезию в середине 2000-х гг., породила в некоторых слоях населения предположения, что президент С.Б.Юдойоно, вступивший в должность в 2004 г., лишился благодати неба⁴. Некоторые сомнения в этом смысле возникали и из столь же мистического толкования даты его рождения.

Подобная философия трудно сочетается с идеей гражданского общества, но заметим, что не только индонезийское общество вступало в стадию модернизации с подобным или весьма сходным наследием в политической культуре. Большинство наций прошло в своем развитии подобный этап. В России, к примеру, концепция божественного происхождения верховной власти официально бытовала вплоть до 1917 г.

Философский синкретизм накладывается на сложный и драматичный исторический опыт индонезийской нации. Голландские колониальные власти не только сделали крайне мало, чтобы помочь индонезийцам стать субъектами исторического и политического процесса, но и сознательно сохраняли наиболее консервативные элементы общественных и властных отношений, восходящие к средневековому империю, существовавшим на архипелаге. Приведем чрезвычайно емкое высказывание выдающегося австралийского исследователя Г.Фита, который писал, что колонизаторы руководствовались желанием «при-

внести в мировую экономику продукты, произведенные народом, но не сам народ, одновременно иметь экономический пирог и поедать его, производя «капиталистические товары» руками «докапиталистических рабочих» на «докапиталистических предприятиях»⁵. Может быть, в этом выводе лежит ключ к пониманию некоторых важных черт индонезийской политической культуры, ее противоречивости: голландцы внедряли капиталистические отношения, отчуждая производителя от продукта его труда, но, не делая его лично свободным и сводя до минимума заинтересованность в производительности этого труда. Здесь, как и в традиционных представлениях о власти, нужно искать корни распространенности коррупции: благосостояние возникает не в результате собственных усилий, а благодаря тому, что индивид либо обладает властью, либо близок к ее носителю, о чем речь пойдет ниже.

Из 64 лет независимого развития (1945-2009) за вычетом четырех лет освободительной войны, восьми лет неудачно окончившегося парламентского эксперимента (1949-1957) и последних 11 лет, индонезийское общество около 40 лет жило в условиях авторитаризма, «просвещенного» в эпоху «направляемой демократии» Сукарно (1959-1965) и жестоко репрессивного в период «нового порядка» (1966-1998). Цитировавший выше Н.Мюльдер считает «золотым веком» 1920-е годы, период подъема национального движения в Индонезии. По его мнению, это движение вдохновлялось больше европейскими идеями, нежели автохтонными течениями⁶, но мы не видим в этом беды: из Европы в тех условиях исходила более высокая политическая культура, нежели унаследованная индонезийцами еще от колониального прошлого. В той или иной мере то же можно сказать о многих движениях Азии.

Добавим к этому период антиколониальной войны 1945-1949 гг., когда индонезийцы действительно ощущали себя суверенными субъектами исторического и политического процесса, источником государственной власти в своей стране, ее суверенитета. Но этот суверенитет осуществлялся по преимуществу в контексте борьбы против иноземного врага, отрицания чужой власти, а не модернизации отношений в треугольнике «индивид-общество-государство». В то же время, в условиях партизанской войны люди неизбежно преступали культурные ограничения, наложенные на них патриархальными, полуфеодальными традициями.

Для характеристики взглядов отцов-основателей Республики, легших в основу ее политической системы и культуры практически на полвека вперед, приведем высказывания профессора Супома, будущего министра юстиции в первом правительстве Республики, который в мае 1945 г. отстаивал идею интеграционного государства для Индонезии. Осуждая либерализм и индивидуализм, заложенные в конституциях большинства европейских государств, он признавал наиболее сходны-

ми с восточным образом мышления идею единства вождя и народа и принципы руководства государством, принятые в нацистской Германии. На Востоке Супомо наиболее близкой индонезийскому обществу находил японскую концепцию единства императора и народа. Он указывал, что, исходя из исконных национальных традиций, индонезийское государство должно представлять все общество и народ. «При таком подходе государство не выступает как некий всемогущий индивид, отчужденный от отдельных личностей и имеющий собственные интересы, отличающиеся от интересов граждан». А дальше следовал по-своему логичный вывод: «В принципе не существует дуализма между государством и личностью, конфликта между государственной организацией, с одной стороны, и юридическим положением граждан, с другой... Нет надобности гарантировать основные права и свободы гражданина в его отношениях с государством, ибо индивид есть неотъемлемая часть государства и облечен правом и обязанностью содействовать его величию, а государство, в свою очередь, не является неким центром власти или политическим колоссом, высшим вне этой сферы, где обеспечиваются свободы отдельного человека»⁷.

Супомо считал, что традиционные отношения между лидерами и народом характеризуются семейным доверием и взаимными обязанностями, а потому в них нет места для таких разъединяющих людей концепций, как политические права, которые были бы заложены в конституцию. Взамен он предлагал концепцию интегрализма⁸. В дальнейшем эта идея нашла воплощение в народнической концепции «направляемой демократии» Сукарно и доведена до завершения в тоталитарной системе «нового порядка». Концептуальной основой обоих авторитарных режимов был догмат изначальной и неизменной самобытности индонезийского общества, несовместимой с западными идеями прав человека, гражданского общества, политического участия и т.п. Иначе говоря, консервация отсталости общественных отношений становилась идеологической догмой.

Поэтому, оценивая ныне реформы в Индонезии, нужно представлять себе, сколь много сейчас приходится индонезийскому народу превозмозгать в своем традиционном «я». При этом тщательный отбор ему приходится производить в политикокультурном наследии, чтобы выйти на современный уровень отношений в обществе, не утратив того важного и прекрасного, что отличает одну нацию от другой. Это дело долгое и, главное, болезненное, потому что за редким исключением человек выступает здесь не как субъект, а как объект процесса, порой воспринимаемого им как нечто чужеродное.

За 32 года авторитарного «нового порядка» Индонезия в экономическом, технологическом и социальном развитии прошла большой путь. Изменились и сами индонезийцы вследствие перемен внутри страны, неизмеримо расширившегося международного общения и нео-

долимого информационного потока. Самое серьезное и роковое противоречие военного режима было заложено в его политике, направленной на то, чтобы вместить эти изменения в жесткие рамки авторитаризма. Происходили деформации самого общества и его политической культуры. Поэтому индонезийское общество все еще преодолевает наследие и давнего прошлого, и специфических условий, в которых в независимой Индонезии происходило становление капитализма, среднего и крупного предпринимательства. В период «направляемой демократии» Сукарно первоначальное накопление капитала осуществлялось во многом за счет коррупции и фактической незаконной приватизации государственного сектора экономики военной и гражданской бюрократией. При «новом порядке» успех или неуспех того или иного бизнесмена определялись не столько его предпринимательскими и деловыми качествами или конкурентоспособностью его продукции и услуг, сколько способностью найти общий язык с властью, добиться любыми способами лицензий, льгот и т.п.

Экономическое развитие в Индонезии сопровождалось резким, аномальным углублением социальных и имущественных различий, поляризацией общества, ростом напряженности. В этих условиях средний класс видел для себя более серьезную угрозу со стороны сельских и городских низов, нежели от репрессивности власти, и не выступал активно за радикальные изменения политической системы. Предпринимательский слой и средний класс не стали носителями демократической идеи, не взяли на себя ту роль, которая им обычно приписывается социологами и политологами. Отсюда сохранение гипертрофированной роли консервативной и инертной бюрократии, патронатно-клиентельной системы отношений в политике. По той же причине политическая культура общества в целом и субкультуры его отдельных страт изменялись много медленнее, чем экономический базис.

Глубокое вовлечение Индонезии в мировой капиталистический рынок, в процесс международного разделения труда оказало лишь частичное воздействие на политическую культуру индонезийского общества. Ламентации западного бизнеса и средств массовой информации по поводу коррупции и отсутствия верховенства закона в Индонезии были и остаются не совсем искренними: и то, и другое стало устойчивой и по-своему прозрачной системой, в которую западный капитал вполне успешно вписывался, не видя для себя серьезной угрозы вплоть до 1997 г. Некоторые неудобства для иностранных инвесторов вполне компенсировались жесткой дисциплиной среди наемных рабочих, которая поддерживалась аппаратом подавления репрессивного режима и сравнительно со многими странами низкой оплатой труда. В условиях «нового порядка» в несколько видоизмененной форме сохранился тот подход Запада к Индонезии, о котором писал Г.Фит (см. выше). «Новый порядок» в том варварском облики, в каком он формировал-

ся в разгар террора конца 1960-х гг., пользовался всемерной поддержкой Запада и на государственном, и на пропагандистском уровнях, поскольку он рассматривался как оплот против социалистических стран и всех левых сил в Юго-Восточной Азии. За это ему прощались и террор, и коррупция, и nepoтизм, и отсутствие верховенства закона. Более того, активизация профсоюзов в Индонезии после 1998 г., приведшая к значительному расширению прав трудящихся, вызвала недовольство западных инвесторов и замедление притока капиталов, перенаправленного, в частности, во Вьетнам и Китай. Фарисейство нынешних обвинений Запада в адрес правящих кругов Индонезии по указанным поводам, вызывает в стране дополнительные антизападные чувства, которые стали существенной частью политической культуры.

«Новый порядок» усугубил тот феномен политической культуры индонезийского общества, который мы обозначаем как отчуждение власти от общества. Термин «отчуждение» не обязательно синоним враждебности, а лишь означает наличие некоей непроницаемой перегородки между ними. Изначально это отчуждение порождается тем, что граждане не ощущают себя причастными к формированию власти, к наделению ее прерогативами и ее функционированию. Общество и каждый индивид в отдельности не видят себя в качестве источника власти. В условиях авторитарного режима отчуждение усиливается, становится более выраженным под влиянием прямого насилия со стороны верхов, хотя это и не ведет к адекватному росту гражданской сознательности населения, его готовности противопоставить диктату власти демократическую идею.

В 1998 г. антисухартовское движение не имело общепризнанных вождей или организации-авангарда. Имели место массовые выступления, направленные против правящего режима, но отсутствовала явно обозначенная сила, которая претендовала бы на власть, выдвигая конкретную программу преобразований (весьма популярный лозунг борьбы против коррупции, незаконных сделок и nepoтизма был актуален, но недостаточен). Падение военного режима не привело и не могло привести к полной и немедленной смене элиты с присущими ей интересами, мотивацией, политической субкультурой и философией власти, которые несли в себе неизбежное наследие авторитаризма и репрессий. По большому счету не изменился правящий слой — бюрократия. С некоторыми оговорками можно констатировать снижение военного сегмента бюрократии в определении политики государства. Пока у власти стоял военный режим, многие наивно предполагали, что стоит только убрать «новый порядок», и реформаторы, борцы за гражданское общество, сторонники демократии проснутся от анабиоза и под их руководством освободившееся население возьмется за строительство нового общества. Мы разделяем мнение профессора гаагского Института социальных исследований Ричарда Робисона, который

пишет: «"Гражданское общество" оказалось в высшей степени неоднородным и внутренне разобщенным организмом, где недалекие и хищные элементы также получили свободу и проявили большие способности в деле формирования постсухартовского государства. В свою очередь реформаторы обнаружили, что войти в политику значит оказаться в мире политики денег, где погоня за выгодой становится главным способом выживания, а получить доступ к экономическим ресурсам можно только блокируясь с военными и организациями, действующими вне рамок закона»⁹.

Не то, чтобы элита и бюрократия вообще не понимали необходимость перемен, но узкий и эгоистичный политический инстинкт ограничивает их потенциал. Всех четырех президентов, находившихся у власти в Индонезии после 1998 г., часто и охотно критикуют за отсутствие четкой стратегии развития, решения стоящих перед страной задач. Но такая стратегия может быть выработана, а, главное, проведена в жизнь при наличии доминирующей реформаторской политической силы или в результате долгосрочного взаимодействия, общности интересов хотя бы основных из них.

Здесь мы сталкиваемся со своеобразной чертой современной Индонезии. В условиях глубокого социального расслоения в сочетании с этноконфессиональными различиями и противоречиями, вызванными неравномерным развитием регионов, мы, тем не менее, не обнаруживаем достаточно внятного отражения этих различий в программах политических партий и претендентов на президентский пост. Здесь практически нет партий с четко выраженными «особыми» программами, отражающими интересы определенных групп и слоев общества или регионов и объединяющими на этой основе вокруг себя значащую часть населения. Отдельно стоят в этом смысле религиозные, прежде всего мусульманские партии, однако, они различаются между собой прежде всего степенью приверженности религиозным догмам и идее шариата в качестве официального законодательства.

События последних лет, в особенности, выборные кампании, демонстрируют дробность, фрагментарность политических сил в Индонезии. Число партий, участвовавших в выборах, за пять лет, с 1999 г. по 2004 г., сократилось вдвое, с 48 до 24. Но на парламентских выборах 1999 г. ведущие шесть партий получили 87% голосов, а пятью годами позже только 74%. Для участия в выборах 2009 г. зарегистрировались 38 партий.

По оценке индонезийского исследователя Рамилана Сурбакти, основные политические партии известны благодаря своей идеологической или религиозной ориентации, однако, их программы настолько размыты, что уловить различие между ними чрезвычайно трудно¹⁰. Обозреватель сингапурской газеты «Стрейтс таймс» Дж. Макбет, много лет занимающийся современной индонезийской проблематикой,

отмечает, что в ходе всех предвыборных кампаний борьба идет вокруг чего угодно, только не проблем¹¹. Во всех речах, естественно, присутствуют обещания снизить уровень бедности и безработицы, бороться с коррупцией и пр., но не конкретизируются пути достижения этих целей, что отличало бы одну партию от другой. Часто своей известностью и уровнем популярности партии обязаны личности и харизме своего лидера, а это крайне сужает возможности сколько-нибудь открытых дискуссий по программным, политическим и кадровым вопросам.

Соответственно, союзы, в которые вступают партии, часто не основаны на конкретных программах по конкретным проблемам. Газета «Медиа Индонесиа» пишет: «Коалиция в индонезийской политике представляет собой объединение противоречивых величин, основанное на их стремлении к власти. Нелогично, когда блокируются между собой политические партии с различными и даже противоположными принципами и идеологиями. Такое бывает только в Индонезии. В результате мы имеем то, что имеем. Партии заявляют, что принадлежат к коалиции, но в то же время презирают друг друга и противостоят друг другу в практической политике. Именно это происходит в Индонезии. Союзы в нашей стране не развиваются как демократическая практика, основанная на сильной культуре и этике»¹².

В политическом мышлении большинства индонезийцев власть персонифицируется. Этот феномен, в той или иной степени присущий многим культурам, здесь присутствует в большей мере, отчасти вследствие тех представлений о власти, о которых говорилось выше. Отсюда такое явление, как отсутствие прямой корреляции между электоральной поддержкой лично политического деятеля и выдвигающих его партий. Это проявилось в 2004 г., когда впервые в истории страны глава государства избирался непосредственно населением. Итоги голосования в апреле (выборы в парламент) и в июле и сентябре 2004 г. (первый и второй туры президентских выборов) дали следующую картину. Партия демократов, выдвигавшая на пост президента отставного генерала С.Б.Юдойоно, в апреле получила всего 7,5% голосов избирателей, а ее кандидат — 33,5% в июле и 61% в сентябре. Генерал Виранто, с другой стороны, в июле получил на 60% меньше голосов, чем его «номинаторы» в апреле. Опросы показывают, что сторонники партий далеко не во всех случаях голосуют за тех кандидатов, которых выдвигают их лидеры.

К 2004 г. только Голкар (Организация функциональных групп, выступавшая в 1966-1998 гг. как партия власти военного режима) имела черты, приближавшие ее к партии современного типа, опираясь в большей мере на интересы бюрократии и, возможно, отчасти, среднего класса, а не на преданность отдельному лидеру, как это имеет место в других партиях. Именно Голкар сохранил в целом в 2004 г. показатели, достигнутые в 1999 г. (соответственно 21,6% и 22,5% голосов).

Но далее с этой партией произошли изменения, наглядно иллюстрирующие те особенности индонезийской политической культуры, о которых речь шла выше. На президентских выборах 2004 г. победил отставной генерал С.Б.Юдойоно, а вице-президентом стал крупный предприниматель с Южного Сулавеси Юсуф Кала. На съезде осенью того же года новый вице-президент был избран лидером Голкара, после чего эта партия из оппозиции тут же перешла в правительственную коалицию. Пикантность ситуации заключалась в том, что на выборах президента Голкар поддерживал совсем другого генерала (Виранта), а Ю.Калла еще летом 2004 г. был исключен из Голкара как раз за то, что дал согласие баллотироваться вместе с С.Б.Юдойоно. Как можно видеть, программы кандидатов здесь играли, мягко говоря, второстепенную роль в отличие от возможностей провести своих людей на министерские посты, используя влияние Ю.Калла, а затем использовать «своих» министров в интересах партии, в том числе и для пополнения партийной казны.

Не приходится отрицать, что после 1998 г. Индонезия в правовом и политическом отношениях претерпела кардинальные изменения, воплотившиеся, в частности, в четырех «пакетах» поправок к основному закону страны. Главной их этих поправок, вероятно, следует считать включение в конституцию целой главы, посвященной правам человека. Выправлен был и существовавший прежде значительный дисбаланс прерогатив в пользу исполнительной власти, расширены полномочия местных органов власти.

Создание в рамках индонезийской конституции отдельной главы, трактующей политические и гражданские права человека, представляет собой несомненный шаг вперед, прежде всего с формально правовой точки зрения. Трудность в претворении этой главы в жизнь порождена прежде всего политикокультурным наследием, которое несут в себе, с одной стороны, основная часть бюрократии, считающая себя превыше норм закона, а, с другой стороны, огромные массы населения, где права человека еще недостаточно востребованы. В одних случаях люди просто не осведомлены о своих правах, в других же они полагают бесполезным отстаивать их в противостоянии сплоченной и непобедимой бюрократии, за которой высится государство со всей его мощью, и предпочитают либо смириться с реальностью, либо прибегать к насилию. Отсюда — трудности, стоящие перед реформаторской частью элиты в деле создания правовой культуры и усилиях по приданию хотя бы относительной прозрачности государственной власти.

Поэтому, признавая важность и принципиальный характер произведенных изменений политической системы, отметим, что для их внедрения в повседневный общественный быт предстоит, как мы видим, преодолеть колоссальную инерцию всех слоев общества — от элиты до низов, у которых инстинктивная вера во всемогущество власти и ее

носителей быстро сменяется столь же глубокой апатией. Эта апатия усугубляется такими извечными явлениями в верхах и всей бюрократической системе, как коррупция и nepotизм, а также нищета и безработица в низах. Отсюда некоторые нынешние тенденции в политическом поведении индонезийцев (порядок перечисления произвольный).

Отметим появление у значительной части населения ностальгии по сильной власти, известное разочарование в идеалах демократии, возрождение надежд на армию как оптимального кандидата на роль стового хребта политической системы. Свидетельством тому — избрание на пост президента генерала С.Б.Юдойоно в 2004 г. (отметим при этом, что сам Юдойоно настроен реформаторски), и возвращение на политическую арену генерала Виранто с его весьма сомнительным послужным списком в области прав человека. Значительной популярностью пользуется и бывший губернатор Джакарты генерал Сутийосо. Опросы, проведенные Институтом общественного мнения (Lembaga Surevei Indonesia — LSI), показали, что число индонезийцев, выступающих за восстановление участия армии в практической политике, с 1999 г. по 2006 г. выросло с 13% до 36%¹³.

И дело, конечно, не только в том, что уважение к армии уходит в Индонезии корнями в историческую традицию индо-буддийского пласта индонезийской культуры с его почитанием касты воинов (кшатриев). Причины этого явления имеют и более современную природу. Министр обороны Индонезии Ювоно Сударсоно (гражданское лицо, известный социолог и политолог) предупреждает, что слабость и коррумпированность правительства может побудить армию вернуться в политику. Того же мнения придерживается директор индонезийского Института исследований в области обороны и безопасности (Institute of Defense and Security Studies) Анди Виджаянто, который указывает, что индонезийские военные с их привычкой участия в политической жизни будут лишь выжидать удобного момента, чтобы действовать, когда они сочтут, что гражданские политики слишком слабы, чтобы управлять страной. Армия считает нынешнее правительство слабым и коррумпированным. По его мнению, вопрос не в том, вернется ли армия в политику, а когда это произойдет¹⁴.

Из общественного сознания каким-то образом нередко выпадает тот факт, что многие болезни современного индонезийского общества суть наследие трех десятилетий военно-авторитарного режима. Возвращение армии к власти стало бы откатом в процессе модернизации отношений в треугольнике «индивид-власть-общество» и прологом к новому кризису, подобно тому, что имел место в 1998 г.

Здесь мы имеем дело с некой инстинктивной потребностью людей найти известную (пусть мнимую) определенность в условиях перехода от авторитаризма к демократии. Другое преломление этого феномена — тяга к идеям ортодоксального исламизма, растущая роль религиозно-

го и обычного права в противовес официальному закону, исполнение которого с точки зрения масс недостаточно обеспечивается властью (известен печальный каламбур: в Индонезии нет верховенства закона, а есть закон верхов).

В Индонезии, где почти 90% населения считают себя мусульманами, исламские законы в целом не определяют политическое поведение большинства верующих. Пять принципов государственной идеологии Панча сила, включенные в преамбулу основного закона страны, содержат в качестве первого постулата религиозность, веру в Бога, не отдавая предпочтения ни одной из конфессий и не предполагая верховенства религиозных законов над остальными источниками права или принуждения к их исполнению. Но официальная идеология скомпрометирована десятилетиями авторитаризма, когда эти принципы, призванные гарантировать плюрализм идеологий, религий и вероисповеданий, использовались для подавления любого инакомыслия. Отсюда известный идейный вакуум, который при сохраняющемся запрете на левые идеологии отчасти заполняется радикальным исламом. Расширение полномочий местных властей в результате реформ 2000-х годов позволяет властям явочным порядком, в обход конституции и центральной власти вводить на местах обязательное соблюдение норм шариата, прибегая в некоторых случаях к прямому насилию.

Есть основания говорить, что исламизм на уровне «корней травы», да и в некоторых эшелонах элиты, не всегда вызывается действительными религиозными убеждениями населения, а носит порой протестный характер, становится реакцией на недостаточную эффективность светской власти и гражданских институтов. Преподаватель Высшей школы теологии (!) (Sekolah Tinggi Teologi) в Джакарте Енки Карман писал в газете «Компас» (18.10.2008): «Перестаньте убаюкивать народ баснями, будто религия решит проблемы, порожденные бездарностью правительства. Пусть бюрократия наведет порядок в своих рядах, чтобы ее служение обществу было недорогим и оперативным. Пусть, далее, она безоговорочно соблюдает конституцию». Поиск религиозной альтернативы нынешнему светскому государству в Индонезии, на наш взгляд, противоречит целям и потребностям процесса реформирования общественных отношений, начавшегося в 1998 г., ибо предполагает возвращение к отношениям людей и положению личности, возникшим в совершенно иную эпоху, сакрализацию этих отношений, умаляя политическое участие и политический суверенитет гражданина. Самый последний пример — вызвавшее большую дискуссию решение (фетва), принятое Советом мусульманских священнослужителей Индонезии (Majelis Ulama Indonesia), которое запрещает верующим воздерживаться от голосования на выборах¹⁵. Беспокоество вызвало не содержание фетвы, но сам факт вмешательства духовенства в политическое поведение граждан.

Крен в сторону исламизма представляет собой также реальный или мнимый механизм защиты от бездумной вестернизации и размывания национальной культуры. Но, как и в первом случае, откат к нормам шариата не представляется, ни продуктивным, ни перспективным.

В существенной мере исламизм является одной из ипостасей националистической реакции на процесс глобализации, которая многими воспринимается здесь (или воспринималась до недавнего времени) как формирование однополярного *Rah Americana*. Вообще антизападные, в частности, антиамериканские настроения стали на определенном этапе частью политической культуры большинства индонезийцев. Эти настроения порождены, прежде всего, претензиями США на мировое доминирование, в частности, событиями в Ираке и Афганистане, но свою роль сыграли поражение Индонезии в Восточном Тиморе и неоднозначное качество политики, проводившейся в стране Международным валютным фондом как до, так и в ходе кризиса. Возможно, что эти настроения смягчатся, если новой администрации США удастся изменить в положительную сторону образ своей страны. Известную роль может сыграть факт избрания президентом США афро-американца, с восторгом воспринятого многими индонезийцами, если только этот восторг не будет смазан тем, что США стали той страной, откуда на мир обрушился кризис. Противники глобализации в стране получили новый козырь в своей антизападной пропаганде.

Наконец, есть еще один тревожный момент, всегда явно латентно присутствующий в политической культуре индонезийцев, в особенности, бедноты города и деревни, а именно склонность к насилию, по своей направленности и ожесточенности не всегда адекватному вызвавшему его причинам. Нам приходилось в свое время писать об этом феномене¹⁶. Этот предмет заслуживает дальнейшего изучения. Некоторые индонезийские исследователи, указывая, что массовое насилие приобретает здесь порой отвратительные уродливые формы, когда, например, толпа избивает и сжигает заживо мелкого воришку, считают, что это представляет собой наследие исторического прошлого нации с пережитыми ею различными формами угнетения.

Профессор Магнис-Сусено, многие годы живущий и работающий в Индонезии, считает, что индонезийская нация несет незаживающие шрамы от своего прошлого. «Народ болен. Он пребывает в замешательстве и лишен ориентиров после всех этих лет подавления, и нет достойных подражания фигур, которые помогли бы людям выйти из этого состояния»¹⁷. Это может быть преувеличением, но, остается фактом, что существуют определенные препятствия для выдвижения новых деятелей и групп, придерживающихся радикальных реформаторских настроений.

Отдельного внимания заслуживает подход к чрезвычайно сложной и болезненной проблеме, от которого во многом зависит судьба демок-

ратического процесса в Индонезии. Речь идет о раскрытии подлинной сущности событий 30 сентября 1965 г., ставших прологом к беспрецедентным репрессиям и становлению военно-репрессивного режима. Тогда в результате массовых зверств, спровоцированных и организованных военной верхушкой, погибли по разным данным от 500 тысяч до двух миллионов членов левых организаций или людей, просто подозревавшихся в левых убеждениях. Их обвиняли в заговоре против президента Сукарно (двумя годами позже военные свергли его за то, что он якобы потворствовал коммунистам). Указанная версия с самого начала вызывала сомнения и в Индонезии, и за ее пределами. Этот террор остается одним из самых глубоких незаживающих шрамов на национальном самосознании, на совести нации. Постсухартовские правительства не допускают даже попыток пересмотра официальной версии событий вплоть до того, что прокуратура сжигает книги, если их содержание отличается в этом смысле от официозного. Террор 1960-х годов был частью реального государственного переворота, приведшего к власти генеральскую верхушку во главе с Сухарто. До сих пор во власти или около нее находятся выходцы из «нового порядка», и делегитимация этого режима для них означает подрыв собственного статуса. Трудно ожидать решительных шагов в этом направлении, например, от нынешнего президента отставного генерала С.Б.Юдойоно, чей покойный тесть, в ту пору командир парашютно-десантного полка, полковник Сарво Эдди, по его собственному признанию, был в 1966-1967 гг. одним из организаторов убийств¹⁸.

Играет свою роль, видимо, нежелание всех президентов постсухартовского периода, независимо от политических взглядов (причем все они прямо непричастны к террору), дискредитировать институт власти как таковой, официально подтвердив, что власть может быть преступной. Но, может быть, не менее важен глубоко запрянтанный в национальном самосознании страх перед необходимостью заглянуть в собственную совесть и признать общую ответственность за события конца 1960-х годов. Возможно, для этого должна пройти полная смена поколений, а новая генерация индонезийцев должна убедиться, что происшедшие после 1998 г. изменения принесли благо всем или большинству людей.

Отдельно упомянем такую болезненную и долговременную проблему Индонезии, как коррупция. На эту тему уже сказано и написано немало, но в рамках данной работы целесообразно отметить ее воздействие на национальную политическую культуру в условиях провозглашенного курса на демократизацию. Коррупция создает ситуацию, когда положение гражданина в обществе определяется не его заслугами перед этим обществом, даже не его состоянием, нажитым через участие в становлении и развитии национальной экономики, а умением обойти закон, упрочить собственное благо вопреки благу нации и государства. Поскольку основными фигурами в коррупции выступают лица, так или

иначе «состоящие во власти» — чиновники всех уровней, парламентарии, члены выборных органов власти всех уровней — происходит дискредитация власти как института и ее дальнейшее отчуждение от общества и граждан.

Австралийский писатель Питер Кинг высказывался по этому поводу весьма нелицеприятно и, видимо, справедливо: «В Индонезии коррупция процветает благодаря деятельности широкой и продолжающей разрастаться предпринимательской, политической, административной и военной элиты, готовой, не гнушаясь никакими средствами, использовать для защиты своих интересов государственную власть и государственное насилие, а также и внегосударственное насилие под защитой государства и армии. Эффективность борьбы против коррупции, незаконных сделок и кумовства требует далеко идущих преобразований, выходящих за рамки нынешних показных реформ. Несомненно, что жесткая политическая борьба против коррупции еще впереди». Автор считает, что без такой борьбы невозможны никакие существенные изменения, способные повысить благосостояние людей и утвердить социальную справедливость¹⁹.

Для изучения состояния современной политической культуры Индонезии показательны события вокруг смерти 27 января 2008 г. бывшего главы военно-репрессивного режима генерала Сухарто. Конечно, за почти 10 лет, прошедшие к тому времени после его свержения, Индонезия проделала немалый путь от авторитарного правления до, по крайней мере, юридического утверждения основных прав человека и гражданина. Но цитировавшийся выше министр обороны политолог Ювано Сударсоно говорит: «Прежде чем претендовать на положение третьей крупнейшей демократии в мире (достижение, которое иногда приписывается Индонезии администрацией США — А.Д.), нам нужно преодолеть то, что я называю дефицитом доведения демократии до людей. Чтобы демократия укоренилась в нашей стране, ей придется доказать, что она способна улучшить жизнь людей». В пояснение своей мысли он сказал, что в Индонезии 45 миллионов людей живут на менее чем два доллара в день. Многие не имеют доступа к медицинскому обслуживанию и начальному образованию. Детская смертность в стране одна из самых высоких в регионе²⁰. Для многих бедняков контроль над ценами в условиях авторитаризма обеспечивал более сносную жизнь. Ювано Сударсоно поднял один из важнейших вопросов современного индонезийского общества — в какой мере востребованы демократические реформы.

Индонезийский правозащитник Бонар Тигор выделяет другую сторону проблемы: «Демократию присвоила элита, получившая от нее все блага. В низах же повседневная жизнь остается такой же тяжелой»²¹.

Кроме того, в националистическом и великодержавном по своей сути самосознании индонезийцев правление Сухарто отмечено неглас-

ным, но несомненным лидерством страны в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которое во многом утрачено после 1998 г.

Все сказанное отчасти объясняет, почему немало людей восприняли смерть Сухарто как горестное событие. Но справедливо и другое. Ни один из четырех президентов после мая 1998 г. не осмелился сказать народу правду ни о личной вине Сухарто в гибели миллионов людей, ни о его роли в событиях 30 сентября 1965 г. (а есть основания полагать, что эта роль была двусмысленной, если не провокационной), ни о реальной степени коррумпированности его семьи (справедливости ради отметим, что сводный брат бывшего президента, его сын, а также его близкий друг и партнер по гольфу, немало пользовавшийся связями с президентом, все же оказались в тюрьме).

В дни, предшествовавшие смерти Сухарто и последовавшие за ней, индонезийская нация как бы разделилась. Одни были склонны к всепрощению. У постели умиравшего побывали член парламента А.М. Фатва, который во время «нового порядка» провел 12 лет в тюрьме за оппозиционность, жесточайший критик бывшего президента Амин Раис и сын первого президента страны Гурух Сукарнопутра, сказавший, что не таит зла против человека, который сверг его отца и продержал под домашним арестом до конца дней²². Но не менее настойчиво звучали и призывы расследовать происхождение богатства семьи Сухарто и нарушения прав человека в период его правления.

Уничтожающую характеристику покойному диктатору дала лондонская «Financial Times» (31.01.2008), напомнив, что еще в 2004 г. международная организация Transparency International числила Сухарто крупнейшим клептократам всех времен, приписывая ему и его семье хищения в сумме от 15 до 53 млрд. долл. В чем причина проявившейся если не преобладающей, то существенной ностальгии индонезийского общества по авторитарной стабильности? Дело, видимо, преимущественно не в тоске по прошлому, а во все том же разочаровании ходом реформ.

В кругах аналитиков, в том числе и в первую очередь, в самой Индонезии, как мы могли видеть выше, нередко раздаются голоса в том смысле, что страна вошла в полосу реформ, будучи не подготовлена или плохо подготовлена к преобразованиям. Говорят, что сами реформы в их глубинном понимании, а не как перераспределение власти и доходов, вроде бы не в полной мере востребованы индонезийским обществом, начиная с политической элиты. Казалось бы, многое, если не все сказанное выше оправдывает этот пессимизм. Правда, за это время произошло немало существенных изменений. Решена, причем единственно возможным в условиях 1999 г. способом, проблема Восточного Тимора, хотя обретение независимости этой аннексированной Индонезией в 1975 г. территории до сих пор болезненно воспри-

нимается общественностью страны. Сведены до приемлемого в существующих условиях минимума этноконфессиональные противоречия на Сулавеси и Молуккских островах. Снизился накал сепаратистских настроений в Папуа. Четвертый год сохраняется мир в Ачехе, где до этого война с небольшими перерывами продолжалась почти 30 лет. Но одновременно заметим, что этого удалось достичь, в частности, и потому, что центральное правительство согласилось на введение в этой провинции некоторых законов шариата, мягко говоря, противоречащих современным понятиям о демократии и правах человека. После глубочайшего финансово-экономического кризиса 1997-1998 г. экономический рост к середине 2000-х годов вышел на устойчивый уровень свыше 6% в год, что, однако, едва достаточно для сдерживания роста безработицы. (К началу 2009 г. он снизился до 4,5%). Четыре избирательных кампании (парламентские выборы в 1999 и 2004 гг. и два тура прямых президентских выборов в 2004 г.) прошли неизмеримо более упорядоченно и спокойно, нежели это было в период военного режима, когда, несмотря на заведомо предreshенные результаты выборов, они знаменовались вспышками жестокого насилия. Впрочем, и здесь не все благополучно, и пресса пестрит сообщениями о том, что при распределении депутатских мандатов нередко «административный ресурс» заменил власть денег.

Неоднозначные последствия имела и реформа отношений между центром и регионами со значительным расширением прав провинций и их ответственности за их экономическое и социальное развитие. Такая реформа давно назрела, учитывая и размеры страны, и ее островное положение, и разнообразие экономических и культурных условий. Однако с самого начала возникли нарекания на местную элиту, которая, освободившись от повседневного контроля Джакарты, далеко не всегда сумела воспользоваться новыми условиями. С самого начала появилась расхожая фраза, что произошла «децентрализация коррупции». Выступая в Москве 22 апреля 2003 г., президент Индонезии М.Сукарнопутри сетовала на то, что новые политики в регионах «не очень хорошо знакомы с принципами публичной ответственности и добросовестности в управлении» и допускают злоупотребления в расходовании бюджетных средств, но отнесла это к болезням «переходного периода»²³. По данным, опубликованным джакартской газетой «Компас» (18.10.2008), более трех тысяч законодательных и подзаконных актов, принятых в регионах по экономическим вопросам, находятся в противоречии с общественными интересами и национальным законодательством. Еще 700 актов оказались проблемными, так как содержат в себе нормы шариата, что противоречит конституции Индонезии как светского государства.

Профессор Центра по изучению Юго-Восточной Азии в университете г. Киото в Японии Окамото Масааки на основе полевых иссле-

дований в провинции Бантен на Западной Яве, отмечает, что в условиях, сложившихся после 1998 г., реальным влиянием здесь пользуется крупный предприниматель, добившийся видного положения еще при Сухарто, и ныне фактически контролирующей всю политическую жизнь в Бантене, опираясь не только на свое состояние, но и на полувоенные формирования, подчиняющиеся ему лично²⁴. Насколько можно судить, подобные ситуации складываются и в некоторых других провинциях.

За обилием перечисленных выше и многих других проблем каким-то образом теряется ответ на вопрос, в чем состоит то главное, что в течение уже почти 65 лет позволяет Индонезии выживать как единому национальному государству в самых трагических ситуациях и кризисах. Ведь многие аналитики предрекали распад страны и общества после падения военного режима (как и в период военных мятежей в середине 1950-х гг.). Позволим себе предположить, что ключ к разгадке этого феномена заключается в силе национальной идеи, которая лучше всего выражена в так называемой Клятве молодежи (октябрь 1928 г.): все население архипелага принадлежит к единой индонезийской нации, Индонезия является для него единственной родиной, а индонезийский язык — единственный национальный язык, в особенности в сочетании с приведенным выше государственным девизом «Единство в многообразии». Идея национального и государственного единства есть высшая ценность, и любая политическая сила, которая прямо или косвенно покусится на этот принцип, обречена на поражение. Вот наиболее яркий пример. Ачехские сепаратисты были и остаются самыми ортодоксальными мусульманами в Индонезии, но никто из их единоверцев не выступил против операций правительственных войск, направленных на подавление исламских боевиков в Ачехе. Идея целостности страны превозмогла исламскую солидарность, как она превозмогает застарелую отчужденность между регионами и Явой, порожденную реальной и мнимой неравномерностью в распределении доходов.

Вопрос лишь в том, насколько хватит этого духовного потенциала и сколь долго он сможет стать субститутотом необратимой модернизации политической культуры, отношений между гражданами, государством и обществом. Еще сохраняется риск, что идея сильной власти, отождествляемая с идеей целостности индонезийской нации и государства, станет приоритетной по отношению к принципам политического участия, верховенства закона и прав человека. Но, повторимся, такой поворот событий означал бы отсроченный кризис, подобный тому, что имел место 11 лет назад.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ IIAS Newsletter. Leiden, March 2003, P.24

² Kompas. Jakarta, 20.11.1998.

- ³ См.: например, весьма нелицеприятные оценки в книге Lubis M. *Manusia Indonesia. Sebuah Pernangunganjawab*. Jakarta, 1977. или Soedarso B. *Korupsi di Indonesia*. Jakarta, 1969.
- ⁴ *Straits Times*. Singapore, 31.01.2007.
- ⁵ Feith H. *The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia*. N.Y., 1962. P. 16.
- ⁶ *Kompas*. 20.11.1998.
- ⁷ *Indonesian Political Thinking (1945-1965)*. Ed. Feith H. and Castels L. Ithaca, London, 1970. С.189-191. См.: Bourchier D. *Positivism and Romanticism in Indonesian Legal Thought*.\\ Lindsey T. (Ed.). Indonesia. Law and Society. 2nd Edition. Federation Press, Australia, 2008.P.94-103.
- ⁸ Цит. по: М. *Naskah Persiapan UUD-1945*. vol.1. Jakarta,1959. P.110-111
- ⁹ Robison R. *Corruption, collusion and nepotism after Suharto: Indonesia's past or future?// IAS Newsletter*, N40, Spring 2006. P.13
- ¹⁰ *Indonesia in Transition. Work in Progress*. Ed. By Henk Schulte Nordholt & Gusti Asnan. Yogyakarta. 2003. P.63
- ¹¹ *Straits Times*. Singapore, 06.09.2008.
- ¹² *Media Indonesia*. Jakarta, 05.03.2008.
- ¹³ *Kompas*. 19.05.2006.
- ¹⁴ *Jakarta Post*. 26.08.2008.
- ¹⁵ *Jakarta Post*. 02.02.2009.
- ¹⁶ См. Другов А.Ю. *Массовое насилие в Индонезии: социальные, культурные и политические корни// Восток*.(М.), №6,2000.
- ¹⁷ *IAS Newsletter*, N30, March 2003. P.25
- ¹⁸ *Ramparts*. Los Angeles. N4, October 1970. P.46
- ¹⁹ King P. *The Indonesian conundrum: entrenched corruption and failing reform // IAS Newsletter*, Spring 2006. P.12
- ²⁰ *International Herald Tribune*. Paris, 11.01.2008.
- ²¹ *Ibid*.
- ²² *Straits Times*. Singapore, 16.01.2008.
- ²³ State Secretariat of the RI. *Towards a More and Prosperous Multi-Ethnic Modern State. A Discourse at the Acceptance of Doctor Honoris Causa in Political Sciences*. Moscow, 22 April. 2003. P.9
- ²⁴ Okamoto Masaaki. *Local politics in decentralized Indonesia: the Governor General of Banten Province// IAS Newsletter*, N34, July 2004. P.23

Малайзия на перепутье

Малайзийский социум вступил в XXI век как общество, всё ещё «вертикально» резко разделённое по коммуналистски совпадающим окрашенным культурно-цивилизационным, этническим, конфессиональным и лингвистическим признакам. Разумеется, оно вдобавок еще и «горизонтально» стратифицировано по классовой принадлежности граждан, уровню их образованности, при устойчивой (до последнего времени) идентификации их экономической функции с этнической принадлежностью. «Сынов земли», «*бумипутров*-малайцев и даяков — ныне насчитывается около 60%, местных китайцев «*хуацяо*» около 25%. Менее 10% составляют местные индийцы, главным образом, тамилы. Стало быть, в основном Малайзию населяют представители трех различных этнических групп.

Фрагментарность социума очевидна. Из столь разнородного материала чрезвычайно трудно создать прочное современное государство и динамичную современную единую нацию, тем более, что изначально полиэтничность была искусственно навязана стране британскими колонизаторами еще целое столетие тому назад и являлась, так сказать, издержкой модернизации и индустриализации экономики колонии. Это обстоятельство частично объясняет выход на авансцену политической жизни ФМ этнокоммуналистских противоречий, зачастую превосходящих по накалу социальные и конфессиональные противоречия. С появлением парламентского строя коммуналистская верхушка малайской этнической общины проявила панический страх «уступить государственную власть более динамичным инородцам». Наиболее ярким проявлением этого феномена стали кровавые межкоммуналистские стычки 1969 г. в столице ФМ. К сожалению, напряженность не изжита и до сих пор: ведь и теперь ни одна из общинных моноэтнических партий, в том числе и самая численно мощная малайская ОМНО, неспособна выиграть парламентские выборы «в одиночку», без привлечения союзников из других «расовых общин». И именно поэтому в последние десятилетия на выборах полиэтничному Национальному Фронту во главе с ОМНО противостоят не отдельные партии, а также смешанные партийные коалиции, правда чрезвычайно рыхлые организационно.

Сказанное объясняет неординарные, даже отчасти причудливые характеристики *политической системы* Федерации Малайзии. По социальному содержанию это буржуазно-бюрократическая система. По моде-

ли — конституционно-монархическая федерация с периодическим чередованием Верховных правителей (монархов). По структуре политической власти — это так называемый консосоциализм, то есть консенсусное управление государством коалицией элит трех крупнейших коммуналистских (этнических) общин страны при неизменной гегемонии малайской партии ОМНО. По функциональным параметрам, зафиксированным в конституции, эта система сочетает демократию с некоторыми авторитарными чертами, обеспечивающими политическое и социальное преобладание и привилегии малайской общины как «аборигенной», титульной («особые права малайцев» и т.п.). В целом демократические установления практикуются в стране реально и всерьёз. Выборы в парламент и ассамблеи штатов — не фарс, не инсценировки. Яростное соперничество партий и блоков за голоса электората — носит неподдельный характер. Малайзийская политсистема не может быть полностью авторитарной хотя бы потому, что политэтнична правящая элита. Итак, в Малайзии мы имеем дело с *урезанной демократией*.

Обратимся теперь к *политическому режиму* ФМ. Уже из сказанного выше очевидно, что по содержанию он имеет конституционно-авторитарные черты. По направленности это мобилизационно-дивелопменталистский режим (что особенно проявилось в правление Махатхира Мохамата и А. Бадави). Что касается конкретных практических проявлений, то это — репрессивно-респонсивный режим, часто прибегающий к манипуляциям. Действительно, при бурных массовых протестах, чреватых насилием, правительство не колеблясь прибегает к жёстким ответным мерам, задержаниям, насилию. Но, стабилизировав ситуацию, оно по собственной инициативе начинает разбирательство причин «беспорядков» и, если властями были допущены перекосы, идет на ряд уступок народным требованиям.

Помимо обычных арестов по действующим законам правительство может прибегнуть и к чрезвычайным законам, как то: ISA (Акту о внутренней безопасности), Закону о подстрекательстве, Закону о прессе и публикациях и др., главные из которых были введены еще в конце 1940-х годов британскими колонизаторами для борьбы с левыми силами Малайи. По этим актам допускается содержание арестованных под стражей сроком до двух лет без следственных и судебных процедур. Считают, что существование подобного законодательства ныне позволило Малайзии обезопасить себя от террористических актов последних десятилетий, от крупных межкоммуналистских столкновений. Показательно, что никто из малайзийских премьер-министров никогда не ставил вопрос об отмене этого репрессивного, авторитарного законодательства. Более того они усугубляли их, ссылаясь на коммуналистский характер и «незрелость» гражданского общества МФ. «Мы можем отказаться от ISA и получим общество с беспорядками, тормозящими [экономическое и социальное] развитие, или же мы можем сохранить

ISA и иметь общество порядка, не слишком отказываясь при этом от демократических прав»¹, — заявлял премьер Махатхир. Тот факт, что большинство электората из выборов в выборы голосует за правительство, сохраняющее ISA, означает поддержку народа, заключил он.

Если, однако, отнестись к последнему аргументу всерьез, то придется признать, что как раз проявившееся существенное снижение общественной поддержки правящему блоку на последних выборах 2008 г. — крайне тревожный импульс верхам, уже не первый, но наиболее сильный и опасный. Нельзя упускать из виду и того, что наделение главы правительства постоянно действующими чрезвычайными полномочиями предъявляет исключительно высокие требования к его личным качествам: чувству справедливости и гуманности, терпимости, демократизму, политической проницательности, осмотрительности, способности адекватно воспринимать критику. А столь высокая планка не каждому политику по плечу.

* * *

Политический процесс в Федерации Малайзии конца I-го десятилетия XXI в. демонстрирует, что политсистема консоциализма испытывает серьезный политический кризис и, по-видимому, стоит на пороге если не революции, то глубокой структурной реформы.

В самом деле, через 2-3 года после триумфальной победы ОМНО, всего Национального Фронта на парламентских и местных выборах 2004 г. и после окончательной передачи власти Махатхиром Мохаммадом Абдуллаху Ахмаду Бадави начался затяжной, обострившийся к новым выборам марта 2008 г., политический спад. Выборы эти, сохранив преобладание НФ (140 мандатов в парламенте из 222), лишили, однако, правящий блок «привычного» квалифицированного большинства в $2/3$, позволявшего при необходимости легко вносить изменения в конституцию. Более того, лидер НФ, ОМНО, получила поддержку менее 50% голосов малайцев и даяков, т.е. представителей собственной общины. Не менее болезненной была потеря контроля над еще четырьмя штатами (включая столичный) в дополнение к старому оплоту оппозиции, Келантану. Хотя ничего непоправимого для ОМНО и НФ в сущности не произошло, в глазах политической элиты правящий блок и политика Бадави потерпели постыдное поражение.

Провозглашенная и начатая было новым премьером в 2003 г. беспощадная «война с коррупцией, непотизмом, взяточничеством» после немногочисленных успехов стала давать сбои. Подтвердился тезис о том, что ФМ относится к странам, где коррупция есть образ жизни и лишь глубинные и масштабные социальные преобразования способны одолеть её, да и то не сразу. Даже зять самого премьера Хаири Джамалуддин оказался замешанным в коррупционных схемах, хотя сам Бадави, по-видимому, чист.

Потерпела в целом неудачу широко задуманная и разрекламированная кампания стимулирования современного агробизнеса, биотехнологий, действительно необходимая малайзийской экономике, способная сгладить дисбаланс темпов развития города и деревни.

Абдуллах Бадави отказался от ряда крупных экономических инициатив своего предшественника. Среди них были и проекты, страдавшие гигантоманией и терпимые разве что в период высокой экономической конъюнктуры, но и несколько необходимых ключевых, например, поддержка национального автомобилестроения, на которое «завязан» ряд важных секторов промышленности ФМ. Это нанесло серьезный ущерб экономике страны.

Глава исполнительной власти проявил недостаток политической воли и оказался неспособным справиться с мощными массовыми изъявлениями народного недовольства в политизированной столице в середине десятилетия. Некоторые из них были вызваны общим ухудшением социально-экономического положения низов, ущемлением демократии и разгулом коррупции. Другие носили отчетливый коммуналистский характер: самая малочисленная и обычно наиболее миролюбивая община — индийская — выдвинула претензии к власти — колониальной и действующей, — обвиняя её в пренебрежении интересами своего этноса, притеснении и политике расовой дискриминации, и предъявила даже требования выплаты крупной денежной компенсации за это каждому малайзийцу индийского происхождения. Разумеется, были введены в действие чрезвычайные законы, последовали разгоны демонстрантов. Это не сняло проблем, а скорее добавило. В октябре 2008 г., например, пятеро протестующих индийцев были арестованы по ISA, а в ноябре тысячи представителей этой общины вновь вышли на улицы столицы, требуя освободить арестованных и расширить политические права соплеменников². На волне выступлений малайзийские индийцы создали сильную общественную организацию Хиндрбаф («Силы правовых акций индийцев»), отвернувшись от многолетнего лидера общины, партии Индийский Национальный Конгресс, члена Национального Фронта Малайзии. Индийцы очень существенно улучшили позиции своей общины на выборах 2008 г. — но *вне* НФ, и помимо него.

Аналогичные настроения проявились и в китайской общине. Лидер влиятельного члена НФ партии Геракан Ко Цу Кун недвусмысленно заявил, что руководство организации подумывает о переходе в стан оппозиции³. А по итогам выборов 2008 г. официально «многорасовая» (но реально — китайская) оппозиционная партия правосоциалистического направления ПДД («Партия демократического действия») впервые в истории страны стала правящей силой в штате Пинанг.

Было бы несправедливо, конечно, отрицать и ряд заслуг Абдуллаха Бадави за пять лет его правления. Так, под его руководством успешно

прошёл ряд международных форумов, были заложены основы ВАС («Восточноазиатского саммита»). Бадави разработал и, будучи ученым-богословом, успешно продвигал свою концепцию «*Ислам хадхари*» («Цивилизованный ислам»), выразив в концентрированной форме идеи, и ранее предлагавшиеся ОМНО и Махатхиром; в 2006 г. его взгляды получили международное признание мусульманских идеологических центров. Это было достойной отповедью малайской оппозиционной салафитской Исламской партии (ПАС) с членством, исчисляемым в 800 тыс. чел. Но, как видим, эти достижения премьера ФМ носили всё же периферийный характер и не затрагивали насущных проблем страны.

В последнее время в Малайзии и за её пределами усиленно акцентируется «фактор Анвара Ибрагима». Вице-премьер в последние годы правления Махатхира, ставший в 1998 г. диссидентом и непримиримым врагом своего патрона, после двух судебных процессов отбыл первый тюремный срок за злоупотребления властью и приступил к отбыванию девятилетнего второго, — за содомию и вовлечение в нее подчиненных, — но в 2004 г. после перехода власти к Бадави был досрочно освобожден на юридически недостаточно выверенных основаниях. Новый премьер, остающийся последовательным противником Анвара, не противился этому, но в согласии с руководством правящей партии жёстко заблокировал возврат недавнего узника в ОМНО, где тот до ареста был вторым лицом. В сдержанности Бадави многие политики ОМНО усматривают признаки непоследовательности, слабости, неоправданной мягкости. Общеизвестное чрезмерное честолюбие, присущее Анвару Ибрагиму, его данные отличного оратора, волевого лидера и хорошего организатора подводят многих к выводу, что «сбросив» Бадави, тот вскорости станет премьер-министром.

Что касается самого Анвара, то ему ничего более не оставалось, как возглавить созданную его супругой Азизой Исмаил во время его заточения новую небольшую мультиэтническую (но преимущественно малайскую) партию «Кеадилаан Ракьят Малайсиа» («Справедливость народа Малайзии») и, отбыв обязательный после тюрьмы «политический карантин», весной 2008 г. возвратился в мир малайзийской политики. За считанные недели в апреле 2008 г. он в основном сформировал новый оппозиционный блок, включающий кроме его КРМ, другую полиэтническую партию гораздо более крупную и влиятельную ПДД, а также моноэтническую салафитскую малайскую ПАС. Зарождающийся блок получил название «Пакатан Ракьят» (ПР), т.е. «Народное согласие».

Первые лозунги Анвара Ибрагима «били по старым болевым точкам» правительства и Национального Фронта: «Долой политику, основанную на расовой принадлежности!», «Нет чрезвычайным законам!». Ставилась цель переманить в партии Пакатан Ракьят около

30 парламентариев из НФ, сформировать таким образом оппозиционное большинство в нижней палате, предложить королю ФМ признать новоявленное большинство правящей силой (в согласии с Конституцией ФМ) и вскоре провести внеочередные парламентские выборы, чтобы закрепить будущую победу ПР.

Однако нетрудно заметить, что не все эти лозунги и планы приемлемы даже для всех членов Пакатан Ракьят. ПАС, например, является ярой сторонницей «особых прав малайцев», которые трудно обеспечить, не опираясь на ISA и другие чрезвычайные законы. Предложение Анвара созвать специальную сессию парламента, дабы обнародовать притязания ПР, естественно, было отклонено премьером Бадави и поэтому даже не поступило на рассмотрение короля, который скорее всего ответил бы отказом: ведь 9 султанов Малайзии, включая Верховного правителя, по конституции как раз являются стражами и блюстителями особых прав и привилегий малайского населения, а стало быть, *поборниками* «расовой политики». Между тем, престиж монархов среди простого малайского люда всё ещё очень высок. Как бы то ни было Анвару и его сторонникам так и не удалось переманить в свой стан 30 депутатов от правящих партий, чтобы обеспечить своему блоку простое большинство. В сентябре 2008 г. НФ покинула только маленькая Сабахская Прогрессивная партия, имевшая лишь 2 депутата в легислатуре, да и та предпочла остаться независимой, уклонившись от вступления в ПР⁴. Что касается огромной исламской ПАС, то её руководство разделилось: председатель партии Хади Аванг во главу угла ставит «расовое» *единство малайских политиков* и ведет переговоры с ОМНО и Бадави, а его сторонники приемлют лишь такой оппозиционный блок, который этот лидер будет возглавлять сам. Духовный же вождь ПАС Ник Азис Ник Мат полагает, что проку от предлагаемого сотрудничества с ОМНО не будет и, будучи, правда, в явном меньшинстве, признаёт возможность руководства Анвара Ибрагима в ПР. Многих богобоязненных исламистов ПАС пугает приписываемое Анвару некоторое «прозападничество» и его сомнительная моральная репутация. Короче говоря, ПАС желала бы видеть новым премьером страны Хади Аванга.

Таким образом, быстрые успехи Анвара в истекшем году обманчивы и являются во многом плодами протестных настроений по отношению к истеблишменту, рутинно до предела бюрократизированного в своих действиях Национального Фронта. Чтобы стать действительной силой, Пакатан Ракьят должен повести за собой не менее половины малайской массы при значительном привлечении и немалайских общин. Дважды в истории современной Малайзии такие попытки уже имели место, были созданы раскольнические блоки: «ОМНО — фракция Б» и Альтернативный Фронт; обоими руководил келантанский принц Разали Хамзах. Обе состояли из части членов ОМНО, ПАС и

ПДД, напоминая союз лебеда, рака и щуки; обе потерпели сокрушительное поражение ввиду политической разнонаправленности, внутренних противоречий и организационной рыхлости. Не станет ли создание Пакатан Ракьят, пусть несколько видоизменённым, третьим экспериментом с аналогичным исходом? Анвар Ибрагим не нашёл пока позитивные идеологические основы для сплочения, преодоления стратегической разнонаправленности формируемого оппозиционно-го блока.

Следует, однако признать, что на сей раз новая угроза системе консociонализма намного сильнее, так как подкреплена мощными объективными факторами. Действительно, нынешнее ухудшение политической ситуации пришлось на тяжелые для ФМ времена. Темпы экономического роста резко замедлились. Активизировавшиеся экономические гиганты — Китай и Индия — успешно «перетянули» на себя большую часть внешнеинвестиционных потоков. Сейчас уже с трудом верится, что с начала 90-х гг. прошлого века Малайзия в течение ряда лет почти на равных соперничала с КНР в этом отношении. Примерно то же можно сказать о внешней торговле ФМ, которая с тех пор сбавила обороты. В обоих случаях перспективы безрадостны, тем более что разразился мировой финансово-экономический кризис 2008 года, особенно больно ударивший одного из главных внешнеторговых партнеров Малайзии — США и обещающий стать затяжным.

Откликаясь на возросшие экономические тяготы, премьер Абдуллах Бадави решился в начале июня 2008 г. на крайне непопулярный шаг: снял государственную субсидию на бытовые углеводороды: нефтепродукты и газ. Цены моментально взлетели на 46%⁵. Нет нужды говорить, что рядовой малаец встретил эту беспрецедентную вынужденную меру с величайшим негодованием и громкими протестами. И без того низкому престижу администрации Бадави был нанесён новый непоправимый ущерб.

Нарастающие экономические затруднения не могли не обернуться социально-политическими осложнениями. Как показывает опыт, что только ситуация быстрого экономического роста Малайзии позволяет обеспечить устойчивое повиновение властям со стороны *немалайских* коммуналистских общин, получающих в этих условиях свою (пусть более скромную, чем малайская) долю «экономического пирога». Только в этом случае система консociонализма при гегемонии ОМНО остается социально стабильной, хотя, конечно, и тогда это — «вымученная лояльность», «лояльность через силу».

В кризисной ситуации обстановка немедленно обостряется. Согласие китайской и индийской общин (как и наименее состоятельного слоя малайцев) мириться с ущемлением демократических прав, преобладанием репрессивности над респонсивностью резко убывает. Придат бесконфликтности над соблюдением демократических норм и про-

цедур сменяется требованием торжества социальной справедливости. В полной мере это обстоятельство в совокупности с эффектом «поражения» ОМНО на выборах проявляется в настоящее время, когда в результате растущих трудностей социально-экономического развития страны возможности для немалайского бизнеса сокращаются подобно шагреновой коже. В ФМ обострилась нетерпимость немалайских общин к «особым правам малайцев» и сопровождающей применение этих прав практикой коррупции, кумовства, nepотизма, с которой прежде, мирились, скрепя сердце. Истошилось терпение к выходкам воинствующих салафитов, пытающихся осуществить «ползучее распространение» шариатских норм (подчас, кстати, понимаемых неверно) на немусульманские слои населения — особенно в четырех штатах «малайского пояса» на севере. В ответ ужесточается реакция государственных органов даже на довольно невинные проявления недовольства со стороны немалайцев. Так, осенью прошлого года молодая китайская журналистка была арестована по ISA только за то, что во всеуслышание посетовала на «излишне громкие призывы муэдзина к правоверным», что было сочтено оскорблением ислама.

С другой стороны, глава одной из первичных организаций ОМНО Анвар Исмаил однажды публично назвал малайзийских китайцев «иммигрантами» и «сквоттерами» на земле «исконного» населения — малайцев⁶. Китайские организации дружно (и бурно) осудили это «проявление расизма» и потребовали извинений. Ввиду того, что сам Исмаил наотрез отказался это сделать, «поскольку то, что сказано, — правда», его на три года отстранили от руководящей должности в партии, а прощения у китайской общины вместо него пришлось просить второму человеку в ОМНО — заместителю её президента Наджибу Разаку, причем в партии разгорелась жаркая дискуссия, по вопросу уместно ли извинение.

Сказанное достаточно ярко иллюстрирует возросшую накаленность межкоммуналистских отношений. Застарелый политический раскол малайской общины (на ОМНО — ПАС — теперь и КРМ) в последнее десятилетие делает возможной победу ОМНО на выборах исключительно при условии поддержки её большей частью и немалайских, преимущественно китайских, избирателей. А это означает неизбежные уступки и поблажки им со стороны правящей партии и властей, по крайней мере, перед выборами.

Многое определяет в сложившейся ситуации ослабление и раздоры в самой правящей партии. Своей колеблющейся, нерешительной и непоследовательной политикой Абдуллах Бадави за пять лет правления оттолкнул от себя многих, в том числе самых крупных лидеров, имеющих в ОМНО «отряды» лично им преданных сторонников. Это, во-первых, выдвигенец самого А. Бавади, Мухьидин Ясимн, магнат, «политический тяжеловес» партии, который дважды занимал важней-

шие министерские посты. Во-вторых, это Наджиб Разак, (которого порекомендовал А.Бавади Махатхир Мохамад) сын второго премьер-министра страны, действующий вице-премьер Малайзии.

Оба лидера сейчас почувствовали себя достаточно сильными, чтобы взойти на более высокую ступень власти. Из, казалось бы, политического небытия ныне вновь возник давний соперник Махатхира Разали Хамзах, теперь снискавший горячую поддержку экс-премьера, обиженного на своих выдвиненцев Бадави и Разака (таковы парадоксы политики!). Разали тоже располагает своей «армией поддержки» из ветеранов ОМНО. «Момент истины» хронологически ожидался в декабре 2008 г., когда малайская партия должна была избрать своего главу — президента ОМНО и его заместителя и обновить состав руководства. На Бадави оказывалось сильное давление кадровых деятелей партии, чтобы он не претендовал на переизбрание и продление своего мандата президента партии (а, стало быть, и премьер-министра), а немедленно, задолго до срока истечения своих официальных полномочий (2012 г.) передал власть преемнику, каковым чаще других называли Наджиба Разака. Такой манёвр, считалось, позволил бы сохранить стабильность власти ОМНО и «стал бы достойным ответом» на непрекращающиеся атаки Анвара Ибрагима.

В середине июня прошлого года Бадави заявил о своем решении передать власть Наджибу досрочно, в июне 2010 г.⁷ Но партийная элита не была удовлетворена этим сроком: данное решение означало, что в декабре 2008 г. Бадави будет вновь баллотироваться в президенты ОМНО на Генеральной ассамблее партии. Считали, что выдвижение его кандидатуры как минимум в 30% первичных организациях партии (т.е. в 58^{млн}) может сорваться (особенно в свете непопулярной отмены субсидии на углеводороды), и электоральный процесс пойдет самотеком и вразнобой, что представляло угрозу партийным интересам. Давление на главу партии, на которое он реагировал с растущим раздражением, продолжалось.

Через массовых демонстраций протеста против новых арестов инакомыслящих по ISA, выступления ведущих партийных лидеров настоящего и прошлого заставили Абдуллаха Бадави в середине сентября заявить, что он, возможно, покинет высшую государственную должность до июня 2010 г., а пока что передаёт второй свой пост (министра финансов) Наджибу, приняв у него взамен позицию министра обороны⁸. Одновременно с его подачи Национальный Фронт объявил Анвара Ибрагима «угрозой национальной безопасности». Достоянием прессы стали признания ряда депутатов от НФ в том, что им предлагались деньги за переход в лагерь Пакатан Ракьят⁹. А десятью днями позже Высший совет ОМНО, явно по инициативе премьера, информировал о своем единогласном решении перенести Генассамблею партии на март 2009 г.¹⁰

Но оттяжки и полумеры уже не могли помочь утратившему популярность лидеру. На улицах Куала-Лумпура продолжались демонстрации протеста, а партийные бонзы, желавшие покончить с неопределенностью, наращивали свой натиск. 9 октября 2008 г. газеты возвестили, что президент ОМНО Бадави не станет отстаивать свой пост в марте следующего года и прочит оба высших места — в партии и государстве — Наджибу Абдул Разаку¹¹.

* * *

Итак, ОМНО лавирует, маневрирует, пытается разрешить лавинообразно нарастающие противоречия в партии и НФ, преодолеть политический кризис в Федерации Малайзии посредством смены лидера, а не изменением государственного курса, то есть путем радикальной реформы политсистемы, пересмотра функций ряда общественных институтов. Опыт, однако, учит, что трудно ожидать от одного этого паллиативного шага чего бы то ни было, кроме краткосрочного эффекта, временного приглушения противоречий. Думается, что такая перемена способна лишь создать ситуацию «отсроченного кризиса». Схожая ситуация уже складывалась в Малайзии в 1981 г. в связи с уходом премьера Хусейна Онна, но тогда она не привела к радикальным переменам. Представляется, что основополагающие реформы не планируются и теперь¹².

Между тем, решительная демократизация и «интернационализация» (т.е. избавление от коммуналистских характеристик) политической системы, отмена чрезвычайных законов и «чрезвычайных прав», ликвидация обязательности гегемонии ОМНО в государстве; демократизация режима не исключая ухода с политической сцены правителей-султанов — все эти инновации уже властно встают в порядок дня. Они востребованы значительной частью общества (преимущественно образованной), желающих прогрессивных перемен.

Но, быть может, структурные реформы могут произойти при смене не просто лидера-личности, а лидера — политического блока? С приходом к власти Пакатан Ракъят с харизматическим вождем Анваром Ибрагимом? Подобное представляется маловероятным. Остаётся вопросом, в какой мере готов на столь радикальные перемены и сам Анвар Ибрагим, близкие к нему малайские политики, расточающие обещания и посулы *на пути* к заветной власти. Сохранятся ли *в случае успеха* Анвара узы малайского коммунизма или произойдет раскол? Можно предположить, что по крайней мере половина малайзийского общества еще не созрела до «декоммунализации», для подлинного равноправия коммуналистских общин, для демократизма без изъятий. По-видимому, наиболее вероятен при таком повороте событий опять-таки «отсроченный кризис» (правда, «в зеркальном отражении», с другими персонажами в верхушке истеблишмента), но с тем же фиаско в фина-

ле. Вероятность, что нынешние сторонники А. Ибрагима позволят ему даже при всем его желании реализовать политические преобразования, которые он ныне щедро обещает в оппозиционном запале, носит, на мой взгляд, абстрактный характер.

Таким образом, перефразируя известную формулу, есть все основания утверждать, что низы в ФМ пока что могут жить по-старому, но вот верхи уже практически не могут управлять по-старому. Малайзия, таким образом, пребывает на тревожном перепутье.

Как представляется, в перспективе можно ожидать в ФМ скорее структурную реформу, чем революцию, да и то не затрагивающую некоторых глубинных принципиальных основ современного малайзийского общества. Подлинная социальная революция в сегодняшней Малайзии видится маловероятной. Верхи немалайских общин всё еще предпочитают политическую и социальную стабильность в стране демократизму и попытке демонтажа консоционализма. Низы за изъятием воинствующих групп китайской и индийской молодежи (притом, преимущественно в столичном штате) ещё не созрели для подлинно массовых требований кардинальных общественных перемен. Но главное, отсутствует руководящая монолитная социально-политическая сила, «заряженная концепцией социальной революции».

Конечно, нельзя полностью исключить, что, начавшись со структурных реформ, события, обострившись, перерастут в социальную революцию. Однако вероятность подобного исхода, на наш взгляд, весьма невелика.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Mahathir Mohamad in «Malaysian's Vision 2020». Petaling Jaya, 1993.

² The Straits Times, 02.10.2008.

³ The Straits Times, 29.09.2008.

⁴ The Straits Times, 18.09.2008.

⁵ The Straits Times, 14.06.2008.

⁶ The Straits Times, 04.09.2008.

⁷ The Straits Times, 14.06.2008.

⁸ The Straits Times, 18.09.2008.

⁹ The Straits Times, 18.09.2008.

¹⁰ The Straits Times, 27.09.2008.

¹¹ The Straits Times, 09.10.2008.

¹² Хорошим подтверждением этого может послужить изданная Министерством информации ФМ брошюра, содержащая интервью министра внутренних дел Сайэда Хамида Албара 21 сентября 2008 г. под красноречивым заголовком «ISA: безопасность государства превыше интересов индивида» («ISA: Keselamatan Negara Mengatasi Kepentingan Individu»). Diterbitkan oleh Jabatan Penerangan Malaysia, Kementerian Penerangan, K.L., September 2008.

Наши авторы

Бектимирова Надежда Николаевна — доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии Института стран Азии и Африки МГУ, профессор.

Гожева Наталья Анатольевна — кандидат искусствоведения, заведующая сектором искусства Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании научно-исследовательского отдела Государственного музея Востока.

Деопик Дега Витальевич — доктор исторических наук, профессор Института стран Азии и Африки МГУ.

Дольникова Валентина Адамовна — доктор исторических наук, профессор Института стран Азии и Африки МГУ.

Другов Алексей Юрьевич — доктор политологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Куланда Сергей Всеволодович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Курохтина Елена Витальевна — аспирант Института стран Азии и Африки МГУ.

Кутюва Елена Алексеевна — кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ.

Липилина Ирина Николаевна — кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ.

Мазырин Владимир Моисеевич — кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ.

Малетин Николай Павлович — доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений МИД России.

Мосяков Дмитрий Валентинович — доктор исторических наук, заведующий отделом стран Юго-Восточной Азии Института востоковедения РАН.

Мурашева Галина Федоровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Новакова Оксана Владимировна — кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ.

Ремарчук Владислав Васильевич — кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ.

Рогожина Наталья Григорьевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, доцент.

Соколов Анатолий Алексеевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Сюннерберг Максим Алексеевич — сотрудник Института стран Азии и Африки МГУ.

Ульянов Марк Юрьевич — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой китайской филологии Института стран Азии и Африки МГУ, доцент.

Федорин Андрей Львович — кандидат исторических наук, директор Института практического востоковедения.

Филимонова Татьяна Николаевна — кандидат филологических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ.

Фомичева Елена Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Цветов Петр Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ.

Цыганов Владилен Александрович — доктор исторических наук, профессор Института стран Азии и Африки МГУ.

Southeast Asia: historical memory, ethnocultural identity and political reality

This edited collection covers a wide range of issues relating to historical and cultural-political development of Southeast Asia. It considers the processes of state-building in proto-Southeast Asia, analyses previously untapped Chinese sources on ancient Southeast Asia and clarifies certain facts from Vietnamese history of the 11th-12th centuries. The book also incorporates a large section of papers which investigate different facets of the contemporary political situation in Malaysia, Thailand, Indonesia, Vietnam and Cambodia and examine the impact of traditional factors on the course of socio-political and cultural development of those countries.

Научное издание

**Юго-Восточная Азия:
историческая память,
этнокультурная идентичность
и политическая реальность**

Подписано в печать 19.10.2009.
Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 22,75.
Тираж 250 экз. Заказ № 097

Издательский дом «Ключ-С»
Москва, Малый Каретный переулок, д. 11

Отпечатано в Издательском центре
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, ул. Моховая. 11